

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДѢЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

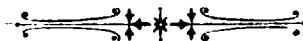
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцією Предсѣдательствующаго въ Отдѣлениіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ III

годъ тринацдцатый

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ МИНИСТЕРСТВА ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ

1903

ОТДѢЛЪ I.

Къ вопросу о племенныхъ отношеніяхъ въ Угорской Руси¹.

Въ настоящей статьѣ представляется нѣсколько замѣчаній и соображеній по поводу выхода въ свѣтъ двухъ новыхъ западнославянскихъ сочиненій, посвященныхъ угрословенской этнографіи и діалектологіи, причемъ обращается особое вниманіе на тѣ ихъ стороны, которыя относятся къ спорному донынѣ вопросу о разграничениіи племенъ угрословенского и угорорусского.

Первое изъ этихъ сочиненій принадлежитъ извѣстному чешскому этнографу и археологу др-у Любому Нидерле и озаглавлено: «Národopisná Mapa uherských Slováků na základě sčítání lidu z roku 1900», (Praha, 1903), второе же—угрословенскому языковѣду д-ру Само Цамбелю, подъ заглавіемъ: «Slováci a ich reč» (Budapešt, 1903).

Задачей г. Нидерле было представить картографическую обработку тѣхъ данныхъ, какія были собраны въ 1900 г., при переписи населенія, венгерскимъ правительствоомъ и изданы въ 1902 г. подъ редакціей др-а Vargha Gyula, подъ заглавіемъ: «A népesség általános Leírása községenkint», (Budapest). Но такъ какъ г. Нидерле пожелалъ нанести на карту не однѣ границы угрословенского населенія, но до нѣкоторой степени и процентное отношеніе его къ инородцамъ въ отдельныхъ городахъ и селеніяхъ данной территории, то автору пришлось включить въ свои картограммы до трехъ тысячъ названій такихъ поселеній. Для этого оказалось необходимымъ, сверхъ общей карты «Словенской области въ Венгрии», представить еще цѣлый десятокъ особыхъ картъ для отдельныхъ столицъ или жупаній. Особымъ способомъ обозначены на этихъ картахъ какъ тѣ области, гдѣ словаки составляютъ болѣе 50% населенія, такъ и тѣ, гдѣ ихъ менѣе половины, или гдѣ словаки говорять смѣшаннымъ словенско-польскимъ или словенско-руссскимъ говоромъ. Наконецъ, отмѣчено особою краскою и нѣсколько такихъ мѣстностей, гдѣ по официальнымъ даннымъ числится словаковъ менѣе 10%, но гдѣ на дѣль, по достовѣрнымъ частнымъ даннымъ, ихъ болѣе 10%. Чтобы доставить изслѣдователямъ возможность проверки нанесенныхъ на карты данныхъ, издатель приложилъ къ своей книгѣ подробный перечень, по столицамъ, всѣхъ обозначеныхъ на картахъ городовъ и селеній, съ ихъ мадьярскими и словенскими наименованиями, а равно съ обозначеніемъ какъ общаго числа жителей для

¹ Читано въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи Имп. Русскаго Географическаго Общества 24 окт. 1903 года.

каждаго селенія, такъ и числа словаковъ—абсолютнаго и процентнаго. Сверхъ того, въ текстѣ имѣются для каждой столицы указанія на географическое распределеніе словаковъ и на ихъ числовое отношеніе къ прочимъ народностямъ терриоріи, съ нѣкоторыми библіографическими справками.

Нечего и говорить, что эти данные очень важны для статистики угрословенскаго населения. Особенно же цѣнно установлѣніе славянскаго облика именъ нѣсколькихъ тысячи угрословенскихъ селеній, означаемыхъ нынѣ въ офиціальныхъ изданіяхъ, на основаніи особаго закона, въ мадьярскомъ исказеніи.

Что касается полученнаго этимъ путемъ этнографическаго вывода, то онъ заключается въ томъ, что нынѣ словакамъ принадлежать, по большинству населенія, не только издревле словенскія столицы: Пресбургская, Нитранская, Тренчанская, Оравская, Тековская, Турчанская, Зволенская, а равно отчасти призывающія къ нимъ Гонтианская, Новоградская и Гемерская, но и большая часть считавшихся раньше русскими столицами: Спишская, Шаришская, Зеиплинская, Абауї-Торнянская и даже значительная часть Ужгородской. Такимъ образомъ, по этимъ картамъ, остается для угорусскаго населения, кроме незначительныхъ островковъ въ этихъ послѣднихъ столицахъ, всего три комитата на подкарпатскихъ побережьяхъ верхней Тисы: Берегъ, Угоча, Мариарощь. Слѣдовательно, западный рубежъ Руси опредѣляется здѣсь долиной Лаборца или даже Унга.

Совершенно въ другомъ видѣ представляется намъ закарпатскій рубежъ русской народности, если мы примемъ въ соображеніе данные, собранныя, хотя и не разработанныя подробнѣе, во второмъ изъ названныхъ сочиненій, а именно въ книгѣ др-а Цамбеля: «Словаки и ихъ рѣчъ». Книга эта заслуживаетъ въ данномъ случаѣ тѣмъ большаго вниманія, что она писана природнымъ словакомъ (изъ липтовской столицы) и, притомъ, хорошимъ филологомъ,—однимъ изъ лучшихъ между нынѣшними словаками, какъ это уже раньше было признано компетентными судьями, на основаніи его же сочиненій: «Slovenský pravopis (Budap. 1890), «Rukovѣt spisovn ej re ci slovensk ej» (T. S. Mart. 1901), «O spisovn ej re ci slovensk ej» (Slov. Pohl. 1901), «A cseh-t t l emzetseg multja, jelen  es j ov je» (T. S. Mart. 1902) и др.

Основныя возврѣнія, развитыя авторомъ въ новѣйшемъ его изданіи, формулированы имъ самимъ (стр. 246) такъ:

1. словаки—обломокъ племени, слившагося (въ долинѣ средняго Дуная) съ народомъ мадьярскимъ и принадлежавшаго, по языку, къ группѣ юго-западныхъ славянъ;

2. во второй половинѣ IV в. этотъ юго-славянскій обломокъ былъ заброшенъ въ область, уже населенную съ сѣвера вѣтвями польскаго племени;

3. въ періодъ татарскаго нашествія (XIII в.) этотъ обломокъ сильно ослабѣлъ, а потому пополнялся, затѣмъ, наслоеніями различнаго этнографическаго происхожденія;

4. гипотеза чешско-словенская можетъ быть защищаема лишь на основѣ очевиднаго письменнаго языка словаковъ, который подчинилъ себѣ всѣ ихъ образованные слои въ теченіе 500 лѣтъ, когда онъ считался у словаковъ образцовымъ, и который при содѣйствіи этихъ слоевъ очищивалъ и очищиваетъ и рѣчъ словенскаго простонародья;

5. словаки представляютъ самостоятельное этнографическое цѣлое, которое прежде не принадлежало къ той вѣтви славянскихъ языковъ, къ которой относится языкъ чешскій;

6. словенчина приняла въ себя съ VI в. много стихій не славянскихъ; она должна бы нынѣ въ литературномъ употреблении приближаться къ просторѣчьямъ.

Очень возможно, что выраженная въ этихъ положеніяхъ тенденція новѣйшей работы г. Цамбеля, заключающаяся, гл. обр., въ попыткѣ доказать, что угорсловенскій языкъ, по своему происхожденію, не имѣть ничего общаго съ чешско-моравскимъ, отъ которого онъ очень далеко отстоитъ-де и по своимъ диалектическимъ особенностямъ,—не выдерживаетъ строгой научной критики, какъ это отчасти было показано уже г. Шкультети въ «Народн. Новинахъ» (лѣтомъ 1903). Но наскѣль занимаетъ въ настоящее время не эта словенско-сепаратистическая тенденція автора, а его соображенія о русскомъ происхожденіи и характерѣ тѣхъ словенско-руссихъ говоровъ, которые разбросаны въ восточныхъ столицахъ верхней Угріи (Гемеръ, Спишъ, Шаришъ, Абауй-Торна, Земплинъ, Унгъ) и многими—въ томъ числѣ г. Надерле на его картѣ—причисляются къ говорамъ восточно-словенскимъ.

Соображенія эти, при общемъ сводѣ относящихся сюда замѣчаній, заключаются въ нижеслѣдующемъ:

Указавъ на тотъ общеславянскій фактъ, что въ періодъ Великоморавскаго государства словаки жили значительно западнѣе нынѣшняго, по сю и по ту стороны Дуная, и что древнѣе Нитранское княжество врѣль-ли простиравалось на востокъ далѣе Погронья, Цамбель высказываетъ мысль, что лежащая къ востоку отъ Матранскихъ горъ область Верхней Угріи была обитаема встарь не словаками, а другимъ народомъ, именно русскими. Въ этомъ отношеніи словенскій ученый присоединяется къ мнѣніямъ словенскихъ же ученыхъ Гостинскаго, Заборскаго, Мишика и мораванина Пастернека, которые установили значительную разницу въ типѣ населенія, нравахъ, особенностяхъ говора, вѣровѣщенныхъ и историческихъ преданіяхъ обитателей притискихъ комитатовъ (по системѣ Тисы и впадающихъ въ нее рѣкъ Шаявы, Гернада, Бодрога, Ондавы и др.), по сравненію съ населеніемъ коренныхъ словенскихъ жупаній, расположенныхъ по теченію впадающихъ въ Дунай (а не Тису) рѣкъ Опола, Нитры, Гроня, Вага и даже Моравы. Въ основѣ такъ называемыхъ восточно-словенскихъ говоровъ, особенно спишскихъ, шаришскихъ, земплинскихъ, безспорно лежитъ-де подпочва русская. Это слѣдуетъ сказать даже о тѣхъ спишакахъ, шаришакахъ, земплинцахъ и т. д., которые держатся нынѣ латинскаго богослуженія, а потому и зовутъ себя словаками. Русское же происхожденіе мѣстныхъ униатовъ даже не составляетъ вопроса: за послѣднее 500-лѣтіе неизвѣстны-де случаи, чтобы какой-либо католическій храмъ обратился въ православный или униатскій. Напротивъ, извѣстно множество случаевъ совращенія чрезъ унію въ латинство мѣстныхъ славянскихъ храмовъ. Этого рода вліяніемъ слѣдуетъ-де объяснять и тотъ безспорный фактъ, что закарпатскіе русяки не-редко скрываютъ въ бесѣдѣ съ панами свой родной говоръ, а ломаютъ кое-какъ по-словенски; по этой же причинѣ многіе изъ русяковъ выдаютъ себя при переписяхъ за словаковъ, почему при разграниченіи этихъ двухъ народ-

ностей надежно-де руководиться церковными схематизмами, чѣмъ государственными переписями (стр. 42—49).

Не лишено значенія, что къ подобнаго рода выводамъ въ послѣднее время стали приходить и лучшіе изъ мадьярскихъ ученыхъ, какъ напр. цитируемый г. Цамбелемъ мадьярскій этнологъ П. Балогъ (въ сочиненіи «A néprajzok Magyarországon». Budapest. 1902). Разсматривая въ этнографическомъ отношеніи Верхнюю Угрію, онъ признаетъ необходимымъ подраздѣленіе ея на три пояса:

А. Словенскій, между рр. Моравою и Грономъ, въ столицахъ: Пожунъ, Нитра, Тековъ, Тулоцъ, Тренчинъ, Орава, Липтовъ и Зволенъ;

Б. Половецкій, между Грономъ и Гернадомъ, въ столицахъ: Остригомъ, Гонть, Новградъ, Гевешъ, Боршодъ, Гемеръ и Абауй-Торна;

В. Словенско-русскій, въ столицахъ: Спишъ, Шаришъ, Земплинъ, Угъ и Берегъ.

Балогъ, подобно Гостинскому и другимъ словенскимъ ученымъ, допускаетъ, что русскіе жили раньше и въ половецкомъ поясѣ, но нынѣ сохранились тутъ всего на одномъ островѣ Боршодской столицы (стр. 49).

Хотя Цамбелъ, такимъ образомъ, не высказывается прямо за русскій характеръ рѣчи славянъ Спишскихъ, Шаришскихъ, Земплинскихъ и т. д., однако изъ сопоставленія приводимыхъ имъ данныхъ видно, что онъ вовсе не считаетъ этихъ славянъ словаками, а развѣ ословачивающею Русью. Такой же выводъ стоять, очевидно, въ полномъ противорѣчіи со взглядомъ на этотъ предметъ г. Нидерле, нашедшимъ картографическое выраженіе въ упомянутомъ его сочиненіи.

Не останавливаясь здѣсь ближе на выясненіи генеалогіи этихъ двухъ возврѣній на русско-словенскій рубежъ нашей племенной области, такъ какъ въ нашей литературѣ уже имѣется по этому предмету библіографические своды, а отчасти и критические отзывы въ трудахъ проф. Грота, Петрова, Францева, Филевича и и. др., я постараюсь выяснить источникъ и значеніе столь существенныхъ разногласій по этому предмету между двумя названными учеными.

Г. Нидерле, будучи въ прочихъ своихъ трудахъ (особенно въ его «Slov. Starožitnosti») этнографомъ-историкомъ, а не этнографомъ-статистикомъ, тѣмъ не менѣе въ данномъ картографическомъ сочиненіи призналъ возможнымъ совершенно отрѣшиться отъ исторического метода и довольствоваться указаніями статистики, притомъ статистики мадьярской, относительно которой онъ самъ говоритъ (ст. 3), что она не совсѣмъ исправна, такъ что словенскіе патріоты жалуются-де на ущербъ, нанесенный при послѣдней переписи словакамъ въ пользу мадьяръ по меньшей мѣрѣ на 200.000 душъ (ib.). Онъ полагаетъ, правда, что эти неисправности не отразятся замѣтно на каргѣ, гдѣ отмѣчаются не детали цыфры, а лишь извѣстныя процентныя категории, напр., отъ 25—50%, отъ 50—75%, отъ 75—90% и т. п. Сверхъ того, издатель обращался-дѣкъ кѣ некоторымъ словенскимъ специалистамъ съ просьбою о просмотрѣ спорныхъ частей карты, указаніями которыхъ и воспользовался, затѣмъ, въ нужныхъ случаяхъ.

Допуская кѣ некоторое значеніе такихъ оговорокъ и поправокъ, я полагаю однако, что онѣ никакъ не могли существенно измѣнить основныхъ неточностей официальной угорской переписи. Если, положимъ, счетчики измѣнили въ пользу или вредъ словакамъ цыфры только на 1—2%, то и тогда его карта словенскаго большинства (свыше 50%) могла существенно измѣниться. А что это

случалось съ угорскими счетчиками и, притомъ вовсе нерѣдко, было указано по изданиіи матеріаловъ переписи 1900 г. въ словенскихъ журналахъ и газетахъ по отношенію къ цѣлымъ десяткамъ словенскихъ городовъ и селеній. Да и самъ г. Нидерле допускаетъ обсчетъ при переписи 1900 г. словаковъ на 200.000, т. е. на 10% (изъ 2 мил.).

И мнѣ лвчно бросается въ глаза явная неточность нѣкоторыхъ изъ данныхъ переписи по отношенію къ непосредственно мнѣ знакомымъ мѣстностямъ, а именно: селеніямъ Чертежному, Дричнѣ, Владычей и Сухой на границахъ Земплинскаго и Шаришскаго комитатовъ. Всѣ эти селенія имѣютъ совершенно однородное русское и уніатское населеніе. Между тѣмъ, по переписи значатся: чертежнане русскими, а дричнане, владычане, сушане—словаками (стр. 73, 81—82, 103, 126, 127; ср. карты). Такую же неточность составляетъ въ моихъ глазахъ указаніе г. Нидерле (стр. 74), будто въ с. Чертежномъ «довольно нѣмцевъ»: ни одного нѣмца тамъ нѣть, если подъ нѣмцами не разумѣть переселившихся изъ Галиции евреевъ.

Странно и увѣреніе мадьярскихъ статистиковъ, переданное г. Нидерле (стр. 69), будто въ Боршодской столицѣ живутъ, сверхъ мадьяръ, «чехи, поляки и словинцы». Подъ ними и здѣсь, безспорно, разумѣются католические или уніатские угроруссы, какъ это видно изъ примѣчанія на той же страницѣ, тѣмъ сказано, что жители нѣкоторыхъ боршодскихъ селеній по происхожденію русские и держатся, отчасти, уніатскаго исповѣданія.

То же относится къ чехамъ и полякамъ Абауѣ - Торнянскай столицы (стр. 70), гдѣ русскіе опять опущены, и къ полякамъ Земплинской столицы (стр. 74)—здѣсь ихъ вовсе нѣть, и т. д.

Надо, впрочемъ, замѣтить, что относительно разграничения русскихъ и словаковъ въ Земплинской и смежныхъ столицахъ самъ г. Нидерле призналъ, что «для этнографа, принимающаго въ соображеніе не языкъ только, но и вѣроисповѣданіе, политическое (?) настроеніе, нравы, покрой платья и т. п. донынѣ весьма тяжело, даже невозможно провести границу между русскими и словаками. Тутъ есть-до много областей съ говорами переходнаго характера, образованія вторичнаго, а сверхъ того отражается вліяніе польскаго языка (напр., въ удареніи); есть общины, гдѣ жители говорятъ, положимъ, по-словенски, но вѣры упіатской, или такія, гдѣ одежда и весь бытъ болѣе русскій, но сознаніе въ противорѣчіи съ языкомъ и т. п. (стр. 74). Если это такъ, то къ чему же закрѣплять на картѣ подобныя фиктивныя границы между иными русскими и иными словаками?

Мало заслуживають довѣрія очевидно поспѣшные и приводимые въ Нидерле (стр. 128 и слѣд.) выводы этностатистика Балога («A pѣrfajok Magyagogszagon». Bdr. 1902), который изъ сравненія переписей за 50 л. нашелъ, между прочимъ, что за это время въ Угріи изъ общаго числа сербскихъ селеній: онадѣярилось 22, орумынилось 11, онѣмечилось 30 и охорватилось—21, тогда какъ изъ русскихъ селеній: 40-де онадѣярилось, 176 ословачилось и 1 онѣмечилось.

Нельзя, конечно, отрицать успѣховъ мадьяризациіи во всей Угріи. Но все же она совершается не съ такою головокружительной быстротою, какая выходитъ изъ цифръ г. Балога, по которымъ, напр., въ Турчанскомъ комитатѣ изъ 2,7% мадьярскаго населенія въ 1890 г. стало къ 1900 г.,

т. е. въ 10-лѣтіе, 4,2%, или въ Зволенѣ изъ 4% — 7,2%, въ Спишѣ изъ 3,1% — 6,2%, въ Шаришѣ изъ 3,4% — 6,1%, и т. д. (стр. 121). Что же касается отмѣченаго Балогомъ перехода 21 сербскихъ общинъ въ хорватскія, а 176 русскихъ — въ словенскія, то это объясняется не какими-нибудь народными передвиженіями или переворотами, каковыхъ здѣсь вовсе не бывало въ это десятилѣтіе, а единственno неудачностью пріемовъ официальной переписи.

Въ самомъ дѣлѣ, рубрика переписей о «материнскомъ языке» не даетъ еще сама по себѣ надежнаго материала для этнографическихъ выводовъ. Такъ, не можетъ же этнографъ угорскихъ евреевъ, которыхъ перепись сплошь причислять то къ мадьярамъ, то къ нѣмцамъ, признать таковыми единственno потому, что они давно утратили свой племенной (семитскій) языкъ и замѣнили его — даже въ семейномъ употреблении — нѣмецкимъ жаргономъ, а кое-гдѣ и языкомъ мадьярскимъ. Въ этомъ случаѣ этнографъ поступить, конечно, гораздо правильнѣе, если отѣлить евреевъ и отъ нѣмцевъ и отъ мадьяръ, руководствуясь при этомъ вѣроисповѣдной статистикою.

Равнымъ образомъ и по отношенію къ этнологическимъ особямъ — сербы, хорваты, которые, какъ мы уже видѣли, строго разграничены въ угорской официальной статистикѣ — слѣдуетъ руководствоваться не показаніями статистики обѣихъ «материнскихъ языковъ», который, въ сущности, и не отличается у обитающихъ въ Угріи сербовъ и хорватовъ (такъ называемые шокцы и буневцы говорятъ по-штокавски), а скорѣе данными вѣроисповѣдного же характера. Вѣдь извѣстно, что въ общежитіи сербами обыкновенно называются православные, а хорватами католики, на общемъ полѣ языка сербо-хорватскаго.

То же приблизительно слѣдуетъ сказать о значеніи въ сѣверо-восточной Угріи въ народномъ употреблении терминовъ: русскій, словакъ (вѣриѣ — словакъ). Обыкновенно подъ первымъ наименованіемъ издревле разумѣлся, да и нынѣ разумѣется членъ греко-славянской (нынѣ уніатской) церкви, а подъ вторымъ — католикъ или лютеранинъ. Въ такомъ приблизительно смыслѣ различаются и у насъ въ сѣверо-западной Руси православные бѣлоруссы отъ бѣлоруссовъ-католиковъ условными въ просторѣчіи терминами: «русскій», «польскій», тогда какъ всѣ протестанты (не исключая латышей и финновъ) обыкновенно зовутся у насъ «нѣмцами». Правда, въ послѣдніхъ угорскихъ переписяхъ стали принципіально причислять къ словакамъ не только окатоличенныхъ русняковъ въ сѣверо-западныхъ столицахъ, но и уніатовъ, говорящихъ по-сатацки или по-цотацки, — вообще, на говорахъ, смѣшанныхъ изъ элементовъ русскаго, словенскаго и польскаго языковъ. Но при этомъ, очевидно, совершается актъ насилия по отношенію къ «племенному сознанію» такихъ сатаковъ или цотаковъ, которые всегда и безъ изъятія считаютъ себя русскими, если принадлежать къ греко-славянской мли, какъ тамъ издревле выражаются, русской церкви. Наконецъ, это насилие усугубляется еще тѣмъ, что во многихъ случаяхъ (напр., въ вышепоменованныхъ селеніяхъ Дрична и Владыча) къ словакамъ причислены въ переписи, а затѣмъ и на картахъ г. Нидерле, и такія селенія, гдѣ въ рѣчи вовсе нѣтъ ничего ни сатацкаго, ни цотацкаго, а слышится обыкновенная лемковщина, хорошо извѣстная и въ западной Галиціи, гдѣ нѣтъ никакихъ словаковъ.

Вообще, должно замѣтить, что въ мѣстностяхъ съ переходными говорами, напр., на нашемъ Подляшскомъ рубежѣ Руси съ поляками, либо въ Сандецкомъ

округѣ Галичинѣ, гдѣ такъ часто и незамѣтно переливается рѣчъ лемковско-русская въ горальско-польскую, а равнымъ образомъ въ Спишскомъ, Шаришскомъ, Земплинскомъ и смежныхъ округахъ Угріи, гдѣ угрорусская рѣчъ столь же незамѣтно переливается въ рѣчъ угрословенскую, по разнымъ ея говорамъ,— рѣшеніе вопроса: говорить ли данный субъектъ на одномъ изъ переходныхъ говоровъ языка русского или словенского, вовсе не такъ легко и очевидно, чтобы могло быть предоставлено усмотрѣнію каждого опрашиваемаго для переписи поселянина или каждого захолустнаго нотаря-счетчика. Вѣдь во многихъ слу-чаяхъ и сами ученые специалисты языковѣдѣнія спорятъ о принадлежности того или другого угрорусского говора къ системѣ русской или словенской, причемъ одни ссылаются на отсутствіе, положимъ, въ такомъ говорѣ русского полногла-сія, а другіе — на отсутствіе въ немъ словенской долготы гласныхъ, сонантовъ р, л, и т. п. Если ужъ въ наукѣ подобные вопросы считаются спорными и рѣшаются различно², то какое же значеніе можетъ имѣть для языковѣда и этнолога то или другое рѣшеніе подобнаго вопроса любымъ счетчикомъ? Потому-то и въ западныхъ странахъ вопросы діалектологического харак-тера, положимъ разграниченіе верхненѣмецкихъ и нижненѣмецкихъ говоровъ въ Гер-маніи, бѣльскихъ и оксскихъ во Франціи, каталонскихъ и испанскихъ на Пире-нейскомъ полуостровѣ и т. д. рѣшаются экспедиціями ученыхъ обществъ, а не счетчиками переписей.

Въ данномъ случаѣ задача усложняется еще тѣмъ, что Угрія — издревле (со временемъ св. Стефана) страна полиглотная, такъ что тамъ и между кресть-янами не въ рѣдкость найти лицъ, говорящихъ на двухъ, трехъ и даже че-тырехъ языкахъ, напр., въ Банатѣ: по-сербски, по-румынски, по-нѣмецки и по-мадьярски. Тѣмъ чаще встрѣчаются тамъ селенія, употребляющія два славян-скихъ языка, напр., русскій и польскій на Спишѣ, русскій и словенскій въ Шаришѣ и Земплинѣ, и т. д.. причемъ одинъ служитъ для сношеній съ панами или сюртучниками, а другой съ лапотниками. Легко ли въ такихъ случаяхъ допытаться до языка «материнскаго»!

Итакъ, едва ли не придется заключить, что картографическая работа г. Нидерле, представляющая попытку рѣшить этнографический вопросъ (о раз-граниченіи словаковъ отъ угроруссовъ) на основаніи произвольныхъ данныхъ мадьярской переписи, притомъ относящихся не къ происхожденію или націо-нальному сознанію объектовъ переписи, а единственno къ ихъ взгляду на діалектологікія особенности своего «материнскаго языка», — вовсе не при-ближаетъ насъ къ объективно-научному рѣшенію вопроса о закарпатскомъ рубежѣ русской народности.

Не рѣшаютъ, правда, этого вопроса и вышеуказанныя соображенія г. Цам-беля, тѣмъ болѣе, что его выводамъ не достаетъ и болѣе опредѣленной фор-мулировки. Но все же намъ весьма важно знать, что между учеными словаками есть люди, оспаривающіе вѣрность тѣхъ положеній о торискомъ, ондавскомъ или даже унгскомъ рубежѣ русской народности, которыя утвердились между

² Замѣтны въ этомъ отношеніи колебанія и въ статьяхъ г. О. Броха объ угрорусскихъ говорахъ.

западными, особенно чешско-словенскими учеными, съ легкой руки П. И. Шафарика. Опираясь въ данномъ случаѣ на отзывахъ мѣстныхъ ученыхъ словаковъ, въ родѣ Гостинскаго, Зaborскаго, Цамбеля, легче будетъ и намъ—русскимъ постепенно отрѣшиться отъ усвоенныхъ со временемъ Шафарика маѣній о безусловно словенскомъ характерѣ такъ называемыхъ восточныхъ словенскихъ говоровъ, въ томъ числѣ сатацкихъ, цатацкихъ и вообще словенско-русскихъ на Спишѣ, въ Шарипѣ и въ Земплинѣ.

Но еще важнѣе то, что г. Цамбель въ своемъ, хотя и чисто языко-вѣдномъ труѣ памѣтилъ для мѣстныхъ ученыхъ методъ, по которому единственно можетъ быть рѣшено данный вопросъ. Этотъ методъ можетъ быть названъ историко-синтетическимъ и заключается въ томъ, что при рѣшеніи вопросовъ этнологической области всегда необходимо сравнивать настоящее съ прошедшими, изучать явленія не въ попечномъ лишь, но и въ продольномъ, такъ сказать, разрѣзѣ; что, съ другой стороны, вопросъ о народности того или другого населенія не можетъ быть рѣшаемъ на основаніи однихъ языковѣдныхъ данныхъ, а, нацротивъ, путемъ непрерывнаго сопоставленія таковыхъ съ данными антропологическими съ одной стороны, и культурно-историческими—съ другой. Въ самомъ дѣлѣ, понятіе народности по отношенію къ тому или другому историческому народу не исчерпывается его языкомъ, а касается всѣхъ прочихъ врожденныхъ или пріобрѣтенныхъ свойствъ и стремленій какъ физической, такъ и психической его природы. Сюда относится, слѣдовательно, и расовый субстратъ народа, и племенные его черты, и отраженіе ихъ въ полусознательной массовой дѣятельности, въ сферѣ рѣчи, пѣсни, преданій, обряда, обычая, наконецъ, наслоенія культурныхъ въ областяхъ церковной, государственной, общественно-экономической и научно-художественной...

Понятно, что и по отношенію къ нашей Закарпатской Руси вопросъ о бытѣ и распространеніи ея далеко не исчерпывается данными и соображеніями языко-вѣдными. Для его рѣшенія намъ необходимо еще выяснить: каковъ физической и психической типъ этого населенія? Какова была площадь его разселенія во времена древнія, среднія и новыя? Какія могутъ быть констатированы въ немъ инородные примѣты или напластованія? Въ какихъ чертахъ—бытовыхъ, соціальныхъ, этическихъ—выразилась эта вѣтвь русского племенного древа? Какъ она—оформилась культурными воздействиіями въ областяхъ церковной, политической, экономической, образовательной? Лишь по выясненіи всѣхъ этихъ сторонъ угро-русского типа въ его историческомъ развитіи и по сравненіи этого типа съ аналогичными сторонами и особенностями словенского племенного типа, возможно будетъ всесторонне и научно рѣшить вопросъ о крайнемъ западномъ рубежѣ русской народности. Теперь же окончательное рѣшеніе въ этой области было бы преждевременно, при крайне слабой разработкѣ исторической этнографіи всѣхъ угорскихъ народовъ, особенно же самаго заброшеннаго между ними и въ наукѣ и въ жизни—угорусского.

Но все-таки и теперь уже позволительно утверждать, что этотъ рубежъ проходитъ не по Унгу, не по Ондавѣ или Торисѣ, а по линіи отъ Вост. Татры къ Кралевої Голѣ, затѣмъ, по водораздѣлу Гернада и Шаявы вплоть до горъ Токайскихъ или Гедяльи и далѣе по рр. Тисѣ и Самошу до Семиградскихъ горъ. Это доказывается не только современностью, но и исторіемъ.

Если бы, действительно, спишане, шаришане, земплинцы были словаки, то они имели бы такую коренную черту всѣхъ словенскихъ (со включеніемъ моравскихъ и чешскихъ) говоровъ, какъ долгота гласныхъ, каковая звуковая категорія давно уже исчезла въ русскихъ говорахъ, въ томъ числѣ лемковскомъ по сю и по ту стороны Карпатъ. Равнымъ образомъ словенская акцентуація вездѣ построена на томъ же принципѣ, что чешская (и мадьярская), именно: падаетъ на начальный слогъ, а не на penultima, какъ въ лемковскихъ говорахъ Галичины, Спиша, Шариша, отчасти и Земплина. Съ точки зреінія словенизма спишанъ, шаришанъ, земплинцевъ нельзя объяснить случаевъ полногласія, хотя не рѣдко скрываемыхъ въ формахъ: драга, врана, при бесѣдѣ съ людьми образованными или вообще сюргучниками. Лишь при русскомъ, точнѣе малорусскомъ, характерѣ говоровъ Спиша и Шариша можно понять обиліе въ нихъ перегласовокъ б, въ у, ю - ы, и, которая отражаются, повидимому, и въ наименованія этихъ столицъ (Scepusium—Спишъ; Saros, Sarus—Шаришъ). Да и сotaцкое дзяканье, цяканье вовсе не соответствуетъ фонетикѣ словенской, а скорѣе польской, вліяніе которой, действительно, могло проникать по открытому пути отъ Понрада и Подгалля въ долину Гернада, Торисы и Ондавы, особенно въ пору продолжительной принадлежности Спиша къ Польшѣ. Кое-какіе слѣды русской народности сохранились, конечно, и въ Гемерѣ, но вообще этотъ комитатъ, равно какъ и Новоградскій, слѣдуетъ считать прочно ассимилированными со стороны словаковъ, при содѣйствіи отчасти и чешской колонизаціи въ гуситскій вѣкъ.

Языковѣдныя данные вполнѣ подтверждаются здѣсь въ статистикою русскихъ церквей на этой спорной территории. Онѣ разбросаны по всему ея протяженію, вплоть до Гемера, гдѣ донынѣ уцѣляли три русскія селенія (Шумяцъ, Телгарть и Вернарь), которая у г. Нидерле показаны словенскими (стр. 65). Ладиславъ Бартоломей въ «Memorabilia provinciae Csetnek» (Neusohl, 1799) сообщаетъ, что въ его время еще слышалась русская рѣчь и въ с. Кобеляровѣ, гдѣ тогда родился П. И. Шафарикъ...

А. И. Добрянскій, урожденный шаришанинъ, отлично знакомый съ прошлымъ и настоящимъ своей родины, оставилъ о своей народности цѣлый рядъ статей и сочиненій, гдѣ оять настаиваетъ на исконной принадлежности къ русской народности Спиша, Шариша и Земплина, вплоть до водораздѣловъ Тисы и Грома. Для болѣе же древняго времени оять доводить границы Закарпатской Руси до Матранскихъ горъ я даже до Дуная, между Остригомомъ и Вацомъ³.

Но А. И. Добрянскаго могутъ заподозрить въ національномъ пристрасти къ своему угрорусскому роду и племени. Тоже можно бы сказать объ аналогическихъ возврѣніяхъ угрорусского историка Дулишковича и о новѣйшихъ работахъ галицкаго этнографа Гнатюка.

Но есть и очень солидное нѣмецкое сочиненіе, въ которомъ приблизительно въ такомъ же видѣ очерчены старыя и новыя границы Угорской Руси. Это книга инсбрукскаго профессора Германа Игн. Бидермана: «Die Ungarischen Ruthenen» (Innsbruck, 1862—1867). Онъ также проводить (I, 14—15)

западную границу Угорской Руси по линии от Спицкой Магуры (между Понрадомъ и Дунайцемъ близь Татры) къ Левочѣ, а оттуда къ дорогѣ изъ Левочи въ Рожново (Rosenau) по направлению къ Вондришлю (Wagendrüssel), на верхнемъ Гернадѣ, и внизъ по этой рѣкѣ къ долинѣ Гельницкой (Göllnitz), далѣе на югъ къ погорью у Арань-Илки (Arany-Idka) въ Абауй-Торнянской столицѣ, отсюда на юго-востокъ къ Сенѣ (Szinna), Генцу (Göncz), Толчавѣ (Tolcsava) подъ Гедяльей; далѣе на сѣверъ вдоль Бодрога, гдѣ села Баначка (Kis Bànúacska), Тороня (Togonya), Цейковъ (Czéke), къ сланію рѣкъ Лаборца и Латорицы, гдѣ она направляется, затѣмъ, къ Унгвару, Мукачеву, Сиготу и Верхнему Вышеву (Felsö—Vissö). Короче говоря, Бидерманъ, какъ онъ самъ выражается, ограничиваетъ Угорскую Русь на сѣверѣ и востокѣ пограничными между Галичиною и Угрей хребтомъ лѣсистаго Карпата, т. е. Бескидомъ, на западѣ тѣми его отрогами, которые разграничиваютъ теченіе Гернада отъ системы Гроня и Шаявы до Гедяльи, а съ юга теченіемъ Тисы до ея поворота къ югу (I, 15). При такомъ же ограничении въ Угорскую область входятъ почти цѣликомъ и Спишъ, и Шаришъ, и Земплинъ, не говоря уже объ Унгѣ, Берегѣ, Угочѣ и Мармарошѣ.

Что касается той ословаченой или полуословаченой Руси, о которой выше была рѣчъ, то Бидерманъ такъ выражается обѣй ней: «Мнѣ думается, что такъ называемые словаки Земплина и Шариша, за исключеніемъ доказанно переселившихся сюда изъ Словачины, имѣютъ съ настоящими словаками лишь то общее, что и на нихъ лежитъ отблескъ чехизма, обусловленный продолжительнымъ сопребываніемъ ихъ предковъ съ чешскими гуситами XV в., подобно тому, какъ тоже замѣчается и у Гемерскихъ славянъ. До этой инфильтраціи чешскими стихіями и связаннымъ съ нею отпаденіемъ отъ восточного христианства жившіе на Топль и Ондавѣ славяне—на сколько они сами не были русскими—все же стояли ближе къ посѣдѣнію, какъ своимъ сосѣдямъ и ближайшимъ родичамъ. Поэтому-то я я называю ихъ ословаченными русниками, а не оружиженными словаками. Не осталась безъ вліянія на образованіе этой группы и польская иммиграція» (II, 81—82).

Это замѣчаніе Бидермана заслуживаетъ тѣль бѣльшаго вниманія, что оно явилось результатомъ очень детального изученія угорской исторіи, въ изложеніи разныхъ моментовъ которой имѣется у него подробная мотивировка приведенного заключенія. Едва ли мы имѣемъ право игнорировать нынѣ всѣ эти данные и выводы единственно потому, что они не совпадаютъ съ мнѣніями нѣкоторыхъ мѣстныхъ лѣтателей, особенно католического духовенства и мадьярскихъ чиновниковъ, которые предпочитаютъ видѣть въ Спишѣ, Шаришѣ и Земплинѣ скорѣе часть угорско-словенской области, чѣмъ крайнія западныя вѣтви русской народности. Правда, они ссылаются при этомъ «заклешываніи» въ Карпатскія горы одной-другой сотни тысячъ испоконъ русскихъ людей на авторитетъ Шафарика, голосъ которого увлекъ въ данномъ случаѣ И. И. Срезневскаго и многихъ другихъ славистовъ. Но не забудемъ, что Шафарикъ былъ тоже словакъ и тоже человѣкъ, слѣд.. при решеніи этого вопроса могъ увлекаться и своимъ мѣстнымъ (кобеляровскимъ, въ Гемерѣ) патріотизмомъ, какъ увлекаются имъ отчасти и нѣкоторые современные чехо-словенскіе славяновѣды, не исключая и д-ра Нидерле.

Несправедливо видѣть въ процессѣ ословаченія угроруссовъ какъ бы подъемъ послѣднихъ съ низшей культурной ступени на высшую, такъ какъ имъются фактическія указанія и на отрицательные результаты ословачивания угроруссовъ. Проф. Бидерманъ въ своей этнографической характеристикѣ сначала угрорусскихъ верховинцевъ, затѣмъ долинянъ и, наконецъ, «ословаченныхъ руснаковъ», между прочимъ, говорить о послѣднихъ: «Въ физическомъ и моральномъ отношеніяхъ они стоять между угроруссами всего ниже. Костякъ у нихъ слабо развитъ, мускулатура вялая, цвѣтъ лица большою частью поблеклый, ноги искривленныя. Ростъ низкій. Туловище какое-то вздутое, словно въ водянкѣ, истощенное, слабосильное... Только въ южныхъ частяхъ этой ословаченной Руси встрѣчается типъ болѣе живой, энергичный и производительный въ духовномъ отношеніи» (I, 91 слѣд.). Конечно, причиною указанного здѣсь вырожденія типа надо считать не столько словенскую примѣсь въ русской крови, сколько тяжелая соціально-экономическая условія жизни этой части угрорусскаго племени. Однако, тѣ же условія не произвели столь вреднаго вліянія на угроруссовъ коренныхъ, сохранившихъ славянскую церковь. Очевидно, и въ ней заключаются какія-то условія, болѣе благопріятныя для поддержания племенного русскаго типа, чѣмъ въ вѣдрахъ словенско-латинской церкви.

Для решенія неясныхъ и неизслѣдованныхъ важныхъ историко-этнологическихъ вопросовъ о сѣверо-западной части первоначальной области Угорской Руси, о времени ея появленія за Карпатами, какъ и о времени принятія ею христіанства, о славянскихъ рукописяхъ (моравскаго или задунайскаго происхожденія, къ ней проникавшихъ), объ архитектурномъ типѣ старѣйшихъ въ ней церквей и проч., о постройкахъ и жилищахъ угроруссовъ, съ ихъ домашнею обстановкою, о народныхъ костюмахъ, вышивкахъ и узорахъ, наконецъ о вліяніяхъ на угроруссовъ, сверхъ словаковъ, еще чеховъ и нѣцевъ, румынъ, половцевъ (куманъ) и мадьяръ—нужно избрать болѣе сложный и болѣе научный путь, чѣмъ былъ предложенъ Шафарикомъ и Нидерле. Этотъ путь былъ недавно отчасти намѣченъ венгерскими учеными г. Цамбелемъ и еще раньше Н. И. Надеждинъ и много лѣтъ спустя послѣ него А. Л. Петровымъ, въ Имп. Русскомъ Географическомъ Обществѣ.

Думается, что выполненіе этой программы могло бы взять на себя Имп. Русское Географическое Общество, столько уже слѣдившее для изученія разныхъ частей русской земли и сопредѣльныхъ съ Россіею странъ внутренней Азіи. Мадьяры не жалѣютъ средствъ для изученія тѣхъ странъ, откуда могъ нѣкогда выйти Арпадъ съ ордою ихъ предковъ, такъ что въ послѣднее время гр. Зичи снарядилъ для этой цѣли нѣсколько экспедицій въ Подкавказье, Подуралье и далѣе въ страны Подалтайскія, причемъ Россія, государство и общество, оказывала мадьярскимъ ученымъ всевозможную, какая требовалась, помощь. Такъ и въ случаѣ предпринятія русскими учеными небольшой экспедиціи въ Угрорусскую область можно смѣло надѣяться на любезную отзывчивость и помошь со стороны Венгерского государства и общества.

А. Будиловичъ.

Еще два слова об изучении Угорской Руси.

Въ виду возникшаго въ Этнографическомъ Отдѣлѣніи Имп. Р. Географическаго Общества проекта относительно снаряженія особой экспедиціи для изученія Угорской Руси, считаемъ ве безполезнымъ напомнить соображенія, высказанныя нами въ докладѣ, читанномъ въ Этнографическомъ Отдѣлѣніи 19 ноября 1891 г. и напечатанномъ, затѣмъ, въ Журналѣ М. Н. П. 1892 г. № 2.

Угорская Русь до сихъ поръ весьма мало изслѣдована какъ въ историческомъ, такъ и въ этнографическомъ отношеніяхъ... Между тѣмъ, угорская часть русского племени заслуживала бы большаго вниманія.

Загадочная исторія его поселенія за Карпатами тѣсно связана съ вопросомъ о родинѣ и постепенномъ географическомъ распространеніи всего русского племени. Изученіе его просвѣщенія христіанской вѣрою и сохраненія у него православія дало бы много важнаго для изслѣдованія судьбы православной церкви въ Австро-Угріи. Бромъ того, замкнутая въ своихъ горахъ народная масса сохранила и досѣль сохраняетъ такие остатки древности въ языкахъ, вѣрованіяхъ, бытѣ и т. п., которые уже исчезли у другихъ вѣтвей русского племени... Такимъ образомъ, было бы очень важно позаботиться о болѣе основательномъ изученіи Угорской Руси и, по возможности, не откладывать дѣла въ долгій ящикѣ: съ ходомъ цивилизациіи быстро стираются народныя особенности.

Во первыхъ, могли бы лица, опытныя въ изученіи говоровъ и собиралия прізведеній народнаго творчества, предпринимать съ этой цѣлью путешествія по Угорщинѣ.

Во вторыхъ, полезно было бы воспользоваться мѣстными угро-руссими силами, давъ имъ надлежащее руководство въ формѣ ясной и доступной программы для собиралия особенностей говоровъ, топографической номенклатуры, пѣсевъ, повѣрій, обычаевъ и т. п.

Наконецъ, слѣдовало бы обратить вниманіе и на документы, хранящіеся въ архивахъ Угорского королевства и освѣщающіе прошую жизнь угро-руссовъ. Эти документы важны не только въ историческомъ отношеніи. Такъ, напримѣръ, въ земскомъ архивѣ въ Будапештѣ хранятся, начиная съ 1553 г., *Conscriptiones portarum*, которыхъ представляютъ богатый матеріялъ для топографіи Угорской Руси и вообще Угорского королевства. Но «*Conscriptiones*» любошитны и въ другомъ отношеніи—именно для опредѣленія границъ распространенія, если ве русской народности, то, по крайней мѣрѣ, «руской вѣры», православія: при перечисленіи сель нездѣ въ православныхъ селахъ упоминаются православные священники, «батьки»—*batykonos*, *bautikonos*.

Затѣмъ, въ ужгородскомъ стольчномъ архивѣ мы просматривали опросы крестьянъ, произведеніе при введеніи въ 1772 урбариальныхъ положеній—*Conscriptiones urbariales possessionum* (*Urbéri iratok*). Многіе опросы и отвѣты крестьянъ записаны по-русски и по-словацки, латинскими буквами. Такихъ актовъ въ одномъ ужгородскомъ архивѣ 204, и подобнаго рода документы существуютъ и въ архивахъ другихъ станиц.

Очевидно, они дают богатый материал как для языка, так и для характеристики положения крестьян, повинности которых, как видно изъ отвѣтовъ, были определены не закономъ, а стародавнимъ обычаемъ.

Въ 1893 г.¹, сообщая отрывки собранныхъ нами памятниковъ, написанныхъ на Угорской Руси и отражающихъ черты угорорусскихъ говоровъ, мы добавили: «Подобного рода памятниковъ довольно много сохранилось на Угорской Руси какъ при церквяхъ, монастыряхъ, въ общественныхъ библиотекахъ, такъ и у частныхъ лицъ; но они, къ сожалѣнію, по большей части неизвѣстны въ не опубликованы, хотя даютъ довольно цѣнныи материалъ для исторіи, особенно—церкви, топографіи, правовыхъ и бытовыхъ отношеній, иногда любопытны и по языку... Необходимо также обратить вниманіе на встрѣчающіяся во множествѣ приписки на рукописныхъ и печатныхъ, большей частью церковныхъ, книгахъ. По преимуществу—это въ стереотипной формѣ заявленіе переписчика или жертвователя въ такую-то церковь. Но и такого рода приписки не лишены значенія для исторіи мѣстныхъ церквей—ради указаній на отношеніе жертвователей къ своей вѣрѣ, ради данныхъ о цѣнѣ книгъ. Наконецъ, несмотря на стараніе писать по-церковнославянски, иногда проскальзываютъ діалектическія особенности въ формахъ и словахъ».

Излишне, конечно, перечислять и выяснять значеніе тѣхъ отдѣльныхъ памятниковъ, которые затронуты нами въ вышеупомянутыхъ статьяхъ. Въ настоящей запискѣ мы ограничимся лишь указаніемъ на то, какого рода памятники должны быть для экспедиціи предметомъ разысканія и изг҃дованія, и где можно надѣяться ихъ найти.

I. Рукописи церковнаго характера на церковно-славянскомъ языке, большую частью XVI—XVII вв. средне-болгарского извода, проиншаго на Угорщину черезъ Молдавію. Кроме библиотекъ: епархиальныхъ въ Унгварѣ и Прашевѣ, унгарской семинаріи, мukачевскаго и, вѣроятно, другихъ монастырей, такія рукописи находятся въ разныхъ церквяхъ (преимущественно сельскихъ) и не только въ предѣлахъ нынѣшней угро-русской территории, но, по всему вѣроятію, также среди уніатскаго румынскаго и даже мадьярскаго населенія,—можетъ быть далеко на Дольнѣй землѣ (Alfold). Упомянутыи были указанія такого рода, но возможно, конечно, что теперь эти рукописи уже истреблены или пропали.

II. Приписки на рукописяхъ и печатныхъ книгахъ и въ церковныхъ метрикахъ.

III. Памятники разнообразнаго содержанія, отражающіе въ большей или меньшей степени угро-русскіе говоры, хранятся въ вышеупомянутыхъ библиотекахъ², въ архивахъ епархиальныхъ Унгвара и Прашева, въ архивахъ стблічныхъ (см. выше *Urbérei iratok*), въ архивѣ Бардѣева, а также въ собранияхъ частныхъ лицъ. Весьма желательно было бы разыскать бумаги двухъ неутомимыхъ собирателей всякаго рода угро-русскихъ древностей, покойныхъ о. А. Кралицкаго (мukачевскій монастырь), С. Силады, директора гимназіи или реальнаго училища въ Марамарошкому Сиготѣ, а также о. А. Павловича на Маковицѣ. Не безполезно было бы пересмотрѣть библиотеку Духновича (краснобродскій монастырь). Кое-что собрано д-ромъ А. Годинкой (Вѣна) и о. Жатковичемъ (гдѣ?).

По археологіи разные материалы собирались г. Т. Легоцкимъ въ Мукачевѣ.

IV. Матеріялы—большую частью иноязычные—преимущественно для исторіи отношеній церковныхъ (православіе и унія) и соціальныхъ находятся также въ вышеупомянутыхъ архивахъ и библиотекахъ³, а кроме того: въ Государственномъ архивѣ

¹ Рецензія на кн. Е. Сабова, Угорорусская хрестоматія (Журн. М. Н. П. 1893 г. № 10).

² Очень интересно было бы найти пропавшіе изъ унгарской епископской библиотеки №№ 68, 75, 76, 78—четыре трактата *O gozvégé u Michae l—contra Latinos et grecos catholicos (Ruthenice)*. № 68—1672 г., № 75—1681 г., № 76, 78—*sine anno*.

³ Между прочимъ, Lucas: *Historia Carpatho-Ruthenorum*—епископская библиотека въ Унгварѣ; протоколы стблічныхъ (комитатскихъ) собраний XVI—XVIII вв. въ разныхъ стбліцахъ.

въ Будапештѣ, въ Национальномъ музѣѣ — тамъ же⁴; въ архивахъ конвентовъ, игравшихъ роль официальныхъ нотариатовъ (loci publici, hiteles levéltár), главныхъ образовъ въ Лелесѣ (Lelesz — Земплинская столица) и въ Ясовѣ (Iászó — Абауйварская ст.); въ архивахъ разныхъ старыхъ дворянскихъ фамилій, напр. Ракоціевъ (часть документовъ въ Государств. архивѣ въ Будапештѣ, часть — въ архивахъ гр. Аンドраши, напр., въ Красногоркѣ — Гемерская столица), Другетовъ (теперь гр. Старан) — въ Михайловцахъ и Гуменномъ (Земплинская стб.), бароновъ Стойко въ Слатинѣ (Марамарошская ст.).

Хорошо бы проникнуть въ архивы Ягра (Eger, Erlau) и Остригема⁵ (Gran), подъ духовной властью которыхъ долго находились угро-руссіе уніаты.

Какія неожиданные находки могутъ быть сдѣланы въ архивахъ и библиотекахъ Угорщины, доказывается каталогъ городской библиотеки въ Йевочѣ, гдѣ между прочимъ, значится: письма левочскихъ купцовъ изъ Москвы — теперь не помню — XVI или XVII в. Въ виду переборки тогда библиотека я не могъ отыскать ихъ на мѣстѣ.

Въ заключеніе напомнимъ о необходимости собрать всѣ памятники, напечатанные доселѣ въ разныхъ изданіяхъ на Угорской Руси и внѣ ея. Члены экспедиціи не должны упускать случая пересмотрѣть угро-руссіе изданія, не находящіяся или находящіяся вѣ въ полномъ видѣ въ нашихъ библиотекахъ.

19 ³⁰
xi 03.

А. Петровъ.

⁴ Обратить вниманіе на коллекцію Hevenessу и рукописи Матвія Беля.

⁵ Между прочимъ, часть рукописей М. Беля находится въ Остригемѣ.

Новое явление въ крестьянской жизни.

(Переходъ на волоки въ Житомирскомъ уѣздѣ, Волынской губерніи)

Съ 1894 года мнѣ неоднократно приходилось бывать въ сѣверной части Житомирского уѣзда, сначала съ цѣлью собирания народныхъ пѣсень, затѣмъ, спустя нѣсколько лѣтъ, по служебнымъ обязанностямъ. Во время такихъ разѣздовъ мнѣ приходилось наблюдать развивающееся на моихъ глазахъ весьма любопытное явление въ экономической жизни крестьянства этого уѣзда—переселеніе на волоки. Переселеніе на волоки заключается въ томъ, что крестьяне раздѣляютъ между собой всѣ, находящіяся въ подворномъ ихъ пользованіи, надѣльныя земли (распредѣлявшіяся до сихъ поръ на три участка въ разныхъ мѣстахъ) на равноземельные участки въ одномъ кусѣ и переходить къ хуторскому хозяйству, нѣрѣдко оставляя деревни и переселяясь на свои участки. Явление это представляетъ собой результатъ желанія крестьянина довести свое хозяйство до того совершенства, какимъ отличается хозяйство многочисленныхъ въ этой мѣстности нѣмецкихъ колонистовъ, и новые хозяйства представляютъ собой скопокъ съ хозяйствомъ сосѣдей-нѣмцевъ.

Наблюденія мои были весьма поверхностны, во-первыхъ, потому, что, не обладая экономическимъ образованіемъ, я былъ слишкомъ мало подготовленъ къ такого рода наблюденіямъ, во-вторыхъ, потому, что во время первыхъ моихъ поѣздокъ, когда у меня было достаточно времени, чтобы наблюдать народную жизнь, явление это было еще въ зародыши; впослѣдствіи же другія дѣла поглощали все мое вниманіе. Тѣмъ не менѣе, въ виду отсутствія какихъ бы то ни было печатныхъ свѣдѣній объ этомъ явленіи, я рѣшился подѣлиться моими бѣглыми наблюденіями въ небольшой газетной статьѣ («Сѣв. Курьеръ», 1900 г., № 316). Моя замѣтка обратила на себя вниманіе В. П. Воронцова¹ и, уступая его убѣженіямъ, сопровождаемымъ сознаніемъ, что, при наличномъ составѣ

¹ В. П. Воронцову я очень признателенъ за руководящія указанія, которыми, къ сожалѣнію, я не вполнѣ могъ воспользоваться. Считаю долгомъ отмѣтить любезное содѣйствіе, оказанное моей работе мировымъ поср. О. Д. Козловскимъ, помоющ. надз. акц. сборовъ Е. И. Бычковымъ и волостнымъ писаремъ Н. И. Жуковымъ, которымъ приношу искреннюю благодарность.

интеллигентії Волыни, лишенной земскихъ учрежденій, некому сдѣлать даже то
немногое, что могу сдѣлать я, въ настоящемъ году я предпринялъ поѣздку въ
мѣстности, охваченныя названнымъ движениемъ и собралъ болѣе подробныя
данныя о переселеніи крестьянъ на волоки. Замѣтки эти я и предлагаю вни-
манію читателя, какъ простое описание, сдѣланное случайнымъ наблюдателемъ.

Переселеніе на волоки началось въ Житомирскомъ уѣздѣ со 2-й половины
80-хъ годовъ (первый приговоръ о такомъ переселеніи составленъ Зубринскимъ
сельскимъ сходомъ 25 мая 1886 года; фактически, приступить къ переходу на
волоки Зубринѣ удалось только въ 1889 году). Такимъ образомъ, самый старый
фактъ перехода на волоки отдаленъ отъ насы 13 годами. За этотъ сравнительно
короткій промежутокъ движение, кореннымъ образомъ измѣняющее формы не
только хозяйства крестьянъ, но и всего ихъ быта, успѣло охватить всю сѣвер-
ную половину Житомирского уѣзда.

Что касается нѣмецкой колонизаціи, то отдѣльные небольшія нѣмецкія
колоніи стали возникать на Волыни издавна. Въ числѣ шляхетскихъ сель
Овручского уѣзда, образовавшихъ нѣкогда нѣчто вродѣ военной границы, возникно-
вение которыхъ относится къ XVI вѣку, есть село Швабы, образованное выходцами
изъ Швабіи. Жители этого села носятъ теперь фамиліи Швабовъ и совершенно
обрусили. Въ XVIII вѣкѣ поселилось на Волыни нѣсколько колоній менонитовъ.
Массовое же переселеніе нѣмецкихъ колонистовъ началось съ 30-хъ и особенно
усилилось въ 60-хъ гг. прошлаго вѣка. Нѣмецкіе колонисты на Волыни селились
преимущественно по южному краю Польсья, гдѣ земля была дешевле, чѣмъ въ
южной Волыни, и болѣе плодородна, чѣмъ въ серединномъ Польсьи. Колонисты
покупали участки лѣса, раскорчевывали ихъ и селились на нихъ, образуя не-
прерывный рядъ колоній, тянущійся на десятки верстъ. Колонія съ перерывами
тянется полосой по направлению отъ Царства Польскаго къ Киеву, переходя за
пределы Волынской губерніи. На Волыни больше всего колоній въ уѣздахъ: Жито-
мирскомъ, Новоградволынскомъ, Ровенскомъ и Луцкомъ; довольно много ихъ въ
уѣздахъ: Ковельскомъ, Дубенскомъ, Владимироволынскомъ, есть въ Овручскомъ,
Острожскомъ и Заславскомъ. Наибольшее количество ихъ группируется вдоль линіи
кіево-брестскаго шоссе. Нѣмецкія колоніи представляютъ собой рядъ разбросанныхъ
усадьбъ, которыя расположены каждая, по возможности, въ центрѣ своего участка
земли; каждая колонія тянется версты, а двѣ-три колоніи — десятки верстъ.
При такомъ разселеніи, проѣзжая, вы постоянно натыкаетесь на колонистскія
усадьбы; получается впечатлѣніе, что нѣмцевъ гораздо больше, чѣмъ туземныхъ
крестьянъ. И въ самомъ дѣлѣ, число колонистовъ весьма солидно, но ни въ одной
волости не превышаетъ числа русскихъ крестьянъ. Нѣмецкіе колонисты ведутъ
болѣе рациональное хозяйство, чѣмъ наши крестьяне, и получаютъ съ земли пользы
гораздо больше послѣднихъ. Тѣ изъ колонистовъ, которые успѣли купить участки
земли въ собственность, живутъ даже богато; арендаторы находятся въ значи-
тельно худшемъ положеніи, такъ какъ, во-первыхъ, имъ приходится платить
довольно высокую арендную плату; во-вторыхъ, периодическое повышеніе ея

землевладельцами. Многими изъ арендаторовъ не даетъ возможности засиживаться на мѣстѣ.

Но каково бы ни было экономическое положеніе колониста, хозяйство его всегда интенсивнѣе и рациональнѣе хозяйства туземного крестьянина, а такъ какъ песчаная и супесчаная почва этой полосы Волыни можетъ давать хорошіе урожаи только при рациональномъ хозяйствѣ и усиленномъ удобреніи, то разница въ результатахъ не могла не быть слишкомъ очевидна, чтобы не бросаться въ глаза самимъ крестьянамъ. Въ прежніе годы уже по вѣнѣнію виду посѣва можно было безошибочно отличить крестьянское поле отъ колонистскаго. Отсюда естественное стремленіе крестьянъ подражать нѣмцамъ-колонистамъ въ веденіи своего хозяйства. Стремленіе это началось съ мелочей. У крестьянъ стали появляться нѣмецкіе возы на желѣзныхъ осахъ, нѣмецкіе плужки, наконецъ, мѣстами весь укладъ крестьянскаго хозяйства сталъ передѣлываться на нѣмецкій ладъ. Наиболѣе сильной побудительной причиной для крестьянъ является въ данномъ случаѣ желаніе устранить потерю времени, обусловливаемую отдаленностью каждого изъ трехъ участковъ какъ другъ отъ друга, такъ и отъ усадьбы. Эта потеря времени и сильѣ особенно очевидна при унаваживаніи полей. Возить навозъ за нѣсколько верстъ было трудно, а такъ какъ, по условіямъ почвы, удобрялось все поле, то естественна у крестьянъ мысль о переходѣ къ нѣмецко-колонистскому хозяйству, при которомъ земля сгруппирована въ одномъ кускѣ. Затруднительностью удобренія при прежнемъ распределеніи земель мотивируется желаніе крестьянъ перейти на волоки во всѣхъ приговорахъ сельскихъ сходовъ, которые мыѣ удалось видѣть. Движеніе началось въ д. Зубринкѣ, Горониковской волости, земли которой соприкасаются съ старѣйшими въ уѣзда колоніями Неймановской, Кутузовской и Солодырими. Я позволю себѣ привести цѣликомъ первый приговоръ Зубринского сельского схода о переходѣ на волоки; въ этомъ приговорѣ довольно обстоятельно излагаются мотивы такого перехода.

«25 мая 1886 г. Зубринскій сельскій сходъ, Горониковской волости, 1-го мирового участка Житомирского уѣзда, Волынской губерніи, собравшись на сельскій сходъ, на основаніи 47, 48, 51 пункт. 6, 54 пункт. 1, 2, 3 Общ. Положенія о крестьянахъ, въ полномъ составѣ 50 налажныхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, имѣли разсужденіе о невыгодномъ пользованіи земельнымъ надѣломъ, согласно существующей подворной нарѣзкѣ, вслѣдствіе того, что каждый домохозяинъ нашего общества имѣть въ своемъ пользованіи земельный вагѣль не вмѣстѣ, а по десятинамъ въ разныхъ мѣстахъ; кромѣ того, въ нашемъ обществѣ есть около 25 десятинъ земли, которая по настоящее время не раздѣлена между нами на подворные участки, изъ-за чего нерѣдко бываютъ споры. По обсужденіи чего, сельскій сходъ, за исключеніемъ одного домохозяина, Н. Поляченки, не изъявившаго согласія подписатьсь подъ симъ приговоромъ, единогласно приговорили: въ виду улучшенія своего быта и во избѣжаніе на будущее время споровъ за общественную землю, просить настоящимъ приговоромъ г. мирового посредника 1-го участка Житомирского уѣзда о уничтоженіи вынѣ существующей у настѣ подворной нарѣзки и о назначеніи землемѣра для новой подворной нарѣзки всей общественной земли, которую раздѣлить на 50 (частей) домохозяевъ, поровну каждому, причемъ участокъ земли долженъ быть вмѣстѣ. Избрать изъ среды своей добросовѣстныхъ крестьянъ NN., которыхъ уполномочивъ ходатайствовать по настоящему дѣлу и поручаемъ войти въ согласіе съ тѣмъ землемѣромъ, который будетъ назначенъ

г. мировымъ посредникомъ къ нарѣзкѣ общественной земли на 50 участковъ. За неграмотныхъ насы на семь приговорѣ довѣряемъ расписаться (NN).

49 домохозяевъ оказалось неграмотными.

Необходимо оговориться, что наличными домохозяевами, имѣющими право голоса въ данномъ случаѣ, надо считать не представителей фактическаго двора, а представителей такъ называемаго двора «грамотнаго», т. е. существовавшаго при введеніи уставной граматы. Такой составъ имѣли сельскіе сходы на Волыни вплоть до разъясненія сената, отъ 20 января 1896 года, которымъ имѣющими право голоса на сходѣ были признаны представители фактическаго двора.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо отмѣтить, что дѣленіе земель на участки при переходѣ на волоки какъ въ Зубринкѣ, такъ и въ другихъ деревняхъ, проходило сообразно съ числомъ и величиной «уставнаго» двора, а затѣмъ внутри каждого «уставнаго» двора раздѣлъ производился уже безъ участія сельскаго схода. Зубринка въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, прокладывая дорогу, создавала формы, ставшія съ небольшими отклоненіями типичными.

Первый приговоръ Зубринскаго схода не достигъ цѣли. Мнѣ не удалось познакомиться съ имѣющейся по этому поводу перепискѣ; знаю только, что нововведеніе Зубринки вызвало, повидимому, въ средѣ мѣстной администраціи недоумѣніе, и на мѣсто даже былъ командированъ чиновникъ особыхъ порученій при генераль-губернаторѣ. Особенно серьезныхъ препятствій, однако, не было и черезъ 1½ года Зубринскій сходъ составляетъ новый приговоръ, интересный тѣмъ, что имъ устанавливается типичный порядокъ перехода на волоки.

« 11 декабря 1887 г. Зубринскій сельскій сходъ, Горошковской волости, 1 мир. уч. Житомирского уѣзда, собравшись въ числѣ всѣхъ 50 наличныхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, и 3 огородниковъ, имѣли между собой разсужденіе о томъ, что существующая у насы подворная нарѣзка земли невыгодна, потому что каждый домохозяинъ нашего общества имѣть въ своемъ пользованіи земельный надѣлъ не вмѣстѣ съ подсѣтиемъ въ разныхъ мѣстахъ; такое пользованіе землею невыгодно и въ отношеніи удобренія навозомъ таковой, такъ какъ почти у каждого изъ нихъ есть десятины въ нѣсколькихъ верстахъ отъ селенія, и вообще неудобно въ хозяйственномъ отношеніи; кроме того, въ нашемъ обществѣ есть около 30 десятинъ земли, которая по настоящее время не раздѣлена между нами на подворные участки. За нераздѣленную землю ежегодно въ обществѣ бывають споры. По обсужденію чего сельскій сходъ, за исключеніемъ двухъ домохозяевъ NN и NN, нашелъ необходимымъ настоящимъ приговоромъ просить о разрѣшеніи уничтожить существующую у насы подворную нарѣзку и всю выкупаемую обществомъ землю раздѣлить между собой поровну, съ тѣмъ чтобы участокъ земли каждого домохозяина состоялъ изъ одного куска, причемъ, если послѣдуетъ по настоящему нашему ходатайству разрѣшеніе, то мы обязаны: 1) не соглашающімъся на новую подворную нарѣзку двумъ крестьянамъ NN и NN оставить усадьбы и принадлежащія имъ десятины тѣ, которые состоять въ ихъ пользованіи въ настоящее время; 2) такъ какъ въ нашемъ обществѣ кромѣ 50 хозяевъ есть 3 огородника, то слѣдующимъ имъ земли отвести въ томъ мѣстѣ, где они пожелаютъ; если не согласятся перейти на вновь отведенныя имъ участки, то могутъ остаться на старомъ мѣстѣ; 3) затѣмъ, всю землю удобную и неудобную, за исключеніемъ означенныхъ въ 1 и 2 пп. сего приговора, раздѣлить на 48 ровныхъ участковъ, которые отдать домохозяевамъ по жребію, и 4) по раздѣленіи земли и передъ жребіеметаніемъ, пригласить изъ постороннихъ селеній почетныхъ лицъ для опредѣленія качества земли каждого участка и

распределенія суммы выкупныхъ платежей, смотря по качеству земли, попавшейся въ участокъ, по выполненіи сего, тогда лишь приступить къ жребиетанію.

Въ виду улучшения своего быта, единогласно приговорили: 1) настоящими приговоромъ просить ходатайства г. мирового посредника 1 участка Житомирского уѣзда о разрѣщеніи произвести новую подворную нарѣзку, на условіяхъ, изложенныхъ выше въ семь приговорѣ, и 2) уполномочить изъ среды своей крестьянъ NN, которымъ поручить настоящій приговоръ при прошеніи представить г. мировому посреднику и вообще ходатайствовать по настоящему дѣлу».

Этимъ приговоромъ устанавливается процедура раздѣла, ставшая типичной. Но сложность нового дѣла не позволила предусмотрѣть всего съ нимъ связанныго. Забыть былъ вопросъ о лѣсѣ. Слѣдующій приговоръ Зубринскаго схода устанавливаетъ — опять-таки ставшія типичными — нормы по этому вопросу.

«2 апр. 1888 г. Зубринскій сельскій сходъ, Горошковской волости, 1 мир. уч. Житомирского уѣзда, Волынской губ., созданный мѣстнымъ сельскимъ старостою, въ числѣ 50 лицъ изъ 50 домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходъ, имѣль между собой разсужденіе о томъ, что, согласно приговора нашего, состоявшагося 11 декабря 1887 года за № 12, въ маѣ мѣсяцѣ сего года будетъ производиться новая подворная нарѣзка нашей общественой земли, но въ томъ приговорѣ ничего не значится о лѣсѣ, задержанномъ нѣкоторыми домохозяевами на своихъ участкахъ. По обсужденіи сего, сельскій сходъ единогласно приговорилъ: по произведеніи новой подворной нарѣзки и по раздачѣ хозяевамъ земельныхъ участковъ, предоставить права задержавшимъ на своихъ надѣлахъ лѣсъ забрать себѣ въ теченіи четырехъ лѣтъ, считая со дня вынутія жребія о полученіи земельного участка, чѣму никто изъ настѣ послѣ жребиетанія не долженъ препятствовать».

Выработавъ нормы перехода къ новому порядку землевладѣнія, Зубринскій сельскій сходъ долженъ былъ приступить къ проведенію ихъ на дѣлѣ. Наиболѣе труднымъ оказалось созданіе равнозѣнныхъ участковъ. Ниже мы увидимъ, что разныя сельскія общества различно разрѣшаютъ эту трудную задачу. Большинство, однако, держится того принципа, который выработанъ Зубринской, т. е. уравновѣшиваетъ качество земли количествомъ ея. Это уравновѣшиваніе въ Зубринѣ происходило двумя способами: 1) при помощи увеличенія и уменьшенія самихъ участковъ сообразно съ качествомъ земли, и 2) при помощи прибавленія къ наиболѣе плохимъ участкамъ огородной земли изъ нѣсколькихъ, не вошедшихъ въ общий передѣлъ, огородовъ, причемъ въ послѣднемъ случаѣ нарушался принципъ владѣнія въ одномъ кускѣ, такъ какъ огородные участки не примыкали къ соединеннымъ съ ними полевымъ. Для большей ясности я позволю себѣ привести приговоръ цѣликомъ:

«3 іюня 1888 г. Зубринскій сельскій сходъ, Горошковской волости, 1 мир. участка, Житомирского уѣзда, созданный мѣстнымъ сельскимъ старостой, въ числѣ всѣхъ 50 домохозяевъ, имѣющихъ право голоса, имѣль между собой разсужденіе о томъ, что 1), согласно приговора нашего 11 декабря 1887 г. за № 12, произведена новая подворная нарѣзка слѣд. порядкомъ: а) отрѣзано 50 участковъ для хозяевъ, имѣющихъ надѣлы; б) отрѣзано 5 десятинъ для огородниковъ: О. Демьянчука 3 дес. и Я. Лоси 2 дес., и в) оставлено 6 огородовъ, которые приданы къ участкамъ, въ коихъ числится больше худшаго качества земли, а именно: огородъ Г. Жальчука къ двумъ участкамъ № 10 и 10 въ уроціщѣ Медо, огородъ Я. Жальчука къ № 6 въ уроціщѣ Лиски, огородъ С. Лисовца къ № 32 въ уроціщѣ Майданъ-Казанди, огородъ Р. Кравчука къ № 24 и 25 въ уроціщѣ Вышинька, огородъ С. Микитюка къ № 16 въ уроціщѣ Запичье, на дорогѣ, ведущей въ д. Островку, и общественный огородъ къ № 19 въ уроціщѣ Кругле.

При отрѣзкѣ 50 участковъ съ нашего согласія уравнивалось схд. порядкомъ: 1) въ тѣхъ участкахъ, въ кои вошла земля худшаго качества, отрѣзано больше, а гдѣ лучшаго — меньше; количество каждого участка значится въ подворномъ спискѣ, составленномъ землемѣромъ г. Куликовскимъ, согласно плану; 2) необходимо сдѣлать распределеніе выкупныхъ платежей; 3) по распределеніи выкупныхъ платежей приступить къ жребиетанію и раздать участковъ; 4) о томъ, что крестьяне просить обѣ отдать имъ участковъ безъ жребія (приведены имена и фамиліи крестьянъ, съ обозначеніемъ просимыхъ ими участковъ). По обсужденіи вышеизложенаго, сходъ, въ присутствіи нижеподпісавшихся стороннихъ понятыхъ, единогласно приговорилъ: сдѣланную нарѣзку признать выгодной для себя; 2) избрать изъ своей среды уполномоченныхъ крестьянъ NN, которымъ поручить сдѣлать распределеніе выкупныхъ платежей на каждый участокъ; 3) по распределеніи выкупныхъ платежей, приступить къ жребиетанію, но порядку подворного списка къ исправленной уставной грамотѣ; если же кто-либо изъ крестьянъ не пожелаетъ тянуть жребій или отлучится до жребиетанія, то за таковыхъ должны брать жребій сельскій староста дер. Новогоршковской Буды №; 4) отдать безъ жребія участки просителямъ, поименованнымъ въ 4-мъ пункѣ 1-й половины сего приговора».

Раздача части участковъ безъ жребія, по постановленію схода, встрѣчается и въ другихъ приговорахъ; къ сожалѣнію, очень рѣдко приводятся мотивы, которые оправдываютъ такое нарушеніе общаго порядка. Что касается до уравненія, то не везѣ оно производится посторонними людьми; чаще его производить выборные подъ непосредственнымъ наблюденіемъ всего общества. Что уравненіе участковъ, по ихъ цѣнности, не кажется самимъ крестьянамъ идеально-точнымъ, можно судить по распределенію выкупныхъ платежей. Для Зубринки мы имѣемъ обѣ этомъ распределеніи особый приговоръ, показывающій, что цѣнность участковъ остается въстаки довольно различной.

«3 июня 1888 г. Зубринскій сельскій сходъ, Горошковской волости, 1-го мир. участка Житомирскаго уѣзда, Волынской губ., созданный мѣстнымъ сельскимъ старостой, въ числѣ всѣхъ 50 домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, слушали заявленіе уполномоченныхъ, избранныхъ приговоромъ, отъ сего числа, за № 5, Василия Лисовца, Каллиника Ткачука о томъ, что на 50 участковъ выкупной платежъ распределенъ слѣдующимъ образомъ:

№	Сумма выкуповъ:	Названіе урочищъ:
1	12	Забродами
2	13	На бродку
3	13	Сидорово
4	13	Сидорово
5	12	Лиски
6	10	Лиски
7	11	Хуторъ
		и т. д. колеб. отъ 9 до 14.

Огородники:

51	4 р. 92 к.	Демьянчукъ
52	1 » 11 »	Б. Лисовецъ
53	4 » 70 »	Яковъ Лось.

Заявленіе вѣкоторыхъ крестьянъ о томъ, чтобы не было воспрещено домохозяевъ проводить канавы въ низкихъ мѣстностяхъ, если встрѣтится надобность провести таковую черезъ вѣсколько участковъ до болота или рѣки и, наконецъ, заявленіе крестьянъ о томъ, чтобы въ будущемъ 1889 г. пользоваться усадьбами, давая въ замѣнъ такое же количество полевой земли или сѣнокоса.

По обсужденіи всѣхъ вышеизложенныхъ вопросовъ, единогласно приговорили: 1) распределеніе суммы 609 р. 73 к. выкупныхъ платежей, подлежащихъ внесенію ежегодно въ казначейство, признать правильнымъ; 2) обязать каждого домохозяина нашего общества не препятствовать въ спускѣ воды посредствомъ канавъ, и 3) усадебной землею пользоваться въ будущій 1889 г. такъ, какъ пользуются по настоящее время, давая взамѣнъ такое же количество земли полевой или сѣнокосной».

Только опредѣливъ точно порядокъ раздѣла и предусмотрѣвъ всѣ возможныя случаиности, Зубринское общество приступило къ метанію жребія. Метаніе жребія происходило на сходѣ и закрѣплено съѣд. приговоромъ:

• 6 іюня 1888 г. Мы, нижеподписаніе крестьяне д. Зубринки, собравшись въ числѣ всѣхъ 50 домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, согласно приговоровъ нашихъ, состоявшихся 11 декабря 1887 г., № 12, сего числа, за № 5 и 6, приступили къ вынутію жребіевъ на получение земельныхъ участковъ по порядку подворного списка уставныхъ грамотъ, а именно:

№ по порядку.	Имя и фамилія.	№ жребія.	Название урочищъ.	Выкупная плата.
1	Александръ Мосейчукъ	32	Майданъ-Кагацы	10 руб.
2	Петръ Боляченко	12	Савополь-огородъ	11 »
3	Сидоръ Боляченко	15	Заличье	13 »
4	Афанасій Шальчукъ	30	Бочки	13 »
и т. д.				

Такъ какъ вынутіе жребіевъ произведено правильно, приговорили: настоящій приговоръ, по утвержденіи и записи въ книгу приговоровъ, коню съ него представить г. мір. поср. 1 участка Житомирскаго уѣзда».

Послѣ этого зубринцамъ оставалось лишь переселиться на свои участки и завести хозяйство на новый ладъ. Зубринцы такъ и поступили.

И опытъ ихъ оказался настолько удаченъ, что вслѣдъ за ними одно за другимъ стали переходить на волоки и остальная села Горошковской волости, а затѣмъ села и сосѣднихъ съ ней волостей Житомирскаго уѣзда.

Въ настоящее время изъ сельскихъ обществъ Горошковской волости не перешли на волоки и только Краевщина, гдѣ вопросъ о переходѣ поднять, но не разрѣшенъ въ силу разногласія между крестьянами относительно подробностей, а также нѣсколько деревень, которыхъ не могутъ перейти на волоки въ силу неблагопріятныхъ условій: такъ, одно изъ сельскихъ обществъ, составляющихъ д. Рыжаны, не можетъ перейти на волоки, такъ какъ ведеть земельную тяжбу съ помѣщикомъ, д. Волянщина—въ виду того, что еще не совершилось размежеваніе крестьянскихъ земель съ помѣщичими; не могутъ перейти на волоки деревни Рудня-Камень, Рудня-Гацковка и Рудня-Шляхова, такъ какъ надѣлы этихъ деревень ничтожны, а переходъ на волоки оказывается выгоднымъ (о чёмъ подробнѣ скажемъ ниже) только при довольно значительныхъ надѣлахъ. Всѣ остальные сельскія общества Горошковской волости перешли уже къ новому порядку.

Изъ Горошковской волости движеніе въ пользу перехода на волоки перешло прежде всего въ сосѣднюю Пулинскую, находящуюся почти въ тождественныхъ

съ Горошковской условіяхъ. Пулинская волость, какъ и Горошковская, составляетъ одинъ изъ центровъ нѣмецкой колонизаціи; условія почвы этой мѣстности, какъ и въ Горошковской волости, требуютъ удобренія, надѣлы тоже принадлежать къ числу крупныхъ. Въ Пулинской волости движеніе началось значительно позже и, пока, села, перешедшія на волоки, составляютъ меньшинство, но, судя по той интенсивности, съ какой развивается это движеніе, можно думать, что въ близкомъ будущемъ и Пулинская волость вся перейдетъ къ новому порядку. Вотъ табличка постепенного роста этого движенія въ Пулинской волости.

Пулины	перешли на волоки въ	1894 г.
Вацлавполь	> > > >	1897 >
Новополь	> > > >	1897 >
Сколововъ	> > > >	1899 >
Чернявка	> > > >	1899 >
Кручинецъ	> > > >	1899 >
Ивановичи	> > > >	1900 >

Кромѣ того, поднять вопросъ о переходѣ на волоки въ Вильскѣ въ 1900 г. и въ Стрибожѣ въ 1901 году. Такимъ образомъ, за восемь лѣтъ въ Пулинской волости движеніе успѣло сдѣлать такой успѣхъ, что изъ 19 сель 7 перешло уже на волоки и 2 находятся наканунѣ перехода.

Помимо этихъ двухъ волостей, въ которыхъ движеніе столь значительно расширилось переходъ на волоки наблюдается и въ другихъ, прилегающихъ къ Горошковской, волостяхъ: Барашевской, Ушомирской, Фасовской и Черняковской. Въ общемъ, мѣстность, охваченная движеніемъ, представляетъ собой все расширяющійся кругъ, центромъ которого является перешедшая на волоки первою Зубринка.

Что касается до видовъ на дальнѣйшее распространеніе движенія, то въ южномъ направленіи оно почти достигло своихъ предѣловъ, такъ какъ южныя изъ перешедшихъ на волоки сель почти непосредственно граничатъ съ черноземной и малоземельной полосой, представляющей мало данныхъ для развиція движенія; на сѣверъ же, востокъ и западъ движеніе можетъ распространяться еще далеко.

Присматриваясь къ тѣмъ формамъ, въ которыхъ вылилось движеніе въ своеемъ развитіи, приходится убѣдиться, что уже въ Зубринкѣ оно нашло свои типичныя нормы, отклоненія отъ которыхъ либо не существенны, либо не рациональны. Мотивомъ къ такой перемѣнѣ въ сельскомъ быту повсюду выстаетъ неудобство прежняго порядка землевладѣнія для веденія хозяйства и, въ частности, для удобренія земли. Къ этому мотиву присоединяется еще другой— желаніе добиться передѣла общественныхъ земель, зачастую захватываемыхъ отдельными домохозяевами. Насколько такие захваты являются обширными характеризуетъ слѣдующій приговоръ Вильскаго сельскаго схода.

«О распределении общественныхъ вакантныхъ земель на дворы иъ надѣльнымъ землямъ 1900 г. августа 29 дня. Мы, нижеподписавшися, Волынской губерніи, Житомирскаго уѣзда, 1 мирового участка, Пулинской волости, бывшіе государственные крестьяне с. Вильска, собравшись сего числа по созыву мѣстного сельского старосты Климентія Терещука, въ числѣ 89 изъ числа 108 всѣхъ въ обществѣ наличныхъ домохозяевъ, имѣющихъ право голоса на сходѣ, имѣли между собой совѣщаніе о томъ, что, согласно выкупнымъ документамъ, данной, совершенной 14 декабря за № 105, и вводному листу, отъ 28 декабря 1878 года за № 9, нашему обществу предоставлено на выкупъ между прочими угодьями въ распоряженіе всего сельского общества подъ запасные участки, оставшися свободными отъ постороннихъ обывателей, 223,64 дес. земли, подъ общимъ пастбищемъ 395,35 дес. земли и, кроме земли, находящейся подъ кладбищемъ и дорогами и училищною усадьбою, неудобной 79,61, что неудобная земля отчасти превратилась въ удобную, что запасные участки земли, предоставленные въ распоряженіе всего общества, въ количествѣ 223,64 дес., а равно и куски изъ неудобной земли находятся въ настоящее время въ временномъ пользованіи крестьянъ и жителей с. Вильска, а именно (слѣдуетъ перечень ихъ), изъ которыхъ многие пользуются и вакантными землями, другіе, коренные домохозяева, таковою не пользуются, и это для послѣднихъ довольно обидно, что, въ виду этого и въ устраниеніе неправильного пользованія вакантными участками земли вышеупомянутыми лицами, является необходимость вакантную землю уравнять распределеніемъ помежу всѣми надѣльными дворами общества, а потому и по общему между собою соглашенію единогласно приговорили: 1) предоставленную въ распоряженіе всего сельского общества подъ запасные участки землю, оставшуюся свободной отъ постороннихъ обывателей, въ количествѣ 223,64 дес. состоящую нынѣ въ временномъ пользованіи (перечисленіе), а равно земли, образовавшися изъ количества 79,61 дес. неудобной земли, удобная сколько окажется по измѣрѣнію въ натурѣ, распределить пріѣзжю къ 67 надѣльнымъ дворамъ, въ количествѣ, какое будетъ на каждый дворъ причитаться; 2) выкупные платежи, причитающіеся за эту, подлежащую распределенію, землю причислить на каждый дворъ, согласно добавленному количеству земли, и 3) для ходатайства объ утвержденіи этого приговора и вообще веденія дѣлъ по этому предмету избрать изъ среды себя уполномоченныхъ крестьянь (ихъ перечень), о чёмъ составить настоящій приговоръ, который, по запискѣ въ установленной книгу, и утвердить нашими подписями»

Если захватъ общественныхъ земель не развился въ количественномъ отношеніи нигдѣ такъ сильно, какъ въ Вильскѣ, то лишь потому, что самой общественной земли нигдѣ не было такъ много. Но вездѣ, гдѣ только была общественная земля, она почти вся оказалась въ захватѣ, только общественные огороды мѣстами оставались въ пользованіи общества и въ качествѣ арендной статьи. Желаніе возвратить эту общественную землю въ общее пользованіе, съ распределеніемъ ея равномѣрно между всѣми «грамотными» дворами, является обыкновенно вторымъ мотивомъ при переходѣ на волоки. Этотъ мотивъ приводится въ одномъ изъ Зубринскихъ приговоровъ; онъ является основнымъ и въ Вильскомъ приговорѣ. Повидимому, этотъ мотивъ имѣть значеніе и въ другихъ случаяхъ, такъ какъ всегда, когда общественная земля оказывается въ захватѣ одними и несколькими лицами при переходѣ на волоки, она раздѣляется поровну по количеству «грамотныхъ» дворовъ.

Основнымъ мотивомъ, однако, повсюду выставляется неудобство удобренія при отдаленности и разрозненности участковъ. Неудобства эти, повидимому, были дѣйствительно весьма ощутительны, такъ какъ, при прежнемъ порядкѣ землевладѣнія, удобрялась обыкновенно только огородная земля. Это обстоятельство,

дѣлая огородную землю наиболѣе цѣнной, вызвало, между прочимъ, нѣкоторое видоизмѣненіе въ типѣ перехода на волоки. Тогда какъ нѣкоторыя общества, подобно Зубринскому, вполнѣ переходятъ къ хуторскому, нѣмецкому, хозяйству и каждый домохозяинъ переселяется на свой участокъ, большинство изъ нихъ стремится сохранить за собой усадебныя земли. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, при переходѣ на волоки, усадебныя земли сохраняются за прежними владѣльцами, размѣръ усадебъ обыкновенно уравнивается, при чѣмъ нормы уравненія бываютъ различны. Приговоръ Новопольского схода говорить: «усадебныя земли въ селеніи оставить на мѣстѣ и дорѣзать еще изъ полевой земли кругомъ селенія каждому домохозяину такое количество земли, чтобы приходилось на каждый дворъ усадебной земли по три десятины». Приговоромъ Ивановскаго сельскаго схода усадебныя земли въ селѣ тоже остаются за прежними владѣльцами и нормой признается $3\frac{1}{4}$, десятины на «грамотный» дворъ. Приговоръ Пулинскаго сельскаго схода, сохраняя усадьбы въ селеніи, постановляетъ къ каждой усадьбѣ прирѣзать по 1 дес. изъ полевой земли кругомъ селенія. Объ уравненіи усадебныхъ земель въ этомъ приговорѣ не упоминается. Средняя величина усадьбы, съ прирѣзкой выходитъ менѣе, чѣмъ 2 дес. на дворъ, такъ какъ всего было до перехода 59 дес. 216 саж. усадебной земли на 74 «грамотныхъ» двора. Чернявскій сельскій сходъ, оставляя усадьбы на мѣстѣ, не уравниваетъ усадебныя земли прирѣзкой, и размѣръ усадебъ колеблется отъ 540 саж. до 2 дес. 1900 саж. на «грамотный» дворъ. Кручинецкій сельскій сходъ оставляетъ усадьбы на мѣстѣ и не уравниваетъ усадебные участки, размѣръ которыхъ колеблется отъ 945 саж. до 2 дес. 1554 саж. Рыжанскій сельскій сходъ усадьбы оставляетъ на мѣстѣ и уравниваетъ съ 3-хъ десятинъ, тоже Грушковскій. Въ Дворищахъ усадьбы остаются на мѣстѣ и усадебныя земли уравниваются съ размѣромъ въ одну десятину. Мало-Горошковскій сельскій сходъ, оставляя усадьбы на мѣстѣ, за норму усадебной земли принимаетъ 2 десятины, тоже Челновскій сходъ. Давидовскій сельскій сходъ, оставляя деревню на мѣстѣ и уравнивая размѣръ усадьбы въ 3 дес., такъ опредѣляетъ мѣсто, где должна быть произведена эта нарѣзка: «подъ усадьбы тѣхъ дворовъ, у которыхъ менѣе 3 десятинъ, прирѣзать изъ земли, находящейся подъ березовыми лѣсомъ въ урочищѣ Лысая Язвинка, а если не хватить, то изъ полевой земли около села», причемъ добавляется, что «тѣ изъ однообщественниковъ, которые имѣютъ постройки на поляхъ, могутъ получить къ нимъ усадебныя земли или въ урочищѣ Лысая Язвинка или изъ прилегающей къ постройкамъ полевой земли. Сходъ Рудни Крапивенской, уравнивая усадебные участки съ 3-хъ десятинъ, указываетъ, что прирѣзки къ усадебнымъ землямъ должны быть сдѣланы изъ общественныхъ огородовъ. Приговоръ Славовскаго схода относительно усадебъ говоритъ слѣдующее: «Усадьбы уравнять до двухъ десятинъ, причемъ предоставить пользоваться каждому домохозяину 1 дес. въ самомъ селѣ, какъ было прежде, и прирѣзать по одной десятинѣ изъ полевыхъ земель вокругъ села». Тотъ же приговоръ добавляетъ: «Домохозяевамъ, имѣющимъ постройки на

полевыхъ угодьяхъ и нежелающимъ переносить ихъ, оставить на старыхъ мѣстахъ по одной десятинѣ, съ тѣмъ, чтобы эти десятины шли въ зачетъ прирѣзки къ усадебной землѣ». Сходъ села Паромовки разрѣшаетъ вопросъ объ усадебныхъ земляхъ такъ: «Усадьбы уравнить до 2-хъ десятинъ на «грамотный» дворъ прирѣзками изъ излишковъ, отрѣзанныхъ у другихъ однообщественниковъ и изъ общественныхъ огородовъ, а при недостаткѣ—изъ земли при урочищѣ Селянщѣ. Въ такихъ случаяхъ, когда подъ усадьбы и огорода будетъ отведена очень плохая земля, можно дать до 3-хъ десятинъ на грамотный дворъ».

Такимъ образомъ, въ большинствѣ случаевъ замѣчается стремленіе къ уравненію размѣровъ усадебной земли въ нормахъ отъ 1 до $3\frac{1}{4}$, десятинъ, съ преобладаніемъ нормы въ 3 десятины. Вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчается тенденція къ сохраненію усадебной земли въ селѣ или около существующихъ построекъ, но нерѣдко подъ усадебныхъ земли отводится какое-нибудь урочище съ особенно хорошей землей. Не составляютъ исключенія случаи, когда усадебные земли отводятся не въ одномъ, а въ двухъ кускахъ (участокъ въ селѣ и прирѣзка на Лысой Язвинкѣ; участокъ съ селѣ и прирѣзка около существующихъ въ поляхъ построекъ), и постоянны случаи, когда усадебные земли отдѣлены отъ полевыхъ. Такія отклоненія отъ прототипа нового хозяйства—немецкаго колонистскаго хозяйства и нормъ, выработанныхъ пionерами въ дѣлѣ перехода на волоки—зубринцами, фактически сильно сглаживаются съ теченіемъ времени. Въ многихъ случаяхъ, гдѣ, по приговору, усадьбы оставлены на прежнихъ мѣстахъ, фактически они перенесены на полевые участки, и усадебная земля превращаются въ исключительно огородная. Такъ какъ этимъ создается вновь то неудобство, которое было одной изъ основныхъ причинъ перехода на волоки, т. е., отдаленность нѣкоторыхъ изъ угодій отъ жилья, то покинутыя усадьбы—иногда вмѣстѣ съ постройками, иногда же по снесенію построекъ—превращаются въ арендную статью. Такое ненормальное, по существу, положеніе въ мѣстечкахъ (Шулины и Горошки) оказывается очень выгоднымъ. Отдавая свои усадебные земли въ аренду евреямъ, живущимъ въ мѣстечкахъ чиновникамъ и т. д., крестьяне мѣстечекъ извлекаютъ изъ этихъ земель значительно большой доходъ, чѣмъ какой могла бы дать обработка ихъ. Но въ деревняхъ положеніе менѣется. Тамъ крестьяне могутъ отдать въ аренду свои усадебные земли только либо близко живущимъ односельчанамъ, либо кулакамъ, которые собираютъ въ своихъ рукахъ, по возможности, всѣ покинутыя усадебные земли. Послѣднее явленіе наблюдалось въ д. Дверищахъ, гдѣ кулакъ, заарендуя большую часть оставленныхъ усадебныхъ участковъ, эксплуатируетъ ихъ подъ травосѣяніе.

Вообще основной причиной стремленія крестьянъ удерживать за собой усадебные земли является, повидимому, нежеланіе ихъ разстаться съ тѣмъ кусочкомъ, на удобреніе которого затрачено столько силъ (до перехода на волоки удобрялись, въ большинствѣ случаевъ, только усадебные земли), при этомъ забываются сопряженныя съ такимъ отдѣленіемъ усадьбы отъ пахотной земли неудобства, которые сказываются очень скоро на практикѣ.

Что касается до распределения полевых земель, то и въ этомъ вопросѣ между отдѣльными селами существуютъ иѣкоторыя различія. Въ Зубринѣ, какъ было указано выше, сходъ стремился къ уравновѣшиванію цѣнности участковъ причемъ качество земли компенсировалось количествомъ ея. Неравномѣрность распределенія выкупныхъ платежей показываетъ, что идеалъ равнотѣнности участковъ казался самимъ крестьянамъ достигнутымъ лишь относительно. Такая компенсациѣ за качества земли количествомъ ея наблюдается, подобно Зубринѣ, вездѣ, но не вездѣ она возможна. Такъ какъ въ основу передѣла положены «грамотный» дворъ, то въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ размѣрѣ «грамотныхъ» участковъ существовало колебаніе, оно сохранилось и при переходѣ на волоки. Такими отклоненіями отъ равномѣрности надѣла являются, прежде всего, такъ называемые огородники, т. е. крестьяне, владѣющіе только огородами: они всегда остаются на прежнемъ положеніи, какое на ихъ судьбу переходъ на волоки имѣть, тѣмъ не менѣе, довольно существенное вліяніе. Но помимо огородниковъ существуютъ и другіе нарушители равномѣрности надѣла: это владѣльцы половинныхъ усиленныхъ надѣловъ, владѣющихъ ими по приговорамъ судовъ и т. д. Мѣстами такія отклоненія бываютъ довольно значительны. Такъ, въ Новополѣ 41 дворъ получилъ надѣлъ въ 25 дес. 755 саж. при 3 десятинахъ усадебной земли; 28 дворовъ—въ 13 дес. 755 саж. при 3-хъ десятинахъ усадебной земли и 2 двора по 6 десятинъ безъ усадебъ. Эти размѣры участковъ сохранены и при переходѣ на волоки. Точно также прежній размѣръ участковъ въ 16 дес. 748 саж. сохраняется при переходѣ на волоки Сколобовскій сходомъ. Въ Ивановичахъ по подворному списку значится 20 дворовъ съ большимъ надѣломъ (въ 18, 16 и 15 десятинъ) и 96 дворовъ съ меньшимъ надѣломъ (въ 10 дес. 672 сажени каждый). Сходъ постановилъ надѣлить сначала 20 дворовъ съ большимъ надѣломъ, которымъ отвести земли отъ границы съ дер. Бураковкой, потомъ 96 дворовъ съ меньшимъ надѣломъ. Рыжанскій сельскій сходъ, принимая принципъ компенсациѣ за качество количествомъ, устанавливаетъ предѣлы колебанія величины отдѣльныхъ участковъ, «чтобы самая большая волока не превышала 32 десятинъ, а самая меньшая не была меньше 22 десятинъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ, Рыжанскій сходъ не производить такого тщательнаго распределенія выкупныхъ платежей, какъ Зубринскій, а постановляеть, что «выкупные платежи и мірскіе сборы уплачиваются поровну отъ каждой волоки». Дворицкій сходъ, уравнивая качество земли количествомъ ея въ предѣлахъ отъ 12 до 13^{1/2}, дес., распредѣляетъ выкупные платежи съ колебаніями между 10 р. 14 к. и 12 р. 24 к. Мало-Горошковскій сходъ, уравнивая качество земли количествомъ ея, выкупные платежи распредѣляеть поровну отъ каждой волоки. Сходъ Рудни-Крапивенской пахотной землю распредѣляеть съ компенсациѣ на качество количествомъ ея, общественный же сѣнокосъ прямо дѣлить на равные участки (сѣнокосъ оказывается, такимъ образомъ, отдѣльно отъ пахоты),

выкупные платежи и мірские сборы сходъ распредѣляетъ поровну отъ волоки. Славовскій сходъ уравниваетъ качество участковъ количествомъ земли въ предѣлахъ отъ 18 до 25 десятинъ, мірские же сборы и выкупные платежи распредѣляетъ поровну.

Переходъ на волоки далеко не вездѣ былъ принимаемъ единогласно. Очень часто являлись консервативные элементы, которые не соглашались на такую коренную ломку. Число несогласныхъ бываетъ довольно различно, но, въ общемъ, они составляютъ ничтожное меньшинство. Сходы обыкновенно постановляютъ несогласнымъ оставлять ихъ прежніе участки полевой и усадебной земли. Только въ одномъ случаѣ мнѣ пришлось наблюдать фактъ принужденія къ переходу на волоки и то при исключительныхъ обстоятельствахъ. Наибольшее количество несогласныхъ на переходъ на волоки изъ извѣстныхъ мнѣ случаевъ перехода было въ Мало-Горошковскомъ сельскомъ обществѣ (16 изъ 126); въ остальныхъ случаяхъ число несогласныхъ было 1—3. Случай принужденія къ переходу на волоки имѣлъ мѣсто въ Славовскомъ сельскомъ обществѣ, приговоръ которого вообще отличается некоторымъ деспотизмомъ по отношенію къ отдѣльнымъ членамъ общества. Постановленіе о принужденіи къ переходу на волоки формулировано въ приговорѣ такъ: «Однообщественника нашего К. Клименка, не изъявившаго желанія участвовать въ новой нарѣзкѣ, обязать участвовать, такъ какъ два совладѣльца его по пользованію надѣломъ М. и М. Клименки изъявили согласіе на нарѣзку, въ виду чего третій совладѣлецъ обязательно долженъ подчиниться желанію большинства». Тотъ же сходъ, какъ было указано выше, проявилъ склонность къ принужденію отдѣльныхъ сочленовъ и въ другомъ случаѣ. Такъ, постановивъ, что хозяева, имѣющіе постройки на полевыхъ угодьяхъ и не желающіе покидать ихъ, должны получить около построекъ по одной десятинѣ полевой земли въ зачетъ прирѣзки къ усадебной, постановляется слѣдующее: «Такъ же поступить въ отношеніи Ф. Кондрацкаго, который, хотя и согласился нынѣ перенести свои постройки, но согласіе это можетъ по легкомыслію перемѣнить».

Выше было уже отмѣчено, что иногда сходъ вмѣшивался въ распредѣленіе участковъ, назначая ихъ тѣмъ или другимъ хозяевамъ безъ жребія. Такое явленіе было уже въ Зубриникѣ. Оно повторялось и позднѣе въ другихъ случаяхъ причемъ иногда просьба о назначеніи участка мотивируется, что нѣсколько выясняетъ причину такого нарушенія общаго порядка распредѣленія участковъ. Грушковскій сходъ постановляетъ: «двумъ крестьянамъ, дворы которыхъ находятся въ полѣ, дать участки около дворовъ въ обыкновенномъ размѣрѣ». Въ другихъ случаяхъ, сходы, однако, постановляютъ находящіяся въ поляхъ постройки снять въ опредѣленный срокъ, который бываетъ различенъ. Такъ, Сколовскій сходъ постановилъ, что втеченіе 2-хъ лѣтъ хозяева обязаны снести постройки и пересадить или уступить фруктовыя деревья. Сходъ Рудни Кропивенской постановилъ постройки въ поляхъ снять безъ указанія срока. Славовскій сходъ постановилъ постройки въ поляхъ сохранить и около нихъ дать по

одной десятинѣ въ зачетъ прирѣзки къ усадьбамъ. Мало-Горошковскій сходъ постановляетъ, что хозяева, имѣющіе въ поляхъ постройки и огорода не болѣе 2-хъ десятинъ, могутъ схранить ихъ въ своеъ пользованіи, давъ взамѣнъ соотвѣтствующее количество земли. Тотъ же вопросъ, выясняется слѣдующимъ приговоромъ Дашенскаго сельскаго схода.

«1895 г. ноября 24. Слушали словесную просьбу нашихъ однообщественниковъ 1) И. Е. Федоренка о томъ, что, по новой подворной нарѣзкѣ, въ № 2 земельнаго участка, есть 2 дес. земли, подаренной б. помѣщикомъ Строниновскому отцу его, о чьемъ сдѣлана отмѣтка въ планѣ общ. земель, составленномъ въ 1866 г.; на означенныхъ десятинахъ находятся болѣе 50 лѣтъ его гумно, сѣнникъ, фруктовый садъ, липовая деревья, переносъ которыхъ невозможенъ, такъ какъ, если придется переносить находящіяся тамъ постройки и огорожу, стоящія болѣе 400 р., то на переносъ ихъ нужно до 150 р., почему просить дать ему участокъ № 2 безъ жребія. 2) С. Федоренка о томъ, что, по новой нарѣзкѣ, въ № 10 находятся на полевой землѣ его постройки до 1.000 р., почему просить общество дать ему участокъ № 10 безъ жребія, за что онъ согласенъ уплатить въ пользу общества 70 р.; 3) жена Б. Бирюченко (мужа на сходѣ не было) и зятъ умершаго О. Никитенко, А. Собко и Е. Кучерь, ведутъ въ Житомир. окр. судѣ тяжбу за зем. надѣль, просить допустить ихъ къ вынутю жребія, такъ какъ, по неизвѣстной причинѣ, общество не допустило ихъ къ вынутю жребія и даетъ безъ жребія участокъ, № 4, всего 30 дес. неудобной земли. Сходъ по выслушаніи означенной просьбы принялъ во вниманіе: 1) что И. Федоренко самъ предлагалъ обществу 100 руб. за то, чтобы ему безъ жребія данъ былъ участокъ, № 2, на которомъ находятся указанныя имъ постройки, хѣбъ, огородъ въ деревья, теперь же, узнавъ изъ плана, что отцу его подарены двѣ десятинны, отказываясь отъ дачи обществу 100 р.; общество же считаетъ, что проситель И. Федоренко не имѣть дарственной земли, хотя обѣ этомъ значится на планѣ, но въ другихъ документахъ ничего не видно; 2) что у С. Федоренко дѣйствительно много построекъ находится на участкѣ № 10, что просьбу его на сходѣ признаемъ подлежащею удовлетворенію; 3) жены Б. Бирюченко и зятя умершаго О. Никитенко, крестьянъ А. Собко и Е. Кучера, ведущихъ тяжбу, въ виду того что Борисъ Бирюченко издавна тамъ надѣломъ не пользовался, а владѣль умершій О. Никитенко, зять (прѣмаки) котораго А. Собко и Е. Кучерь другого общества, то сходъ признаетъ достаточнымъ для нихъ надѣломъ 30 десятинъ, то единогласно приговорили: 1) И. Федоренку отдать участокъ № 2 безъ жребія, съ тѣмъ условиемъ, чтобы онъ представилъ болѣе ясное и формальное доказательство, что отцу его подарено 2 десятинны, если же таковыя доказательства не будутъ представлены, то долженъ будетъ уплатить въ пользу общества 100 р.; 2) С. Федоренку, давшему въ пользу общества 70 р., отдать участокъ № 10 безъ жребія (15 хозяевъ согласныхъ и 10 несогласныхъ); 3) просьбу жены Б. Бирюченко А. Собко и Е. Кучеренко, по вышеобъясненнымъ обстоятельствамъ, оставить безъ послѣдствій».

Приговоръ этотъ я привелъ цѣликомъ, какъ весьма характерный для обрисовки отношеній крестьянъ къ правамъ тѣхъ изъ своихъ односельчанъ, которые владѣли частью своихъ участковъ не на основаніи уставной грамоты. Сходъ не признаетъ этихъ правъ, считая, однако, возможнымъ вступить въ сдѣлку съ владѣльцемъ подаренного участка. Въ другомъ случаѣ сходъ признаетъ справедливость просьбы, основанной на томъ, что у претендента на извѣстный участокъ есть на немъ постройки, но за удовлетвореніе этой просьбы считаетъ себя въ правѣ получить вознагражденіе. Вообще, непоколебимы сходы признаютъ только то право на извѣстный земельный участокъ, которое опирается на уставную грамоту. Такъ, Рыжанскій сельскій сходъ

по первому приговору совершил умолчание о тѣхъ крестьянахъ, которые владѣли участками не на основаніи уставной грамоты, а на основаніи приговоровъ волостного суда и прежнихъ постановленій схода, и не хотѣлъ давать этимъ владѣльцамъ волокъ. Только подъ влияніемъ администраціи рѣшеніе схода было измѣнено.

Впрочемъ, и право собственности, основанное на уставной грамотѣ, признается только тогда, когда владѣлецъ обрабатывалъ свой участокъ и платилъ за него платежи. Такъ, Славовскій сходъ постановилъ:

• Домохозяевамъ (приводятся имена и фамиліи), за которыми, по подворному списку уставной грамоты, показаны, кроме огородныхъ земель, и цѣлые полевые надѣлы, предоставить при настоящей нарѣзкѣ только тѣ огородные мѣста, въ количествѣ каждому по одной десятинѣ, коними они, въ качествѣ огородниковъ, пользовались до настоящаго времени отъ самого освобожденія крестьянъ и введенія уставной грамоты и за которые только и уплачивали съ того времени выкупные платежи и мѣрскіе сборы, при чѣмъ изъ нихъ только одной В. Полюющихъ дать еще три десятины полевой земли, такъ какъ до сего времени это количество полевой земли находилось въ ея фактическомъ пользованіи».

Такимъ образомъ, сходъ отказывается отъ принципа дѣленія на уставные дворы въ тѣхъ случаяхъ, когда числящаяся по уставной грамотѣ земля не была въ фактическомъ пользованіи и за нее юридическимъ ея владѣльцемъ не были вносимы выкупные платежи.

Интересными въ процессѣ перехода на волоки являются вопросы о лѣсѣ, дорогахъ и водопое. Для всѣхъ этихъ вопросовъ въ самомъ началѣ вырабатываются извѣстныя нормы, которыми и руководствуются отдѣльные общества, съ небольшими колебаніями. Относительно лѣса Новопольскій сходъ постановляетъ, что хозяинъ, сохранившій свой лѣсъ, имѣть право въ шестилѣтній срокъ снять строевой и дровянной лѣсъ, молодой же остается въ пользованіи новаго владѣльца. Рыжанскій сельскій сходъ даетъ иную норму: лѣсъ, отдѣльные деревья и кустарники принадлежать прежнимъ владѣльцамъ, которые обязаны снять ихъ втечение трехъ лѣтъ; вмѣсто же лѣсныхъ участковъ они обязаны давать втечение того же времени соотвѣтствующее количество пахотной земли средняго качества. Дворицкій сходъ постановляетъ, что лѣсъ и отдѣльные деревья прежніе владѣльцы обязаны снять втечение трехъ лѣтъ. Крестьянину Василенку, въ собственности котораго есть одна десятина лѣса, дозволяется сохранить ее втечение трехъ лѣтъ съ тѣмъ, чтобы въ замѣнѣ онъ далъ десятину полевой земли. Челновскій сходъ разрѣшаетъ вопросъ о лѣсѣ опять иначе: лѣсъ владѣльцы должны снять втечение 5 лѣтъ; домохозяевамъ, сохранившимъ лѣсъ на цѣлыхъ десятинахъ или полудесятинахъ, предоставляется право удержать его съ тѣмъ, чтобы они дали въ замѣнѣ соотвѣтствующее количество пахотной земли. Давидовскій сходъ обязуетъ домохозяевъ снять лѣсъ въ шестилѣтній срокъ. Сходъ Рудни Крапивенской предоставляетъ право снять лѣсъ и кустарники въ 3-хъ лѣтній срокъ, по истечениіи котораго новые домохозяева имѣютъ право считать неснятый лѣсъ своей собственностью. По приговору Славовскаго схода, кустарники переходять къ новымъ

владельцамъ участковъ, большія же деревья остаются собственностью старыхъ, при чмъ послѣдніе обязаны снять ихъ втченіе трехъ лѣтъ.

Интересенъ случай, гдѣ устанавливаются права собственности на нѣсколько деревьевъ у дороги. Сколобовскій сходъ постановилъ, что четыре тополя при дорогѣ должны оставаться въ пользованіи общества. Надо замѣтить, что это не единичный случай, когда сходъ, при переходѣ на волоки, оставляетъ небольшіе участки земли въ общественномъ пользованіи. Такъ, Рыжанскій сходъ постановляетъ «оставить въ теперешнемъ видѣ общественные земли подъ шкальней (казенной винной лавкой) и гдѣ еврей Х. Кастанъ и арендаторъ Кноръ»; оставляетъ въ общественномъ пользованіи 4 десятины и Славовскій сходъ, изъ нихъ одну подъ училищемъ и одну подъ общественнымъ домомъ.

По условіямъ мѣстности, становится очень важнымъ вопросъ о проведеніи осушительныхъ каналовъ. Почти каждый приговоръ оговариваетъ права отдельныхъ хозяевъ проводить такія каналы черезъсосѣдніе участки. Сколобовскій сходъ постановляетъ, что—гдѣ понадобится—должны быть прорыты па общественный счетъ каналы для стока воды. Право прорытія каналъ оговариваются Рыжанскій, Мало-Горонковскій и нѣк. др. сходы.

Право водопоя оговариваетъ только Рыжанскій сходъ, постановившій, что рѣкой въ селѣ должны пользоваться всѣ сообща, а на волокахъ тѣ, чья волока приходится противъ рѣки. Такое малое вниманіе къ вопросу о водопое объясняется тѣмъ, что на каждомъ участкѣ роютъ колодезь, которымъ и пользуется каждый хозяинъ отдельно.

Весьма любопытны также постановленія сходовъ относительно д о р о г ь. Рыжанскій сходъ постановляетъ, что дороги, ведущія къ отдельнымъ домохозяевамъ, должны быть шириной въ 4 аршина, тѣ же, которыя служатъ потребностямъ всего общества, и трактовые должны быть не уже трехъ саженей. Исправленіе первыхъ лежитъ на обязанности того домохозяина, по чьей землѣ онѣ проходятъ, вторыхъ—на обязанности общества. Тотъ же сходъ постановляетъ, что каждый хозяинъ обязанъ датьсосѣду дороги до волоки и до купленной земли. По приговору Славовскаго схода, дороги между отдельными волоками должны быть въдвѣ сажени, а для надобностей всего общества—въ три сажени, при чмъ и тѣ и другіе исправляются всѣмъ обществомъ. Преобладаетъ, однако, первая норма.

Большинство приговоровъ заключаетъ въ себѣ постановленіе, что владѣльцы каждого участнаго двора должны подѣлиться между собой сами.

Этимъ я заканчиваю свой бѣглый обзоръ формъ перехода крестьянъ на волоки. Теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ о томъ характерѣ, какой носить х о з я й с т в о перешедшихъ на волоки, и о тѣхъ посѣдѣствіяхъ перехода, которая уже успѣли обнаружиться.

Переходъ на волоки радикально измѣнилъ крестьянское хозяйство. Прежде всего исчезъ обязательный сѣвооборотъ и стали возможны отклоненія отъ трехпольной системы и традиціоннаго способа обработки земли. Каждое

хозяйство стало представлять собой нечто вполне самостоятельное и каждый хозяинъ получилъ возможность, по мѣрѣ умѣнія, приближать его къ тому идеалу, какимъ самъ обладалъ. Идеаломъ такимъ въ данной мѣстности является нѣмецкое и чешское колонистское хозяйство, превосходства котораго слишкомъ очевидны, чтобы они не бросились въ глаза. По примѣру нѣмцевъ и чеховъ, перейдя на волоки, крестьяне начинаютъ тщательно удобрять не одни только усадебныя (огородныя) земли, какъ дѣлали раньше, но и полевые. Удобрение въ большинствѣ случаевъ, какъ и у нѣмцевъ, служитъ почти исключительно навозъ; въ нѣкоторыхъ селахъ, соприкасающихся съ чешскими колоніями, подъ вліяніемъ послѣднихъ примѣняется и гипсованіе полей, предназначаемыхъ подъ клеверъ. Самая обработка земли ведется на нѣмецкій манеръ—«грядками». На удобренной землѣ засѣвается большее ея количество, чѣмъ прежде, и подъ толокой остается меньше $\frac{1}{2}$, — обыкновенно $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$ участка (у нѣмцевъ иногда даже $\frac{1}{10}$). Недостатокъ въ паса компенсируется травосѣяніемъ. Сѣять клеверъ, вику, иногда тимофеевскую траву. Травосѣяніе практикуется на волокахъ вездѣ. Подъ траву иногда перепахиваются сѣнокосы, которые иногда предварительно выжигаютъ, затѣмъ первый годъ на такомъ мѣстѣ сѣять просо, а на съѣдующій—клеверъ или вику пополамъ съ овсомъ. Удобрение даетъ возможность получать хорошие урожаи пшеницы, которой засѣваются теперь много, между тѣмъ какъ прежде не сѣяли совсѣмъ. Изъ новыхъ для крестьянскаго хозяйства данной мѣстности растеній, появившихся съ переходомъ на волоки, нужно отмѣтить еще рожь, которая встречается не въ большомъ количествѣ. Навозъ при новомъ веденіи хозяйства—все и для добыванія берутъ иногда на выпасъ чужой скотъ. Вообще количество скота и опредѣляемое имъ количество удобренія является рѣшающимъ элементомъ для успѣха хозяйства на волокахъ. Тѣ хозяйства, въ которыхъ скота мало, приходить въ упадокъ и даже отдаютъ землю въ аренду; между тѣмъ, хозяйства съ достаточнымъ количествомъ скота прогрессируютъ. Чтобы нѣсколько иллюстрировать положеніе, создаваемое переходомъ на волоки, я позволю себѣ привести бѣглое описание трехъ типичныхъ хозяйствъ деревни Зубринки, которая первую перешла на волоки и въ которой результаты перехода успѣли обнаружиться яснѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ.

Хозяйство I. Величина участка даннаго двора 9 десятинъ. Въ моментъ описанія засѣяно 3 десятины озимью (2 рожью и 1 пшеницей), трияриной (овесь, горохъ и гречиха, большая часть занята овсомъ), три десятины подъ толокой и клеверомъ (клеверу около $\frac{1}{2}$ десятины). Количество скота: коровъ 5 (до перехода на волоки была 1), лошадей 2 (до перехода была пара воловъ), свиней 5 (прежде было столько же), овецъ неѣть (прежде были, но проданы, такъ какъ дорого содержать для нихъ отдельнаго пастуха). Есть молотилка съ коннымъ приводомъ, машина для рѣзанья сѣчки и вѣялка. Хозяинъ переходомъ очень доволенъ. Между прочимъ, онъ указываетъ, что ржи собиралось у него прежде съ десятины 4—5 копъ, теперь 8—10, пшеницы прежде не сѣяли совершенно;

отмѣщаетъ также, что скотъ теперь лучшаго качества, и даетъ много больше молока, такъ какъ доится три раза въ день, а прежде доился лишь 2 раза. Какъ на выгодную сторону перехода, хозяинъ указываетъ на прекращеніе эпидемическихъ болѣзней скота, который теперь пасется у каждого хозяина отдельно. Для водопоя и потребностей дома выкопанъ колодезь. Переноска дома обошлась въ 25 р., кромѣ личнаго труда. Для уборки кромѣ самого хозяина принимаютъ участіе и наемные рабочіе, которымъ платится по 60 коп. за рабочій день.

II хозяйство. Полный надѣль. Земли 21 десятина. Въ моментъ описанія было занято подъ озимью 7 десятинъ, подъ яриной 8 дес., подъ сѣнокосомъ 2 д. и подъ толокой 2 дес. Озимь—4 дес. ржи и 3 дес. пшеницы. Въ будущемъ году часть теперешняго ярового поля пойдетъ подъ толоку, а часть будетъ унавожена подъ озимь. Количество скота: 6 коровъ и быкъ (до перехода 3 коровы), лошадей 4 (до перехода 3). Молока коровы даютъ больше, такъ какъ кормъ лучше и три раза доять. Есть клеверъ и вика. Ярина—овесь, ячмень, гречиха, картофель, просо, ленъ и конопля. Жита получаются съ десятины 10—12 коп., прежде получалось около 4. Есть молотилка съ коннымъ приводомъ, соломорѣзка и вѣялка. Въ семье четверо мужчинъ и съ хозяйствомъ управляются безъ наемныхъ рукъ.

III хозяйство. Количество земли на данный наличный дворъ $6\frac{1}{4}$, десятинъ. Въ моментъ описанія было подъ озимью три десятины (подъ пшеницей 2 и подъ житомъ 1 дес.), подъ яриной 2 дес., подъ сѣнокосомъ $\frac{1}{2}$, дес. и подъ толокой 1 десятина. Есть клеверъ и вика. Скота 3 коровы, две озимыхъ телки и 2 лошади. Есть соломорѣзка, вѣялка и молотилка съ коннымъ приводомъ. Въ семье четверо мужчинъ. Съ хозяйствомъ управляются сами и, кромѣ того, арендуютъ 4 дес. у другихъ крестьянъ.

Наряду съ такими процвѣтающими хозяйствами, есть хозяйства, находящіяся въ упадкѣ, иногда несмотря даже на довольно большое количество земли. Это тѣ хозяйства, которыя лишены скота. Такъ, 3 дес. изъ 4-хъ, арендуемыхъ только-что описаннымъ хозяйствомъ, принадлежать крестьянину, надѣль которого 9 десятинъ, но не имѣя достаточно скота, чтобы унавозить всю свою землю, онъ часть отдаетъ за безцѣновъ въ наемъ (три десятины отданы за 52 р. на 10 лѣтъ). Мнѣ не удалось собрать сколько-нибудь подробныхъ данныхъ обѣ отдачѣ крестьянами въ аренду своихъ земель, но, повидимому, практикуется долгосрочная аренда съ уплатой впередъ и съ очень низкой цѣной. Такая форма аренды возможна только при стѣсненномъ положеніи отдающаго въ аренду. Послѣднее обусловливается либо отсутствіемъ скота и денегъ, чтобы поставить на ноги свое хозяйство, либо обмелѣніемъ наличнаго двора, почему оказывается невозможнымъ выдѣлить часть подъ толоку, а слѣдовательно и содержать скотъ, безъ котораго хозяйство невозможно. По отзывамъ крестьянъ, тѣлѣшъ возможнаго при новой формѣ хозяйства двора около 5 десятинъ. При меньшемъ размѣрѣ хозяйство становится невыгоднымъ и земля обыкновенно сдается въ аренду.

Этнографические очерки Минусинского и Канского округовъ, Енисейской губерніи.

(Изъ путевого журнала — 1857 г. *).

Населеніе. — Города Канскъ и Минусинскъ. — Образованіе поселеній и деревень. — Большой Московский трактъ. — Характеристика расположенного по немъ населенія. — Общий типъ крестьянъ-старожиловъ, казаковъ и ссыльно поселенцевъ. — Языкъ. — Черты изъ умственной и нравственной жизни населения. — Гулянки. — Пьянство. — Народное образованіе. — Расположеніе сель и деревень. — Строенія старой и новой постройки (рисунки). — Мебель. — Одежда. — Пища. — Будни крестьянства. — Праздничные дни и святочныя забавы. — Довольство крестьянъ. — Народная песня, сказки и преданія. — Свадебные обряды. — Обычаи, поверья, предрассудки, примѣты, пословицы и загадки.

Минусинскій и Канскій округи населяютъ: 1) сибириаки-старожилы, 2) ссыльно-поселенцы, живущіе отдѣльными поселеніями и приписанные къ деревнямъ старожилы, 3) козаки, размѣстившіеся отдѣльными станицами на югѣ Минусинского округа, 4) кочевые инородцы: татары, Минусинского округа, и кара-тасы, Канского округа, и, наконецъ, 5) добровольные переселенцы изъ малоземельныхъ великорусскихъ губерній. Городское населеніе составляютъ служащіе гражданского и военного вѣдомствъ, купцы, мѣщане и разные цѣховые.

Это населеніе, въ числѣ 116,070 душъ обоего пола, занимаетъ площадь пространствомъ въ 26,323 квадр. версты.

Въ Минусинскомъ округѣ находится одинъ окружной городъ Минусинскъ, 16 селеній, 88 деревень, 6 старыхъ казенныхъ поселеній, 23 новыхъ поселеній, устроенныхъ переселенцами.

Въ Канскомъ округѣ одинъ уѣздный городъ Канскъ, 20 селеній, 91 деревня, 14 старыхъ казенныхъ поселеній, 3 новыхъ поселеній, устроенныхъ переселенцами Вятской губерніи (въ числѣ 1,219 душъ обоего пола).

Минусинскъ переименованъ въ окружной городъ Енисейской губерніи въ 1822 году изъ с. Большой Минусы.

Канскъ построенъ въ 1638 году для приведенія въ подчиненіе котовъ и другихъ, кочевавшихъ по р. Кану, племя, известныхъ болѣею частью подъ именемъ качинцевъ и камасинцевъ. Основаніе канского острога положено атаманомъ Ермакомъ Осташевымъ, который, по приказанію воеводы Дубенского, съ 50-ю казаками долженъ былъ продолжать завоеваніе земель по р. Кану. Атаманъ Ермакъ, пройдя 200 верстъ по р. Кану, по причинѣ множества пороговъ и пустынности страны, рѣшился остановиться на одномъ лугу, на лѣвомъ берегу р. Кана. Здѣсь онъ располагалъ отдохнуть до прибытія посланного

* Изъ архива Имп. Р. Географ. Общества. Желательно знать, многое ли съ того времени перемѣнилось въ этомъ краѣ? Ред.

гонца къ воеводѣ относительно дальнѣйшихъ распоряженій. Но гонецъ скоро не возвращался, наступила бурная осень, предвестница суровой и тѣгостной зимы. Атаманъ Ермакъ, желая сберечь сотоварищѣ своихъ и готовясь къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, построилъ здѣсь нѣсколько хижинъ и оградилъ ихъ рвомъ и палисадникомъ по общепринятому обычаю первыхъ завоевателей. Въ 1822 г. Кансъ возведенъ въ окружный городъ Енисейской губерніи. Нынѣ Кансъ, по своему мѣстоположенію и наружному виду, считается однимъ изъ самыхъ посредственныхъ и бѣдныхъ уѣздныхъ городовъ Енисейской губерніи.

Объ основаніи старожильческихъ селеній и деревень положительныхъ свѣдѣній не сохранилось, и у жителей на ихъ земельные участки никакихъ письменныхъ актовъ не существуетъ; въ волостныхъ же управленихъ хранятся дѣла только съ 1822 года. Но по ходу историческихъ событій должно полагать, что первыя селенія образовались въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтія, и первыми строителями были казаки, за которыми послѣдовали свободные хлѣбопашцы, переселенныесъ въ Сибирь въ царствованіе имп. Екатерины II какъ добровольно, такъ и въ зачетъ рекрутъ, для заселенія края. Затѣмъ, къ этому первоначальному населенію присоединились ссыльные поселенцы, разнаго рода кочующіе инородцы, переселенцы изъ соѣдніхъ округовъ, мѣщане городовъ Енисейска, Томска, Иркутска, каторжные изъ казенныхъ заводовъ и, наконецъ—уже въ новѣйшее время—образовались отдѣльныя казенные поселенія для ссыльныхъ и поселенія, устроенные добровольными переселенцами изъ внутреннихъ губерній Россіи¹. Отсюда уже видно, что въ сельскомъ населеніи этихъ двухъ округовъ болѣе преобладаетъ элементъ жителей разныхъ губерній Европейской Россіи, нежели аборигеновъ южной части Енисейской губерніи, которые, при заселеніи русскими этого края, удалились одни за Саянскій хребетъ или Бѣлогорье, другіе перекочевали въ Минусинскій округъ и заняли болѣею частью степныя мѣста по лѣвую сторону Енисея. Но за исключеніемъ казенныхъ поселеній ни въ одной деревнѣ нельзя найти жителей одной какой-нибудь русской губерніи, или переселенцевъ изъ одного мѣста и города. Естественно, переселенцы эти не живутъ отдѣльными деревнями, а разбросаны по всему округу, такъ что въ одномъ селѣ можно встрѣтить крестьянъ, изъ которыхъ одни ведутъ свое происхожденіе отъ азіатскихъ народцевъ, другіе отъ пограничныхъ казаковъ или ссыльно-поселенцевъ и, наконецъ, отъ добровольныхъ переселенцевъ, русскихъ и сибирскихъ городскихъ и сельскихъ обывателей. Послѣдній классъ жителей, по разсказамъ старожиловъ, образовался слѣдующимъ образомъ: выписываемые мастера для постройки церквей и другихъ зданій, приходившіе изъ разныхъ мѣстъ плотники, кузнецы, ходѣщи, заѣзжіе мелочные торговцы, проживши на одномъ мѣстѣ нѣсколько лѣтъ, вступали въ семейныя связи съ обитавшими уже здѣсь жителями, впослѣдствіи обзаводились хозяйствомъ и силою обстоятельствъ были вынуждены поселиться навсегда въ извѣстной деревнѣ или селѣ. Каждый такой переселенецъ, въ осенености въ первыя времена заселенія Сибири, селился, гдѣ хотѣлъ, и избиралъ мѣсто осѣдлости по своему произволу и удобствамъ, какъ дѣлали казаки, первые завоеватели края. Ко-

¹ Дѣла архива минусинскаго окружнаго управления.

ничко, подобнаго рода заселенія не обходились безъ междуусобій, въ особенности на земляхъ инородческихъ; во раздоры эти, только во время завоеванія Сибири казаками, иногда оканчивались кровопролитіемъ; впослѣдствіи же споры о завладѣніи инородческими землями большою частью оканчивались драками или безконечными тяжбами. Безъ сомнѣнія, казаки, населяющіе нынѣ Минусинскій округъ, какъ первые пришельцы и потомки завоевателей Сибири, заняли въ Енисейской губерніи самыя лучшія мѣста. На долю позднѣйшихъ переселенцевъ досталось еще много богатыхъ земель и пастищъ, но съ тѣхъ поръ какъ стали заселять вѣжную часть Енисейской губерніи ссыльно-поселенцами и добровольными переселенцами, устраивая для нихъ отдѣльные поселенія, многія расчищенные крестьянами-старожилами наши были отданы поселенцамъ, крестьянамъ предоставлена была полная свобода распахивать—гдѣ и сколько кому было угодно—земли за чертою отмежеванныхъ земель для поселенцевъ.

Сельское населеніе Канскаго округа расположено по теченью р. Кана и впадающихъ въ нее рѣчекъ и по большому московскому тракту. Населеніе Минусинскаго округа, который отдѣляется отъ Канскаго округа высокими хребтами, отраслями Сабинскихъ горъ, расположено по обѣимъ сторонамъ р. Енисея, въ горахъ и по степямъ, и удалено отъ почтоваго московскаго тракта на 500 верстъ къ югу.

Нужно замѣтить, что просвѣщеніе въ Сибири больше распространено между жителями, населяющими полосу, по которой пролегаетъ этотъ трактъ, и чѣмъ болѣе оно удалено отъ него, тѣмъ болѣе замѣчается въ немъ простоты, патріархальности. Къ сожалѣнію, гостепріимство, радушіе и честность — качества, которыми славились сибиряки, становятся все слабѣе среди населенія по московскому тракту. Въ отдаленныхъ отъ него селеніяхъ гостю, кто бы онъ ни былъ, всегда рады, и заплатить за обѣдъ или самоваръ — значить обидѣть хозяина. На почтовой же большой дорогѣ народъ до того избалованъ и сталъ корыстолюбивъ, что не стыдится спросить денегъ за каждую беззѣлицу, и назначеніе рубля за обѣдъ считается здѣсь самою умѣренною платою. Естественно, всякие пороки и преступленія чаще наблюдаются среди этого населенія. Прежде путешественникъ могъ спокойно прѣѣхать всю Сибирь и никто не пытался утащить даже веревку съ повозки; нынче же осталось за счетъ сибиряковъ только одно достоинство, что васъ здѣсь не убьютъ или не зарѣжутъ. Но кражи разныхъ вещей, обрѣзываніе ящиковъ, привязанныхъ за повозкою — это случается сплошь и рядомъ, если только представляется къ тому сколько-нибудь удобный случай. Впрочемъ, говорять, что такія продѣлки совершаются большою частью ссыльно-поселенцами и бѣглыми бродягами, которые лѣтомъ безпрестанно странствуютъ изъ каторжной работы. Но мнѣ случалось встрѣчать довольно большія партіи бѣглыхъ каторжныхъ и никто изъ нихъ кроме милостыни никогда ничего не требовалъ отъ меня насилино. Въ Нижнеудивскомъ округѣ, гдѣ селенія рѣдки и лѣса непроходимые, однажды, подъ вечеръ, мнѣ попалась партія въ шесть человѣкъ бѣглыхъ каторжныхъ. Бродяги подошли къ экипажу, сняли шапки и, низко кланяясь, просили милостыни. Яищикъ остановилъ лошадей; я изъ предосторожности держалъ пистолетъ въ карманѣ пальто и уже было опустилъ руку въ карманъ, чтобы прибѣгнуть къ защитѣ отъ нападенія, но при видѣ блѣдныхъ, изнуренныхъ длинными переходами

этихъ несчастныхъ путниковъ въ лохмотьяхъ съ небольшими котомками за спиной, я совершенно успокоился и заговорилъ съ однимъ изъ стоявшихъ поближе къ повозкѣ.

— Кто вы такие?

— Прохожіе, ваше благородіе.

— Откуда?

— Изъ верчинскихъ заводовъ. Дай, батюшка, хлѣбца кусокъ или что твоей милости угодно будетъ, — устали шибко!

— Такъ это вы днемъ прикидываетесь нищими, а ночью чай подрѣзываете?

Въ прошедшую ночь дѣйствительно сняли у проѣзжаго два мѣста чая, о чмъ узналъ я отъ земскаго засѣдателя.

— Куда намъ дѣваться съ чаемъ, отвѣтилъ другой бродяга, вѣль на плечахъ не унести, а станешь продавать, сейчасъ узнаютъ.

— Кто же могъ больше подрѣзать?

— Да Богъ его знаетъ — злыхъ людей много. Въ деревняхъ живутъ поселенцы, которые только заиѣчаются, когда начнуть проходить бѣглые съ заводовъ, и тогда смѣло пускаются на воровство въ надеждѣ, что все подозрѣніе падеть на бѣглыхъ. Это уже не первый разъ случается. Конечно, и между нашими есть нехорошіе люди, но ихъ зато скорѣе ловить, и грѣха-то больше па душѣ.

Яищикъ, щавшій съ нами, подтвердилъ эту истину.

Разнородный составъ народонаселенія Сибири постепенно принялъ общія, свойственные русскому народу, виѣшнія черты. Но несмотря на этотъ общий типъ, стоять только взглянуть на физіономію здѣшняго сельскаго жителя, заговорить съ нимъ и почти всегда можно отличить крестьянина-старожила отъ ссыльно-поселенца или казака. Различіе это замѣчается въ говорѣ, выразительности лица, степенности, беспечности, вѣжливости или дерзости и въ другихъ мелочахъ, но довольно характеристическихъ отличіяхъ. У крестьянина-старожила рѣчь спокойная, говорить онъ протяжно, въ разговорѣ выказывается много учитѣвости, пріятности, но при всемъ томъ онъ всегда остороженъ, недовѣрчивъ и скрытенъ. Вы спросите здѣшняго крестьянина: гдѣ живеть волостной писарь?

— Что это? — Волостной писарь гдѣ живеть?

— Писарь-то?

— Ну да, писарь.

— А вонъ тамъ дальше! — указываетъ крестьянинъ рукою и, какъ будто хорошо объяснивъ домъ писаря, уходить поскорѣе. А чаще всего спрошенный крестьянинъ отговаривается незнаніемъ: — «Мы не здѣшніе, не знаемъ». Всмѣтитесь хорошо въ эту, повидимому, глуповатую физіономію и вы заиѣтите, что крестьянинъ старается прочитать въ вашихъ глазахъ, кто вы, зачѣмъ прѣѣхали въ деревню и, навѣрное, при первой встрѣчѣ съ товарищемъ, передасть ему всѣ свои впечатлѣнія и наблюденія. Чтобы вызвать здѣшняго крестьянина на откровенный разговоръ, надо выпить съ нимъ цѣлый самоваръ или порядочно угостить его виномъ. Подъ веселую руку здѣшній крестьянинъ уже не думаетъ обѣ отвѣтѣ, вообще судить здраво, говорить просто, но умно и довольно пріятно.

Крестьяне-старожилы роста среднего, хотя нередко встречаются и высокого роста; очертания лица у них чаще всего круглые; глаза синие и волосы светлорусые; телосложением они крепки, плотны. Здешние женщины роста высокого, с румяными щеками, томными взглядами, но не мало статны и очень часто с черными зубами. Женщины имют привычку постоянно жевать сюру или черешью, какъ противоскорбное средство, а сюру жуютъ съ целью очистить зубы послѣ еды; отъ этого у женщинъ запахъ изо рту всегда неприятный. Самое лучшее у мужчинъ и женщинъ, что прежде всего бросается въ глаза наблюдателю, это свѣжесть лица, которая сохраняется у нихъ до старости.

По наружному виду, казаки похожи на крестьянъ, но казакъ отличается стройностью, смѣливостью; волосы онъ носитъ обстриженные, борода выбрита. Крестьяне же бреютъ бороды и усы до 30-лѣтнаго возраста, потомъ бороду запускаютъ, а усы только подстригаютъ. Военная дисциплина или сознаніе своего воинстваго званія дѣлаютъ казака человѣкомъ ловкимъ, разговорчивымъ, расторопнымъ, смѣливымъ, но, притомъ, хитрымъ и недовѣрчивымъ. Казакъ—вообще человѣкъ бывалый: онъ знаетъ самые отдаленные уголки Сибири, ему известно все, что происходит въ его округѣ; все, что онъ видѣлъ и слышалъ, онъ умѣетъ передать и разсказать не хуже грамотнаго. Здешнихъ казаковъ выгодно характеризуютъ: трезвость, доброе поведеніе, трудолюбіе, гостепріимство, любознательность, предпріимчивость и изворотливость въ торговыхъ оборотахъ. Но, при всемъ томъ, робость и беспечность, какъ характеристическая черта, составляютъ неотъемлемыя свойства почти всѣхъ жителей Сибири.

Что касается, наконецъ, ссыльно-поселенцевъ, то это тунеядцы, известные своею лѣнностью и скитальческою жизнью; они до сихъ поръ не представляютъ ничего утѣшительного для края. Впрочемъ, попадаются и между ними довольно порядочные хозяева, которые, по прибытии въ Сибирь, успѣли обзавестить хозяйствомъ и сдѣлались осѣдлыми.

Языкъ здешняго населенія представляетъ смѣщеніе нарѣчій разныхъ великорусскихъ губерній, но онъ всего ближе подходитъ къ говору ярославскому и другихъ подмосковныхъ губерній. Нарѣчіе мѣстныхъ крестьянъ отличается отъ нарѣчія ссыльно-поселенцевъ; послѣдніе сохранили нарѣчіе той губерніи, изъ которой сосланы въ Сибирь. Особенности нарѣчія крестьянъ состоять въ произношениіи нѣкоторыхъ словъ, буквъ и въ сокращеніи глаголовъ. Однѣ и тѣ же буквы то выговариваются правильно, то неправильно. Выговоръ словъ довольно протяжный и болѣе похожий на иотный напѣвъ, чѣмъ на обыкновенный разговоръ. Буква *о* всегда сильно выступаетъ. У крестьянъ замѣчается особенная страсть коверкать собственные имена людей и названія нѣкоторыхъ предметовъ; напр.: Ната—Наталія, Степча—Степанъ, Петрованъ—Петръ, Паруша—Прасковья, Маринча—Марина, гумага—бумага, восподинъ—господинъ, подъ ярѣстомъ—подъ арестомъ, и др. Но при всемъ томъ, выговоръ словъ нѣженъ и въ разговорахъ наблюдается чрезвычайно многое учтивости и мягкости. Крестьянинъ называетъ крестьянина по имени и отчеству. Ямщикъ называетъ купца «ваше почтеніе», чиновника — «ваше высокоблагородіе».

Кромѣ особенного выговора и оборотовъ рѣчи, встречаются еще употребление словъ, которыхъ мало известны или вовсе неизвестны въ общеупотребитель-

номъ языкѣ. Вотъ опытъ краткаго южнаго словаря, по которому отчасти можно судить о нарѣчіи здѣшнихъ жителей:

Авось	можетъ быть.
Бало	говорю.
Братанъ	брать (адраветун, братанъ!).
Болозенъ	хорошо что, кстати.
Ворошень	пожитки.
Букарка	коявка.
Вонъ-де кѣ	тамъ.
Взаболь	въ самомъ дѣлѣ.
Во Христовную недѣлю	первая недѣля Пасхи.
Варнакъ	каторжный (слово бранное. Назвать варнакомъ, значить, страшно обидѣть).
Въ топори	тогда.
Ванъча	Иванъ.
Водня	хожденіе за дѣтьми.
Влазинъ	новоселіе.
Выбыгalo	высохло.
Встрѣлся	встрѣтился.
Ваясть	взять.
Гуляйте къ намъ	прошу приходить къ намъ въ гости.
Горазно	рѣдко.
Гумага	бумага.
Дарча	Дарья.
Динно	давно.
Еланъ	перелѣскъ, роща.
Емъ, имя	имъ (именіе).
Загуляйте	зайдите.
Зареви	позови.
Зиму́сь	зимою.
Зепъ	карманъ.
Колда	когда.
Коевадни	налияхъ.
Кисованъ	Фоктистъ.
Коврига	хлѣбъ, коровай.
Кортомить	отдавать въ наймы.
Ланись	въ прошломъ году.
Лопотъ	одежда (въ един. числѣ).
Лопотина	одежда (во множ. числѣ).
Лончакъ	одногорлый жеребенокъ.
Лишакъ, лѣшакъ	дьяволъ.
Матерый	большой.
Мотри	смотри.
Молений	добродѣтельный человѣкъ.
Маринча	Марина.

Могите защищать	прошу оказать защиту.
Мара — вить мара!	неуклюжий.
Марево	парь въ воздухѣ отъ жара.
Морочно	насмурно.
Маганый	бѣлокурый.
Мона	меня.
Мизгирь	паукъ.
Молосное	скоромное.
Нацркъ	въ будущемъ году.
Не давай знаку	не давай мѣшкать.
Не бардю	не боюсь.
Не занимается	не занимашся.
Нѣту-ка	нѣть.
Нут-ка	ну.
Нѣтчикъ	отсутствующій.
Недоточень	не годится къ чему-нибудь.
Необходимо	нечисто.
Норки	ноздри.
Онамѣдни	} въ прошлой разъ.
Оногда	
Облакаться	одѣваться.
Одноридка	армякъ изъ крестьянского сукна.
Обутки	вообще башмаки, сапоги, черки.
Осенясь	осенью.
Оболеници	рамы окна.
Окитить	вычистить.
Опружить	опрокинуть.
Подчалокъ	мальчикъ 8—10 лѣтъ.
Посушествовать	поссорился.
Петрованъ	Петръ.
Подъ ярестомъ	подъ арестомъ.
Пятной: пятнало бы тебя!	бранное слово: покрыло бы тебя ранами:
Пеструна	пестрая.
Поглядь-ко	посмотри.
Паруна	Параша.
Подстрѣль	бранное слово: стрѣляло бы тебя!
Петрусы	непріятное обстоятельство.
Прокъ	на будущій годъ.
Паутъ	оводъ.
Плетеово	рость (напр., у него хорошее плетево — у него хороший ростъ).
Робить	работать.
Ревѣть	кричать (довольно смѣшно слышать, когда рассказываютъ о дамѣ, что она кричала: «она ревѣть, ревѣть»).
Свина	съ нимъ.

Стешка	Стешанида.
Сагиры	бродни (салоги непромокаемые).
Сурна	корзина изъ тростника.
Сродный	двоюродный.
Салётокъ	годовой жеребенокъ.
Смолость	вымя (часто подаютъ вмѣсто жаркого).
Станокъ	станція почтовая.
Тына	иного.
Туто-ка	туть.
Третьякъ	жеребенокъ по 3-му году.
Тавро	штепель, который штепеляютъ лошадей.
Тайга	дремучій лѣсъ.
Тоскливо	скучно.
Урганичать	бѣлковать за орѣхами (напр., когда бѣлка запасается орѣхами, то отыскивать орѣхи, значитъ: урганичать).
Уруть	отчаянная драка.
Уросить	упрямиться.
Федыша, Федюха	Федоръ.
Чаю	думаю.
Чурхать	слышать.
Чуча тебя возьми.	бранное слово (когда-то была здѣсь чудь, народъ, который, по преданіямъ, будто бы при видѣ бѣлой берески убивалъ себя).
Чернуша	черная.
Чалдались	сворили, хлопотали.
Шалеви	шевели.
Шагайте	добро жаловать, идите къ намъ, покорно прошу.
Этова	этого.
Эку сиѣнь нагнай	настращай.
Эта трубля	какое чудное дѣло.
Экстра была	ссора была.
Язвить	бранное слово (напр., «а чтобъ-тезязвило»!).

Для примѣра считаю неизлишнимъ присовокупить складъ здѣшней рѣчи. Десятскій стучится въ окно къ крестьянину и требуетъ лошадей для исправника.

— Дома-ль, хозяинъ, у ти кони? Повозка бѣжить, исправникъ въ волости!
— Чаво, отвѣчаетъ, тамъ таково?
— Подно баять, коней выводи, знашь свое дѣло, а то взаболь осерчаетъ исправникъ! Виши колокольцы-то брякаютъ, видно проѣхалъ въ засѣдательскую. Поди-тко-сы! Какой карандащикъ-то важнецкій! говорить десятскій, глядя на проѣзжающую повозку.

Крестьянинъ неохотно встаетъ съ постели, будить жену, чтобъ поспѣтила.

— Серамичка, Серамичка (Серафима), видь-ко сюда, да сними огни!

— А и, чаво-жъ ты, изъбель ревень; лѣшій что-ли тя подняль ночью?
Чтѣ бы вѣсъ тамо-кѣ! Какъ спужалъ! Да чего-жъ тамъ такого?

Мужикъ мужику говорить учтиво; крестьянка называетъ свою знакомую по имени и отчеству:

— Когда же вы къ намъ пожалуете? Дивно ужъ однико не гуляли!

— Однико, дивно, Авдотья Ивановна! Время страдное, да и въ хатѣ-то водни такая, пекою нѣтъ. А надо же колда-нибудь завернуть къ вамъ на вѣзину.

Несмотря на этотъ вѣжливый тонъ рѣчи, въ бранныхъ словахъ сибиряки не уступать великорусскимъ мужичкамъ.

Мать говорить дочери и потомъ обращается къ работнику:

— Ахъ, дѣвка, вставать-то надо, да прясть; вѣдь, поранѣ, дитятко, встанешь, да къ болѣ напридешь,—надѣятца-то не на кого; я прясть-то сама не могу. Сама ты, родимая, не забудь: кто поранѣ-де встаетъ, тогъ богато живеть, дѣвка!

Тутъ хозяйка смотрить въ окно и видѣть, что кто-то выпустилъ овецъ и телять изъ хлѣва.

— Бѣги скорѣй, говорить она работнику, овчишки тѣ вышли, будь ты проклять, какой-то лѣшакъ ихъ выпустилъ! Ну, да ужъ какой ты неповоротень, еще колды я сказала телять-то напоить, а онъ еще и овецъ не напоилъ, собака! Будь ты проклять, все надо самой-то, вотъ чуча навизалась! Пятнало бы де его, прости, Господи, мои тяжкія прегрѣшенія, нехотя-де согрѣшаешь; деньги-де берутъ, да и тянуть день до вечера, варначѣ собаки! Иль какъ бы только день прошелъ скорѣй, а того не знаешь, что день да ночь—вотъ и сутки прочь!

Надо замѣтить, что при разговорахъ крестьяне-старожилы всегда употребляютъ присловья: ко, де, те, ась, асинька. Напр: поди-ко, поглядѣ-ко, у меня-де онъ вѣ скажеть, де онъ есть, де чего и послушать. Вотъ-те и гудокъ, вотъ-те тутъ и попалъ въ кошель, вотъ-те и игрушка! Слово ась употребляется при вопросѣ и при названіи кого-либо по имени, напр: сиѣ Петрованъ! онъ отвѣчаетъ: ась? Старики же отзываются: асинька?

Мужикъ приходить съ работы и говорить женѣ.

— Баба, почини-ко мѣшки, завѣрѣ надо будеть хлѣбъ вѣять.

Вдругъ видѣть ребенка на полу и начинаеть кричать на жену:

— Ужъ ты—какая розиня! Ребенокъ весь замарался, а ты ослѣила, не видишъ-те.

Потомъ, умыть руки, обращается къ женѣ:

— Стряпка, станови-ко на столъ, да бѣги проворнѣ, тащи квасу, бѣда какъ пить-те охота!

Вотъ еще образчикъ склада рѣчи грамотного сибиряка-крестьянина: «Всеслобезнѣйшій Сынъ мой Тимофей Иванычъ! Посылаю тѣ родительское навѣки нерушимое отъ чистаго сердѣца Благословленіе, всенижайшій поклонъ також-де и Матушка твоя Аграфена Ивановна кланіет-ца, и носылаеть благословеніе навѣки нерушимое. Братъ-ци твои Иванъ, Петруха, и Сестры Дарюша и Катына ниско кланіютъ-ца отъ тѣбѣ мы всѣ вообще проспимъ отъ чистаго сердѣца

прислать намъ на подушину денегъ хоть сколько тебѣ забытого предвидѣнія». Или: «Донесеніе старшины въ Абоконское волостное управление.

Деревни Сининой Старшины

Ляпорга!

«Вчера приѣхалъ ходокъ съ приказомъ въ которомъ писано донести, что близъ р. Сыды подъ Скотина много-ли имѣть въ окружность верстъ, но такъ какъ это было подъ праздникъ то всѣ общество было въ башѣ; а и Старшина чтобы поскорѣ исполнить приказъ взялъ жену мою Федору и Куму Хавронью, обѣѣхалъ три раза и нагрѣхъ немогъ толку никакого дать, очемъ Волостному правлѣнію и даношу и въ полученіи моего Ляпорта предписываю дать Росписку».

А вотъ образецъ грамотности и склада рѣчи здѣшнихъ казаковъ. Вѣ бытность мою въ Карагатуской станицѣ, я написалъ нѣсколько вопросовъ относительно мѣстнаго сельского хозяйства и этнографіи и передалъ ихъ одному хорунжему за-урядѣ съ тѣмъ, чтобы получить свѣдѣнія о занятіяхъ казаковъ. Вотъ его отвѣтъ:

На вопросъ: земледѣліе и народное богатство?

«Качество почвъ по сей Станцѣ различное, воаке Карагатускаго села почва-то черноземная, то супесь. Хлѣбопашествомъ казаки занимаются не въ большихъ размѣрахъ и засѣвается хлѣбъ только для собственнаго продовольствія. Болѣе всего занимаются скотоводствомъ, для котораго мѣстность благопріятствуетъ».

На вопросъ: ремесла, какъ-то: выдѣлка деревянной посуды, смолы и дегтя?

«Эти художества весьма въ маломъ количествѣ развиты, ихъ приготовляютъ для своихъ надобностей».

Крестьяне, живущіе по большинѣ почтовыхъ трактамъ, говорятъ лучше, чѣмъ живущіе по проселочнымъ дорогамъ и мѣстамъ, отдаленнымъ отъ губернскихъ городовъ. Женщины, хотя говорятъ исправильнѣе мужчинъ, но пріятнѣе и болѣе на-распѣвъ. Большая часть изъ нихъ не выговариваютъ букву *r* и *l*, что придаетъ рѣчи свою особенность, напр.: юбъ-ю—люлю, къясный—красный, бо-ить—болитъ, коѣовушка—коровушка.

Говоря обѣ умственныхъ и нравственныхъ свойствахъ здѣшняго населенія, надо замѣтить, что крестьянинъ-сибирякъ, по нашимъ наблюденіямъ, въ умственномъ отношеніи далеко превзошелъ крестьянина Европейской Россіи. Заговорите съ любымъ здѣшнимъ мужикомъ, и если онъ знаетъ, что съ вами можно говорить откровенно и онъ не подозрѣваетъ въ васъ какого-нибудь «ляизора» или важнаго чиновника,—станетъ излагать свои мысли ясно, здраво, если хотите, даже остро. Но добиться отъ него этой откровенности чрезвычайно трудно: здѣшній крестьянинъ всегда на-сторожѣ и воображаетъ, что онъ—предметъ постоянныхъ происковъ, а потому онъ всегда недовѣрчивъ, скрытенъ, лукавъ и плутоватъ. Сибирякъ «себѣ на умѣ». Онъ кротокъ, ласковъ, нѣжливъ, съ высшей степенью послушенія мѣстнымъ властямъ, но онъ таковъ только по видимому, въ своихъ вѣнчанныхъ отношеніяхъ съ другими. На самомъ дѣлѣ онъ слишкомъ увѣренъ въ своихъ умственныхъ способностяхъ, и прежде чѣмъ самъ

высказать свое мнѣніе, старается все ему необходимое разузнать отъ васъ и потому уже, смотря потому съ кѣмъ имѣть дѣло, станеть разсуждать съ вами. Если же онъ замѣтить въ своеемъ собесѣдникѣ смѣшленность, умъ, сейчасъ это «смѣкаеть», и будеть затѣмъ постоянно доказывать душой.

Украшавшія крестьянинъ нравственные качества — честность, гостепріимство и состраданіе къ ближнимъ годъ отъ году падаютъ. (?) Несчастнѣиъ ссыльныхъ, безпріютныхъ, сиротамъ, людямъ, потерпѣвшимъ несчастіе отъ непредвидимыхъ причинъ, крестьяне всегда готовы помочь. Проходить ли паргія ссыльныхъ — навстрѣчу имъ бросають — кто сколько можетъ — деньги, въ т. п. и снабжаютъ ихъ хлѣбомъ, рыбой и проч.; зайдуть ли въ деревню «прохожіе» (бѣглые изъ ссыльно-каторжныхъ заводовъ) крестьяне — безъ разспросовъ о нихъ и малѣшаго упрека по адресу ихъ — кормятъ несчастныхъ, иногда даютъ немного денегъ и линнюю обувь или одежду. Въ большиѣ праздники имая хозяйка напекасть широговъ, шанегъ, изжарить кусокъ баранины и все это посылаеть въ острогъ арестантамъ. Нерѣдко случается, что разыскиваютъ нищихъ и посылаютъ имъ посильную помочь на домъ.

Нигдѣ, кажется, такъ не любятъ разсѣвать новости, а большею частью ложные слухи, какъ въ Сибири. Новости расходятся здѣсь съ неимовѣрною быстротой: крестьянинъ, услышавъ что-нибудь въ городѣ, на базарѣ, передаєтъ ямщику, ямщикъ другому, тотъ передѣливаетъ слышанное на свой ладъ, преувеличиваетъ, и вы удивляетесь, какъ это то, что дѣлается въ Иркутскѣ, черезъ нѣсколько дней известно въ Красноярскѣ, а черезъ три-четыре недѣли знаеть вся Сибирь. Вообще, сплетни въ Сибири въ большемъ ходу какъ среди простого народа, такъ и въ высшихъ кругахъ общества. Вирочемъ не подумайте, что клевета разносится здѣсь съ какою-нибудь злобою — нѣтъ. Любознательность — или скорѣе — любопытство развиты здѣсь въ высшей степени.

Въ нравственномъ отношеніи здѣшній крестьянинъ стоять, сравнительно, довольно высоко. Буйство, грабежъ, воровство и другія преступленія здѣсь чрезвычайно рѣдки. Если попадется кто-нибудь въ воровствѣ, то скорѣе поселенецъ, чѣмъ мѣстный крестьянинъ. Изъ главнѣйшихъ пороковъ, свойственныхъ здѣшнимъ жителямъ: лѣнъ, пьянство, ищеніе и развратъ. Пьянство и развратъ здѣсь не называются даже порокомъ: они такъ усвоились жителями, что никто не обращаетъ на нихъ вниманія. Молодая девушка не дорожитъ своимъ цѣломудріемъ и развратничаетъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается беременною; тогда только являются женхи и берутъ ее себѣ въ невѣсты, уже въ полной увѣренности, что она способна приносить дѣтей или, вѣрѣ, работницъ. Жениха не печалить прежнее дурное поведеніе невѣсты: «пощадила въ молодости, будеть хорошая хозяйка въ старости», думаетъ онъ.

Сознаніе своей свободы, самолюбіе сильно развиты въ сибирякахъ. Причиненные имъ обиды они помнить долго, и потому ищеніе затаенное, обдуманное и долговременное характеризуетъ нравы здѣшнихъ крестьянъ. Правду рѣдко можно узнать у здѣшняго крестьянина. Онъ полагаетъ, что ничего не дѣлается для его блага, а если что дѣлается, то лишь изъ-за однихъ корыстныхъ людейъ. Когда вы станете спрашивать здѣшняго мужика о хозяйствѣ и достаткахъ его, онъ никогда не скажеть вамъ истины. На ваши вопросы онъ съ величайшою осторожностью въ недовѣрчивостью отвѣтываетъ общими фразами, ста-

раясь всегда представить свое положение въ самомъ жалкому видѣ. Должно быть, прошедшия времена неограниченного господства воеводъ глубоко запали въ народныя преданія, и характеры дѣдовъ и отцовъ сдавали и до сихъ поръ не отражаются въ поступкахъ позднѣшаго и нынѣшняго поколѣній.

Религіозное чувство сильно развито въ здѣшнемъ населеніи, но выраженія вѣтѣшней набожности его почти не замѣчается. Для характеристики этой стороны народной жизни привожу здѣсь отзывъ священника Писинской волости о религіозности здѣшнихъ крестьянъ:

«Въ церковь собирается народу много, но мнѣ не случалось видѣть молящихся съ набожностью. Въ несчастіи крестьянинъ произноситъ слово «Богъ» какъ будто машинально, не стараясь искать утѣшения въ молитвѣ — горячеть изліяніи души, скорбящей передъ Всеизидашнимъ Творцомъ. Сибирякъ, какъ христианинъ, не умретъ безъ напутствованія святыми дарами, но и не считается это необходимостію. Въ постные дни: среду и пятницу воздерживаются отъ скромной пищи; но исполняютъ посты болѣе по привычкѣ и язъ видовъ хозяинства сбереженія, чѣмъ для изнуренія тѣла, чтобы духъ человѣка брагъ перевѣсь надъ его плотью, и постоянныя размышленія дали бы ему возможность искать видѣть и узнать свои недостатки и тѣмъ сдѣлать поступки свои угодными Богу. Отецъ и мать, взрослый и малолѣтній дѣти никогда не отказываются отъ скромнаго потчеванія въ гостяхъ, если только представляется къ тому удобный случай. Въ этомъ отношеніи ничего утѣшительного нельзя сказать я о поселенцахъ. Поселенцы, поступивъ въ Сибирь и проживъ здѣсь нѣсколько лѣтъ, скоро перенимаютъ нравы сибирскіе и, со временемъ, ничѣмъ не отличаются отъ коренныхъ здѣшнихъ жителей: также лукавы и недовѣрчивы, и болѣе сибиряковъ склонны къ праздности и всевозможнымъ порокамъ».

Въ купеческомъ быту еще можно встрѣтить болѣе набожности. Очень часто случается, что въ гостяхъ, въ особенности въ дамской компании, другого разговора вы и не услышите, какъ только о церковномъ богослуженіи и о духовныхъ лицахъ; до мелочей замѣчается все, что было сказано и видѣно въ церкви. Еще до сихъ поръ сохраняется обычай въ нѣкоторыхъ старинныхъ купеческихъ домахъ за обѣдомъ пить божественные пѣсни. Но все это дѣлается такъ безсознательно, машинально, что трудно разгадать, танится ли въ этихъ обрядахъ истинное религіозное чувство. Достойно замѣчанія, что въ Сибири старики и старухи очень набожны; но дѣти ихъ, напротивъ, очень неохотно ходятъ въ церковь и разсѣянно слушаютъ чтенія изъ богослужебныхъ книгъ. Малолѣтніе въ праздничные дни занимаются разными дѣтскими играми, а взрослые имѣютъ привычку сидѣть въ эти дни передъ окнами кабака или стоять среди улицы и, собравшись въ кружекъ, рассказывать о своихъ прохожденіяхъ и кутежахъ.

Пьянство распространено къ классу простонародному, какъ между городскими, такъ и сельскими жителями въ одинаковой степени. Крестьяне пьютъ здѣсь периодически. Иногда крестьянинъ не пьетъ вина цѣлый мѣсяцъ, но приходить храмовой или другой праздникъ, и тогда этотъ крестьянинъ пьетъ нѣсколько дней сряду. Дороговизна вина (7—8 р. ведро водки) еще заставляетъ крестьянинъ нѣсколько удерживаться отъ пьянства. Между ними какъ мужчины, такъ и женщины чрезвычайно склонны къ гульбѣ. Затѣянная гулянка не пре-

кращается ранѣе 3 — 4 днѣй. Заведено такъ, что обыкновенно кутять до тѣхъ поръ, пока не выпьютъ все заготовленное къ празднику пиво и не сѣѣдятъ приготовленныя яства. Такія продолжительныя гулянки чрезвычайно отвлекаютъ крестьянъ отъ сельскихъ работъ. Въ обыкновенные дни крестьяне рѣдко пьютъ вино; но, вѣроятно, ни одинъ крестьянинъ не откажется отъ приглашенія пойти въ кабакъ и выпить на чужой счетъ. Пріѣзжу гостю изъ другой деревни крестьянинъ всегда радъ; но если онъ пріѣхалъ въ будни, хозяинъ, угощая гостя, никогда не пропить съ нимъ болѣе 3 рублей. Это показываетъ нѣкоторую степень бережливости сельчанина. Впрочемъ, здѣсь она довольно своеобразна: то крестьянинъ живеть слишкомъ бережливо, даже скучо, отказывая себѣ во всемъ; то ему деньги ни по чѣмъ. Періодъ этотъ наступаетъ обыкновенно съ святками и храмовыми праздниками. Тогда кутежу нѣть границъ. Въ каждомъ округѣ, по преданіямъ старины, существуютъ свои, такъ называемыя, съѣзжіе праздники и годовые. Съѣзжіе бывають: въ дни свв. Петра и Павла, св. Ильи, Иоанна Предтечи, Успенія Пр. Богородицы, Троицынъ день и др.; годовые — на Пасхѣ, Рождествѣ Хр., въ Новый Годъ, Крещеніе, Благовѣщеніе и др. Въ эти-то дни крестьяне сосѣднихъ деревень съѣзжаются въ одно какое-нибудь село, расхаживаютъ изъ дома въ домъ, сосѣдъ угощаетъ сосѣда, пріятель пріятеля. Это пора, когда они мирятся, вспоминаютъ старину и прискиваютъ всевозможные случаи, чтобы выпить. Въ эти дни въ селѣ всѣ отъ мала до велика, не исключая и женскій полъ, пьяны. Дѣвицы ходятъ гурьбой по улицамъ села, поютъ пѣсни, заходить къ болѣе зажиточнымъ хозяевамъ и ими угощаются. Дѣвицы сперва пьютъ чай, потомъ вино по рюмочкѣ, по другой, и тутъ-то сопровождающіе ихъ кавалеры уже распоряжаются своими дамами, какъ кому заблагоразсудится...

Послѣ такихъ гулянокъ каждый домохозяинъ составляетъ счетъ своимъ расходамъ, причемъ не обходится безъ упрековъ и неудовольствій какъ на самого себя, такъ и на жену за излишніе расходы. Чтобы вознаградить себя за потерянное въ хмѣльные дни, крестьянинъ ведеть нѣкоторое время (до первого благопріятнаго случая или праздника) самую воздержкну жизнь и кое-какъ пробивается, какъ саіый жалкій бѣднякъ. Такъ какъ самолюбіе у здѣшніхъ зажиточныхъ крестьянъ развито въ высшей степени, то мужикъ, если въ будни задаетъ гулянку или попойку, то только въ увѣрѣности, что обѣ этомъ заговорить вся деревня и молва разойдется по всему околотку. Такія крайности въ домашней жизни крестьянъ — отъ расточительности до излишней скупости подаютъ поводъ поселенцамъ, которыхъ старожилы рѣдко приглашаютъ на свои гулянки, подтрунивать надъ ихъ скряжничествомъ: — къ чemu ты, братанъ, бездну кошишь, вѣдь, ты своею скупостью дьявола смѣшишь? — Я придерживаюсь, отвѣчаетъ старожилъ, батькиной пословицы, который въ старину бантъ: скупость не глупость, богатство — тотъ же голубокъ: куда захочеть, туда и полетѣтъ.

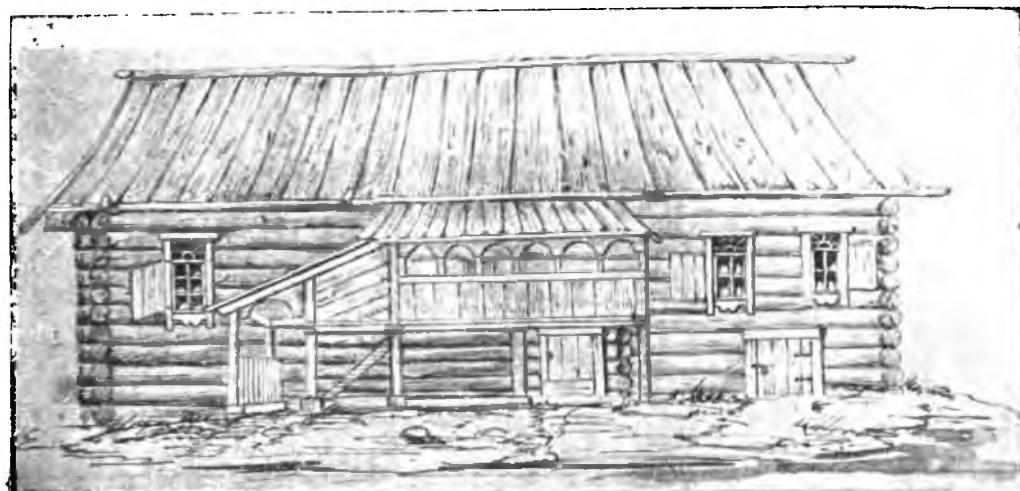
Вотъ почему между крестьянами попадаются и такие субъекты, которые проявляютъ особенную страсть къ деньгамъ. Впрочемъ, такие сребролюбцы копять и берегутъ деньги не для того, чтобы сдѣлать изъ нихъ полезное употребленіе, а лишь потому, что деньги даютъ крестьянину нѣкоторое значеніе въ околоткѣ; что къ богатому мужику ходить и священникъ и чиновникъ, и оказываютъ ему предпочтеніе предъ другими. Сбереженіе крестьянина представляеть мертвый ка-

шталь, который онъ не умѣть и сохранить. Онъ прачеть деньги по амбарамъ, въ хлѣбномъ гуматѣ, зарываетъ въ глиняной посудѣ въ землю или въ прорубленныхъ въ стѣнѣ дома штабиками. Въ своеемъ же сундукѣ крестьянинъ оставляетъ саму незначительную часть денегъ на домашніе расходы. А понадобятся ему деньги, онъ приѣзжаетъ къ неразсчетливому сбыту своего зерна, норовя непремѣнно продать его въ городѣ, какъ ни неблизко послѣдній отъ деревни.

Существующіе адѣсъ способы къ народному просвѣщенію крайне скучны. Въ Минусинскомъ округѣ есть только одно приходское училище; грамотныхъ крестьянъ до 100 человѣкъ. Въ Канскомъ округѣ одно приходское училище и Рыбинская народная школа. Въ деревняхъ, даже при церквиахъ, не учреждено ни одной школы. Старики и старухи бываютъ очень довольны, когда ихъ дѣти въ праздничные дни читаютъ имъ «божественные» книги, въ особенности любятъ слушать житія святыхъ, отцевъ церкви.

Старинныя селенія и деревни какъ въ Минусинскомъ, такъ и въ Канскомъ округахъ выстроены не по плану: гдѣ кто вадумалъ, тамъ и строился. Деревни по Большому Московскому тракту расположены по прямой линіи, по обѣимъ сторонамъ дороги,—она составляетъ главную улицу деревни; остальная часть домовъ разбросана въ разныхъ направлениихъ, и они сгруппированы такъ тѣсно, что, въ случаѣ пожара, одинъ домъ грозить опасностью другому. Расположеніе деревень, удаленныхъ отъ Московскаго тракта, еще исправильнѣе: дома то расположены по одному посаду, но тоже не по прямой линіи, то разбросаны между кривыми и узкими переулками: одинъ домъ выдался на улицу, другой вдался; одинъ своимъ фасадомъ обращенъ во дворъ, другой вдоль переулка. Словомъ, въ старинныхъ деревняхъ, по мѣрѣ ихъ заселенія, каждый строился, гдѣ и какъ хотѣлъ, лишь бы было на то согласіе соѣздовъ. Но въ каждой деревнѣ всегда есть одна большая, широкая улица, по обѣимъ сторонамъ которой выстроены дома старой и новой постройки. Дома старой постройки стоять рядомъ съ новыми, красивыми домиками и своею безобразною формою и ветхостю часто придаютъ улицѣ довольно невзрачный видъ.

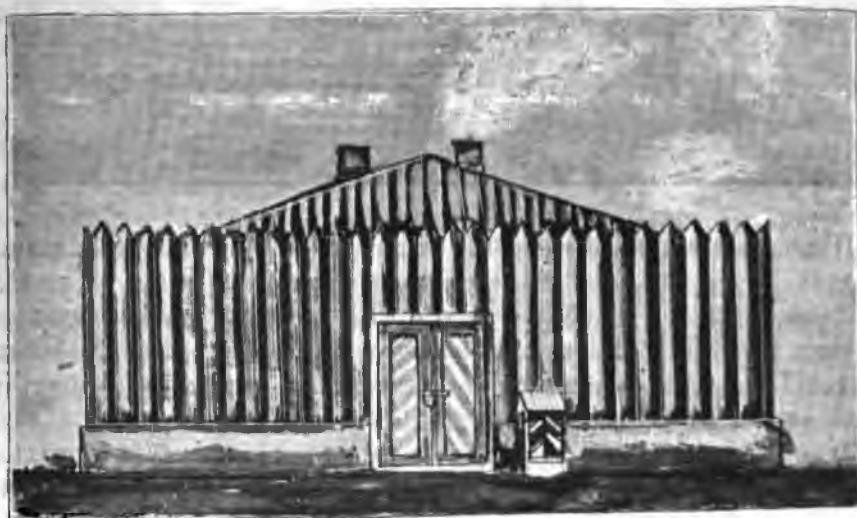
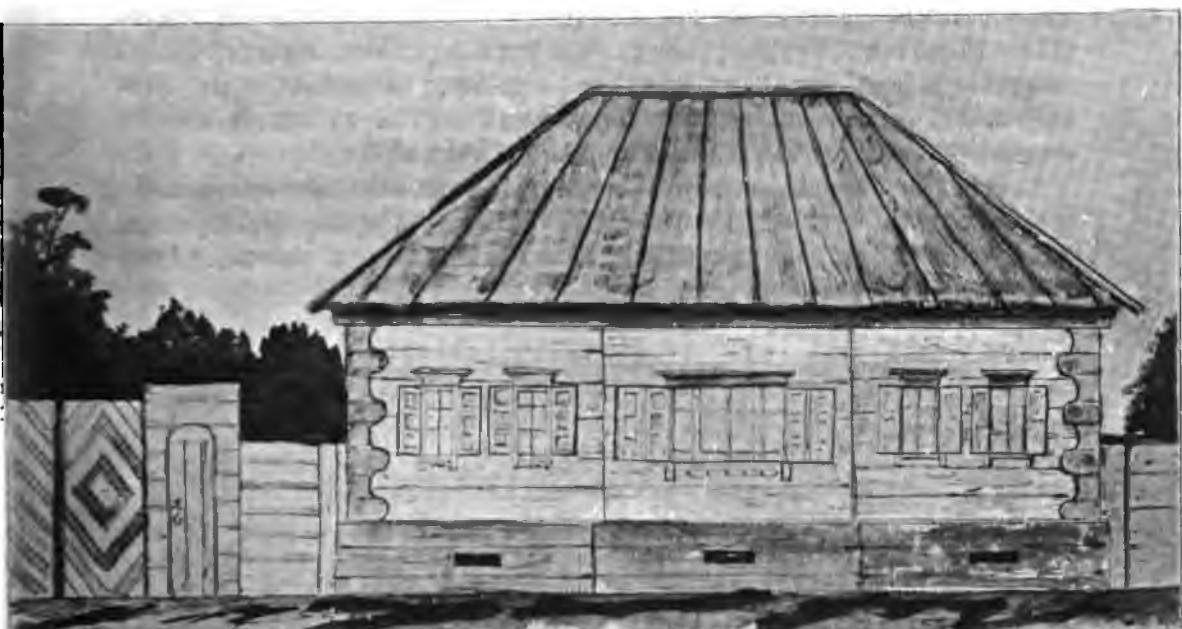
Форма домовъ старинной постройки большую частью продолговатая, съ высокою крышею, покрытою тесомъ и отъ времени заросшую мхомъ и травою. Въ нихъ окна маленькия, прорубленныя высоко, почти подъ самою крышею. Внутреннее расположение комнатъ произвольное. Во всякомъ случаѣ, изба, гдѣ живетъ семья и приготавляются кушанья, отдѣлена отъ горницы. Фасадъ такого дома выходить на дворъ или на улицу; передъ домомъ большое, высокое крыльцо, вродѣ галерей, обшитой кругомъ тесомъ съ тремя окнами безъ стеколъ. Иногда къ старому дому пристраивается въ длину другой домъ, и тогда все строеніе представляется въ видѣ длиннаго сарая, въ которомъ одна часть дома выше, другая ниже, такъ что, кажется, будто домъ повалился на одну сторону и угрожаетъ скорымъ разрушеніемъ. Двери въ домахъ низкия. Это—общая черта всѣхъ крестьянскихъ домовъ въ Сибири. Въ комнатахъ чистота и опрятность. Это—тоже черта, которую щеголяютъ сибиряки и которую не могутъ похвастаться великоруссскіе крестьяне. Большая сквозныя стѣны раздѣляютъ избу отъ горницы. Обыкновенно окна горницы выходить на дворъ, а избы—на улицу. Въ рабочей избѣ, гдѣ постоянно живетъ семья крестьянина, два и большую частью три окна на улицу и два на дворъ; окна растворча-

тыя, стеклянныя и—рѣдко—пузырныя. У дверей съ лѣвой стороны большая печь, которая никогда не кладется изъ кирпича, а сбивается на мѣстѣ изъ глины. Глина здѣшняя имѣть свойство очень скоро высыхать и современемъ становится несравненно тверже кирпича, такъ что печь стоять всегда дольше дома. Печь и стряпня отдѣляются занавѣской. Около двери между печью и стѣной, выходящей на дворъ, устроены палаты, гдѣ снять ребятишки; кругомъ стѣнъ деревянныя лавки; посреди избы стоять продолговатый столъ, на которомъ семья обѣдаеть, ужинаеть и работает. Въ углу, между стѣною, выходящую на улицу и на дворъ, обыкновенно висятъ образа. Стѣны бревенчатыя, не обшитыя тесомъ, и потому въ избѣ всегда мно-

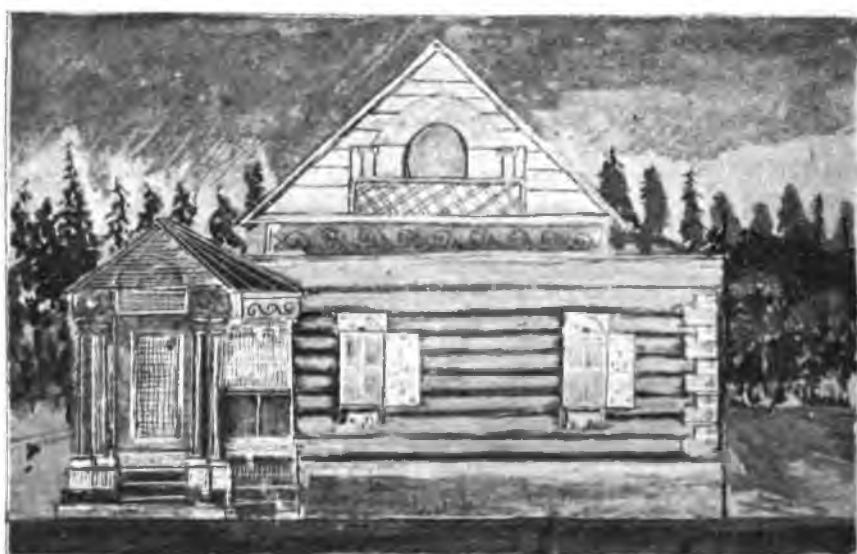
жество клоповъ и таракановъ. Поль какъ въ избѣ, такъ и горницѣ изъ до-
сокъ, который не только часто моютъ, но и скоблять ножами, и въ каждомъ
крестьянскомъ домѣ чистота и опрятность безукоризненныя.

Горница есть обыкновенно комната, предназначенная для гостей, потому
въ ней сидятъ рѣдко и только за недостаткомъ помѣщенія снять въ ней взрос-
лая дочери. Горница раздѣлена деревянной перегородкой, за которую стоять
русская или голандская печь. Украшніе горницы составляютъ: большая двух-

спальняя кровать съ ситцевой занавѣской, два или три стола и нѣсколько стульевъ крестьянской работы. Прибавьте къ тому чистоту пола и стѣнъ, на которыхъ приклеено безчисленное множество лубочныхъ картинъ, этикетокъ и адресовъ различныхъ московскихъ фабрикантовъ, иодныхъ магазиновъ, словомъ,— все, что только попадаетъ къ крестьянамъ изъ печатныхъ произведений относительно привозимыхъ товаровъ, все это красуется по стѣнамъ горницы. Нельзя не упомянуть еще объ одномъ украшени—о цвѣтахъ: бальзамины, ерань, фуксія—цвѣты, которые вы встрѣтите въ каждомъ домѣ и на каждой почтовой станціи. Сибирики вообще большие охотники до цвѣтовъ.

Изъ сѣней выходъ на другой дворъ, гдѣ обыкновенно помѣщается скотъ, домашняя птица; тутъ же складывается сѣно, солома и дрова. На переднемъ дворѣ устроены амбары и кладовыя, на заднемъ—сарай и конюшни. Далѣе за салями и хлѣвами огородъ и баня.

Нѣкоторые дома новой постройки имѣютъ такое же расположение компактъ, какъ и въ домаѣ старой постройки; различіе состоить только въ новѣйшей архитектурѣ, фасадѣ дома. Есть много и такихъ домовъ, которые какъ снаружи, такъ и внутри болѣе похожи на городскія строенія, чѣмъ на сельскія. Дома новой постройки бывають самой разнообразной архитектуры и своимъ наружнымъ видомъ часто напоминаютъ загородныя дачи. Въ Канскомъ округѣ подобные домики можно встрѣтить только въ большихъ селеніяхъ, прилегающихъ къ почтовому тракту; въ Минусинскомъ же округѣ домовъ новой постройки множество. Главная и какъ будто необходимая принадлежность каждого нового дома это—большое венеціанское окно и рѣзьба на карнизахъ и окнахъ. Наружная форма этихъ домовъ болѣе квадратная съ низкими крышами. Впрочемъ, что касается архитектуры дома, то крестьяне по придерживаются никакихъ постоянныхъ правилъ и строить дома самой затѣйливой и, можно сказать, фантастической архитектуры. Исполнители этихъ прекрасныхъ дачъ суть боль-

шюю частю мастера, зашедшю въ Сибирь для малевки церквей. Фасадъ дома новой постройки большюю частю выходитъ на обширный дворъ, и такие дома имъютъ отъ 3 до 5 оконъ на улицу. Окна и карнизы украшены рѣзьбою, а иногда раскрашены яркими красками. Со двора большое глухое крыльцо ведеть во внутреннее жилье. Стѣны или раздѣляютъ домъ на двѣ половины или прямо съ крыльца входъ ведеть въ переднюю и далѣе въ большія, свѣтлые комнаты, которыхъ, смотря по состоянію крестьянина, бываетъ отъ 3 до 7: заль, гостиная, небольшая комната въ родѣ буфета, спальня (она же жилая комната) и, наконецъ, изба, гдѣ приготавляются кушанья. Стѣны обшиты тесомъ или оштукатурены; окна большія, стеклянны.

Квартирную и мебель составляютъ: зеркала, стулья, диваны, столы ломберные, круглые и треугольные. Вся эта мебель, довольно хорошей работы, дѣлается изъ корня березы и открашивается подъ орѣхъ.

Въ некоторыхъ домахъ вы найдете журналы и газеты (какъ, напр., изданіе Вольно-Экономического Общества, Земледѣльч. Газету, Москов. Вѣд. и др.). На окнахъ бываетъ разставлено иного цвѣтова, по стѣнамъ развѣшаны разнообразныя картины, начиная отъ портрета Наполеона I, графа Платова, Мухамеда III и до самыхъ обыкновенныхъ сузальскихъ гравюръ и картинъ, изображающихъ эпизоды изъ «Кавказскаго плѣнника» Пушкина и даже романовъ «Вѣчнаго жида». Конечно, подобная роскошь допускается только въ домахъ богатыхъ крестьянъ и казаковъ.

Одежда здѣшнихъ крестьянъ: кафтанъ, куртка, шаровары и тулуны овчинный. Въ мужскомъ платьѣ нѣть никакихъ особенностей сравнительно съ одеждой крестьянъ Европейской Россіи. Обыкновенное лѣтнее платье: ситцевая или холщевая рубашка, ванковые или плисовые шаровары, кунгурскіе сапоги или бродни, ситцевый или нанковый халатъ, кушакъ бумажный или шерстяной, а у богатыхъ шелковый; на головѣ картузъ или какая-нибудь маленькая шапочка; въ рукахъ молодые парни всегда носятъ бумажные носовые платки и зеленые замшевые рукавицы. Старики одѣваются проще. Костюмъ ихъ состоить изъ холщевой рубашки и такихъ же штановъ, азама изъ верблюжей шерсти или однорядки (изъ овечьей шерсти, въ родѣ пальто), бродней и поярковой шапки. Въ зимнее время мужской поль вѣсто халатовъ носить овчінныя или изъ черныхъ мерлушекъ тулуны; богатые тулуны покрываются толстымъ сукномъ, а у крестьянъ побѣднѣе поверхъ тулуна надѣвается азамъ изъ толстаго крестьянскаго сукна. Въ большия морозы мужчины и женщины поверхъ тулуна надѣваютъ длинныя дахи изъ козьихъ, ланыхъ и собачьихъ шкуръ, вывороченныхъ шерстью наружу. Кажется, ничего не можетъ быть теплѣе этого костюма, и потому всѣ сибиряки, не исключая и высшаго класса, при отправлѣніи зимою въ дальнюю дорогу, запасаются дахомъ.

Въ щегольствѣ женщины превосходить мужчинъ. Обыкновенно женскій костюмъ состоить: изъ бѣлой холщевой или ситцевой рубашки, ситцевой юбки и душегрѣйки или коротенькой кофты; на головѣ повязывается у старухъ бумажный платокъ, у лѣвокъ бумажная или шелковая косынка и косы остаются выпущенными; на ногахъ у каждой женщины бывають надѣты бумажные чулки и кожаные башмаки, привозимые изъ Европ. Россіи или изъ Красноярска. Молодыя девицы очень занимаются своими нарядами; почти каждая изъ нихъ ста-

рается имъть платье, сшитое по городской модѣ, одно, праздничное, шелковое или шерстяное, другое, будное— ситцевое или бумажное. Плечи свои дѣвицы прикрываютъ шальми или шелковыми косынками, въ ушахъ они подвѣшиваются серги, если не золотыя, то серебряныя или бронзовыя, вызолоченные. Нѣкоторыя дѣвишки-щеголихи носятъ даже салоны. Въ зимнее время женщины средняго состоянія одѣваются въ овчинные тулуны, а женщины болѣе богатыя въ шубы изъ бѣльчаго или лисъаго мѣха съ большими откидными бѣльчими воротниками, для которыхъ выбираются самую черную бѣлку. Нѣкоторыя крестьянки, въ особенности казачки, носятъ воротники у своихъ шубъ лисы и даже соболы. Шубы покрываются панкою или китайкою, а богатыя женщины обыкновенно покрываютъ ихъ синею шерстяною или шелковою матеріею.

Изъ этого описанія одѣжды можно видѣть, что костюмъ здѣшнихъ крестьянъ—скорѣе похожъ на костюмъ мѣщанъ Европейской Россіи, чѣмъ на одѣжду ея крестьянъ.

Здѣшніе жители вообще, любятъ погулять если не всегда хорошо, то по-крайней мѣрѣ жирно и плотно. Крестьяне Минусинскаго округа не употребляютъ другого хлѣба кромѣ пшеничнаго. Каждое воскресеніе и въ праздники пекутся здѣсь широги, колачики, ватрушки (здѣсь называемыя шаньги), сдобныя булочки и т. п. Все это мучное сѣрпье носятъ здѣсь название «мягкіе». Мясо ёдятъ почти каждый день за исключеніемъ постовъ. Изъ мяса болѣе всего въ употребленіи здѣсь барагина и воловье; осенью и зимою ёдятъ мясо соленое или дикихъ козъ и тетерева. Необходимая принадлежность каждого хорошаго обѣда студень или вареные языки (которые ёдятъ съ уксусомъ и горчицею), блинчики съ масломъ и вафли (онѣ подаются гостямъ и къ чаю). Нескучное и разнообразное и кушанье постное: рѣдька, рѣпа, капуста квашенная, соленые грибы и огурцы, свѣжая и сушеная рыба, изъ которой приготовляютъ похлебку, постные щи, каша и др. Необходимая принадлежность постнаго стола—рѣдька съ квасомъ и крошеною капустой; затѣмъ уже подаются щи и ячменная каша съ постнымъ масломъ. Вообще можно сказать, сибирички не умеютъ приготовлять вкусныхъ блюдъ: щи жирныя, жаркое пережаренное, соусы всегда съ изюмомъ или сахаромъ,—словомъ, все жирно и сладко—до приторности. Чтобы познакомить читателя съ здѣшнею кухнею, я приведу описание обѣда, даннаго однімъ изъ крестьянъ Минусинскаго округа по случаю храмового праздника. Обѣдъ этотъ записанъ въ донесеніяхъ волостнаго правленія и найденъ мною въ архивѣ Минусинскаго земскаго суда.

Большой деревянный столъ, крестьянской работы, былъ покрытъ бѣлою тонкою скатертью; на столѣ стояли кружки съ квасомъ и пивомъ, ложки деревянныя, серебряныя и оловянныя были разложены возлѣ каждого прибора; посуда была фарфоровая, глиняная и стеклянная. Всѣ стали сходитьсь гости; каждый, вошедшій въ горницу, останавливался у порога, чинилъ крестное знамя и кланялся низко всѣмъ присутствовавшимъ; потомъ подходилъ къ хозяину и хозяйкѣ дома и поздравляя ихъ съ праздникомъ. Начался обѣдъ. Прежде всего поданы были холодная кушанья четырехъ сортовъ: одно было изъ свиного окорока, другое заливное (или студень) изъ «скотскихъ» ногъ, третье заливное изъ овечьихъ ушей и губъ и четвертое—вареные языки. Эти кушанья были съ уксусомъ и горчицею. Послѣ холоднаго подавались похлебки трехъ сортовъ: одна изъ свѣжей барагины, другая съ «скотскими» рубцами и третья

изъ курицы. За похлебками или супами, подавали жаркое пяти сортовъ: жареная баранина, свѣжая свинина, жареная курица на коровьемъ маслѣ съ картофелемъ, поросенокъ и смолость (коровье вымѣя). Къ жаркому подавались соленые огурцы и кислая капуста. Въ заключеніе обѣда, вместо десерта, подавали творогъ съ сахаромъ и по стакану молока каждому.

Послѣ обѣда выступилъ на сцену самоваръ и пошло угощеніе чаемъ, пивомъ, водкою и винограднымъ виномъ. Достойно замѣчанія, что пріѣзжимъ гостямъ, въ особенности женскому полу, изъ города и другихъ деревень, первую чашку чая подавали безъ сахара и гости пила чай «черезъ сахаръ» (въ прикуску). За чаемъ приносили на подносе женщінамъ—по рюмкѣ винограднаго вина, а мужчинамъ—по рюмкѣ водки; затѣмъ снова подавали чай, но уже съ сахаромъ «въ накладку». Чай здѣсь пьютъ «фамильный» съ бѣлымъ сахаромъ (въ 50 кон. фунтъ)¹. Вирочень, крестьяне въ Минусинскомъ округѣ чай пьютъ только въ праздничные дни. Чай подается въ фарфоровыхъ, привозныхъ изъ Россіи, чашкахъ. Посуда фарфоровая, оловянная и деревянная; ложки только въ зажиточныхъ домахъ серебряные, а въ оставльныхъ оловянные и деревянные. На описанномъ обѣдѣ присутствовали: приходской священникъ съ семействомъ и церковнымъ причтомъ, волостной писарь, волостной голова, старшина, два кандидата по старшинѣ, цѣловальникъ и крестьяне мѣстные и пріѣзжіе съ ихъ женами и дочерьми. Пиршество началось съ 10 ч. утра, т. е. послѣ обѣдни и молебна. Послѣ обѣда священно-и-церковно-служители, не выходя изъ-за стола, по принятому обычаю, пѣли божественные пѣсни и, затѣмъ, съ своими женами и дочерьми дѣлали визиты болѣе зажиточнымъ крестьянамъ. Между тѣмъ народъ веселился и кутиль уже на распашку. Таковая гулявка, заканчивается писарь въ своеи донесеніи, продолжалась шесть дней, пока все заготовленное бабами не было съѣдено и вышито.

Въ будни иная картина народной жизни.

Въ каждомъ большомъ селѣ, въ особенности гдѣ находится земское начальство, два предмета обращаютъ на себя вниманіе путешественника: волостное правленіе (или, гдѣ его нѣть, канцелярія сельского писаря) и пятечный домъ. Тутъ вы всегда можете встрѣтить, кромѣ десятского и старшинъ, двухъ-трехъ крестьянъ, нѣсколькихъ поселенцевъ. Народъ этотъ, съ дѣломъ или безъ дѣла, сидитъ на прилавкѣ возлѣ кабака или въ сѣняхъ волостнаго правленія. Сюда заходить мужичекъ потолковать о своемъ домашнемъ житьѣ-бытьѣ, разсказать деревенскія новости и, какъ водится, въ концѣ концовъ, заглянуть въ кабакъ и залить горе сельскихъ треволненій осьмушкою вина, разумѣется, въ кредитъ и очень рѣдко на чистыя деньги. Остальная часть деревни въ будний день находится, не скажу въ мертвомъ, а въ какомъ-то невыносимомъ спокойствіи, наводящемъ на затѣзаго непреодолимую скучу. Мирные сельскіе жители—одни заняты на работахъ въ полѣ, другіе за работой въ избѣ, третіе, забравшись куда-нибудь на сѣноваль, спать беззаботно, ничуть не дорожа временемъ. Еще въ лѣтнее время крестьянинъ занять полевыми работами, но приходить зима, долгая сибирская зима, и онъ не знаетъ, что сдѣлать, куда дѣвать себя и какъ убить длинные вечера?

¹ Въ Иркутской же губерніи крестьяне пьютъ преимущественно кирпичный чай и употребляемый здѣсь сахаръ—китайскій леденецъ.

Хозяинъ, у котораго я остановился, старикъ лѣтъ 60-ти, высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, такъ еще бодръ и здоровъ, что на видъ нельзя было дать ему болѣе 40 лѣтъ. Это общая черта всѣхъ сибиряковъ: крестьяне до- живаютъ до глубокой старости и кажутся чрезвычайно моложавыми. Семей- ство старика состояло изъ двухъ сыновей и трехъ дочерей; оба сына женаты, двѣ дочери замужемъ и одна еще девица. Сыновья съ женами живутъ вмѣстѣ въ домѣ родителя; хозяйство у нихъ общее. Съ разсвѣтомъ все семейство подымаются на ноги: мужчины выходятъ посмотретьъ на дворъ по домашнему хозяйству, напоить скотъ, задать кормъ; а женщины, пока, разогрѣваютъ зав- тракъ изъ остатковъ вчерашняго ужина. Въ 7 ч. всѣ садятся за столъ, завтракаютъ и отправляются на работы зачастую очень поздно, и такъ какъ наши отстоять отъ деревни на 10 и 14 верстъ, то приходять на мѣсто уже тогда, когда солнце поднялось wysoko на горизонтѣ и въ воздухѣ носится множество оводовъ и мошекъ, сильно утомляющихъ людей и рабочій скотъ. Оставшіеся дома въ 10 ч. обѣдаютъ и посыпаютъ обѣдъ отправившимся на работу. Обѣдъ состоитъ изъ щей съ мясомъ, каши, иногда рыбной похлебки и молока. Слѣдуетъ замѣтить, что здѣшній крестьянинъ чаще есть мясо, чѣмъ великорусскіе крестьяне. Мясо употребляется здѣсь болѣею частью соленое, потому что собственный скотъ бываетъ рѣдко, ибо дожидаются случая, не найдутся ли охотники до покупки его. Мясо убитыхъ быковъ солятъ и приготовляютъ, такимъ образомъ, запасъ на цѣлую зиму. Дороговизна нѣкоторыхъ сѣбѣстныхъ припасовъ заставляетъ здѣшнихъ жителей дѣлать въ извѣстное лѣтнее и, пра- тоинъ, дешевое время, годовой запасъ многихъ изъ сѣбѣстныхъ припасовъ; иначе, можно остаться безъ мяса или безъ крупы, потому что базаровъ не бываетъ и купить не у кого.

Послѣ обѣда хозяйка спѣшить вымыть посуду, раскладываетъ ее на полкахъ и, затѣмъ, всѣ отъ мала до велика ложатся спать. Въ эту пору въ деревнѣ на улицахъ пусто, нигдѣ не видно ни живой души; даже собаки пря- чутся подъ амбары въ самыя темныя мѣста, потому что въ лѣтнее время отъ 11—3 ч. бываетъ жара не выносимая. Въ 3 ч. по полудни просыпаются; нѣкоторые пить чай, другіе принимаются за какую-нибудь работу; такъ времени проходить до заката солнца. Когда жара спадетъ и воздухъ сдѣлается про- хладнѣе, окна въ домахъ растворяются, многіе выходятъ на улицу посидѣть у воротъ и потолковать съ сосѣдями. Наконецъ, разводится въ печи огонь и приготовляется ужинъ. Послѣ ужива въ 9 ч. всѣ снова ложатся спать.

Такъ оканчивается будній день, такъ начинается другой, третій, проход- дить годъ и всѣ дни почти похожи другъ на друга. Вообще замѣчено, что трудъ усиленный, какъ говорится, въ потѣ лица, не свойственъ сибирякамъ, въ особенности женскому полу. Еще лѣтомъ, всѣ, за исключеніемъ престарѣлыхъ, отправляются на полевые работы, гдѣ живутъ но цѣлымъ недѣлямъ, возвращаясь домой только въ праздникъ. Но зимою женщины и мужчины такъ мало занимаются рукодѣльемъ, что совершенно отвыкаютъ отъ этихъ работъ, и потому большая часть домашнихъ вещей покупаются у торговцевъ.

Но вотъ приходить праздничный день. За нѣсколько дней до него хозяйки уже приготовляютъ пиво, пекутъ хлѣбы, пироги, жарятъ окорока и проч., въ домахъ начинается мойка и скобленіе половъ, стѣнъ,—словомъ, праздники

даются здесь какое-то особенное оживление и деятельность народу, отъ природы тяжелому на подъемъ и бешечному.

Вместо обычныхъ въ другихъ мѣстахъ ярмарокъ существуютъ здѣсь съвѣжіе праздники въ дни Св. Петра и Павла, пророка Ильи, Иоанна Предтечи, Успенія и др. годовые праздники: Рождество Хр., Пасха, Новый годъ, Крещеніе, Благовѣщеніе и др. Въ эти-то, такъ называемые, храмовые праздники и святочные дни крестьяне собираются въ одно село или деревню, и гулянкамъ не бываетъ конца.

Домашняя жизнь здѣшнихъ крестьянъ представляеть много утѣшительныхъ сторонъ. Народъ живеть въ довольствіе, бѣдности почти не знаетъ. Если и встречаются нищіе, то лишь между ссыльно-поселенцами или людьми, продолжающими бродяжническую жизнь. У крестьянина нѣть большихъ экономическихъ заботъ, и потому, когда приходитъ праздникъ, народъ, при всемъ своемъ флегматическомъ характерѣ, предается веселю, разумѣется, по своему: «праздновать, такъ праздновать!» обыкновенно оправдывается въ такихъ случаяхъ мужикъ.

Вотъ одинъ изъ деревенскихъ храмовыхъ праздниковъ и забавы крестьянъ въ святочные дни, заимствованныя изъ архива Минусинскаго земскаго суда.

Мы приближались къ большому селу Ирбейскому (въ Канскомъ округѣ). Утро было жаркое и паляще солнечные лучи обѣщали день знойный, удушливый. Тройка «обывательскихъ» несла насъ берегомъ внизъ по течению р. Кана. Время было сѣнокосное, по въ воздухѣ не было слышно благоуханія травъ; въ окрестности не попадались сплошно засѣянныя хлѣбомъ поля, на которыхъ бы волны золотистыхъ колосьевъ терялись въ отдаленности. Пашни раскинуты клочками; въ промежуткахъ сѣнокосные луга или привольно растущая высокая трава, негодная ни для какого употребленія. На поляхъ не видно живой души: день праздничный, и народъ былъ весь въ деревнѣ. Едва мы подъѣхали къ с. Ирбейскому, какъ услышали разносившійся въ воздухѣ протяжный звукъ колокола. Народъ спѣшилъ въ церковь къ обѣднѣ. Мы проѣхали большую улицу, по сторонамъ которой то тянулись прямою линіею опрятные съ тесовыми крышами крестьянскіе домики, то видѣлись, разбросанныя въ безнорядкѣ, небольшія избушки. Пока звукъ колокола призывалъ мирныхъ поселеній къ молитвѣ, возлѣ кабака и передъ нимъ на площади уже толпилось много крестьянъ, мѣщанъ и мелочныхъ торговцевъ, прѣхавшихъ, одни — повеселиться на праздникъ, другіе — для закупки хлѣба, скота и для продажи крестьянскихъ произведеній.

Обѣдня кончилась, и народъ разсыпался по улицамъ: кто остановился у кабака, кто тащилъ пріятеля къ себѣ въ домъ «откушать хлѣбъ-соль и похлѣбать щей». Наконецъ, появился священникъ со всѣмъ своимъ семействомъ и церковнымъ причтомъ. Здѣшніе жители всегда отдаютъ духовнымъ лицамъ предпочтеніе, сажаютъ ихъ за столъ на первое мѣсто, усердно угождають и, сверхъ того, дарятъ имъ хлѣбомъ, вареньями, масломъ, яйцами, холстомъ, нитками и проч. Это ужъ такой обычай, и крестьяне свои подарки — кто что можетъ — раздаютъ каждому члену причта особо. Послѣ обѣда рѣдко кто изъ сельскаго люда сидѣть въ избѣ: всѣ высыпаютъ на улицу или сидѣть гдѣ-нибудь въ

тѣни, дожидаясь, пока не спадеть жара. Старики и старушки обыкновенно забираются куда-нибудь въ спокойный уголокъ своего жилья и тутъ, поставивъ велро пива, бесѣдуютъ и пьютъ. Молодые парни прежде всего отдаютъ долгъ питейному дому и уже подъ вечеръ расхаживаютъ по улицамъ. Молодыя дѣвицы собираются въ какой-нибудь домъ и тамъ поютъ, дурачатся, играютъ въ фанты, въ ящерь, въ горылки и разныя другія игры. Иногда къ нимъ присоединяются мужчины, но до вечера дѣвишки строги въ обращеніи съ ними и при входѣ молодого паря сидѣть чинно, лишь по временамъ нашептывая что-то другъ дружкѣ на ухо. Вообще скрытность, притворство и настыльность—общая черта сельского прекраснаго пола. Къ вечеру дѣвицы становятся снисходительнѣе, любезнѣе, и поцѣлуи раздаются щедро.

Солнце начало склоняться къ горизонту; по р. Кану уже стала подыматься туманъ, который, клубами качаясь по островкамъ, разносился синеватой пеленою между хребтами горъ противоположнаго берега, подымался вверхъ и придавалъ торчащимъ вдали соцкамъ и обгорѣлымъ соснамъ какія-то фантастическія и самыя прихотливыя формы. Настало время, когда народъ обыкновенно показывается на улицѣ: всѣ гости, старики и молодые, знакомые и незнакомые, гурьбами бродятъ изъ избы въ избу. Справляющіе праздникъ, уже хорошо подкутивші, поютъ, кричатъ, заходятъ въ крестьянскіе дома, въ которыхъ хозяевами ихъ весьма радушно принимаются и угощаются виномъ и пивомъ. Между тѣмъ, дѣвишки, собравшись къ одной изъ своихъ подругъ, сидѣть смиро въ сѣнахъ и дожидаются гостей. Молодые парни, разодѣтые въ плисовые куртки и красныя ситцевыя рубашки, двигаются толпой по улицѣ и гдѣ собралось больше дѣвицъ, тамъ останавливаются. Дѣвицы будто бы не замѣчаютъ парней. Вдругъ забренчала балалайка, загудѣла гармоника, загѣвало затянуль пѣсню и хоръ мужскихъ голосовъ подхватилъ заунывную пѣсню. Дѣвишки, когда поютъ «молодцы», выходятъ на улицу гурьбой, за ними идутъ мужчины. Деревня оглушается шумнымъ говоромъ и громкими пѣснями.

Сибирскій историкъ Словцовъ называетъ Сибирь «страною безголосною». И действительно, несмотря на звучные и прекрасные голоса ея обитателей въ пѣсняхъ замѣтно какое-то уныніе, тоска. Здѣсь вы рѣдко услышите веселую, разгульную пѣсню, въ которой почти всегда проявляется внутренняя сторона жизни народа. И потому здѣшнія пѣсни и забавы лишены жизненности и той заразительной веселости, какая столь свойственна молодежи. Мнѣ не случалось здѣсь видѣть деревенскіе танцы на открытомъ воздухѣ; танцуютъ на «вечеркахъ» только русскій танецъ, но безъ всякой граціи, чрезвычайно не ловко. Въ Европѣ Россіи, въ особенности въ Малороссіи, праздникъ безъ танцевъ—не праздникъ. Въ каждый воскресный и праздничный день народъ собирается передъ корчмою; тутъ обыкновенно сидѣть слѣпой скрипачъ, бандуристъ или кто-нибудь играетъ на гудкѣ. И молодежь пляшетъ весело съ какими-то особыми увлеченьемъ. Въ Сибири же я не встрѣчалъ народныхъ музыкантовъ; нѣть здѣсь ни волынки, ни гудка, ни свирели. Если и попадаются музыканты, то большою частію изъ поселенцевъ. Притомъ, звуки музыки раздаются только на свадьбѣ. Въ здѣшней деревнѣ гармоника и балалайка—единственные народные музыкальные инструменты.

Вслушиваясь въ голоса хоровода, долетавшіе до меня какими-то заунывными и жалобными стонами, я погрузился въ раздумъ: чему приписатъ эту внутреннюю печаль души здѣшняго крестьянина. Бессаботный и склонный къ разгульной жизни, въ пѣсняхъ своихъ этотъ житель Сѣвера таитъ какой-то отголосокъ печали, отражающій въутренняя впечатлѣнія души. Народныхъ, собственно сибирскихъ пѣсень здѣсь не существуетъ; если же встрѣчаются пѣсни съ мѣстнымъ содержаніемъ, то онъ сочинены заѣзжими великорусами. Здѣшній поселянинъ, когда поетъ даже веселыя великорусскія пѣсни, придаетъ имъ какой-то особенно протяжный, плачевый напѣвъ. Жалоба ли эта на суровость климата, холодность и блѣдность здѣшняго неба, или на сибирскую природу хотя вообще величественную, но дикую, мрачную, скучную относительно цветовъ и плодовъ? Гдѣ болѣе искать разгадки этой тайной скорби, если не въ противоположности характера здѣшняго жителя съ окружающей его угрюмою природой? Душа здѣшняго поселянина хотѣла бы выразить чувства радости и излить его въ веселой пѣснѣ, но грозный видъ окружающей его картины наводить, на него какое-то мечтательное, неопределенно печальное настроеніе, и звуки веселой пѣсни и движеніе веселаго настроенія духа замираютъ въ устахъ сѣвернаго пѣвца. Соціальное положеніе здѣшняго крестьянина самое бессаботное: онъ независимъ, не терпить нищеты, безропотно покорный, гостепріимъ, но взглянь его на окружающій его міръ суровъ. И если чувства крестьянина, несмотря на материальное его довольство, выражаются печально, то такое меланхолическое настроеніе, конечно, имѣло немалое влияніе на органъ выраженія его чувствъ—на голосъ: онъ тихъ и пріятенъ для слуха, но тонами своими заставляетъ слушателя сочувствовать этому смиренному ропоту души и потому наводить и на него уныніе, тоску. Нѣть у здѣшняго народа и веселыхъ игръ, забавъ; онъ какъ будто все грустить о чѣмъ-то потерянномъ, но для него самого неизъяснимомъ, и только выражаетъ свою скорбь, въ заунывной пѣснѣ.

Святочные забавы начинаются повсемѣстно съ Новаго года, т. е. съ 1-го по 7-го января. День проходить въ занятіяхъ, а вечера посвящаются разнымъ забавамъ. Старики со старухами уходять къ подобнымъ себѣ въ гости на вечера. Молодые парни съ девицами расхаживаютъ по улицамъ и поютъ такъ называемыя святочныя пѣсни подъ звуки гармоники и балалайки. Потомъ разбиваются на партіи: девицы собираются въ домъ къ одной язъ своихъ подругъ, а мужчины продолжаютъ гулять или отправляются куда-нибудь на «вечерку». Въ святочные вечера, въ каждомъ домѣ пьютъ чай, вино, щелкаютъ кедровые орѣшки. Столъ уставляется закусками и напитками. «Закуски», состоящія изъ изюма, пряниковъ, урюпу и кедровыхъ орѣховъ, ставятся здѣсь только для женского пола; для мужчинъ подаютъ вино и чай. На такихъ вечеркахъ старики разговариваютъ про давно прошедшее, вспоминаютъ старину и попиваютъ винцо; девушки гадаютъ, щелкаютъ орѣшки и поютъ пѣсни. Наконецъ, когда вино придастъ старикамъ болѣе веселья, начинаютъ «байтъ» народныя сказки, побасенки, загадки и т. п. Въ избѣ царствуетъ глубокая тишина—всѣ съ величайшимъ любопытствомъ слушаютъ рассказчика. Вдругъ разговоръ перебивается звуками гармоники, слышной на улицѣ. Гости приподнимаются съ своихъ мѣстъ, заглядываютъ въ окна, гдѣ раздалась музыка. Въ это время

человѣкъ 15 замаскированныхъ въ разные костюмы уже успѣли войти въ горницу въ начали пѣть и плясать подъ звуки гармонии. Кончивъ одну пляску, замаскированные садятся по разнымъ угламъ и разговариваютъ между собою. Хозяинъ дома угощаетъ ихъ разными закусками; но замаскированные большою частью отказываются, вынимаютъ изъ своихъ кармановъ кедровые орѣшки, такъ называемые здесь «разговорцами», щелкаютъ ихъ и продолжаютъ между собою говорить. Старики восхищаются ихъ «умными рѣчами», подходить къ каждому изъ замаскированныхъ, глядя имъ въ глаза, чтобы узнать, кто они; узнавъ, просятъ знакомыхъ пѣть. Старики, старухи, дѣвицы и замаскированные становятся въ кружокъ и начинаютъ пѣть хороводную пѣсню и плясать подъ ея звуки, притаптывая ногами и припѣвая: «Куда ты, моя молодость, дѣвалась... Такъ забавы продолжаются, наконецъ, маскированные уходятъ въ другой домъ я, такимъ образомъ, шатаются до самой полуночи.

Маскированныхъ партій, случается, бываетъ нѣсколько въ одномъ селеніи. Молодыя дѣвицы переодѣваются въ мужскія платья, а парни въ женскія; а то наряжаются евреями, цыганами, приказчиками, ссыльно-каторжными, бродягами, и т. д.

Святочныя хороводныя пѣсни.

I.

Чернобриовая моя,
Черноглазая моя,
Со вечера по пороши,
А къ утру бѣлый снѣгъ.
Чернобриовая моя, { Повторяется
Черноглазая моя! { послѣ каждой
По этой по порошѣ
Лежать два слѣдка,
Оба чистенъкіе,
Оба гладинъкіе.

Первый слѣдокъ —
На царевъ кабачекъ,
А второй слѣдокъ --
Милый къ милушкѣ ушелъ.
Милый къ милушкѣ ушелъ
И два монетчика унесъ
И два червонца золотыхъ.
Дѣвка дары не принимаетъ.
Парня къ черту посылаетъ.
Парень, парень, поди къ черту
На часокъ, на другой
Не путемъ — горой матушкой, горой.
Ахъ ты, матушка, моя гора

Доведи до двора,
До осинова бревна,
Тамъ горенька нова.
Вново ставленная
Печь муравленная,
Въ горенкѣ во новой
Стоить столь дубовой.
Ножки точеные
Позолоченные.
За столомъ сидить Иванъ,
Во златы гусли играеть,
Душу Грушу утѣшаетъ.

II.

Летѣль, полетѣль
Соколъ изъ-за горъ,
Ѣдеть, поѣдеть
Косьма на конѣ.
Шапочка смѣется,
Рукавички говорать
И жениться велять.
Конь ко двору приворачиваетъ,
Конь къ широкому приворачиваетъ,
Косьма Борисовичъ про сужену спра-
шиваетъ:

Дома ли не дома моя суженая,
Дома ли не дома моя ряженая?
Меланья Герасимовна дома спить,
Не будите вы её;
На вечерочек сидить,
Не ходите по неё.
Я самъ схожу и самъ приведу,

Поцѣлую, обойму.
Пѣсни край—
Поцѣлуй дѣвка отдай;
Пѣсни непроста—
Поцѣлуй до троє въ уста;
Пѣсни конецъ—
Поцѣлуй ты, молодецъ!

Мужчины и дѣвицы пляшутъ, взявшись за руки; по окончанія пляски, цѣлютъ другъ друга.

Становятся съ одногомъ стороны три дѣвицы, съ другой, противъ нихъ, три парни. Дѣвицы, взявшись за руки, вмѣстѣ подходятъ къ мужчинамъ и начинаютъ пѣть:

Бояра, зачѣмъ пришли,
Зачѣмъ прѣѣхали?
(Мужчины отвѣчаютъ)
Княжини, да мы невѣсть пришли
смотрѣть.
Бояра, у насъ невѣсть нѣть,
Молодыя, да и иевыросли.
Княжини, да право, выросли!
Бояра, покажите жениха.
Княжини, вотъ изволъ смотрѣть:
Вось женишкѣ, а вось хорошенъкѣ.
Бояра, да покажите халаты князья.
Изволь смотрѣть: вось хорошенъкѣ.

Бояра, покажите кушаки.
Изволь смотрѣть: вось хорошенъкѣ.
Бояра, покажите сапоги.
Изволь смотрѣть: вось хорошенъкѣ.
Бояра, покажите картузы.
Княжиня, да у сударушки забылъ
На подушечкѣ.
Бояра, покажите перчаточки.
Жена будетъ, сама свяжетъ.
Бояра, вамъ которая люба?
Нашъ Харитинъ Ивановна хороша!
Бояра, отворяйте ворота!

Туть рядъ мужчинъ расходится на одну и другую сторону; съ другой стороны одна изъ дѣвицъ выходитъ и бросается въ разомкнутый рядъ мужчинъ; ее подхватываютъ, и тотъ, кто былъ избранъ женихомъ, обнимаетъ и пѣлуетъ её.

Вообще, поцѣлуи играютъ первую роль во всѣхъ забавахъ сибиряковъ. Пляска, по которой пѣли пѣсни: «Бояра, зачѣмъ пришли?» называется шестёрка и, смотря по числу лицъ, участвующихъ въ плясѣ, называется: осьмерка, четверка. Въ плясѣ этой безпрестанно летаютъ поцѣлуи.

Кроинъ святочныхъ и храмовыхъ праздниковъ еще дѣлаются «вечёрки» и бываютъ вечера капустные. Вечерки заказываютъ молодые парни одному изъ крестьянъ и угощаютъ на свой счетъ. Капустка бываетъ осенью, когда солятъ капусту. Въ это время собираются дѣвицы рубить капусту, при чемъ поютъ пѣсни, къ нимъ приходятъ парни и, по окончаніи работы, всѣ расхаживаютъ по

улицѣ и поютъ хоромъ пѣсни. Сибирскія общенародныя пѣсни — тѣ же, что и во всей Россіи. Собственно сибирскихъ пѣсень нѣть. Наибѣль пѣсень большою частью заунывны. Впрочемъ, вотъ нѣсколько пѣсень, которыхъ удалось мнѣ здѣсь собрать.

I. (Пѣсня заунывная).

Сказали про молодца, будто не живъ,
не здоровъ и безъ вѣсти пропалъ.
Вечеръ добрый молодецъ изъ дороженьки
пришелъ,
И вдоль по улицѣ пошелъ.
Свою любезную пѣсеньку
На свисточекъ просвисталъ;
Свистѣть и гаркаеть,
Въ терень голосъ подаетъ,
Чтобъ его любезная
Не дремала и не спала, не гасила бы
огня,
Ждала бы дождалась удалаго молодца.
— Что ты, мой любезный, долго въ
гости не бывалъ?
— За тѣль, за сѣмь промышкаль —
Въ дому со худой, со жнушкой побра-
нююшечка была:
Журила, бранила удалаго молодца,
И тебя душу, красну дѣвицу.
— Я тебѣ, добрый молодецъ,
Говаривала прежде:
Убей ты, убей свою жену!
Ахъ, ты глупа, красна дѣвица,
Неразумна твоя рѣчъ!
Мнѣ со красной дѣвкой
Одну почку почевать,
А со худой со женушкой
Надо вѣкъ вѣковать!

II. (Протяжная).

Какъ на дубчикѣ сидѣть два голубчика,
А на поволокѣ сидѣть двѣ голубки;
Они пили и фли
И сами про себя ворковали.
Онѣ и всѣ врозь полетѣли,

И садились онѣ на быструю рѣчку,
По край березнечку,
На желтой песочокъ
И на зелень лужечекъ
И промежду-то собой рѣчи говорили:
Ахъ, какъ тошно на свѣтѣ,
Кто кого любить,
А тошнѣ того любить,
Вдругъ да и покинуть!
Покинулъ меня милый, меня не на
долго,
Ненадолго-то время, меня на часо-
чекъ,
А часочекъ-то покажется ровно за
днѣчекъ.
Отѣзжаетъ-то мой милый въ путь,
дороженьку
И меня покидаетъ, покидаетъ,
Оставляетъ бѣдную сиротинку,
Несчастную, горемышшную!

III. (Заунывная).

Гдѣ ты, мое горе великое,
Никому мое горе неизвѣстное!
Хоть извѣстно,
Но никому не соболѣзно.
Призакрыто мое горе бѣлой грулью,
Призаплаканы очи мои ясные слезами,
Запечатаны уста мои кровями.
Ахъ, задумалъ мой другъ любезный
Во путь, во дороженьку,
Въ тою же дороженьку — въ дальни
Сибирску,
Въ городъ Минусинской,
Приказывалъ другъ любезной прика-
занья:

Ты живить-ко, моя милая, посмирнѣе,
Посмирнѣе и поумнѣе;
Ты люби, моя любезная, кого хочешь;
Если лучше ты меня найдешь,
То меня позабудешь,
А если хуже меня найдешь—
Меня вспомянешь.
Вспомянешь меня, чернобрива,
Сама заплачешь,
И стоскуешься, моя любезная!
Пиши ко мнѣ письма,
Не перомъ пиши,
Не чернилами ты пиши, любезная,
Горючими слезами!
Отошли, моя милая, со друзьями,
Со тѣми же со друзьями.
Со буйными вѣтрами.
Друзья письма не довозятъ,
Вихры писемъ не доносятъ...

IV. (Печальная).

Отлетаетъ мой соколь изъ моихъ очей,
Изъ глазъ отѣжжаетъ другъ любезной
Въ чужи дальни города
И дальни незнакомы—
Въ славный градъ Петербургъ.
Не мало слѣзъ ронила
По любезному по своемъ,
Въ слезахъ дружка просила
Хоть немножко поживи,
Хоть немнога и маненько
Однѣнъ годичекъ со мнай!
Всѣ люди знаютъ, не совѣтуютъ
Любить меня, Катюшу,
Велять бросить, позабыть
Я въ тѣ-пари забуду,
Когда скроются глаза,
Тонкинъ, бѣлымъ полотномъ
Мнѣ лицѣ закроютъ
И съ горь желтымъ пескомъ
Меня загребутъ.
Обrostи, моя могила,
Всякими разными цвѣтами,
Обложите мою могилу

Плитами вокругъ;
Я на камнѣ нарисую
На бумажкѣ напишу,
Я кумушкамъ, подруженькамъ
Словечко разскажу:
Ахъ, вы, кумушки-подруженьки,
Не живите-ко, какъ я жила,
Не влюбляйтесь въ молодца.
Отъ этой-то любви
Зарождается тоска,
Отъ нее-то немочна болѣзнь,
А отъ немочи приключается намъ
смерть.

V (Веселая и протяжная).

Вечерь добрый молодецъ
Запилъ, загуляль,
Со душенькой, красной дѣвицой
Рѣчими занимался:
— Скажи, душечка, красна дѣвица,
Ахъ, дѣ красна дѣвица
Скажи, кого любишь, охъ?
Кого любишь, одного ли меня
Добра молодца сушишь и крутишь,
Охъ, сушишь и крутишь!
На то дѣвица ничто не сказала,
Отъ квартирушки вовсе отказаласа,
Ахъ, да! отказаласа.
Да ты отстань, добрый молодецъ,
И отстань по любви,
Охъ, да! по любви.
Не отстанешь по любви,
Ахъ, да! по любви,
Отстань по неволѣ,
Охъ, да! по неволѣ!
Совсѣмъ-то добрый молодецъ,
Совсѣмъ собрался,
Охъ, собрался и со всѣми простился,
Охъ, простился!
Съ одной дѣвицой,
Съ одной красавицей,
Охъ, съ нею не простился!
Подъ куткое, подъ окошко
Мальчикъ остановился,

Охъ, да! остановился.
 Въ кутко окошко и въ стѣнку
 Мальчикъ колотился!
 Охъ, колотился.
 Пусти, пусти, дѣвица,
 Пусти, раскрасавица,
 Пусти постояти!
 А не пустишь постояти,
 Пусти ночку ночевати,
 Охъ, да! ночевати.
 Никто не далъ ни отвѣту,
 Никто ни привѣту,
 Ахъ, ни привѣту,
 И ни ласковыхъ словъ!
 Съ тѣмъ молодецъ заплакалъ!
 Вздохнуль да ушелъ!

VI (Веселая).

По Чулымъ по рѣкѣ
 Плыть казакъ на быкѣ,
 И бережка трещать,
 Равно достушки пищать.
 У Радионова двора
 Упечатали быка.
 Стали быка по частямъ дѣлить:
 Радиону за труды
 Три корыта руды;
 А маюру кожу
 На широку его рожу;
 Черепаникѣ скотинныя серёдки,
 У ней дѣтушки сиротки;
 Зуеву ребро —
 Онъ ходить храбро;
 Шувалову копытцы,
 У него семья прочится;
 Осину почки,
 У него красивыя дочки;
 А Трофиму уже кстать
 Бычій хвостикъ отдать;
 Степану лопатка
 За то, что у него гладка;
 Остальное сдать пастуху
 Чтобъ унять его комуху.

VII.

Заводила Акулина
 Хлѣбцы мякинькіе.
 Хани-лену, хани-лену, } Повторяется
 Хлѣбцы мякинькіе! } послѣ каждой
 Заводила на дрожжахъ,
 Не вдержала и на возжахъ.
 Заводила на дрожжахъ
 Три недѣли кисли,
 И все не выкисли.
 Не выкисли и на четвертую недѣлю —
 Акулина стала хлѣбцы катать.
 На печи въ углу пекла
 И кочергой загребала.
 — Складу хлѣбцы въ коробокъ
 И повезу въ городокъ. —
 Никто хлѣбцевъ не купилъ
 Никто даромъ не беретъ.
 Тутъ явилася свинья,
 Сѣла коробокъ одна.
 Не наѣлася, только рыло замарала;
 Три недѣлечки хворала,
 На четвертую пропала.

VIII.

Не ходи, мое веселье,
 Изъ моего двора,
 Не прокладывай слѣда.
 Миль дорожки не тори,
 Худой славы не клади.
 Худа славушка пройдеть,
 До меня слава прідеть:
 Никто замужъ не возьметъ,
 Не посватается.
 Лебедушка бѣлая
 По бережку бѣгала;
 Не про нась ли люди судять,
 Люди бають, говорять
 И разлучить съ другомъ хотять.
 Не боюсь я вѣчной муки,
 Боюсь съ миленькимъ разлуки.
 Боюсь батюшки,
 А скажу матушкѣ:

— Родимая моя мать,
Тебѣ меня не узнатъ.
Колды я пошла гулять.
Себѣ друга наживать,
Себѣ ровнюшку Семёнушку.
Не ходи ты, Сеня, по сънямъ,
Не топай ногой,
Мнѣ не быть за тобой,
А мнѣ быть, побывать:
За Иваномъ торгашемъ.
У Ивана торгаша
Хоть нѣть денегъ и гроша,
Зато слава хороша.

IX.
Вѣнокъ, ты мой вѣночекъ,
Вѣнокъ ты лазоревой,
Мой цвѣточекъ,
Куда тебя, мой вѣночекъ, положити?
Положу я, мой вѣночекъ, на головку.
Да на прекрасную дѣвченку.
Не кума съ кумой покумилася,
Дорогимъ кольцомъ подарила —
Подарила среди кружка
На лужкѣ-на лужечкѣ
Во дѣвушекъ въ кружечкѣ.
Ты кумъ — я твоя кума,
Гдѣ мы сойдемся,
Тамъ я обоймемся,
Поздороваемся и разойдемся.

При пѣвіи этой пѣсни, дѣвицы ходять по комнатѣ вокругъ мужчинъ, и когда пѣсня кончается, то дѣвицы цѣлуются съ мужчинами.

IX.

Повадился котокъ
Во слободу на краѣкъ,
Во слободу на краекъ
Къ богатому мужику
Ко хорошой дочерѣ;
Ко хорошой дочерѣ —
Къ Парушѣ хорошой.
Ахъ, ты, батюшко родной,
Кто-то есть у окна,
Кто-то стукается,
Кто-то брякается.
Начинаетъ ужъ свѣтать,
Стала дѣвка горевать:
Некуда кота дѣвать,
Некуда кота дѣвать!
Посажу кота въ подоль,
Посажу кота въ подоль,
Понесу кота на дворъ,
Понесу кота на дворъ,
Опушу кота изъ рукъ.

Ужъ котокъ на поветь скочилъ,
Всю поветь обломилъ,
Семь овецъ задавиль
Восьму ялицу, годовалицу.
Что меня, что за эту вину
Отдали замужъ молоду
Въ великую семью;
Всѣхъ четырнадцать душъ:
Свекоръ . . . ¹), четыре деверя,
Четыре золовушки,
Онѣ колотовушки;
Сидѣть, ахъ, на лавочкѣ,
Сидѣть и моего мужа мутять,
Меня бити велять.
Ахъ, батюшко родной,
Дай по горенкѣ пройти,
По горенкѣ пройти
И словечушко молвить:
Ужъ какъ свекоръ на падатяхъ —
Какъ борзой кобель на канатъ;
Ужъ какъ свекровка на печи —
Борза сука на цѣпи;

¹) Не разобрать. Летопѣкъ ставитъ.

Какъ девери соколы—
Какъ борзые кобели;
А невѣстки говорять—
Намъ медвѣдицу везутъ;
А золотки говорятъ—
Намъ людоѣдицу везутъ;
Двѣ тетушки, двѣ лебедушки,
У печки стоять
И про тоже говорять.

X.

Гуленъкій ты мой голубчикъ,
Сизъ-косатенькой ты мой варкунчикъ.
Зачѣмъ гуленъка въ гости не летаешь,
Или домичку своего не знаешь
Или голосочку моего не слышишь?
Твой громкой голосокъ вѣтеркомъ отпо-
сить,
Сизы крылышки частымъ дождикомъ мо-
чить.

Три ласточки, три касаточки
Вокругъ саду летали,
Къ землѣ припадали
И про мила дружка вѣсточку сказали:
Что мой-то миленькой
Сидѣть во засадѣ—въ каменномъ
острогѣ.
У острога нѣть ни дверей,
Ни оконъ напротесу,
Только горенка малая,
Печка муравая;
У этой же печки
Трубы выводныя,
Изъ трубъ же дымокъ повѣваетъ
Къ землѣ приклоняеть.

XI.

Наша Маша не лѣнива
Въ полночь баню затопила,
Въ баяю Ваню новѣстила.
Ваня скокъ на порогъ—
Сапоженки спали съ ногъ;

Обернулся Ваня въ кругъ—
Перчаточки спали съ рукъ.
Ваня на полу лежитъ,
Къ нему черноброва бѣжитъ;
Бѣжитъ, поспѣваетъ,
Черну шляпу поднимаетъ,
На голову надѣваетъ,
На добра коня сажасть,
Принаказываетъ:
Ты поѣдешь, миль гулять,
Не загуливайся!
На веселыхъ на бесѣдахъ
Не засиживайся!
На школьнѣхъ, на манерныхъ
Незаглядывайся!
Ужъ какъ школьнія, манерныя
Сударыни мои
Алімъ платьемъ привлекаютъ;
А ребята наши охочи гуляти,
Танцы танцовати,
Круги занимати,
Дѣвокъ цѣловати!

XII.

Зальюсь, зальюсь, мальчикъ, слезоньками
Зальюсь горючими,
Зальюсь горючими!
Заливался мальчикъ слезоньками
Знаю для кого,
Знаю для кого!
Знаю, знаю сповидаю,
Кого я люблю,
Кого я люблю!
Любилъ, любилъ мальчикъ дѣвушку—
Тоя здѣся нѣть,
Нѣту, нѣту красной дѣвушки,
За моремъ живеть,
За моремъ живеть.
За моремъ на той сторонѣ,
На той, на той сторонушкѣ
Дѣвушка живеть!
Еслибы были златы крылушки
Слеталь бы и къ ней
И спросилъ бы красную дѣвушку,

Любить ли меня,
Любить ли меня?
Если скажеть, что меня любить—
Возьму за себя;
Если скажеть—да не любить,
Убью самъ себя!
Закроются очи жены
Темной темнотой,
Заростеть моя могилушка
Травой муравой.

XIII.

Стоить олень подъ кустичкомъ
Подъ сосновымъ.
Пріодѣньте оленя, пріокутайте:
Со дѣвушки вѣнокъ,

Со молодушки платокъ,
Съ молодка-удальца
Черна шапочка, опоясанка.

XV.

Кроватушка, кроватушка тесовая,
Поставлена ты изъ несчастна дерева,
Изъ горной осины, изъ горной осины
Изъ самой вершины!
Молодецъ, молодецъ,
Ты же молоденекъ,
Кого любишь, кого знаешь,
Того поцѣлуешь.
Люблю, люблю любезную,
Её поцѣлую,
И до тѣхъ поръ любить стану
Пока не отстану.

Когда поютъ эту пѣсню, то одинъ изъ мужчинъ пляшетъ и, по окончаніи пляски, подходитъ къ одной изъ дѣвицъ, становится на колѣни и цѣлуются.

XIV.

Какъ не стадичко-то черныхъ галочекъ
Поднималося, поднималося;
То сила-армія молодыхъ солдатъ
Царя бѣлаго, царя бѣлаго!
Напередъ ихъ выбѣгасть молодой
«кульерь».

Онъ бѣжитъ, бѣжитъ молодой кульерь
На добромъ конѣ, на добромъ конѣ;
Самъ не тряхнется, ой, да не ворохнется.
Да бѣгасть молодой кульерь
Къ каменной Москвѣ, къ камен-
ной Москвѣ.

Да затѣжаетъ-то молодой кульерь
На царевъ кабакъ:
—Здравствуйте, цѣловальники,
Да «восударевы», восударевы!
Есть ли у васъ, цѣловальнички,
Зелено-вино, зелено-вино?
—Много ли тебѣ, сударь, надо
Зелено-вина, зелено-вина?
—А мнѣ надо зелено-вина
Семьдесятъ семь бочекъ.

XVI.

Какъ не сѣры братцы ли гуси съго-
готали,
Что не сизые братцы-селеzни просви-
стали;
Что небѣлье-то братцы-лебеди жалко
кличуть,
Молодые-то наши солдатушки да слезно
плачутъ,
Жалобу-то творять на старшаго гене-
рала:
Не во времячко нась солдатушкъ
выбираеть,
Въ большой праздникъ—да въ Пет-
ровъ день.
Да не во времячко нась солдатушкъ
обучаетъ,
Во лютые, во крещенскіе да морозы.
Ко щеблетичкамъ рѣзвыя наши но-
женки призаминало,
Ко свѣтлу ружью бѣлы рученки при-
щипало.
Породила родна матушка только двухъ
нась, сыновей,

Воскорнилъ сударь-батюшко, воспойлъ,
Чему-то насть научилъ?
А учила-то насть братенькова—чужая
сторона,
Да чужая дальняя сторонушка, времен-
ная слободушка:
Весь день-то насть бьютъ, бросаютъ
безвинно,
Насъ учать безъ краснова-то солнышка,
Во тьмѣ душу выпекаютъ, въ тьмѣ
кости открываютъ.

XVII.

Не кукушенка въ сыромъ бору куковала,
Она скуковала, она скуковала.
Не соловьюшка вотъ стала утѣшати,
Онъ стала утѣшати, онъ стала
унимати.
—Тебѣ полно, моя горька кукушенка,
Полно куковати, ой, полно ку-
ковати!
Охъ, ты ли глупенькой, ой, да неразумной!
Младой соловьюшка, ахъ, младой
соловьюшка,—
Какъ маѣ, горькой кукушечкѣ, какъ
не куковати
Какъ не куковати, какъ не ку-
ковати?
Охъ, одинъ у меня былъ зеленый садъ
И тотъ посыхаетъ;
Всѣ изъ то-ли мелки птички вылетаютъ,
Одну меня—горьку кукушечку въ саду
покидаютъ,
Ой, покидаютъ, покидаютъ!

XVIII.

Изъ далече, далече, да изъ чиста поля,
Изъ широкаго раздолья, изъ широкаго
раздолья.
Изъ широкаго раздолья, ой, горить
туть огонечекъ разъяснишенекъ,
И дымочекъ повѣваетъ синъ, тонюшенекъ.

У огонька разосланъ сѣрой войлочекъ,
Сѣрой войлочекъ;
Да на войлочекъ лежитъ доброй молодецъ,
Доброй молодецъ.
Онъ трудень-боленъ и весь израненъ,
И весь израненъ;
Двѣнадцать-то раночекъ получилъ ру-
жейныхъ,
Получилъ ружейныхъ;
Ужъ какъ первая-то рана въ буйной
головкѣ,
Въ буйной головкѣ;
Ужъ какъ вторая-то рана да въ пра-
вой рукѣ,
Да въ правой рукѣ;
Ой, ужъ какъ третья то-ли раночка въ
ретивомъ сердцѣ,
Въ ретивомъ сердцѣ.
Самъ молодецъ эти раночки припекаетъ,
Припекасть, прижигаетъ, пригова-
риваетъ.
Охъ, двѣнадцать этихъ раночекъ—не
во что ему,
Издолняютъ добра молодца только три
раночки,
Три раночки копьевыя!

XIX.

Вы горы, вы горы, вы да крутыя,
Горы змѣевыя, горы змѣевыя.
Да позвольте-ка вы мои горы подъ
собою постояти,
Подъ собою постояти, постояти.
Намъ тутъ не годочекъ годовати,
Одну ноченку вочевати и ту всю не спати,
Да ту все не спати, не спати.
Свинцу, пороху набрати,
Свинцу, пороху набрати,
Стеньку Разинова да устрѣляти,
Ой, да устрѣляти.
На покровскомъ то-ли на лужечкѣ
Стенки Разина не стало
Въ дѣвичьемъ кружочкѣ
Въ дѣвичьемъ кружочкѣ.

Пѣсни эти, какъ видно, перенесены изъ В. Россіи и многія потеряли свой настоящій характеръ. Каждая партія ссыльныхъ, заѣзжихъ торгашей и приказчиковъ приносить свои пѣсни, передѣлываетъ ихъ на свой ладъ и потому нѣкоторыя лишены не только первоначального своего значенія, по и самаго смысла. Большая часть пѣсепъ заунывныя, чѣмъ совершенно противуположно характеру сибиряка-старожила. Зайдите въ любую избу и вы никогда не увидите хозяина или хозяйку съ угрюмой физіономіей. Правда, характеръ здѣшняго народа серьезный и степенный; но сибирякъ-старожилъ у себя въ домѣ всегда радъ гостю и съ веселымъ лицомъ заводить умныя рѣчи, разговаривая обо всемъ, что только можетъ входить въ сферу его деревенской жизни. Несмотря на врожденную недовѣрчивость, онъ довольно словоохотливъ. Это уже можетъ служить примѣтою, что крестьянинъ въ Сибири не знаетъ нищеты, живеть въ довольствѣ, и потому не о чёмъ ему тужить и тосковать. Слѣдовательно, внутреннее изліяніе его души скорѣе должно бы выразиться въ веселой пѣснѣ, чѣмъ въ грустной.

Удивительно, что Сибирь—страна, завоеванная простымъ народомъ, шайками казаковъ, имѣть такъ мало народныхъ историческихъ преданий и сказокъ. Рѣдко гдѣ услышите среди здѣшняго населенія разсказы о походженіяхъ, подвигахъ и удальствѣ предковъ—казаковъ-завоевателей. Воспоминаніе о нихъ совершенно утратилось. Еще въ крестьянскихъ домахъ Приуралья можно встрѣтить портретъ Ериака и другихъ казаковъ; но въ южной части Енисейской губерніи скорѣе можно найти портреты современныхъ историческихъ лицъ, чѣмъ казаковъ-завоевателей. И потому сохранившіяся немногія народныя сказки и преданія даютъ очень слабое понятіе о старинѣ; онѣ болѣе изображаютъ современные нравы здѣшнихъ жителей.

Въ Минусинскомъ округѣ сказокъ сохранилось среди нихъ довольно много, но все онѣ относятся къ крестьянскому домашнему житию-бытю и чрезвычайно хорошо и вѣрно характеризуютъ народъ въ двухъ отношеніяхъ: страсть къ деньгамъ и легкую нравственность женщинъ. Каждая сказка непремѣнно имѣть своимъ предметомъ приобрѣтеніе человѣкомъ большихъ богатствъ или любовныхъ походженія, женитьбу, и т. п. Герои сказокъ большею частію купцы, приказчики, приказные, разбойники и проч. Для подтвержденія уже отмѣченного мною наблюденія о томъ, какъ мало обращаютъ здѣсь вниманіе на хорошее поведеніе дѣвушки, я приведу одну сказку (очень похожую и на все другія), выписанную изъ бумаги минусинскаго земскаго суда (за 1847 годъ, № 3), а именно: «Суженая невѣста».

«Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, въ городѣ, такъ сказать, Красноярскомъ, у одного приказнаго родился сынъ, по имени Иванъ; въ этомъ же округѣ у богатаго купца родилась дочь—Настасья. Родители этихъ дѣтей имѣли между собою дружественную связь, и потому вхози были, со своими дѣтьми, однѣ къ другому. Малюткамъ было уже лѣтъ по пяти, и они смыклись такъ, что не могли другъ безъ друга прожить дня; вмѣстѣ обучались и полюбились они несказанно. Замѣтили это родители и говорили часто: это будетъ суженая нашему Ивану. А купецъ говорилъ: надо же разлучить ихъ: чѣмъ за пара онъ-то нашей дочери! Но только въ одинъ вечеръ, когда было гуляніе у купца (находился тутъ въ гостяхъ и приказній), гости

сильно любовались, что малютки такъ и мило забавляются между собою. Вотъ гости и говорять въ шуткахъ: давай, мы ихъ обручимъ. Взяли да и обручили: помѣняли ихъ колечками и благословили образомъ. Малютки про обрученіе ничего не знаютъ: знаѣ, только рѣвятся. Такъ какъ они были одногодки, то когда пришли въ 12-ти лѣтній возрастъ, какъ-то наединѣ и поклялись другъ другу, чтобы одному ни на комъ другомъ не жениться, а другой замужъ не выходить. Вотъ когда совершилось имъ по 16-ти лѣтъ, то присланы были отъ одного, тоже куница, сваты къ родителямъ купеческой дочери. Услышавъ это, дочь сильно расплакалась и говорила: не вы ли, мои милые тятаинка и маменька, обѣщали отдать меня замужъ за сына приказнаго? Они же не хотѣли и слушать ея рѣчей. Говорятъ: что онъ тебѣ за пара. Опѣ-дѣ еще и чину не иѣсть и, притомъ же, бѣдный; намъ-дѣ стыдно будетъ завести съ нимъ родню. Нечего дѣлать, и дочь отвѣчала: будь воля ваша! Вотъ по рукамъ и сыграли свадебку. Послѣ вѣнца, когда молодыхъ положили на ложевъ почиальниѣ, молодая и говорить молодому: другъ мой, я навѣкъ твоя буду, тебя завсегда слушать и почитать буду, только сдѣлай ты мнѣ одну милость, о которой я тебя попрошу.—Что такое, моя безпѣнная? Изволь просить, я ни въ чемъ тебѣ не откажу.—Тутъ она сказала ему о своей младенческой связи съ сыномъ приказнаго, какъ они вмѣстѣ росли, какъ они другъ друга полюбили и, наконецъ, какъ ихъ родители, обручая, благословили. Она молвила: прошу тебя, позовъ мнѣ первую очевидку провести съ приказнѣмъ,—я ему въ этомъ дала клятву. Мужъ съ охотою согласился на это и отпустилъ ее къ нареченному жениху. Женихъ-то, приказный, жилъ, примѣрно, въ десяти верстахъ. Она и пошла. Это было ночью. Вотъ на половинѣ дороги попадаются ей на встрѣчу бѣглые изъ завода бродяги.—Стой, голубушка, откуда и куда?—Она и разсказываетъ имъ причину. Бродяги ведутъ ее къ своему старостѣ. Староста, увидя такую премилую красотку и много дорогой на ней «лопоти» (женской одежды) воспламенился страстью и думалъ было насытиться надъ нею и ограбить ее. Только когда услышалъ добродѣтельный поступокъ ея мужа, а также и ея самой, то сжался и согласился отпустить ее, но съ тѣмъ, чтобы на обратномъ пути она зашла къ нимъ въ станъ и обсказала, какъ поступить съ якою нареченной—приказнѣмъ. Уже къ свѣту приходитъ она къ своему прежнему дружку въ домъ, и онъ весьма былъ радъ этому. Послѣ многихъ любовныхъ между ними разговоровъ, она рассказала своему жениху о причинѣ своего къ нему прихода. Услышавъ про такую ея вѣрность, онъ прослезился и сказалъ:—неопѣненная моя бывшая подруга, я покорно благодарю тебя, какъ и твоего мужа, что онъ умѣлъ пѣнить нашу любовь. Невинность твоя для меня очень дорога. Подумай же ты сама, не дороже ли она для твоего мужа? Извѣстно, что онъ послалъ тебя ко мнѣ по одной твоей убѣдительной просьбѣ; но каково же ему будетъ смотрѣть на тебя, когда ты къ нему обратишься? Это было бы все равно, какъ бы я тебя ограбилъ. Довольно тебѣ и того, что даже бродяга, варнакъ, у котораго ты была, смягчилъ свое сердце. Благодарю премного тебя за твою обо мнѣ память; благодарю и мужа твоего за его умный поступокъ. Жаль тебя премного. Но такъ какъ мужъ твой умный человѣкъ, то уступаю ему тебя безъ обиды ради того, что будешь обладать хорошимъ сердцемъ. Неси невинность твою къ нему и скажи, что я не нашелъ для него болѣе

подарковъ. Тутъ онъ упалъ въ обморокъ и сильно плакалъ. Суженая невѣста приказанаго возвратилась къ мужу; мужъ весьма обрадовался ея приходу. Начали цѣловаться, миловаться и когда она рассказала ему обо всемъ съ нею случившемся, то онъ сильно полюбилъ ее, и всетаки сказалъ: «вѣдь дуракъ-то приказный! Видно, что не знаетъ коммерческаго разсчету». Мужъ съ женой жили богообразливо и въ большомъ согласіи дожили до глубокой старости».

Приведемъ преданіе о чудскихъ могилахъ въ Минусинскомъ округѣ.

«За нѣсколько сотъ лѣтъ, когда только, будто-бы, начала въ Сибири рости бѣлая береза, люди здѣсь обитавшіе, называемые чудью, увидѣвъ это дерево, разпустили слухъ, что идеть на нихъ бѣлый царь. Не желая, по своей дикости, быть въ подданствѣ Россіи, они рѣшились лучше погибнуть и начали живыми зарываться въ землю и на могилахъ своихъ ставили камни, которые въ теперешнее время называются курганами. Другіе же изъ чудскихъ народовъ, самые смѣлые, пороли себѣ животы ножами иай бросались съ утесовъ въ р. Енисей. Но всѣ ли эти народы истребились или остались живы—изъ преданій народныхъ непрѣдѣльно».

Свадебные обряды крестьянъ-сибиряковъ представляютъ много любопытнаго. Если хотите, въ обрядахъ этихъ сохранились тѣ же обычаи, что и въ Европейской Россіи, съ нѣкоторыми прибаутками, которыя довольно рѣзко характеризируютъ здѣшняго крестьянина. Такъ, напримѣръ, въ Евр. Россіи выборъ невѣсты зависитъ собственно отъ отца и матери жениха. И сюда перенесли тотъ же обычай съ тою разницей, что въ Евр. Россіи какъ женихъ, такъ и родители при выборѣ невѣсты болѣе основываются на хорошей ея нравственности и на доброй славѣ семьи; здѣсь же родители стараются женить сына какъ можно раньше для того только, чтобы размножить семейство и увеличить число работниковъ. Поэтому, крестьянские сыновья—большіе волокиты, о женитьбѣ мало думаютъ и къ родителямъ съ просьбами обѣ этомъ не обращаются. Забота женитьбы сына лежитъ на родителяхъ, которые при этомъ больше заботятся о томъ, чтобы невѣста была крѣпкаго сложенія, здоровая, испытанная... и не калѣка, чѣмъ обѣ ея красотѣ и нравственности.

Такимъ образомъ, родители, высмотрѣвъ въ своемъ селѣ или въ другой деревнѣ дѣвицу, объявляютъ о сватовствѣ сыну. Мать жениха приглашаетъ другую женщину, разумѣется «говорящую», и отправляются къ родителямъ невѣсты. Войдя въ избу, останавливаются у порога, три раза крестятся передъ иконами, потомъ поклонясь въ поясъ на всѣ три стороны, привѣтствуютъ хозяевъ:

— Здравствуй, родимая Степанида Ивановна и родимый Петро Иванович!

— Добро жаловать, отвѣчаютъ хозяева, родимая Маланья Петровна и ты, Марья Алексѣвна! Откуда вѣсъ Богъ принесъ? Просимъ покорно на лавочку бесѣдововать.

Гости садятся и нѣсколько минутъ молчатъ, потомъ встаютъ, выходятъ на средину комнаты, кланяются въ поясъ и начинаютъ приговаривать:

— Мы къ вамъ, Ивановна, и ты, Петръ Ивановичъ, пришли съ добрымъ дѣломъ, со сватаньемъ. Василій Митрофановичъ кланяется Акулинѣ Петровнѣ. (Митрофановичъ—женихъ, а Акулина—невѣста).

— Милости просимъ, родимые; доброе дѣло!

Опять садятся всѣ. Сваха, сидя, разговариваетъ съ родителями:

— Покорно просимъ ужъ вамъ сказать намѣреніе ваше о женихѣ; парень славный (сваха продолжаетъ вычислять всѣ достоинства жениха) и дѣвка-то ядрёная — одинъ друговѣ стоять! Домъ добрый, есть добра и живота, будеть чѣмъ орудовать, да къ тому же сами вы знаете: одинъ сынъ, кручини нельзя бояться!

Мать невѣсты отвѣчасть:

— Кто про это, родимая, не знаетъ. Да правду сказать, отдавать-то мы дѣвку не намѣрены... И мать продолжаетъ: (тутъ выражается очень хорошо скрытность и скупость сибирского крестьянина) куделя (лѣпъ) не родилось и бѣлья-то мало; да подумай-ко, родимые сватъ и сватошка, куда еще что не тутъ отдать, — я вѣдь, сватошка, небольшая въ этомъ, какъ вѣдь старикъ чаво скажетъ.

Старикъ отвѣчасть:

— Да чѣмъ-то мы будемъ свадьбу отправлять... Провѣсной говядины-то у насъ мало, одна только жердь навѣщенна. Звѣровать вынче не ходилъ я не хиѣлевалъ, — хиѣлю-то нѣть. Пива не изъ чего варить. Чаво же тутъ будешь дѣлать.

Сваха настоятельно просить:

— Да подумай-ко, намѣрены, такъ намѣрены. Одно, что ужъ бы мы знали. Вѣдь, не съ чѣмъ и намъ итти, сами знаете.

— Куда, мы сегодня ничего сказать не можимъ. Авось со старухой подумаемъ... ну, да и у дѣвки спросимъ, какъ биши она скажеть. Милости прошмаровать на утро.

— Подумай-ко, какъ получше, подумай-ко!

Свахи встаютъ, кланяются низко и уходятъ.

По уходѣ ихъ, мать и отецъ невѣсты «шибко» задумываются, судятъ, обсуживаютъ жениха, его семью и, ваконецъ, рѣшаютъ такъ:

— Чаво же, баба, спрашивается старикъ жену?

— Да я что же ту-то-ка? Твое же дитище, самъ знаешь, парень работашій, дѣвка здоровая, неболѣзнина, почему же не отдать?

— Ну, и дѣло: отдать, такъ отдать!

На другой день приходить свахи и послѣ обыкновенныхъ привѣтствій спрашиваютъ:

— Ну, вздумали, родимые, отдавать Акулину Петровну?

— Говорили-де мы вечёръ дѣвкѣ, да она бантъ-то, что безъ постели-то и доброй шубы не пойду, да и даровъ-тѣ но на что у ней купить.

— Да только бы ваше намѣреніе было и за «молодца» дѣвку отдать, говорить сваха, а мы не поскупимся въ деньгахъ.

— Ну, да если не пожалѣете еще сто рублей на расходы, то... (адѣсь хозяинъ запинается и чешетъ себѣ затылокъ)¹. А то, сей же Богу, нѣчѣмъ Акулину отдать!

— Извольте, родимые, и за этимъ не постоимъ!

¹ Въ Сибири, при выдачѣ дочерей замужъ, родители всегда стараются скрыть свое богатство и очень часто обманываютъ жениховъ.

При этомъ невѣстѣ старикъ встаетъ и обращается къ женѣ:

— Ну, чего же, баба, отдавать, такъ отдавать! Неси-ко огня, да затеялико свѣчу передъ образами; помолимся Богу, да и по рукамъ!

Старуха, молча, встаетъ, слезы навертываются у ней на глазахъ, и идеть исполнить приказаніе мужа. Невѣста, сидѣвшая за перегородкой, вдругъ начинаетъ плакать на-вздыдь; но когда затеяли свѣчу, въ комнатѣ все утихаетъ и начибаются молиться Богу всѣ, кроме невѣсты, которая обыкновенно выбѣгааетъ изъ комнаты, забирается на сбиваль или въ баню и тутъ даетъ свободу своимъ слезамъ.

Послѣ молитвы «быть по рукамъ». Старуха покрываетъ столъ хорошею бѣлою скатертью, ставить хлѣбъ и соль, а пришедшія свахи штофъ водки. Выливъ по рюмкѣ вина, посыпаютъ за родственниками. Собравшіеся садятся на указанный хозяиномъ мѣста, обеуживаются жениха и рассказываютъ о начавшейся свадѣбѣ. Вдругъ растворяются двери и входитъ заплаканная, но одѣтая въ самое лучшее платье невѣста съ подносомъ въ рукахъ. На подносѣ приготовлены дары свахамъ, состоящіе изъ бумажного или щелковаро платка. Свахи отдаиваютъ ей деньгами, приговаривая: «стоять другъ друга»! Невѣста все плачетъ, заливаются горькими слезами, будто ведутъ ее на смерть. Родственники уговариваютъ ее, сваха тоже присоединяется съ своими изъяніями:

— Не плачьшибко, родимая! У насъ деревни веселая, выѣти есть куда. Ну, и соѣди добрые же у насъ.

Невѣста, молча, выходитъ изъ комнаты. Тутъ мать жениха обращается къ сватѣ своей:

— А что, сватюшка, въ это бы воскресеніе сдѣлать и обручевіе?

— Что ты, что ты, родимая! У насъ еще пѣть ничего готоваго, пиво не варено. Куда, развѣ въ то воскресеніице такъ могимъ обѣщать!

— Ну, такъ въ то.

— Такъ въ то, такъ въ то!

Сваха и мать жениха, уходя, останавливаются у дверей, кланяются говорить:

— Покорно же, покорно просимъ не измѣнить добрая своего слова!

Такъ начинается свадѣба у крестьянъ въ Минусинскомъ округѣ. Сватовство у крестьянъ другихъ округовъ Енисейской губерніи, какъ описывается г. Степановъ, разнится тѣмъ, что родители выбираютъ невѣсту по указанію жениха и прежде сватъ съ женихомъ отправляются къ родителямъ невѣсты на «смотрѣніе». Въ москѣ описаніе смотрѣніе слѣдуетъ за сватовствомъ¹.

Въ назначенный день для обрученія родители невѣсты собираютъ родственниковъ и гостей, и когда все уже готово, извѣщаютъ о томъ жениха. Женихъ вѣстѣ съ своими родителями и родственниками приходитъ въ домъ невѣсты и, остановившись у дверей, ожидаетъ появленія невѣсты. Свахи, выбраныя со стороны невѣсты, выводятъ ее изъ другой комнаты. Въ рукахъ свахи тарелка, на тарелкѣ невѣстиное кольцо. Женихъ подходитъ къ свахѣ и кладетъ на тарелку свое кольцо. Одинъ изъ родственниковъ, со стороны жениха,

¹ Степанова: Енисейская губернія, стр. 110.

береть оба кольца и мѣняетъ ихъ: невѣстино отдастъ жениху, а женихово невѣстѣ. При этомъ обрядѣ дѣвицы, подруги невѣсты, поютъ пѣсню:

— Ой, въ городѣ, въ городѣ
Шерстени кѣвали, перстени ковали.
Кому этими перстенями обручаться?
Обручаться молодцу со дѣвицей,
Василью Митрофановичу съ Акулиной Петровной,
Со красавицой, со красавицой (и проч.).

По окончаніи этой пѣсни, женихъ и невѣста цѣлются и садятся за приготовленный столъ. Отецъ жениха обращается къ свату съ словами:

— Сватюшко и сватюшка, прошу пожаловать парочку рюмочекъ съ подносикомъ.

Рюмки и подносъ передаются невѣстѣ. Родственники жениха, въ свою очередь, говорятъ:

— Родимые сватюшко и сватюшка! Пожалуйте-ко къ столу.

Старикъ со старухой (мать и отецъ невѣсты) подходить къ столу и невѣста подносить имъ рюмки съ виномъ. Родители жениха тутъ приговариваютъ:

— Просимъ покорно, сватюшко и сватюшка, выпить и полюбить нашего сына.

Выпивъ водку, родители невѣсты говорятъ:

— Просимъ полюбить нашу дочь, а ты, Василий Митрофановичъ, полюби-ко нашу Акульку и покажи-ко намъ, нареченный зять, дорожку.

Тутъ женихъ и невѣста цѣлются. Потомъ невѣста наливаетъ рюмку вина и потчуетъ всѣхъ присутствующихъ; каждый изъ нихъ, выпивъ рюмку вина, цѣлюется съ невѣстой и женихомъ, отѣшивая притомъ низкіе поклоны. Во время этой церемоніи всѣ стоять; потомъ, по приглашенію родителей, садятся за столъ и закусываютъ.

Весь этотъ вечеръ дѣвицы поютъ пѣсни, величая въ нихъ жениха, невѣсту и родственниковъ по имени, отчеству. За пѣсни гости дарятъ дѣвицѣ леньгами. Нужно замѣтить, что угощеніе въ этотъ вечеръ дѣлается на счетъ жениха. Вино, для большей важности, никто изъ гостей самъ себѣ не наливаетъ, хотя оно поставлено тутъ же на столѣ; но, по обычаю, вино наливается кѣмъ-нибудь изъ родственниковъ, а подносится невѣстой. Разговоры во время этой церемоніи обыкновенные: мужчины говорятъ о хозяйствѣ, урожаѣ хлѣба, скотоводствѣ и проч.; женщины о домашнемъ жити-быти, о холстѣ, обѣ огородахъ и проч. Разговоръ послѣднихъ всегда оживленіе, и онъ крикомъ, своимъ заглушаютъ разговоръ мужчинъ. Эта крикливость происходитъ отъ того, что въ этотъ день всѣ должны быть пьяны, не исключая даже и тѣхъ изъ женщинъ, которыхъ вовсе не пьютъ вина. Въ этотъ же вечеръ назначается, когда быть дѣвичнику.

На дѣвичникъ, который всегда бываетъ наканунѣ свадѣбы, невѣста сзываетъ всѣхъ своихъ подругъ, которыхъ, нарядясь какъ можно лучше, соби-

раются въ одинъ какой-нибудь домъ, и потомъ идуть тихимъ шагомъ къ дому, гдѣ живетъ невѣста. Собравшись въ избу, невѣста и подруги садятся въ передний уголъ и поютъ унылую пѣсню:

Благословите, родимые батюшко и матушка,
Мнѣ русу косу расплести
По могучимъ плечамъ расклести!
и проч.

По окончаніи этой пѣсни, отецъ подходитъ къ дочери, которая кланяется ему въ ноги. Отецъ благословляетъ ее. За отцомъ подходитъ мать и благословляетъ; дочь кланяется ей въ ноги. Такимъ же образомъ подходить по одиночкѣ всѣ домашніе, которые постарше ее, т. е., братья, сестры, дяди, тетки. Потомъ невѣста обращается къ подругамъ своимъ и поетъ ту же пѣсню, съ отмѣною только словъ, вместо батюшки и матушки, называетъ ихъ: мои ми-лые подруженки. Подруги отвѣчаютъ ей на это только поклономъ и послѣ вдругъ всѣ затягиваются унылую пѣсню:

Красота ли ты, моя красота дѣвицы,
Души красной дѣвицы Акулины Петровны!
Кому ты, красота, достанешься,
Не князю ты, не боярину,
Не купцу ты торговому,
Не гостю проѣжему.

Невѣста отвѣчаетъ:

Достанешься ты, моя красота,
Родимой подруженкѣ.
И красуйтесь, любезныя мои подруженки,
Красуйтесь у своихъ родимыхъ
Батюшковъ и у осударыненъ-матушковъ!
Я открасовалася
Въ своей дѣвьей красотѣ
И у родимаго у батюшки,
И у осударыни-матушки,
И у братцевъ и сестрицъ!
Соберетесь, подруженки, всной
На большую улицу,
И поѣдете вы во чисто поле
По цвѣты алые.
Всѣ цвѣты цвѣты алые,
А мой цвѣтокъ
Весь посохъ и поблѣкъ!

Во всѣ время, пока поютъ эту пѣсню, невѣста сильно плачетъ, плачутъ тоже и многія ея подруженки.

По окончании пѣсни, къ вѣвѣтѣ подходитъ отецъ, мать, братья, сестры, расплетаютъ ей косу и благословляютъ. Невѣста раздастъ подругамъ свою красоту, т. е. разноцвѣтныя ленточки, «гортанки» для застежки рубашекъ.

Затѣмъ невѣста поетъ пѣсню:

Благослови, родимый батюшко и матушка,
Въ баню помыться и попариться
Со своими подружenkами,
Со своими голубушками,
Во первые-то и послѣдній разъ
Въ своей дѣвьей красотѣ!

Тутъ невѣсту опять всѣ домашніе благословляютъ, и она отправляется съ нѣсколькими подружками въ банию. По выходѣ изъ бани, невѣста поетъ съ подругами пѣсню:

Благодарю, тебя родимый
Батюшко и осударыня-матушка,
За парную банию, за мыльце,
За шелковый вѣничекъ.
Я имъ отмылася и отпарилася,
Въ первый и послѣдній разъ,
Со своими подружenkами,
Со своими голубушками,
Во своей дѣвьей красотѣ!

Послѣ бани, дѣвицы одѣваютъ невѣсту къ приходу жениха. Когда одѣнуть ее, «докладываютъ» старикамъ (родителямъ): «невѣста готова».

Тогда родители сзываютъ всѣхъ знакомыхъ на вѣчерь, т. е. на дѣвичникъ. Женихъ же со своими боярами, дружкой и свахой не показываются до тѣхъ поръ, пока не получить извѣщенія отъ невѣсты. Невѣста до прибытія жениховаго поѣзда не выходитъ въ горницу, гдѣ приготовленъ столъ для угощенія, а сидить со своими подружenkами въ «кутѣ», т. е. въ комнатѣ, гдѣ одѣвалася (куть, по здѣшнему, значить передай уголь горницы, разгороженный отъ неї деревянной стѣною). Но вотъ является жениховъ поѣздъ, т. с. женихъ со свахою, тысяцкимъ, дружкой и боярами; они входятъ въ горницу, потомъ идутъ въ куть. Женихъ цѣлуетъ невѣсту въ уста и дарить ей нѣсколько денегъ; невѣста съ своей стороны отдастъ жениху носовымъ платкомъ. Тутъ же женихъ цѣлуетъ всѣхъ невѣстиныхъ подружекъ и потому, взявъ невѣсту за руку, выводить въ горницу и оба садятся за столъ.

Подлѣ жениха становится тысяцкій, а подлѣ невѣсты сваха; за ними всѣ бояры. Вдругъ дружко восклицаетъ:

Есть ли во свѣтлой свѣтлицѣ отецъ родимой и мать родима?

Родители невѣсты: есть.

Дружко: Благословите взойти за столы дубовые, за скатерти браныя, за яства сахарныя, за пятья пынныя!

Родители невѣсты: Богъ благословить!

Послѣ этого всѣ садятся за столы—возлѣ жениха тысяцкой, возлѣ тысяцкаго два или три бояра, потомъ дружко съ плестью и съ складнымъ ножемъ—всѣ они сидѣть по правую руку жениха. По лѣвую руку сидѣть невѣста, а далѣе возлѣ нея сваха и кто-нибудь изъ родственницъ жениха. Является отецъ и мать невѣсты съ полнымъ штѣфомъ вина въ рукахъ, ставить его на столъ, установленный разными кушаньями и начинается подчтанье сперва жениха и тысяцкаго. При этомъ тысяцкій обращается къ жениху:

— Покажи-ко дорожку, будь-ко посмѣлѣ, да своего дѣла не забывай!

Женихъ поданную ему рюмку вина раздѣляетъ съ невѣстой, тысяцкій же одинъ выпиваетъ до дна. Потомъ подаютъ вино всѣмъ, по порядку, соблюдая старшинство. Старикъ со старухой пьютъ тоже. Послѣ этой круговой, дружко встаетъ, всѣ тоже поднимаются со своихъ мѣстъ, и дружко восклицаетъ:

— Господинъ хозяинъ и хозяюшка, благословите хлѣба-соли покушать!

Родители отвѣчаютъ: Богъ да благословить!

Всѣ садятся, а дружка поднимается со своего мѣста, вынимаетъ изъ-за пояса ножъ и начинаетъ крошить кушанья. Потомъ береть вилкою кусокъ мяса и подносить невѣстѣ; невѣста снимаетъ пальцами мясо, ѡсть и, въ свою очередь, подносить кусокъ мяса дружкѣ. Послѣ дружка подносить мясо жениху, тысяцкому, словомъ, потчуетъ всѣхъ гостей.

Во время стола дѣвицы поютъ пѣсни для молодыхъ и для каждого, участвующаго въ свадьбѣ.

Пѣсня жениху:

Василья матушка въ счастливый день породила,
Въ воскресную заутреню пеленала,
Его матушка приговаривала:
Дитё ли мое, дитятко,
Будешь на возрастъ и на Божьей милости
Соберешься съ умомъ, съ разумомъ,
Съ молодецкимъ поѣздомъ,
И поѣдешь жениться
На Акулькѣ, красной дѣвицѣ.
Въѣдешь па широкій дворъ,
Не пущай коня по двору,
Привяжи коня къ столбу,
Ко колечку серебряному.
Взойдешь на красно крыльцо,
Со красна крылечка въ новы сѣни,
Изъ новыхъ сѣней въ высокъ теремъ.
Станешь Богу молиться—
Клади крестъ по писанному,
Кланяйся по ученому,

На все четыре стороны:
Тестю и тещѣ,
На особицѣ примѣчай
Свою суженую.
Твоя сужена пріимѣтная,
Руса коса расплетенная,
По могучимъ по плечамъ раскладена,
Очи ясны призаплаканныя,
Лице бѣло призатертое.

Пѣсня невѣстѣ:

Говорилъ сударь-батюшко,
Не отдамъ тебя, дитятко,
Ни за князя, ни за боярина,
Ни за купца торговаго,
Ни за гостя проѣзжаго.
Построю тебѣ, дитятко,
Свѣтлу свѣтлицу
И столову нову горницу.
Посажу я тебя на диванъ
Подъ оконечко,
Обважу я тебя, дитятко,
Плнсомъ и бархатомъ;
Обвѣшу я тебя, дитятко
Серебромъ и золотомъ,
Дорогими, бѣлымъ жемчугомъ.
Говорилъ сударь-батюшко,
Говорилъ—все обманывалъ:
Обсадилъ тебя батюшко
Вокругъ князьямъ и боярами;
Обвѣсилъ тебя батюшко
Печально великою,
Кручиной немалою;
Улилъ тебя батюшко
Слезами горючими.

Тысяцкому:

Ты, тысяцкой, послушай, послушай,
Какъ дѣвицы тебя по имени называютъ,
По отечству величаютъ,
Къ чену они тебѣ приговариваютъ,—
Будто бѣлый сахаръ на блюдѣ,
Да зелено вино двоено, да двоено!
Милая моя молодушка,
Хавронья Ивановна, голубушка,
(Хавронья Ивановна жена тысяцкаго),

Принеси мнѣ, Хавронюшка, сына
И дай ему хорошее имя—
Богомъ дано Иванъ Калиничъ!

Старшему боярину холостому:

Вилися тутъ и повилися
У воротъ вереюшки;
Не сами онѣ завивалися,
Завивали ихъ плотнички,
Дороги-славны мастера,
Топорами они вострыми,
Скобелями булатными.
Вились тутъ, повились,
У Григорья Филипповича (имя боярина)
Кудри русые
На буйной головушкѣ;
Не сами-то онѣ завивалися,
Завивала родимая сестрица,
Гребенкомъ кудри разчесывала,
Жемчугомъ кудри унизывала,
Снаряжали у большіе бояра.
По удаломъ доброму молодцѣ,
Василій Митрофановичъ (женихъ),
Наряжали, приговаривали:
Будуть дѣвицы тебя называть
И по изотчству называть.
Григорій Филипповичъ,
Не скучися, не скучися,
Золотой казной разступися.

Боярину женатому:

Не шумите вѣтры буйные,
Не раскачивайте звонка колокола,
Не разбудите Митрофана жену!
У Денисовича вечёръ жена
Во чистомъ ширу была,
Къ утру сына породила—
Иванушку Митрофановича.

Дружкѣ:

У насть дружко — Михайлъ хорошій,
У насть дружко — Гавриловичъ прыгожій,
Онъ гораздъ во чисту полю гуляти
И изъ лука онъ стрѣляти.

Полудружкъ:

У насть полудружъя дѣвушки любили,
Степана Федоровича да любили.
Да почему его дѣвушки любили?
У насть полудружъе повертушекъ,
Онъ туды-сюды повернется
И на вѣсъ четыре стороны
Со князьями и со боярами
Слово-рѣчъ говорить.

Невѣстиной свахѣ:

У вѣсъ княжа сваха Катерина Осиповна,
Гордая и спесивая она;
Колды-то она слово вымолвить
Со князьями, со боярами,
А не съ нами, сударынями.

Свахѣ жениховой:

У насть княжна сватенка
Акулина Фомишина—
Богатая: она съ гривны
На гривну ступаетъ,
Полтино вороты залирастъ;
Во вѣсъ стороны она
Но гривенкѣ бросаетъ,
Она нищить, убогимъ надѣляетъ,
Ахъ, надѣляетъ.
Да свашенъка себѣ скучаетъ
По удаломъ, добромъ молодцѣ,
По Васильѣ Митрофановичѣ.

Сверхъ этихъ пѣсенъ, каждому пригѣвается подобный же пригѣвокъ. Пригѣвки эти сочиняются большою частью экспромтомъ и поются для того, чтобы пріюхотить каждого изъ участниковъ въ свадѣбѣ къ щедрымъ подаркамъ за труды дѣвицъ.

Когда кончатся вѣсъ пригѣвки, тогда тысячкой требуетъ стаканъ: «красный мои дѣвицы, пожалуйте-ко стаканчику!» Стаканъ подается. Тысяцкій наливаетъ въ него пива и бросаютъ туда же мѣдные, а кто имѣеть—и серебряные деньги. Стаканъ подносится одной изъ дѣвицъ, которая выпиваетъ пиво, стаканъ отдаетъ тысячкому, а деньги беретъ себѣ. Тоже дѣлаютъ вѣсъ тѣ, кому пѣлись пѣсни. Послѣ этого дѣвицы поютъ благодарственные пѣсни.

Тысяцкому:

Спасибо тебѣ, тысячкой, Иванъ Ивановичъ:
На твоихъ-то небольшихъ дарахъ.
Мы большіе-то твои дары приняли
И сладки-то меды выпили.

Такой же приставокъ поется и вѣнь тѣмъ, кто дарилъ дѣвицъ, съ тою разницею, что для каждого прибавляется его имя и отчество.

Этимъ оканчивается вечерній столъ. Тутъ дружка, исполнная обязанности распорядителя, подымается на ноги, а съ ними вѣсть встаютъ всѣ гости. Дружка говорить: «Спасибо хозяину и хозяинѣ за хлѣбъ за соль, за пріятность вашу и угощеніе!»

Гости опять садятся по мѣстамъ. А такъ какъ, по обычаю, никто изъ домашнихъ за столомъ не сидить и не раздѣлять съ гостями трапезы, то дружка восклицаетъ: «Ухъ, усталъ черезъ чурь! Кто бы вѣнь поднестъ, мы бы выпили?» Тутъ одинъ изъ родственниковъ невѣсты начинаетъ подносить гостямъ пиво и прежде всего жениху. При этомъ сваха береть невѣсту за руку, хочетъ выходить, вѣнь за стола, но женихъ удерживаетъ невѣсту и, выпивъ стаканъ пива, цѣлуетъ ее, бояръ и вѣнь поѣзжъ.

Сваха уводить невѣсту въ другую комнату, т. е. въ куть; за ними уходятъ всѣ дѣвицы. Прочіе остаются на своихъ мѣстахъ за столомъ. Въ куть, гдѣ сидѣтъ невѣста, раздается пѣсня дѣвицъ:

Подойди, подступи,
Дорогой гость, небывалой,
Какъ Василій Митрофановичъ (женихъ),
Ко мнѣ, въ куть, за занавѣсы,
Ко мнѣ, къ молодошенькой,
Ко мнѣ, зелевіошенькой—
Недорослой въ полѣ травоныѣ,
Недозрѣлой въ кустѣ ягодкѣ!

По этому призыву, женихъ приходитъ въ куть; невѣста дарить его платкомъ, а женихъ отдаиваетъ ее деньгами и садится рядомъ съ невѣстою. Такую же пѣсню поютъ для бояръ, дружки, полудружья и др., и чье имя помнить въ пѣснѣ, тотъ является въ куть, цѣлуетъ невѣсту и дарить ей деньгами, потомъ цѣлуетъ всѣхъ дѣвицъ и возвращается на свое мѣсто. Немногого погодя, всѣ, находившіеся съ невѣстою за столомъ, прощаются и уходятъ въ свои дома.

Невѣста, оставшись съ своими подругами, удерживаетъ ихъ на ужинѣ. Столъ накрывается снова, ставить на него кушанья; невѣста садится въ передній уголъ, а по сторонамъ, кругомъ стола, размѣщаются ея подруги. Дѣвицы и невѣста поютъ пѣсню:

Благослови, родимый батюшко,
Мнѣ попить и поѣсть;
Покушати хлѣба-соли
Во первы-то и въ послѣдній
Со своими подружenkами,
Со своими голубушками;
Во первы и во послѣдній
И во всей моей дѣвичьей красотѣ?

Такую же пѣсню поютъ матери, братья и сестры и прочими домашними. Потомъ, послѣ ужина, поютъ благодарственную пѣсню. Послѣ девичника, на другой день бываетъ бранѣ.

Наконецъ, наступилъ день свадѣбы. Женихъ, взявъ благословеніе отъ родителей,ѣдетъ со всѣмъ побѣдомъ въ домъ къ невѣстѣ. Побѣдъ останавливается гдѣ-нибудь далеко отъ дома невѣсты, а дружка съ полудружкомъ на верховыхъ лошадяхъ, съ привязанными къ шеѣ и ушамъ лошади колокольцами,ѣдуть въ домъ къ невѣстѣ. Гости входятъ въ горницу, кланяются во всѣ стороны, подходить къ невѣстѣ, пѣлютъ ей и говорятъ:

— Приказаль кланяться молодой князь княгинѣ и сказать: живъ и здоровъ.

Имъ она отвѣчаетъ однимъ только поклономъ; они выходятъ изъ горницы. Спустя нѣсколько времени дружка является одинъ къ невѣстѣ и приноситъ ей отъ жениха платье (т. е. весь уборъ женскій). Стоя передъ невѣстой съ платьемъ и стаканомъ пива, она приговаривается:

— Приказаль молодой князь кланяться и просилъ принять цвѣтное платье и выпить за его здоровье стаканъ пива.

Невѣста, не принимая ни того, ни другого, молчитъ. Дружка вытягивается передъ нею, какъ солдатъ передъ начальникомъ, а девицы, которая не покидаютъ невѣсту до вѣнчанія, затягиваютъ пѣсню:

Не приму у тебя, друженка,
Твоего пива пьяного
И твоего платья цвѣтного! И проч.

Дружка упрашиваетъ убѣдительно принять подарокъ и, низко кланяясь, говорить:

— Прими ты, княгинюшка Акулина Петровна, отъ князя Василия Митрофановича дары! Пожалѣй ты, княгинюшка, мои тутъ труды!

Невѣста беретъ стаканъ съ пивомъ и передаетъ его девицамъ, а платье прятать въ сундукъ. Девицы, выпивъ пиво, передаютъ стаканъ невѣстѣ, которая отдаетъ его дружкѣ. Дружка низко кланяется и приговаривается:

— Спасибо, Акулина Петровна, что ты приняла пиво пьяное, платье цвѣтное!

Дружка кланяется снова и говорить:—Будьте готовы, мы со всѣмъ побѣдомъ скоро будемъ.—Дружка уходитъ.

Подруги невѣсты начинаютъ ее одѣвать, пригѣвая:

На дворѣ снѣгъ припорашивается,
Душечка Акулина Петровна собирается,
Петровна со двора сѣзжаетъ,
Что ты, батюшко, мевя не внимаешь,
Не уговариваешь!
Въ теремѣ не будетъ меня—растужится,
Въ высокомъ не станетъ меня—расплачется!

Одѣнь невѣstu, сваха выводить ее на средину комнаты. Отецъ приказываетъ постлать на полъ войлокъ (или коверь) и становить на немъ невѣstu; береть икону и вмѣстѣ съ женою и невѣстою становится на войлокъ. Невѣста крестится два раза и кланяется родителямъ въ поясъ; потомъ, перекрестясь въ третій разъ, кланяется до полу, встаетъ и цѣлуєтъ икону. Отецъ и мать благословляютъ ее знаменіемъ креста три раза, дѣвицы же поютъ пѣсню:

Не верба-то въ полѣ кланяется,
Акулина Богу молится,
У Матери Божией Богородицы
Просить она милостыни,
У батюшки-то родимаго
Просить благословеніца:
Благослови, родимой батюшко,
И во путь и во дороженьку
Къ златому вѣнцу бхати!

Послѣ отца и матери благословляютъ крестный отецъ и всѣ домашніе. Потомъ всѣ садятся за столъ. Невѣста съ подружками и свахой поютъ пѣсню:

Простите меня вы, подруженки,
Простите, голубушки!
Съ вами, подруженки,
Не въ годъ, не въ два увидимся,
А со своей дѣвьей красотой
Вѣкъ не видатися
И на рѣкѣ не сплыватися.

Туть невѣста заливается горькими слезами и плачетъ—какъ говорится—навзрыдъ; подруги, слушая, плачутъ и, наплакавшись досыта, умоляютъ. Вдругъ слышится лошадиный топотъ, колокольцы побрякиваютъ и во дворъ вѣзжаетъ женихъ со всѣмъ поѣздомъ. Пріѣзжіе входять въ горницу. Въ горнице невѣста сидить за столомъ одна, какъ сирота, задумчивая, грустна. Вокрѣ стола стоять братъ невѣсты, который, какъ видится, долженъ продать косу своей сестры. Тысяцкій подходитъ къ столу, наливаетъ стаканъ пива и подаетъ брату невѣсты; но послѣдній не принимаетъ. Туть дѣвицы изъ другой комнаты начинаютъ пѣть пѣсню:

Не сдавайся-ко, братецъ,
На пиво пьяно
И на золоту казну! И проч.

Тысяцкій предлагаетъ брату деньги, братъ торгуется и, наконецъ, съ видомъ нѣкотораго сожалѣнія о своей сестрѣ, береть деньги и выпиваетъ стаканъ пива. Дѣвицы поютъ пѣсню:

Богъ тебъ судья,
Родимый братецъ!
Сдался ты на пиво пьяное,
На золоту казну! И проч.

Братъ невѣсты исчезаетъ. Дружка между тѣмъ восклицаетъ:

— Есть ли въ этой свѣтицѣ, новой горницѣ, есть ли отецъ и мать родимые?

Родители отвѣчаютъ:—есть.

Благословите князя молодого съ тысяцкимъ, большого боярина съ меньшимъ, дружку съ полудружьемъ, сваху съ шовозникомъ и со всѣмъ поѣзомъ, благословите зайти за столы дубовые, за скатерти браныя, за питья пьяныя! .

Отецъ и мать отвѣчаютъ:

— Богъ благословить васъ!

Всѣ садятся за столъ. Начинаютъ подавать холодную закуску, хлѣбъ-соль, жаркое и, какъ необходимую принадлежность свадебнаго стола, свиную голову, разукрашенную лентами и разноцѣтными бумагами. Затѣмъ, изъ другой комнаты выходить двѣ сестры невѣсты или двѣ подруги: одна изъ нихъ держитъ въ рукахъ тарелку съ дарами, а другая—подносъ съ рюмками. Сперва подносится вино жениху, который откланивается и возвращаетъ рюмку съ виномъ не выпитую; подходитъ другая дѣвица и подносить ему же шапочку; женихъ принимаетъ и отдариваетъ деньгами. Такіе же дары дѣлаются и всѣмъ поѣзду. Во время этой церемоніи дѣвицы поютъ пѣсни, приличная всѣмъ участвующимъ въ свадѣбѣ. Дружка благодарить отъ имени всѣхъ хозяина за хлѣбъ-соль и восклицаетъ: благословите, отецъ и мать родимые, нашему князю получить молодую княгиню! Родители отвѣчаютъ: Богъ благословитъ!

Всѣ выходятъ изъ-за стола; отецъ беретъ дочь за руку и подводить къ жениху, который принимаетъ руку невѣсты, и отецъ, сжавъ крѣпко ихъ руки, говоритъ: «изволь, родименькой, получить мою дочь! Пой, корми, одѣтай и обувай ее для себя!»

Эта минута самая торжественная. У всѣхъ навертываются на глазахъ слезы... Невѣста бросается въ объятія матери, впивается въ нее жадными устами, голосить, воетъ, и стенанія ея замираютъ въ сладкихъ поцѣмъяхъ...

Отецъ и мать садятся за столъ, на тѣ же самыя мѣста, гдѣ сидѣли женихъ съ невѣстой. Дѣвицы поютъ пѣсню:

Стойко-ко ты, зеленая,
И вѣкъ безъ верху.
Живить-ко, живить-ко,
Живи, батюшко, вѣкъ безъ меня,
Безъ душечки, Акулины Петровны!

Тутъ опять подносятъ всѣмъ, кроме жениха и невѣсты, по стакану пива. Наконецъ, женихъ и невѣста падаютъ въ ноги отцу и матери, принимаютъ ихъ благословеніе, встаютъ и сильная рука жениха невольно увлекаетъ

невѣсту изъ родимаго кровя. Всѣ выходять на дворъ, женихъ съ невѣстою садится на особую телѣгу, а дружка приказываетъ поѣзду садиться, гдѣ кому слѣдуетъ, и самъ, держа икону, усаживается съ тысяцкимъ, и поѣздъ отправляется въ церковь. Народъ гурьбою стоять на дворѣ, у воротъ и на улицѣ,— кто изъ любопытства, кто изъ участія проводить прежнюю свою подругу. Поѣздъ двинулся со двора. Отецъ и мать выходять за ворота и безмолвно провожаютъ свое любезное дитятко прощальными знаками.

Между тѣмъ, пока въ церкви проходитъ вѣнчаніе, братъ невѣсты, проѣдший ея косу, накладываетъ на вѣзь приданое и везетъ въ домъ женихова отца. Пріѣхавшаго встрѣчаютъ жениховы бояре и, взявъ приданое, съ крикомъ вносатъ его въ сѣни.

По окончаніи бракосочитанія, женихъ съ невѣстой садится въ одну телѣгу. Тысяцкій съ образами отправляется впередъ, за нимъ бояре, далѣе женихъ съ невѣстой, за ними дружка съ плетью и полудружью. Весь поѣздъ вѣдетъ въ домъ жениха. Тутъ новобрачныхъ встрѣчаютъ отецъ и мать жениха съ хлѣбомъ-солью, поздравляютъ ихъ съ законнымъ бракомъ; новобрачные сначала цѣлуютъ икону, потомъ хлѣбъ и, наконецъ, отца и мать. Тысяцкій вводить новобрачныхъ въ избу. Начинается цирь, какъ говорится, на весь міръ.

Когда новобрачные входить въ избу, женщины поютъ пѣсни:

Соколы прилетали,
Съ собой соколицу приносили.
Владѣй, Владей-соколь,
Своей соколицей,
Не подавай въ обиду
Своимъ соколятамъ.
Бояра наѣзжали,
Съ собою привозили
Душу красну лѣвицу
Василью Митрофановичу.
Въ руки дали, Митрофановичу вручили:
Владѣй, сударь, своей Акулиной,
Не давай ее въ обиду
Ни свекрамъ, ни деверямъ.

Войдя въ избу, старикъ со старухой (родители жениха) отходить въ правую сторону; женихъ же съ невѣстой и со всѣмъ поѣздомъ стоять по среди избы. Дружка береть жениха и невѣсту за руки, выводить ихъ впередъ и, сътворивъ молитву, восклицаетъ:

— Во свѣтлой свѣтлицѣ, во свѣтлой горницѣ, есть ли отецъ и мать родимые?

— Есть, отвѣчаютъ отецъ и мать.

— Благословите зайти намъ и молодому князю со княгиней за столы дубовые, за скатерти браныя, за яства сахарныя, за нитя пьяныя!

— Богъ благословить, отвѣчаютъ родители.

Всѣ садятся за столъ, по порядку, кому гдѣ слѣдуетъ. Мать или отецъ жениха начинаютъ подносить вино, сперва жениху и невѣстѣ, затѣмъ, всему ныѣзду. Нужно замѣтить, что невѣста не принимаетъ за столомъ ни вина, ни кушаній, потому что женихъ въ этотъ обѣдъ рюмку вина и всякой кусокъ раздѣляеть съ невѣстой. Кому бы ни подносили изъ присутствующихъ вино, каждый кланяется въ поясъ и говорить: поздравляю васъ, Василій Митрофановичъ и Акулина Петровна, съ законнымъ бракомъ! Дай Богъ вамъ жить и поживать и добра наживать! Молодые кланяются и отвѣчаютъ: спасибо! Такія же поздравленія дѣлаютъ и родители: поздравляю тебя, Митрофанъ Ивановичъ, и тебя, Маланья Семеновна, съ невѣстушкой! Дай Богъ вамъ жить, поживать и добра наживать! Старикъ, кланяясь въ поясъ, отвѣчаетъ: благодарство тебѣ, Иванычъ! Слава Богу, женили; живи только она, сама родимая, хорошенъко. Насъ только вотъ я со старухой, тода ихъ будеть двоѣчко. Все ихно, что есть, все ихно будеть, жить имъ—не прожить будеть! Пущай поранѣ встаютъ, да попозже ложатся я своего наживутъ! Старуха вмѣшивается въ разговоръ: есть-тѣ, родимые, за-чѣмъ встать! Есть чего походить и подѣлать! Слава Богу, есть чего попить и пойсть! Дочерей-тѣ мнѣ Богъ не далъ, а у меня-то и въ самой приданаго изъ дѣвокъ (тутъ она крестится) есть, слава Богу, еще парочка (т. е. юбка и кофта). Жива, все добро ей достанется.

Когда кончится «подача вина», приносить кушанья и ставить на столъ. Дружка, исполнивъ свою обязанность, встаетъ, а съ нимъ и всѣ присутствующіе. Дружка восклицаетъ: есть ли во свѣтлой свѣтлицѣ, во столовой новой горницѣ, отецъ и мать родимые? Ему отвѣчаютъ: есть.—Благословите хлѣба-соли покушать!—Богъ благословить, отвѣчаютъ родители. Тогда дружка вынимаетъ изъ-за пояса складной ножъ и раздробляетъ кушанья; потомъ береть на вилку кусокъ мяса и подносить жениху, который раздѣляеть его съ невѣстой. Такимъ же образомъ угощаетъ и другихъ. По совершеніи этого обряда, всѣ начинаютъ есть сами, и вскорѣ все на столѣ сѣдаются, за исключеніемъ свиной головы, которую, по обычаю, никогда не трогаютъ; даже по окончанію свадьбы, ее вѣшаютъ съ лентами на жердь въ сѣнѣ, и хранять до другой свадьбы, если только голова не испортится. По окончаніи обѣда, женщины поютъ пѣсню:

За клѣтью, за границею,
За стѣной бѣлокаменною,
Не бѣла-то лебедь скакала—
Акулина воспѣвала,
Петровна возрыдала
Объ своей дѣвьей красотѣ!
Какъ дѣвья-то красота
Краше краснаго солнышка,
А бабы-то красота—
Она по полу валиется
И трубы ею затыкаются!

Межу тѣмъ, свахи, тутъ же за столомъ, распинаютъ противъ молодыхъ шаль, въ родѣ ширмы, и даютъ имъ гребень. Молодой причесываетъ свои волосы и передаетъ гребень женѣ, которая, пригладивъ волосы, отдаетъ его сва-

хамъ. Свахи этиль не ограничиваются: онъ, придерживая шаль зубами, такъ чтобы закрыть молодую отъ любопытныхъ взоровъ, разчесываютъ ей волосы, заплетаютъ ихъ въ двѣ косы и, обернувъ вокругъ головы, повязываютъ голову шелковою косынкой. По исполненіи этого туалета, шаль снимается, и молодая представляется всѣмъ уже женщиной, съ новязанною головой. Дѣвицы поютъ пѣсни, а подкунтившія женщины «ревутъ» безпощадно, во все горло. Между тѣмъ, свахи, взявъ молодыхъ за руки, ведутъ въ приготовленную для нихъ спальню. Молодые, опустивъ головы, идутъ медленными шагами; за ними идетъ тысячікъ и дружка съ плетью. Вотъ вошли въ опочивальню. Свахи начинаютъ раздѣвать невѣсту, которая краснѣеть и дрожитъ. Дружка говорить невѣстѣ: разуй-ко, Акулина, Василія Митрофановича! — Невѣста безпрекословно береть за сапогъ и想要 снять; но женихъ удерживаетъ и спрашиваетъ: кого ты разуваешь? Она отвѣчаетъ: разуваю Василія Митрофановича, моего мужа. — То-то, говорить мужъ довольно серьезно. Снявъ сапоги, невѣста зажигаетъ свѣчу передъ иконою и, вѣстѣ съ женихомъ, въ присутствіи четырехъ свидѣтелей, молится Богу, отвѣшивая поклоны въ землю. Помолившись, кланяются свидѣтелямъ въ поясъ. Женихъ ложится на постель; невѣста подходитъ къ нему и говоритъ: пущи, Василій Митрофановичъ, ночку почевати, съ тобою мнѣ не ночку почевати, а вѣкъ кортовать? Онъ отвѣчаетъ: милости просимъ! Всѣ свидѣтели выходятъ изъ опочивальни.

Оставшіеся гости въ столовой, чтобы не нарушать спокойствія новобрачныхъ, перестаютъ пѣть пѣсни, и молча, только поциваютъ ливцо. Спустя часъ времени, дружка приглашаетъ сваху и идуть навѣстить молодыхъ. Подходятъ къ дверямъ и дружка спрашиваетъ: «благополучно ли у насъ, Василій Митрофановичъ?» Всѣ гости съ нетерпѣніемъ ожидаютъ извѣстія: что скажетъ дружка, чѣмъ-то потѣшить родителей невѣсты. Если женихъ отвѣтитъ: «благополучно», что значитъ, что невѣста сохранила свою невинность, тогда дружка обращается къ гостямъ и объявляетъ о благополучіи родителямъ невѣсты и всѣмъ гостямъ во всеуслышаніе. Всѣ начинаютъ поздравлять мать и отца невѣсты, которые идутъ въ спальню жениха, за ними толпятся всѣ гости, рукоплещутъ и поютъ пѣсни. Дружка несетъ штофъ вина, а кто-нибудь изъ родственниковъ ведро пива. Когда всѣ войдутъ въ спальню, то дружка восклицаетъ: «Вставайте-ко, полно нѣжиться! Молодые еще не успѣютъ опомниться, какъ дружка открываетъ занавѣсъ и принудительно вытаскиваетъ молодыхъ. Молодые кланяются родителямъ въ ноги. Мать говоритъ: «спасибо, любезная дочка, что ты не ударила насъ и себя лицемъ въ грязь! Молодые снова кланяются, а дружка, взявъ штофъ съ виномъ и рюмки, подаетъ молодому и молодой, которые потчуютъ родителей и гостей, за что каждый цѣлуетъ сперва молодого, а потомъ молодую. Гости возвращаются въ избу, оставивъ молодыхъ въ покоѣ. Гости долго еще паруютъ въ домѣ родителей новобрачныхъ, и только къ утру начинаютъ расходиться по домамъ.

На другой день, дружка, чуть свѣтъ, бѣжитъ къ опочивальню новобрачныхъ и кричитъ: «Пойдите-ко въ баньку, помойтесь, да попартесь! Новобрачные встаютъ, берутъ чистое бѣлье, мочалку, вѣнчикъ и мыло и идутъ въ баню. Какъ только молодые вошли въ баню, дружка бѣжитъ съ полѣномъ, подпираетъ имъ дверь бани и дожидается въ сѣяхъ, пока молодые не будутъ

просить отворить баню. Тутъ начинаются переговоры. Молодая говорить: «дружко, отвори, пожалуйста баню, я тебя платкомъ подарю». Дружка спрашиваетъ: «спажи, кто у тебя въ банѣ? Мужъ, такъ-дѣ отворю!» Молодая отвѣтъ: «Чаво же тутъ и говорить! Кто больше можетъ быть со иною въ банѣ, если не Василій Митрофановичъ?» Дверь отворяется и молодая дарить дружкѣ платокъ; всѣ, затѣмъ, отправляются въ горницу.

Войдя въ горницу, молодые здороваются съ родителями и гостями, и потому отправляются въ опочивальню, чтобы немного получше одѣться. Въ спальнѣ на столѣ стоять штофъ вина и рюмки; молодые благодарятъ родителей за вниманіе и начинаютъ потчивать виномъ сперва родителей, а потомъ гостей. Молодая раздаетъ подарки, начиная со свекра, которому подносить на большомъ подносе рубаху и порты. Свекоръ кланяется и говорить: «покорно благодарить за твои большия дары! Вотъ-тѣ въ честь благодарности отдарила соловой кобылой!» Сказавъ это, цѣлаетъ сына и молодую. Потомъ молодая дарить свекру рубахой. Свекра, принявъ ее, благодарить, приговаривая: «покорно благодарю за подарокъ! Вотъ тѣ въ честь благодарности красная корова!» Затѣмъ, молодая дарить всѣхъ домашнихъ и гостей, участвовавшихъ на свадьбѣ, носовыми платками, полотенцами, сергами и другими мелочными вещицами. Всѣ отдаются родителями обѣдъ, отъ имени молодыхъ. На немъ участвуютъ всѣ родственники и пріятели какъ жениха, такъ и невѣсты. Гостей встречаютъ уже вѣ родители; а молодые, и за столомъ угощаютъ они же.

Музыки на свадьбахъ не бываетъ, и потому она замѣняется пѣснями, а иногда гармоникой или балалайкой.

На другой день дѣлается обѣдъ для дружки, полудружья и стряпчихъ. Гулянка продолжается иногда дни четыре и болѣе.

Во время свадьбы, если дружка обнаружить, что невѣста оказалась нехорошаго поведенія, и мужъ ей этого не простить, то, по приговору мужа, молодая жена наказывается плетью. Впрочемъ, это обычай старинный, и нынѣ мужъ мало обращаетъ на это вниманія. «Лиши бы Богъ даль дѣтокъ, говорить мужъ, да баба бы была работящая!»

Отмѣтимъ некоторые обычай, повѣрья и предразсудки, наблюдавшіеся у здѣшнихъ поселянъ.

Въ каждомъ селѣ есть свои повѣрья и предразсудки, которые поддерживаются старухами, отличающимися своимъ искусствомъ лѣчить, напаштывать, прогонять «лѣшнихъ» и т. д.

Обыкновенно, когда рожится младенецъ, бабушка сперва обмываетъ его холодною водою, приговаривая: «охъ ты, мой голубчикъ, надо-тѣ обмыть холодною водою, чай наскучило-тѣ лежать въ теплотѣ! Это тебѣ будетъ отрада! Да и въ послѣдствіи - то не станешь бояться холода!» Послѣ того бабушка несетъ ребенка въ баню, обкѣтываетъ теплую водою и слегка парить вѣнкомъ.

Дѣтей здѣсь мать питаетъ грудью очень рѣдко. Старики всегда приказываютъ женамъ и невѣсткамъ своимъ пріучать ребѣтъ сосать рожекъ, говоря: «въ лѣтніе времена ты-дѣ устанешь на работѣ, вспотѣешь, какое тутъ будетъ молоко? Лѣпакъ, а не молоко! Если пріучишь къ рожку и приставишь къ

дитяти мальчишку, то и онъ съумѣть съ нимъ цяньчиться; а ты, голубушка, тогда можешь вольнѣ косить, жать и дѣлать домашнія работы»!

Когда захвораетъ ребенокъ, призываютъ захарку, которая беретъ горшокъ съ водою, что-то напшептываетъ и, потомъ насильно вливаетъ больному ребенку воду въ ротъ; покричать, покричать и потомъ, какъ говорятъ крестьяне, выездоравливаетъ. Къ медицинскимъ пособіямъ крестьяне почти никогда не прибывають: захарка исцѣляетъ все и всѣхъ отъ несвозможныхъ недуговъ. «Сила—баба» потрафляетъ лучше какова-нибудь подлекаря», обыкновенно говорятъ здѣшние крестьяне!

Но и захарка призывается только въ крайнихъ случаяхъ, потому что это сопряжено съ издержками; большую частью мать лѣчить дѣтей сама. Такъ, напр., когда ребенокъ или парнишка захвораетъ, мать, прежде чѣмъ уложить ихъ спать, подводить ихъ къ кадушкѣ съ водою и обливаетъ голову. Или, схвативъ немытыя ложки, моетъ ихъ и потомъ обливаетъ голову помоями. Если же ребенка кто-нибудь «сглазилъ», то мать, вымыть себѣ руки, кладетъ ихъ между ногъ и велитъ стать передъ собою больному, приговаривая: «будь ты, милый, чистъ отъ всѣхъ повѣтрій и худыхъ глазъ! И потомъ, руками гладить ребенку лицо, и съ той поры «урокъ» прекращается.

По преданіямъ, начало съва хлѣбовъ всегда должно совершаться въ поведѣльникъ и вторникъ; если же въ эти дни у хлѣбонаца случилось какое-либо поимѣшательство, то онъ ожидаетъ другого понедѣльника или вторника, и никогда не рѣшился сѣять въ иные дни. Вообще, нужно замѣтить, что посѣвъ хлѣба для крестьянина, живущаго только доходами отъ земледѣлія,—вещь важная, и потому сопровождается довольно набожнымъ обрядомъ: каждый хлѣбопашецъ въ первый день Пасхи, вмѣстѣ съ куличемъ и краснымъ яичкомъ, несетъ на тарелкѣ всѣ роды зерновыхъ хлѣбовъ, разводимыхъ въ здѣшнемъ краѣ. По окончаніи заутреніи и обѣдни, служится молебенъ Божией Матери единственно ради благодатнѣйшаго посѣва и потомъ освящаются зерновые хлѣба. Эти-то зерна крестьянинъ хранить до поры посѣва. Вотъ наступитъ день насыпки хлѣба въ мѣшкѣ; крестьянинъ входить съ лопатою въ амбаръ, дѣлаетъ знаменіе креста на хлѣбѣ и творить молитву: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй наасъ!» а другой говорить: аминь! Оба крестятся и, сказавъ: благослови, Господи! начинаютъ насыпать зерно для посѣва въ мѣшкѣ. Послѣ того, хозяинъ приказываетъ женѣ отыскать освященные зерна и всыпать ихъ понемногу въ каждый мѣшокъ. Когда уже запрягли лошадей въ телѣги, все семейство входить въ избу и, затепливъ передъ иконами свѣчи, всѣ садятся въ молчаніи; посидѣвъ съ минуту, встаютъ и читаютъ во всеуслышаніе «Отче нашъ»; потомъ дѣлаютъ поклоны передъ иконами и отправляются, кому слѣдуетъ, производить посѣвъ.

Огородныя овощи рѣпу и арбузы здѣсь садить и сѣять, если не на зарѣ, то въ сумеркахъ, такъ чтобы никто не могъ видѣть. Говорятъ, что это дѣлается потому, что овощи боятся «уроковъ» и отъ того не родятся.

Когда весною въ первый разъ выгоняютъ скотъ въ поле, то богатые приговариваютъ: «отвяжитесь телята, жеребята и ягнята,—привяжитесь ребята! А бѣдные: «приплодитесь жеребята, телята и ягнята, разойдитесь ребята!»

Скажемъ два слова о примѣтахъ. Каждому извѣстно, какъ важно для сельского хозяина знать атмосферическія измѣненія: температуру дна и ночи, видъ неба, количество выпадающаго дождя, время вскрытия и замерзанія рѣкъ, знать среднюю температуру года и т. д. Къ сожалѣнію, наблюденія эти, если и печатаются въ книгахъ, но мало доступны для простого крестьянина. И потому, сельскій житель, по невозможности воспользоваться печатанными наблюденіями, дѣлается самъ наблюдателемъ, прибѣгасть къ орудіямъ, созданнымъ природою, и по нимъ выводить свои собственныя наблюденія, помогающія ему въ сельскихъ занятіяхъ. Вотъ нѣкоторыя замѣчанія или примѣты здѣшнихъ сельскихъ жителей:

1. Если зима бываетъ морозливая и малоснѣжная, то знакъ, что будущее лѣто будетъ хлѣбородное; напротивъ, теплая и снѣжная зима предѣщаетъ необильно хлѣбородное лѣто.

2. Если первый осеній мѣсяцъ будетъ погодой благопріятенъ, то примѣта, что напротивъ, во время посѣва хлѣбовъ, будетъ такая же благопріятная погода.

3. Если весною первый сильный громъ будетъ слышенъ на востокѣ, то замѣчается, что будутъ ядреные и густые хлѣба; на югѣ — урожай будетъ средний; на западѣ — будетъ неурожай.

4. Весною, когда курицы начинаютъ нестись, наблюдаютъ, чтобы сберечь отъ одной курицы, которая ранѣе другихъ стала нестись, три яйца. Каждое яйцо кладутъ особо, такъ чтобы не было ошибки въ томъ, которое изъ нихъ первое, второе и третье. Потомъ посредствомъ вѣсковъ узнаютъ, которое изъ нихъ тяжелѣе: если будетъ тяжелѣе первое, то замѣчается, что первый сѣвъ хлѣба (т. е. 24 апрѣля) будетъ благонадежнѣе противъ прочихъ сѣвовъ; если второе яйцо будетъ тяжелѣе, то благонадежнѣе будетъ второй сѣвъ (т. е. 1 мая) и, наконецъ, если тяжелѣе будетъ третье яйцо, то благонадежнѣе будетъ третій сѣвъ (т. е. 9-го мая).

Такая же существуетъ примѣта въ грому: если весной первый громъ будетъ сильно гремѣть, то знакъ, что урожай хлѣба первого сѣва будетъ лучше добротой въ отношеніи полноты зерна, чѣмъ остальные два сѣва; тоже наблюдается и для второго и третьаго грома.

5. Въ ночь на Благовѣщеніе, намочивъ тряпичку, кладутъ ее на улицу; если она замерзнетъ, то предполагаютъ скудный урожай, если же не замерзнетъ, то хороший урожай.

6. Въ хорошую погоду, если свинья виагжть, ворона каркастъ, а скотина утоляется подъ крышу, то знакъ, что скоро будетъ перемѣна погоды: лѣтомъ — дождь, зимою — снѣгъ.

7. Урожай хлѣба также замѣчается зимию въ снопахъ, гдѣ мышь дѣлаетъ гнѣздо; если мышь дѣлаетъ гнѣздо около корня, то голь будетъ урожайный и цѣна на хлѣбъ низка, если по срединѣ, то урожай будетъ средний; если же въ колосѣ, то мало будетъ хлѣба и цѣна его высокая.

8. Если лѣтомъ ходятъ сильно облака и притомъ синаго цвѣта, то замѣчается, что будетъ ненастіе; если продолжается дни два дождь съ вѣтромъ, то значить, что скоро народится новый мѣсяцъ; если на небѣ много бѣлыхъ тучъ, и при этомъ начинается гроза, то замѣчается, что будетъ градъ и молнія.

9. Если послѣ дождя становится тепло и земля испускает изъ себя пары, а мелкій дождь съ солнышкомъ крапить, то замѣчаютъ, что будетъ ненастье.

10. Если на закатѣ солнца ярко горитъ вечерняя заря, то замѣчаютъ, что будетъ хорошая погода.

11. Если у старика или у старухи заболитъ спина, то говорятъ: это къ ненастью.

12. Если зимою на небѣ темныя и синія тучи, то замѣчаютъ, что будетъ снѣгъ; если небо чистое и немного синеватое, то ожидаютъ тепла; если вечерняя заря горитъ ярко, то ожидаютъ мороза; ясныя и чистыя облака съ маленькими темными тучками предвѣщаютъ, что густой снѣгъ спадетъ въ тайгѣ, и будетъ большой морозъ. Если чисто небо и вечеромъ много на небѣ звѣздъ, то ожидаютъ, что будетъ средній, т. е. въ 20° морозъ.

12. Если мышь станетъ грызть ковригу сверху, то предвѣщаютъ, что недостатокъ будетъ въ хлѣбѣ, и цѣны на хлѣбъ возвысятся, а если снизу, то цѣны будутъ низкія.

13. Если во время первой заутрени, въ Воскресеніе Христово, будуть лаять собаки, то предвѣщаютъ, что въ томъ году будетъ война.

14. Если пѣтухъ или курица по закатѣ солнца станутъ пѣсть, то знакъ, что въ томъ дому будетъ неблагополучіе.

15. Если скотина весною съ поля принесетъ во рту траву, то знакъ, что для скота тотъ годъ будетъ голодный.

16. Если зимою воробы защекочутъ и начнутъ собираться въ кучи, то замѣчаютъ, что будетъ оттепель.

17. Если дикая утка или тетерка сядетъ на крышу дома, то заключаютъ, что этотъ домъ загорится или въ домѣ случится несчастіе.

18. Если сорока въ огородѣ дома щекочеть, то говорятъ, гости будутъ.

19. Если чайки кучко летаютъ, кричать надъ рѣкою и потомъ садятся на воду, то говорятъ—дождь будетъ.

20. Если голуби или другія домашнія птицы купаются, а курицы въ полѣ гнѣздятся, то говорятъ—дождь и ненастье будетъ.

21. Если журавли, въ пролетъ ихъ изъ холодной въ теплую сторону, долго кружатся на одномъ мѣстѣ, то говорятъ, что осень будетъ продолжительная.

22. Когда свиньи визжать, то ожидаютъ дождя съ вѣтромъ.

23. Если гусь вскричалъ на дворѣ въ огородѣ, то говорятъ, что кто-то чужой идетъ.

24. Если собака часто въ дому воетъ, то замѣчаютъ, что въ этомъ дому скоро кто-нибудь умретъ.

25. Если голуби плодятся, то ожидаютъ благополучія; если же они начнутъ перелетать въ другой домъ и тамъ плодиться, то заключаютъ, что это къ разоренію.

26. Если ласточки лѣнуть полетомъ къ окну или влетаютъ въ комнату, то замѣчаютъ, что скоро получены будутъ пріятныя вѣсти или письма.

Изъ употребительныхъ здѣсь пословицъ укажемъ:

1. Не слушай старова, а слушай бывалаго.
2. Прямая дорога наведеть на криву.
3. Великъ верблюдъ—воду возить; иаль золотникъ—на рукѣ носять.
4. Мѣнять да не пеять!
5. До славы крѣпись, а въ славѣ держись.
6. На всякомъ подворьѣ свое повѣрье.
7. Чуръ слово молвить:—въ добрый часъ сказать, а въ худой по-молчать.
8. Шутка—дворка во хлѣвѣ не заведеть.
9. У нашего Якова—трое всякова.
10. Шель бы далѣ, лишь бы дали.
11. Каково лукнется, таково я отклиknется.
12. Дѣвушка гуляй, а дѣвъца своего не забывай.
13. Обожжешься на молокѣ, будешь дуть и на воду.
14. На чужой коровай свой ротъ не раззѣвай, а по рамыше вставай, да свой присѣвай.
15. На чужую кучу глаза пучу.
16. У нашего Мартына нѣту ни алтына.
17. Слушаль бы я не мало, да ума-разума не стало.
18. Занесло же меня и замыкало Ивана Зыкова: поѣхалъ я по дрова, а меня къ мордѣ бросило (морда—плетёный кузовъ, которымъ ловить рыбу)!
19. Пошелъ по ягоды—ищи же меня два года.
20. Сегодня разгуляяся: размѣняю гроша два, куплю цива и вина.
21. Пойдемъ ко мнѣ! Я хоть сотникъ заложу, да праздникъ провожу.
22. Эхъ, братъ, ъхалъ бы въ Ярославль, такъ чортъ дорогу переслахъ.
23. Что по рѣчкѣ плыветь, не все перенять, а кто говорить, не всякому пренять.
24. Добрая слава на мѣсть лежитъ, а худая слава по дорогѣ бѣжитъ.
25. Что и бантъ про тебя—и собаки не лаять!
26. Ланись было—да силыло.
27. Прежде бывало—живало, а нынче сдерживать стало.
28. Кто пить вино, оно убьетъ его.
29. Худова попа и въ алтарѣ бьютъ.
30. Гдѣ широтъ съ крупой, тутъ ты съ рукой, а какъ пить съ узломъ, тутъ нѣть тебя съ умомъ.
31. Каково на дому, таково и самому.
32. Что въ лѣсъ гаркинетъ, то и изъ лѣсу отклиknется.
33. На лѣченой кобылѣ немнога уѣдешь.
34. Сколочена посуда два вѣка живеть.
35. На кривыхъ колесахъ немнога уѣдешь.
36. Ловушка стоять: пить и ъесть не просить, а кого-нибудь чортъ бросить.

37. Доброе слово ребро ломить.
38. Худая птица худая пѣсни поеть.
39. Умная рѣчи хорошо и слушать.
40. На чужой ротокъ не накинешь платокъ.
41. Ты говори тому, кто не зналъ юному, я же сродникъ ему.
42. Не было печали, пока черти не качали.
43. Для милова дружка и сережка изъ ушка.
44. Не люби—да почаше взглѣдывай.
45. Пей-ко, попей-ко,—на днѣ-то капелька, а еще попьешь и грошъ найдешь.
46. Пить до дна—не видать добра.
47. Отцы-то на обухѣ рожь молотили, и то сыты были; а дѣти подоспѣли—отцовъ безъ вѣку дотрѣли.
48. Хвастливаго съ богатымъ не распознаешь.
49. Это начево, что пьешь чужое пиво: вари, братъ, свое пиво дьяно, да гляди прямо.
50. Съ сильнымъ не борись, а съ богатымъ не тяжись.
51. Не зовутъ бѣднаго пива пить, а зовутъ бѣднаго нечи бить.
52. Въ нынѣшний свѣтъ не любить богатыхъ, а любить тороватыхъ.
53. Это не бѣда, что во ржи лебеда, а то много бѣды, что ни ржи, ни лебеды!
54. Опь черезъ-чуръ свѣтель, да не все смѣтливъ.
55. Не родись красенъ, да родись счастенъ.
56. Ума много, да денегъ нѣть.
57. Богачъ ёдетъ въ каретѣ, а умной ходить пѣшкомъ.
58. Понимаю, что твой отецъ любилъ правду, только говорить пословица: вѣкъ правдою не проживешь.
59. Сколько ни живи, всего на свѣтѣ не переймешь; сколько ни умничай, а все дуракомъ помрешь.

Изъ загадокъ съ отгадками, здѣсь употребительныы, отмѣтимъ:

Мать толста, дочь красна, сынъ хороберъ подъ небеса ушелъ (Печь во время тошки).

Сынки хватки, а дочки подлизушки (Молотило и метла).

Часть я ясенъ, какъ алмазъ, отъ матери родился и самъ ее рожу (Ледъ).

День чельпить, ночь чельпить—одно утро спить (Печная заслонка).

Сидить дѣвица въ теремѣ, а коса на улицѣ (Морковь).

Подъ душломъ завернулася клубкомъ, да и съ хвостиконъ (Рѣпа).

Лысой конь черезъ ворота глядить (Мѣсяцъ).

На горѣ-горицѣ зарѣзана телица: ни крови, ни руды—одна утолока (Жнивь отъ хлѣба).

Глядится, глядится, да не сойдется (Поль съ потолкомъ).

Бѣжитъ свинья изъ Питера, все бока истыканы (Наперстокъ).

Стоять вилы на вилахъ, коробъ на коробѣ, ковало на ковалѣ, лютая щема, въ этой щемѣ лютые звѣри (Вши).

Съ полу взято, на колесницу взято, съ колесницы въ огненное пламя, а изъ огненнаго пламени въ черну ризу оболочено (Горшокъ).

Въ нашей избушкѣ Филатово имя (Огонь).

Бѣду, бѣду, а сльду нѣть (Когда плыешь по водѣ).

Рѣжу, рѣжу, а крови нѣть (Коврига).

Сидить пѣтухъ на воротахъ: хвостъ до полу, а голосъ до небу (Колоколъ).

Сидить баба на грядкѣ—всѧ въ заплаткахъ, кто на нее взглянетъ, тотъ и заплачетъ (Лукъ).

Двое стоять, два лежать, пятый ходить, шестой водить (Дверь).

Подъ поломъ, поломъ, стоять барыня съ коломъ (Помело).

Ни воротъ, ни дверей—полна горница людей (Зубы во рту).

Безъ рукъ, безъ ногъ—на гору ползеть (Квашня).

На спичку чего не повѣсишь? (Яйцо).

Царь видить рѣлко, Богъ никогда, а человѣкъ завсегда (Равнаго себѣ).

Лежить на болотѣ доска, не сохнетъ, не мокнетъ и не ржавѣеть (Языкъ во рту).

Стонть столбъ, на столбѣ колпакъ, не шитой, не мытой и не вязанной (Стьгъ на столбѣ).

Днемъ виситъ, а къ ночи закладывается (Болѣтъ).

Плеть сплетена, вверхъ сведена, во сто узловъ, въ тысячу рублей (Церковь).

Два конца, два кольца, посреди гвоздокъ (Ножницы).

Кругъ города Городчанскаго, много скота литвянскаго—одинъ пастухъ, какъ ягодка (Знакъ мѣсяца).

Четыре приступы, четыре грамотухи, два акумута и вертикъ (Корова).

Менѣ Бога, больше цара (Смерть).

Лѣзу, лѣзу по желѣзу на мясную гору (Садиться верхомъ на лошадь).

Стоять два брата, одинъ пояскомъ подпоясаны (Два кола одной переплеткой связаны).

Безъ рукъ безъ ногъ Богу молится (Колыбель).

Станеть выше кони, а сльзеть ниже кота (Дуга въ запряжкѣ и безъ запряжки).

Откину стегно, откину и друго и выведу живо (Вывести изъ запряжки лошадь).

Безъ рукъ безъ ногъ на гору ползеть (Опашка полей).

Вскричала утка на морѣ чутко, сбѣжались дѣтки не одной матки (Благовѣсть въ колоколъ).

Заюшко, бѣлозаюшка, полежи на мнѣ! Хоть тебѣ трудно, дахъ мнѣ хорошо (Стьгъ на озимовомъ полѣ осенью).

Бѣгутъ два волка рядомъ и кверху смотрѣть (Сани).

Маленький, пузатенькой по городу ходить—всѣхъ людей перебилъ и озеро напустилъ (Париться вѣнникомъ въ банѣ).

Двѣ дырки вмѣстѣ, и обѣ въ тѣстѣ (Двѣ невѣстки и обѣ небрежны).

Синенько, маленько, штучка небольшая, безъ него жить нельзя, сквозь тынъ кишкя тянеть (Игла).

У дѣвушки, у сиротушки, загорѣлось въ серодочки, а у доброго молодца закапало съ конца (Самоварь).

Пятеро держутъ, да пятеро пихаютъ, двое прымѣчаютъ, ладно ли пихаютъ (Въ иглу вѣтъ нитку).

Лежить брусье во всю Русь, и на томъ брусе двѣнадцать гнѣздъ, да почетыре яйца (Годъ—12-ть мѣсяцевъ, 4 недѣли).

Пирогъ мясной, а корка деревянная (Мертвое тѣло въ гробу).

На свѣтѣ три кривыхъ (Кривыя: рѣка, дорога и посокотина).

Вѣсится, болтается—настанетъ утро и всякъ притыкается (Рукомойникъ на веревкѣ).

Шоль, да шоль—въ землю ушоль (Шоль дождь).

Г. Пейзенъ.

29 марта 1857 года.

ОТДѢЛЪ II.

Особенности говора села Ивановского, Кубанской области.

Село Ивановское, Кубанской области, Баталпашинского отдельна, расположено на лѣв. берегу рѣки Большой Зеленчукъ, въ семи верстахъ отъ впаденія этой рѣки въ рѣку Кубань. Основано село въ 1868 г. Населеніе—2904 души (осѣдлыхъ, т. е. прописанныхъ къ селу, или «жителей», какъ они здѣсь именуются,—2680 душъ. Временно живущихъ или «иностороннихъ», т. е. не прописанныхъ—224 души). Нарѣчіе великорусское.

I. Въ фонетикѣ гласныхъ.

1. Вмѣсто а въ ударяемомъ слогѣ часто слышится о: плѣтуть, кѣтится, пасѣдѣть, вѣришь.
2. Вм. о подъ удареніемъ иногда является а: лѣвютъ. Да ста разъ погляди за именемъ.
3. Вм. а въ слогѣ, предшествующемъ ударному слогу, иногда (вообще рѣдко) слышится у: крухмѣль.
4. Звукъ, въ которомъ совпадали а и о, рѣже въ слогѣ передъ удареніемъ, а чаще въ слогѣ не соединяется съ ударнымъ (во, во всакомъ случаѣ, предшествующемъ ему), замѣняется звукомъ у: самуаръ, пушамъ, пушрвили тупоръ. У кугб. У тугб. Буйре. Мугарычъ. Бугордица. Угурцы. Вулосы (волоса). Курагодъ (вм. хоровѣдъ).
5. Часто слышится звукъ у вм. о—а въ слогахъ за удареніемъ: спбсубъ, гомудъ.
6. Звукъ е часто измѣняется то въ и, то въ я: наису и наису, вясна—висна, плату—плиту, бару—биру, валикъ—виликъ.
7. Вм. я и ѹ весьма часто слышится и: свитой, грихі, поцлиши, рикѣ, ми-саѣдъ, інравой.
8. Вм. звука ы въ послѣднемъ, во неударномъ слогѣ ясно слышится а: чёрнай, бѣлай, сѣрай, добрай, мокрай.

II. Въ фонетикѣ согласныхъ.

1. Въ передѣ и переходитъ иногда въ и: дамно, самоупримво.
2. Ф иногда замѣняется звукомъ хв: цыхвра, сарахванъ, Стехванъ, Хвена.
3. Вмѣсто л, когда этому л предшествуетъ гласная, слышится у (краткое): воўкъ, догу, паказуя, пашоу. Звукъ л въ сочетаніи л ѿ не всегда сохраняетъ свою мягкость: болше, болной.
4. Тоже замѣчается относительно сочетанія ны: менше, тоинше, длинише.

5. Вместо ч передъ и и я часто слышится ш: мёлше, привышней, тошней, пшенишней, станишней, молошней.
6. Слово жгло произносится: залъзо и зализо.
7. Звуки ж и ш обычно являются въ произношении твердыми.
8. Д передъ согласными произносится какъ т: илатшій, слатко.

III. Особенности въ склонении.

Мѣст. самъ склоняется такъ:

и.	самъ.	самі
р.	самбого	саміхъ
д.	самбому	самімъ.
в.	самбого	саміхъ.
т.	самбомъ	саміми.
пр.	самбомъ	саміхъ.

Въ склоненіи мѣст. тотъ: тв. ед.: тымъ, тюю, тымъ. Мн. число для всѣхъ родовъ одинаково: ии. ты, род. тыхъ, дат. тымъ, вин. тыхъ, тв. тымъ и тымъ, предл. тыхъ.

Въ склон. мѣст. она: род. ед. ч.: ѹе и ѹю; вин. ед. какъ род.; предл.: ей иней.

Можно отмѣтить еще слѣдующія формы мѣстонимій: съхъ (вм. сихъ); объхъ (вм. обыхъ); оббхъ (вм. обонхъ); обвмъ, оббмъ (вм. обѣмъ, обонимъ); къхъ (вм. коихъ): съхъ порь я тута хожу.

Отъ в с я тв. п.: веѣй.

Род.—вин. ед. ч.: мѣне, сѣбе, тѣбо.

Род.—вин. ед. ч.: мавб, твавб, свавб. Дат.: маму, тваму, снаму; маѣй, твай, свай.

Въ склоненіи именъ существ. можно отмѣтить слѣд. особенности:

На костылю. Мальчишка ходить на костылю.

На концѣ, на коню, на затылку, на столику, въ садику, въ сарайчику.

Къ мальчишку, при брату, отцу.

Формы имен. множ. ч.: дѣмы, луги, пбасы, волосы, глазы, браты (вм. браты), сваты, сыны.

Сватъ во множ. числѣ склоняется: сваты, сватовъ, сватамъ, сватовъ, сватами, сватахъ.

Хозяинъ во множ. числѣ: хозяины, хозяиновъ, хозяинамъ, хозяиновъ, хозяинами, хозяинахъ.

Сынъ во множ. числѣ: сыны, сыновъ, сынаимъ, сыновъ, сынаими, сынахъ.

Кумъ во множ. числѣ: кумы, кумовъ, кумамъ, кумовъ, кумами, кумахъ.

Обычны слѣд. формы: род.—вин. п.: аршизовъ, солдатовъ, мѣстовъ, рублѣвъ.

Въ склоненіи сл. день: днѣвъ; въ два дни; въ три-дни; въ четыри дни; до Петровы-дни,

Ви. даты обычно: дитѣ, дитю, дитѣй, дитѣмъ.

Обычны формы: изъ школѣ; съ той стороны, съ той избѣ; изъ землѣ; отъ доскѣ; съ работы; у невѣсты; для скотини; въ акнѣ (вм. окнѣ).

Ви. сл. церковь обычно: церкви.

Въ им. мн. прилагат. краткой формы вм. окончанія и: пыни, богаты, виноваты, голодны.

Въ формахъ степеней сравн. прилагательныхъ обычны: днѣшне, богатѣй, дешевише, тяжелше, тончай и тончай (также: тончайс).

Имена числительныя: двумя и двомя. Трени и тремя. Четырмай и четырмая (указанныя формы твор. п.).

Можно еще отмѣтить: род. п. двохъ, дат. двомъ отъ д в а.

IV. Особенности въ глаголѣ.

Ви. дѣепричастія. окончаній: авши, авшишь; ивиши, извиши; ъиши, ъвиши,— обычно: амши, амшишь; имши, имшишь; ъмши, ъмшишь. Ви. окончаній: едши, едшишь— обычно: оччи, оччишь. Ушбоччи.

Ви. оконч. съ (въ веопр. чакл.) часто слышится ся. Бабося, лажуся, звяжуся.

Оконч. тъся произносится обычно какъ тца или цца: собиратца.

Тоже надо замѣтить и объ окончаніи тса (3-го лица обоихъ чиселъ): она рунаецца.

V.

Замѣчательны слѣдующія нарѣчн. формы: тѣко (только): я тѣко пхнулаъ сво. Стѣко (столько).

Биля (околе, воалѣ): била мене короуа прошла. Тамочкин (тамъ).

Весьма употребительна частица съ въ значеніи то: кажись кто-сь (кто-то) въ изви сесь (есть).

Изъ собств. именъ можно отмѣтить: Микітъ, Гарась, Петруха, Митрі.

VI. Ударения.

Обычно говорятъ: гору, голову, цѣну, сторону, къ-зимъ, рабай (рабой), прямай (прямой), дикай, широко, высоко, случилось, годилось, гвало, нѣ-жили, побѣглa, перѣдалъ перѣдали, помѣръ, помѣрла, завѣръ, запѣрла, запѣртый, найдемъ, придемъ, придешь, новѣрвешь нѣрвненца, растѣгненца, нико-го, нико-му,ничѣ-го, дечка, съ-дво-ру подъ-бокомъ, побѣрекъ, кіпятокъ, послай (послѣ), апеслай (послѣ), издалай, здалай (издала), бичёва, учёра (вчера), телій (теленокъ, тёлка), остатча (остатокъ), хвалю (тотъ, кто хвалится, хвастунъ), нѣть стыду, со стыду.

Люсъ Науменко.

Народные преданія жителей Вологодской губерніи, Канриковскаго уѣзда *).

(Окончаніе).

Х. Разные обычаи, средства и гаданія.

Въ великий четвергъ до солнышка деньги считаются, чтобы онъ велись; съ серебра умываются, чтобы лицо было чистое; окачиваются, чтобы тѣло было чистое, или не чесалось; соли берутъ для лѣченія скота отъ стричища; шерсть прядутъ, чтобы лѣтомъ при живѣ пальцы не подрѣзынались и рука не захватывалась; у коровъ хвосты подстригаются, чтобы они не завивались; въ рѣшето овѣць брыжжутъ, чтобы въ егородахъ дыры казались нѣть менѣше; въ трубу коровъ кличутъ, чтобы онъ домой ходили; яйца перекладываются, чтобы курицы болѣе клались; молоко въ большомъ горшкѣ топятъ, также сметану пахтаютъ, чтобы коровы были дойные.

Когда новотельную корову окурятъ, то изъ первого молока варятъ кашу, для того чтобы верхи на молокѣ были толще.

Въ день Воздвиженія Креста Господня мухъ хоронятъ (въ рѣшето гробу) съ приговоромъ: «муха муху сѣвши, да и сама умیرай», для того, чтобы онъ зимой не велись.

Когда курица снесетъ первое яйцо, то катаютъ его подъ порогомъ, приговаривая: «какъ подъ порогомъ держится шамъ, такъ бы курица держалась своего гнѣзда».

Когда купать какую-нибудь скотину, то въ полѣ той деревни, где ее купать, сламываютъ прутокъ и приговариваютъ: «какъ этому прутку на мѣстѣ не бывать, такъ и моей коровѣ (или лошади) не бывать и не живать на старомъ мѣстѣ». Сломленный прутокъ втыкаютъ куда-нибудь у себя во дворѣ.

Молодая, идущая отъ вѣнца, скачеть съ избянного порога вдругъ обѣими ногами, говоря про себя: «кышьте, овечки, волчекъ идеть», для того, чтобы боялись ее въ семействѣ.

Когда кончать жниву, то приносятъ въ домъ овсяный спонъ, ставятъ въ передній уголь на два дня и этимъ сношомъ посыпъ закармливаютъ скотину.

Въ день великомученика Георгія (23 апрѣля) берутъ ржи или пшеницы въ какую-нибудь посуду и, помолившись, ставятъ на нее икону со свѣчкою и потомъ съ вербою (съ которой стоять въ церкви въ недѣлю Вай) обходить кругомъ весь скотъ свой,—для того, чтобы Богъ сохранилъ его во время лѣта.

Когда телать уносить отъ коровъ, то подъ порогъ кладутъ ножъ или топоръ съ приговоромъ: «живи, сивуха, до обуха», для того, чтобы они жили.

Когда весной въ первый разъ выпускаютъ овѣць, то кладутъ подъ порогъ или подъ ворота поясъ, чтобы онъ вѣ разбѣгались, а всегда были вмѣстѣ.

Когда нечаянно попадаетъ отъ бороны зубъ, то его берутъ и молча несутъ домой и втыкаютъ подъ матицу, чтобы тараканы не велись.

Когда нечаянно попадаетъ обломокъ отъ оси, то его молча приносятъ домой и ставятъ въ передній уголъ. Въ Филиппово заговѣніе обѣжжаютъ кругомъ дома на

*) См. «Живая Старина» за 1903 г., вып. I и II, отд. II, 188—224.

клюкѣ и этимъ обломкомъ колотатся подъ окномъ, гдѣ сидитъ хозяинъ, и спрашиваютъ у него: «дома ли, хозяинъ?», который и отвѣтаетъ: «дома»; потомъ спрашиваютъ: «чѣмъ сегодня хозяинъ затоется?» — хлѣбомъ, да солью, да пирогами.—А тараканы чѣмъ?—тараканъ таракана сѣшь. Послѣ этого, будто бы тараканы не станутъ вестись.

Когда загорится, тогда берутъ хлѣбъ со скатертью и иконой, чтобы ничего не забыть въ дѣмѣ.

Когда услышать въ первый разъ кукушку, то берутъ земли изъ-подъ правой ноги и кладутъ подъ свою постель, чтобы блохъ не было.

Когда бросаются собаки, то про себя говорятъ: «телёнокъ, телёнокъ!» чтобы не укусили.

Если случаются судороги, то мажутъ слюною и трижды говорятъ: «посконь», чтобы онъ прошли.

Когда болѣтъ поясница, то трутся ею обѣ овѣвъ, говоря: «овинъ, овинъ, возьми мой утѣвъ, а мнѣ отдай прежнюю мою силу и здоровье!»

Когда скосять постать, то точать косу, чтобы коровы сѣтѣ бѣли.

Опускаютъ три березовыхъ угла въ уху, чтобы она не была горька отъ раздавленной въ рыбѣ желчи.

Чтобы у маленькихъ не текли изо рта слюны, то трижды перестригаютъ ихъ ножницами.

Охотники берутъ сорочье и воронье гнѣзда, раздробляютъ ихъ и дымомъ, проходящимъ сквозь нихъ, окуриваютъ ружье; также раскальзываютъ сырью осину и сквозь ее трижды продерживаютъ ружье, а когда застрѣлять птицу, то трижды утыкаютъ ружьемъ въ рану, для того, чтобы кремень не осѣкался и ружье цѣльно стрѣляло.

Кладутъ подъ копну хлѣба собачьяго калу, чтобы мыши не велись въ ней.

Обдуваютъ руки, чтобы крошка не ожгла.

Соль кладутъ въ новый кузовъ, чтобы она всегда была суха.

Въ таковой же немедленно кладутъ новые выдѣлавныя овчины, чтобы моль не испортила ихъ.

Чтобы круичатая мука не испортилась, то кладутъ въ нее синій камень.

Чтобы постное масло не испортилось, то кладутъ въ него гороху или ставятъ въ рожь.

Чтобы горохъ разопрѣвалъ, то кладутъ, смотря по вмѣстимости горшка, напр. въ небольшой—щепоть цеппу или—столовую ложку чистаго щелоку.

Чтобы окисшій вареный горохъ можно было єсть, то кипятить его хорошенъко.

Отъ мошки лѣтомъ натираютъ лицо и руки скипидаромъ.

Если хочешь приворожить кого къ себѣ, то вслѣтъ хорошенъко, только не отъ жару, а отъ какого-нибудь дѣла, и съ этимъ пѣтомъ накорми того человѣка.

Чтобы рѣдька разстолстѣла, то, когда она повыростѣтъ немніго, черезъ каждую недѣлю штатъ ее.

Если случатся въ ногахъ судороги, мажь ихъ слюнами.

Въ Рождественскій сочельникъ женихи и невѣсты бѣгаютъ на улицу съ кутѣй или съ сбочнѣй; кто встрѣтится, въ того имъ будуть звать невѣstu или жениха.

Въ Рождество женихи и невѣсты первый кусокъ тайно выплевываютъ изо рта и послѣ кладутъ къ ночи въ головы,—для того, чтобы суженая или суженый пришли покушать хлѣба-соли.

На другой день Рождества плещутъ къ ночи водою косынку черезъ лѣвое плечо съ приговоромъ: «суженый, риженый-ая, приходи бѣлья просить».

На Крещенскій сочельникъ до ужина подметаютъ подъ столомъ, а послѣ ужина ящутъ подъ нимъ зерна, которое кладутъ въ сѣмена для большаго урожая.

О святкахъ у коровы рога опутываютъ поясомъ; если по утру эта корова стоять къ дверямъ головой, то выдаутъ замужъ.

Карты кладутъ въ головы ночью — зовутъ жениха въ карты играть.

За окно за виткѣ гребень опускаютъ къ ночи — зовутъ жениха или невѣсту голову чесать.

Кольце съ руки въ головы къ ночи кладутъ — зовутъ суженаго-ную кольцами мѣняться.

Кладутъ въ головы изъ луцины кѣтку — зовутъ жениха поить лошадь.

Снѣгъ полить въ передникѣ съ приговоромъ: «полю, полю бѣлый снѣгъ за батюшкову хлѣбъ-соль, за матушкуну добродѣтель. Взлай, собачка, на чужой сторонкѣ! Потомъ ложатся на снѣгъ и слушаютъ, въ которой сторонѣ собака галаетъ.

Жировку хоронятъ: на четырехъ-угольную доску кладутъ: на 1-й уголь хлѣба, на 2-й уголь, на 3-й печину, а на 4-й серебряное кольце и закрываютъ скатертью, кругомъ въ избѣ около нея садятся и поютъ: «ужъ я жировку хороню ко святому вечеру, къ святому Васильевскому, жировка маленька, окошка велики, косящатыѣ, рѣшещатыѣ, пе могла блоха скочить, коза скочила, рога увезила, хвостъ заломила, вы берите свой уголокъ». Берутъ и отрываютъ скатерть: кому хлѣбъ, тому богато жить; кому уголь, тогдѣ умретъ; кому печина, тому въ печали жить, а кому кольцо, ту замужъ выдадутъ.

Выносятъ вечеромъ пѣтуха, кладутъ кружкомъ грудки овса, каждая дѣвка — свою грудку; пѣтухову голову пригибаютъ подъ правое крыло трижды и опускаютъ въ кружокъ; чью грудку прежде станетъ ють, ту напередь замужъ отадутъ.

Когда дѣвки выйдутъ изъ избы, хозяйка кладетъ подъ горшки разныя примѣты. Каждая изъ пришедшихъ лѣвицъ береть свой горшокъ, и которой изъ нихъ достанется сборникъ, ту замужъ выдадутъ; которой — гребень, у той жевхъ будетъ щеголь; которой — плаТЬ, у той мужъ будетъ грозный; которой — горчевникъ (тряпка, употребляемая при обрядахъ), та будетъ позной хозяйкой; которой — чайная чашка, та выйдетъ за богатаго; которой — рюмка, у той мужъ будетъ пьяница; которой — пустой горшокъ, та останется въ дѣвкахъ.

Частоколь мѣряютъ ручными саженями и считаютъ частоколины съ приговоромъ: «вдовецъ, холостецъ». Какая послѣдняя останется (т. е. вдовецъ или холостой), такой будетъ у той мужъ, т. е. холостой или вдовы.

XI. Наставленія на разные случаи и два сказанія.

1. «По водѣ плаваешъ, воспомяни Святаго Николая Чудотворца въ ангела его хранителя».

2. «Заутра воставъ, воспомяни святаго Архангела Михаила, то весь день веселъ будешьъ».

3. «Аще когда станешь въ дому или въ рѣкахъ воду пить, воспомяни ангела Агія».

4. «Аще когда станешь спать ложиться, воспомяни святаго архангела Михаила, то есть стражи вадъ сияющиъ человѣкомъ».

5. «Аще когда громъ будетъ, воспомяни ангела Равана».

6. «Аще чѣмъ тяготаться станешь, воспомяни ангела Препила и великомученицу Екатерину».

7. «Аще когда въ печали будешьъ, воспомяни ангела Авдоила».

8. «Когда въ заблужденіи будешьъ, воспомяни святаго ангела Азана».

9. «Аще когда станешь храмину строить, воспомяни святаго Архангела Михаила».

О двадцати пятицахъ.

1.

«Пятница на первой недѣли великаго поста — кто ту пятницу чтить, тогдѣ человѣкъ отъ внезапной смерти сохраниеть будеть».

2.

«Пятница предъ Благовѣщѣніемъ Пресвятой Богородицы—кто ту пятницу читать, и тотъ человѣкъ отъ убѣства сохраненъ будетъ».

3.

«Пятница изъ страстной недѣль—кто ту пятницу читать, и тотъ человѣкъ отъ непріятеля сохраненъ будетъ».

4.

«Пятница предъ Воскесеніемъ Господнимъ—кто ту пятницу читать, и тотъ человѣкъ отъ потоха сохраненъ будетъ».

5.

«Пятница предъ Сошествіемъ Святаго Духа—кто ту пятницу читать, и тотъ человѣкъ отъ меча сохраненъ будетъ».

6.

«Пятница предъ Ильинскимъ днемъ—кто ту пятницу читать, и тотъ человѣкъ отъ вѣчныхъ муки сохраненъ будетъ».

7.

«Пятница предъ Успеніемъ Пресвятой Богородицы—кто ту пятницу читать, и тотъ человѣкъ отъ великаго грѣха сохраненъ будетъ».

8.

«Пятница предъ Рождествою Пресвятой Богородицы—кто ту пятницу читать, и тотъ человѣкъ отъ скудости сохраненъ будетъ».

9.

«Пятница предъ Кузьминскимъ днемъ—кто ту пятницу читать, и тотъ человѣкъ отъ гнѣва сохраненъ будетъ».

10.

«Пятница предъ Михайловскимъ днемъ—кто ту пятницу читать, въ имя того человѣкъ написано у Пресвятой Богородицы».

11.

«Пятница предъ Рождествою Христовымъ—кто ту пятницу читать, и тотъ человѣкъ при смерти узрить Пресвятую Богородицу».

12.

«Пятница предъ Богоявленіемъ Господнимъ—кто ту пятницу читать, и тотъ человѣкъ на судѣ Христовѣ въ десную страну причтенъ будетъ».

Сонъ Пресвятая Богородица.

• Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

«Сонъ Пресвятая Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, спала Пресвятая Богородица во святѣмъ градѣ Виленемъ Лудейстѣмъ въ Мартѣ мѣсяцѣ, и сонъ видѣла велими страшенъ и претивенъ о Сынѣ своемъ возлюбленномъ Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, и прииде къ ней Господь нашъ Иисусъ Христосъ и рече ей: о, мати Моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, спала въ святѣмъ градѣ Виленемъ Лудейстѣмъ и что во снѣ видѣла?—Она же отвѣща Ему: Сыне мой дражайшій, Иисусе Христе и Боже мой! во снѣ видѣла Архистратига Михаила и прочихъ небесныхъ силь безплотныхъ. И рече ей Господь нашъ Иисусъ Христосъ: аминь, аминь глаголю тебѣ, мати моя возлюбленная, Пресвятая Богородица, ве-

жетину рекла еси. Она же отвѣща ему: о, пресладкій и прещедрый Іисусе Христе, Сыне и Боже мой! аще иствну реку Тебѣ, утроба моя терзается во мнѣ, очи мои преграждаются, гортань моя вчезаетъ глаголати Тебѣ, во сиѣ видѣла Тебя Господа моего Іисуса Христа Сына Божія у жідовъ поимана и приведена къ Понтійскому Пилату Игемову и къ столбу привязана, біена, зауженна, оплевана и на древѣ креста мъ кипарисъ, певкѣ и кедрѣ распята, руцѣ и нозѣ Твои святыя ко кресту пригвоздиша и терновъ вѣнецъ на главу святую возложиша, желчю и оцомъ напоиша и едивъ отъ воинъ ко кресту приступи и въ ребра Твои святыя копіемъ прободе и отъ ребръ Твоихъ святыхъ изъде кровь и вода на исцѣленіе міру въ на спасеніе душамъ христіавскимъ, и тогда солнце померче и луна въ кровь претворися, небо и земля потрясоша, каменіе распадаша, церковная завѣса раздрася на двое съ верхняго краю до нижняго, и тма бысть по всей землѣ отъ шестаго часа до девятаго, и благоразумный Іосифъ съ Никодимомъ испросиша у Пилата пречистое Тѣло Твое, и, со креста снемъ плащаницею чистою взвѣ и съ благоухавиель во гробъ новѣ покръвъ положи и въ третій день воскресе, всему міру животъ вѣчный дарова, рукописаніе Адамово раздра, адовои вереи желѣзныя сломи и врата мѣдная сокруши и всѣхъ изъ ада изведе и діавола на тысащу лѣтъ связа. И рече ей Господь вашъ Іисусъ Христостъ: о, мати Моя, возлюбленная Пресвятая Богородица, Дѣво Марія! аминь, аминь глаголю тебѣ: воистину сонъ твой не ложенъ есть, Богу и Отцу Моему изволившу, на сіе бо придохъ въ міръ искупить родъ человѣческій отъ мучительства діавола своею кровию. Аминь.

«Аще кто сонъ твой Богородичень въ дому своемъ держитъ въ чистотѣ, и къ тому дому не прикочнется нечистый духъ, не злый человѣкъ, и скоту привлодъ и хлѣбородіе.

«Аще кто въ пути съ собою въ чистотѣ носить, къ тому человѣку не прикочнется не тать, ви разбойникъ, не злый духъ.

«Аще кто при смерти своей сонъ твой Богородичень помянетъ, или прочтается съ вѣрою, и толь человѣкъ избавленъ будеть вѣчныхъ муку.

«Аще кто на морѣ и на рѣкахъ и езерахъ сонъ твой Богородичень имѣть будеть въ чистотѣ, и сохраненъ будеть отъ потопленія предстательствомъ Пресвятыя Владычицы нашея Богородицы и приснодѣвы Маріи, заступленіемъ и молитвами ея избавить Господь отъ твоихъ бѣдъ и скорби.

«Аще сонъ твой Богородичевъ жена обремененная имѣть будеть въ чистотѣ и съ вѣрою будеть прочитывать и слушать съ сокрушеніемъ сердцемъ, и лехко отроча родить молитвами Пресвятыя Богородицы и приснодѣвы Маріи. Аминь».

XII. П р и п ѣ в ы.

1. Не по столику рюмоцкіи брецять, не стоканы выговаривають: (имя рекъ) ходить по терему, она бѣлѣтцо, румянеццо, у (имя рекъ) въ гости проситцо. (Имя рекъ) мой батюшко, опусти въ гости къ матушкѣ, ко родимому ко батюшку.—Дорогая, щѣсна гостейка, погости-ко у меня въ терему, погледи-ко на менѣ, молотца, на.. (имя и величанье).

2. Стѣметцѣ, стелетцѣ ребинушка цяста, хвалитцѣ, хвалитцѣ (имя рекъ) женою: ў меня, у меня (имя рекъ) хороша, ў меня, у меня (величанье) пригожа.

3. Тропинка тропитцѣ, конопельце ломитцѣ, идѣть незвамъ незнамовицъ (имя и величанье), свистомъ на свистыставъ, гаркомъ на гаркиставъ: «душа ты, дѣвица, отрой окошецкѣ, прими подароцкѣ—московскѣй яблоцѣтъ!» - «Душа ты, молодецъ, теперь мнѣ не време: мой батюшко въ избѣ сидить, моя матушка на рукѣ лежить!»

4. Каты, покаты женихи наши богаты, катъ катышокъ, (имя рекъ) женишокъ; дай, кума, тѣста, (имя рекъ) нивѣста.

5. Какъ по тропкѣ, по тропинкѣ бѣжавъ лѣгонькой дитинка, не въ тулуопѣ, не

въ кафтанѣ, бѣжалъ въ наиньковой сибиркѣ, що у нашова (имя рекъ) не кобылы, не коровы, не покрытыё хоромы, одна пестренькая собацкя, да и ту звали Орѣшкомъ. Ты продай своею Орѣшкя, ты купи овинъ соломы, ты покрой свои хоромы.

6. Не летай голуль высоко, не маши крылья мъ широко, ешо много ли бояръ въ Москвѣ, есь побольше хрессынъ на Русь. Нѣть противъ (имя рекъ) добра молотя: онъ на борушѣ соболя убивъ, поть горюю лисицю изловивъ, онъ на заводѣ утицю, на жовтомъ песку лебѣдушку, въ терему ту красну лѣвушку (имя и величанье).

7. Винограть въ саду рѣстѣть

(каждый стихъ повторяется),
А ягода, а ягода наливаетцѣ;
Винограть—свѣтъ (имя рекъ) Господинъ,
А ягода, а ягода (имя рекъ)—душа.
Имъ же людіи дивовалисї,
Що хороды, що пригожы уродилисї.
Дай имъ Божъ совѣтъ да любоѳь,
Во совѣтѣ, во любовѣ хорошенькѣ пожить.
Рыбушка плесть—вицюшка,
По водѣ рыба пловѣть, извиваетцѣ.
Миѣ ли, молоденкѣ, мало можытце,
Миѣ-ка батюшкова хлѣба йсь не хоцѣтцѣ;
Батюшкоѳь хлѣпъ полыњѣй пахнѣтъ,
Горегоркѣю гордѣцѣю отзываетцѣ;
Миѣ-ка миофъ хлѣпъ сахаромъ пахнѣтъ,
Слаткой слаткою слатицѣю отзываетцѣ.

XIII. Стихи, поющіеся нищими и слѣпыми.

1. О бѣ Алексѣѣ—человѣкѣ Божіемъ.

Що во славномъ городѣ было во Римѣ, при царѣ было при Онофріѣ, при царїцѣ было при Апраксіѣ, жывъ бывъ княсь Ефимъне съ супружною свою княгинѣй. Не было у ихъ единова цядя ¹⁾, не было не сына, не доцьки; тутъ онъ Господу Богу возмолились, молились усердно, со слезами: услыши, Господи, нашо моленѣё, сѣзданіе намъ, Господи, цада, сѣзданіе намъ сына, либо доцьки, при младости лѣтъ на потѣшку, при старости лѣтъ на пропитанїе, при смертномъ концѣ на поминъ души. Услышавъ йхъ Господи моленѣё: сѣздавъ имъ Господи сына, нарекли ему имя Алексіемъ. Алексій ростъ не по годамъ, а по цасамъ, ставъ же Алексій ушъ семи лѣтъ, здумавъ ево батюшко въ грамотѣ уцѣги, приневолила ево родная мата. Скоро Алексію грамота даласѣ, скоро Алексій писать науцївсѣ. Ставъ Алексій ушъ семнадцѣти лѣтъ, здумавъ ево батюшко женити, приневолила ево родная мата. Женитцо Алексію не хотѣлось, женили ево по неволѣ. Засылали же свата ко нивѣстѣ, выскаватъ свата ему нивѣсту, ко Божіей ко цѣркви привозили, на единой подвожнику становили и златымъ перснами обруцили и златы винціи надѣвали и въ княжески палаты отвозили, за бѣлодубовы столы посадили, пятья медвяны становили, яства сахаѣны заносили. Що сидѣть Алексій невесомой, онъ не пьётъ же пятья медвяна, не вкушаѣтъ онъ яства сахаѣна. Княжески столы отходили, на потклѣтъ молодыхъ отводили, на кроватъ ихъ спать положили. Вотъ ушъ первой цасъ на десять ноцій ставъ Алексій съ потклѣту подыматдо, ставъ совсѣмъ ись палатъ выбиратдо, подаѣтъ молодой женѣ поясь и съ правой руки златой перстень: на-то тибѣ, жена молодая, съ моїй правой руки перстень и мой тибѣ шовковой поясь; ковда перстень етотъ роспаеетдо, ковда поясь етотъ роспляетдо, ты товда меня увидишъ. Ставъ онъ свої цвѣтно платьё прода-

1) 1 чада.

вати, золоту казну по нащымъ роздавати и надѣвъ на ся сѣрую серымъ гу и пошовъ онъ ко синему морю, онъ и сѣвъ же на лѣжкую шлюпку и ѿхавъ онъ три дни, три ноці, подъѣждаѣтъ онъ къ матушкѣ пустынѣ, возмоливсё онъ ёй со слезами: ушъ ты, свѣтъ моя мати-пустынѧ, ты пустъ меня помолитцо, за младыѣ лѣта потрудитцо. Отвиціла ему мати-пустынѧ: повно, Олексій, ты молотъ Господу молитцо, у меня тибѣ не царская трапеза, у меня тибѣ не пятья медвяны и не яства тибѣ сахарны, що на мѣсто тибѣ питей медвяныхъ— одна болотная водица, що на мѣсто тибѣ яства сахарна— одно быльё да коренѣ. Олексій со слезами отвицѣтъ: миѣ даромъ вся царская трапеза, стану быльемъ, коренѣмъ питатцо и болотной водой наслаждатцо, только прими меня, мати-пустынѧ! Онъ и жывъ же въ ей тридцать три года, стала говорить ему мати-пустынѧ: повно, Олексій, отца, матерь прогнѣвляти, молоду жену ѿ слѣсъ натсажати. Тутъ возмоливсё Олексій со слезами: ушъ ты, свѣтъ— моя мати-пустынѧ, пресвятая ты Мать Богородица! дай ты миѣ русыѣ волосы по плеща, дай ты миѣ бороду до пупа! Дала ему мати-пустынѧ русыѣ волосы по плеща и бороду до пупа, и пошовъ же онъ ко синему морю и сѣвъ онъ на лѣжкую шлюпку и ѿхавъ онъ по синему морю три цяса и три миуны, подъѣждаѣтъ онъ къ городу Риму и приходивъ онъ ко Божій ко церкви и становивсё же онъ на паперть. Що выходитъ наротъ отъ обѣла, тутъ идѣтъ же и княсь Ефимьяне, поклонивсё Олексій со слезами: ушъ ты, свѣтъ же, княсь Ефимьяне, сбѣзъ милостину миѣ святую ты ради сына своею Олексія. Тутъ и княсь Ефимьянъ остановивсё и горесно прослезивсё: ушъ ты какъ моево сына знаѣшъ и именемъ ево называешь? Ушъ какъ миѣ не знать твоево сына Олексія, въ одвомъ инѣтъ съ нимъ въ грамотѣ уцѣлисъ, съ одново плещи пластье носили. Ушъ ты, свѣтъ же—княсь Ефимьянѣ! ты сестрой же миѣ килейку нову ты на мѣсто своею сына Олексія у себя ты переть переходамъ. Княсь пришовъ же домой прослезивсё и видѣнью тему подививсё, онъ велѣлъ же склать килейку нову у себя переть переходамъ, и жывъ же Олексій тутъ довгое время, посыпалъ же княсь Олексію пропитанѣ со своей онъ царской трапезы, слуги ему пищи не вносили, царскіе воли не творили, съ царскіе трапезы посуду мыли, на Олексіеву келью выливали, и на то Олексій не сердивсё. Узнавъ же Олексій сиѣ скорой цасть смерти, призывавъ же къ сиѣ онъ килейника: килейникъ ты мой, да килейникъ, подай ты миѣ лись бумаги, перо ты миѣ и цѣрнила!— Исповнивъ килейникъ ево прошенье, онъ и ставъ же писать своє рукописанѣ. Какъ списавъ же онъ своє рукописанѣ, и пришовъ къ ему цасть смерти, и пошовъ по городу запахъ, понесло всѣ ладаномъ— темъ-жъвомъ, по городу мовва розвесласе, гдѣ-то открылись же мощи святые, пошовъ же по городу розыскъ, и нашли блисъ царскіе палаты, у ево путь переходамъ. Многіе въ келью входили и у ево рукописанѣ просили, никому рука не отверзась. Що пришовъ же княсь Ефимьяне и возмолинѣ онъ со слезами: ушъ вы, мощи, вы мощи святые! пожалуйте миѣ рукописанѣ! Тутъ рука же князю отверзась, онъ и взявлъ же къ сиѣ рукописанѣ, онъ и ставъ же ево цѣтати, онъ и признавъ же своею сына Олексія, онъ упавъ переть нимъ на колени: ушъ ты, свѣтъ, мое цяло милое, ушъ ты для цѣво миѣ во плоти не сказавсё, я состроивъ бы бѣлокаменны палаты. Услышала ево мати родная, упала передъ ѹмъ со слезами: ушъ ты, свѣтъ, ты, дитятко родноѣ, ушъ ты для цѣво миѣ во плоти не сказавсё, я пошла бы съ тобой Богу молитцо. Услышала ево жева молодая, поглѣдѣла она на примѣты: ево шовковой поясъ росплюсвѣ, золото кольцо роспаялось, пришла она со слезами, въ горестѣ она повалилась: ушъ ты, свѣтъ, моя Лада милая, ушъ ты для цѣво миѣ товда вѣ сказавсё, я пошла бы съ тобой Господу молитцо, за младыѣ лѣта потрудитцо. Выносили же мощи ись пещеры, що несли же ко Божій ко цѣркви ровно три дни несли и три ноці, по сторонамъ азато, серебро кидали, що никто на то не бросавсё, всѣ бросались за святыми за мощами.

2. О д в у хъ б р а т ѿ хъ Л а з а р ѿ хъ.

Жила два брата, два Лазаря. Не ровно ихъ Господи щасъемъ надиливъ: большому брату бѣгацѣса тьма, меньшому брату убожесво рай. Заводивъ богатой братъ

цесной пиръ, цесной, прецесной, прерадосной, созвавъ богатой братъ князей въ бояръ, князей и бояръ и попоффъ и дьякоффъ, одново не позвавъ брата своеово, брата своеово убогово Лазаря. Услышавъ убогой, самъ на дому пришовъ, закрыцавъ, завопивъ жыснымъ голосомъ: братецъ, ты братецъ, богатой Лазарь, напой, накорми на севодниной дены! Услышавъ богатой братъ, самъ на дворъ вышовъ, закрыцавъ, завопивъ громкимъ голосомъ: скверной, негодной, отойди процы отъ двора, есь у меня братъя полуутше тебя, есь у меня друзыя, какоффъ и я самъ! Были у богатова два лютыя пса; по потстолю ходяты, крошки обираютъ; крошки обирали, убогому носили. Тутъ-то же убогой братъ съ цесью прянимавъ: слава Тибъ, Господи, съть я и пьянъ, съть я и пьянъ на севодниной девь. Выходивъ убогой братъ въ цисто полѣ, говоривъ убогой тихамъ голосомъ: Господи, Господи, Спасъ милостивой! Услыши, Господи, молитву мою: создай инѣ, Господи, двухъ Ангелоффъ, двухъ Ангелоффъ, двухъ немилостивыхъ! Услышавъ же Господи молитву ево, создавъ ему Господи двухъ Ангелоффъ, двухъ Ангелоффъ, двухъ премилостивыхъ: вынимали душенько цесно изъ небеса, положили душенько на пелены, понесли же душенько на небеса, посадили душенько во самой во рай. Услышавъ богатой братиеву смерть, выходивъ богатой братъ во цисто полѣ, закрыцавъ, завопивъ громкимъ голосомъ: Господи, Господи, Спасъ милостивой, создай инѣ, Господи, двухъ Ангелоффъ, двухъ Ангелоффъ, двухъ немилостивыхъ! Создавъ ему Господи двухъ Ангелоффъ, двухъ Ангелоффъ, двухъ немилостивыхъ: вынимали душенько крюкамъ и гвоздямъ. Положили душенько на пелены, понесли же душенько на небеса, посадили душенько во самый во адъ.

3. (Начало забыто, а потому и заглавие не означенено).

...Это тутъ-то Христа роспинали, гвоздемъ руцѣ приковали, святую крофь проливали... Приходила Мати Марія, приносила клюці золоты; призывала къ сибѣ Петра и Павла: вы идите-ко, Петры и Павлы, вы несите-ко клюці золоты, отпрайте рай пресвѣтлой, пропускайте души грѣшныѣ въ рай, ушь вы вѣсъ души пропускайте, только трохъ душъ не пускайте.—тѣ души ташко согрѣшили: первой душа ташко согрѣшила: отця, матерь поматерну браница, друга душа ташко согрѣшила: мужа съ женой разлуцила, третья душа ташко согрѣшила: младенца во утробѣ задушила. Тѣмъ душамъ нѣть прощенья, тѣмъ душамъ нѣть покаянья, въ пресвѣтломъ раю не бывати, въ оци Христа не видати.

4. О жидахъ, искашихъ Иисуса Христа.

Ісусъ Христосъ не знаѣть, куда отъ жидаффъ утти. Пришовъ къ алилуевої женѣ: алилуева жена пецью топить, на рукахъ младенца держить. Подошовъ Ісусъ Христосъ къ алилуевої женѣ: алилуева жена кинь младенца въ пѣшной пламень и возьми меня на бѣлыѣ руки! Алилуева жена не ослушна была: кинула младенца въ пѣшной пламень и взяла Ево на бѣлыѣ на руцьки. Тутъ Пилаты и жыды набѣжали и спрашивали у алилуевої жены: алилуева жена, не видала ли Ісуса Христа?—Ісусъ Христосъ въ пѣшномъ пламѣ.—Тутъ жыды, Пилаты заскакали, золезныѣ заслонки приносили, золезными заслонками закрывали и крѣпкими потпорами потпирали. Тутъ вѣсъ жыды пали и испронадали; крѣпкие ихъ потпоры отпадали, золезныѣ заслонки открывались, въ пѣшномъ въ пламѣ трафка выростала, по этой трафкѣ младенецъ похажываетъ, Евангельской листикѣ въ руцькахъ поддерживаетъ, онъ во этомъ во листѣ почитываетъ: кто эту молитву станѣтъ каждой девь читать, избавлѣнъ будѣтъ муки вѣцьныѣ.

5) О дѣвѣ и о жидахъ.

Ходила, гуляла святая дѣва, искала, искала Іисуса Христа; ёй ва встрію попали три жыда, у жыдовъ она спрашивала: куды вы ходили, али вы куды пошли?—Мы были: есь гора крута и высока; на этой ва горѣ кряжи рѣвены, изъ этихъ изъ кряжоффъ цѣркоффъ строена, въ эфтої цѣркви стоять три гроба: первой гробъ—Іисуса

Христа, другой гропъ—Ивана, третей гропъ—святых Дѣвы. На Иисусовѣ гробѣ Ан-дѣли поютъ, на Ивановѣ на гробѣ свинъки горагъ, у святых у Дѣвы на гробѣ цвѣты роскошны.

XIV. Свадебные пѣсни.

1.

Не отъ вѣтру, не отъ вихря
Верейшки пошатнулисё,
(этотъ и слѣдующіе стихи повторяются)
Воротѣцкія росторилисё,
На дворь гости наѣхали,
Молодецъ вошовъ во горницю,
Розудаленъкѣй—во свитанцу.
Тутъ дѣвича испугаласё,
Въ бѣломъ лицѣ перепаласё,
Голова съ плечъ покатиласё.
Рѣзы ноги подогнулисё,
Бѣлы руки опустилисё,
Изъ гласъ слѣзы покатилисё,
Во слезахъ—то слово мовшила,
Во горѣ рачь окончала:
Вонъ идѣть погубитель,
Вонъ идѣть разоритель мой,
Вонъ идѣть расплетай-косу,
Вонъ идѣть потерай красу!
Такъ отвѣтъ державъ молодецъ:
Ты не плаць, не плаць, дѣвавца!
Не плаць, доцій отецкія!

(или доцій безотечкія)

Що не я погубитель твой,
Що не я разоритель твой
И не я расплетай-косу
И не я потерай-красу,—
Погубитель твой-батюшко,
Разорительница—матушка,
Расплетай-косу—сваховка,
Потерай-красу—дѣвича,
Ушь ты доцій отецкія.

2.

Не было вѣтробѣ,
(каждый стихъ дважды)
Вдругъ навіяло;
Не было гостей,
Вдругъ наѣхали;
Подѣмали сини
Новыѣ съ переходами,
Ростопили
Цяшу золотую,
Выпустили
Соловья всѣ саду.

Роскошны

Свѣтъ (имя невѣсты),
Свѣтъ (величавье).
Що (имя жениха) молодецъ
Уговариваѣтъ:
Ты не плаць-ко,
Не плаць (имя невѣсты),
Не плаць (величанье)!
Сострою твѣ
Сини новыѣ съ переходами;
Я куплю тиѣ
Цяшу золотую;
Помимо тиѣ
Соловья во садокъ.
Станѣтъ тебя
По утру будить,
По зорамъ веселить (однажды).

3.

Вьюнъ на водѣ
(каждый стихъ повторяется)

Извиваетцѣ:
Зеть у воротъ
Убивааетцѣ;
Просить своё,
Своё суженоѣ:
— Отдайте моё,
Моё суженоѣ!—
Вынесли ему
Коно въ золотой уздѣ.
— Это ли твоё,
Твоё суженоѣ?—
— Это не мое
И не суженоѣ!—
Вьюнъ на водѣ
Извиваетцѣ;
Зеть у воротъ
Убивааетцѣ;
Просить своё
(и проч. до)
Вынесли ему
Соловья на рукахъ.
— Это ли твоё,
Твоё суженоѣ?—
— Это не мое
И не суженоѣ!—

Вьюсь на водѣ
и проч.

Вывели ему
Свѣтъ (имя невѣсты),
Свѣтъ (величанье).
— Это ли твоѣ,
Твоѣ суженоѣ?—
— Это мое,
Мое суженоѣ!

4.

Ельникъ, березникъ—то ли не дрова?
(подчеркнутыя слова повторяются)
У (имя рекъ) то ли не жена?
Шовкова нитоцкя къ стинкѣ льнѣтъ,
(Имя жениха и невѣсты) къ сердечку
жимѣтъ.

Ушь ты (имя невѣсты) скажи правду свою,
Скажи правду свою: кто тѣ ми въ на
роду.

Ми въ мнѣ, милѣшнѣкъ батюшко мой,
Всѣхъ помилѣ матушка моя.
(Имя невѣсты) моя, что не правда твоя
и неистинная

Не смѣй говорить, мое сердѣ гнѣвить!

Ельникъ, березникъ и проч.
Мила мнѣ, милѣшнѣкъ матушка моя,
Всѣхъ помилѣ мнѣ батюшко.
(Имя невѣсты) моя! Это не правда твоя
и неистинная.

Не смѣй говорить, мое сердѣ гнѣвить!

Ельникъ, березникъ и проч.
Ми въ мнѣ, милѣшнѣкъ батюшко мой,
Всѣхъ помилѣ (имя жениха) молодецъ.
(Имя невѣсты) моя! Это правда твоя;
Смѣй говорить, мое сердѣ веселить.

5.

Лѣпантъ красѣнъ,
(каждый стихъ по 2-жды)

Лѣпантъ на золотѣ;
Мисецъ свѣтѣвъ,

Мисецъ въ оболоѣ.

Наш-отъ (имя жениха)

Онъ полуутѣ всѣхъ;

Узвивъ кудри,

Уцѣсавъ волоса.

Матушка ему

Всѣ наказывала:

— Пойдѣшъ, дитя,

На цюжѣ сторону;

Поднесутъ тѣ, дитя,

Тиѣ цяру вина;

Не пей-ко, дитя,

Эту цяру вина!

Вылей, дитя,
Ты коню въ копытѣ,
Щобы твой конь
Поступистѣ шовъ;
Щобы твой конь
Погордистѣ вѣсъ.

6.

Що не яблочкѣ по горенкѣ катавсё (каждый 2-лы),

Не злацѣнъ перстень на блюдѣ россыпавсё.
Нашъ (имя жениха) жевитѣ снаряжавсё;
Ему матушка головушку цѣсала,
Во три ряда ему кудри завивала;
Мати крѣпко ему наказала:
Ты пойдѣшъ, мое дитято, женитѣ
На цюжую, на дальнюю сторону;
Тиѣ станутъ тамъ дѣлки писни пить,
Що тебя молотца припѣвати,
Тиѣ (имя невѣсты) душу величиати;
Ты дари-ко красныхъ дѣвокъ по рубинкѣ.
Токо много тиѣ показалось,
Ты дари-ко красныхъ дѣвокъ по повинкѣ;
Токо много тиѣ показалось,
Ты дари-ко красныхъ дѣвокъ по гравиѣ;
Ты дари-ко красныхъ дѣвокъ по два гроша.

7.

Не розливайсё, мой тихой Дунай!

Не пущай руцю по цисту помю!

(этотъ и слѣдующіе стихи повторяются)
Въ томъ цистомъ полѣ шовкова трава,
Въ этой травомъкѣ бѣла олень,
Бѣла олень—золотыѣ рога.
Туть не гдѣ ваявсё (имя жениха) молодецъ

[при повтореніи этого стиха поется:

Туть не гдѣ ваявсё (величанье),

Махнувъ оленюшку плѣтоцкѣй;

Я ти, оленюшка, застрилю!

— Не стрилей (имя жениха) молодецъ!

Не въ кое время я тиѣ пригожусь.

Станѣшъ женитѣ, на сварьбу приду,

Золотыми рогами весь дворъ освѣю,

Всѣхъ вашихъ гостѣкъ рѣзвеселю,

Пуще тово (имя невѣсты) розвѣлю,

(при повтореніи поется величанье)

Щобы (имя невѣсты) не плакалась,

(вмѣсто повторенія поется)

Щобы (величанье) не гнѣвалась.

8.

Зѣбры, зборы, свѣтъ (имя невѣсты),

Збирала подружокъ въ свой домъ;

(слѣдующіе стихи повторяются)

Садила подружокъ за свой стовъ,
А сама садилась выше всѣхъ,
Клонила голову ниже плечъ.
Думала думушку крицѣ всѣхъ.
Пѣдрушки, мои голубушки!
Вы скажыте мнѣ, присовѣтуйте:
Какъ будѣть назвать свѣкра батюшку?
Батюшкомъ назвать не хоцѣцѣ,
Свѣкромъ назову—осердитцѣ.
Какъ будѣть назвать свекрофъ матушку?
Матушкой назвать—не хоцѣцѣ,
Свекровю назвать—осердитцѣ.
Какъ будѣть назвать деверей-братцѣ?
Деверяямъ назвать—осердитцѣ,
Братъями назвать не хоцѣцѣ.
Какъ будѣть назвать ивѣ золовушокъ?
Здолофкамъ назвать—осердитцѣ,
Сестрицямъ назвать не хоцѣцѣ.
Какъ будѣть назвать ивѣ (имя жениха)?
(Имя жениха) назвать—осердитцѣ,
Душепѣкѣй назвать не хоцѣцѣ.
Убавлю спѣси, гордости,
Прибавлю млада смиренева, скромности.
Свѣкра назову я батюшкомъ,
Свѣкрофъ назову я матушкой,
Деверей-то назову я братцами,
Я золовокъ назову сестрицами;
Я (имя жениха) назову душепѣкѣй.
(Вѣчесто новгородвѣ поется:)
(Величанье жениха) назову я: жись мом!

9.

Ушь вы, гуси, вы, лебеди,
(слѣдующіе стихи повторяются)
Вы куды вѣдрась летали?
— Ушь мы летали, летали
На синѣ морѣ плавати.
— Ушь вы що тамо видѣли?
Ушь мы видѣли, видѣли
Сѣрую утицю на морѣ.
— Ушь вы що єё не взели?
Хоша мы єё не взели,
Мы єё потсмотрили,
Право крылышко заломили.
— Ушь вы, молотцѣ, молотцѣ!
Вы, куцій переѣжжыѣ!
Вы куды вѣдрась йздили?—
— Ушь мы издили, издили
Ушь мы зѣ города на горотъ.
— Ушь вы що тамо видѣли?
— Ушь мы видѣли, видѣли
Красную дѣвицу въ теремѣ.
— Ушь вы що єё не взели?
— Хоша мы єё не взели,

Мы єё запросватали,
Косу русу расплѣтали,
Призакрыли буйну голову.

10.

Роскацяласё грушица
(слѣдующіе стихи повторяются)
Переть яблоньцѣй стоюци,
Що расплакась дѣвица
Переть матушкой плакуцій:
— Ушь ты, свѣть моя матушка!
Я отъ цѣмъ тѣ побью цѣломъ,
Отъ цѣмъ я подокуцею,
Я цѣво у тя буду спрашивати.
Ты скажы-ко мнѣ, матушка,
Ты скажы-ко правду истину:
Ты на що жо пиво варишь,
Ты на що приговлеессё,—
Скоро празницкя не будѣть у насъ,
Это що у тя заводитцѣ?
Ты не къ празницкю ли годовому?—
— Ушь ты, свѣть моё дитятко,
Моя доцкя отецкяя (или безотетьцяя)!
У насъ сваренка заводитцѣ.—
— Ушь ты, свѣть моя матушка!
Вы ково же отдаёте,
Или вы ково жѣните?—
— Ушь ты, свѣть моё дитятко!
Мы тебя запросватали,
Въ воскресенѣѣ быть дивишику,
Въ понадильникѣ—ко злату виню.—
— Ушь ты, свѣть моя матушка!
Я о цѣмъ тѣ побью цѣломъ,
Я о цѣмъ буду кланетцѣ,
Со слезамъ буку молитисё:
Не остафь-ко ты, матушка,
Моево докуцѣнка,
Слезиавова, да горькѣва!
Вамъ нельзза ли это слѣдити—
Мою сваренку отложити?—
— Ушь ты, свѣть моё дитятко,
Моя доцкя милая!
У насъ дѣло-то здѣлано,
По рукамъ у насъ ударено
И дарамъ всѣ обдарены.

11.

Много, много у сыра дуба,
(слѣдующіе стихи повторяются)
Много вѣтъя въ павитъя,
Много листу зелёнова;
Только вѣту у сыра дуба
Золотыѣ вершынушки.
Много у (имя невѣсты) души

И роду и племени,
И родныхъ и двоюродныхъ,
Только нѣту у (имя) души,
Нѣть родимова батюшка.
Наредить-то къ виацю сѣй кому,
Благовить-то сѣй же кому,
Нѣть родимова батюшка,
Нѣту слѣски горюціѣ.

12.

Изъ-за лѣсу, лѣсу тѣмвова,
(слѣдующіе стихи повторяются)
Изъ-за тѣмвова, дремуцѣва
Вылетало стадо гусей,
Що другоѣ лебедей стадо.
Отставала лебѣдушка
От стада лебединова,
Приставала лебѣдушка
Ко стаду ко сѣрымъ гусамъ.
Не умѣла лебѣдушка
По гусиному крыцѣти —
Надѣлъ гуси щыпали,
А лебѣдушка — крыцѣти:
— Не щыпите, гусев сѣрые!
Не сама я къ вамъ замѣтала,
Занесло меня погодою,
Погодою — буйными вѣтромъ.—
Отставала свѣтль-дѣвица,
Она отъ роду, отъ племени,
Отъ отца и отъ матери;
Приставала свѣтль-дѣвица
Ко цюжымъ, незнамымъ людямъ,

Ко цюжому цюженину,
Къ добру, добрѣному мѣлотьцу.
Не умѣла свѣтль-дѣвица
Съ цюжымъ людямъ обходитисё.
Нацѣли люди бранити,
Красна дѣвица — плакати;
Не браните, добры люди!
Не сама я къ вамъ замѣтала,
Завеали меня добры кони,
Добры кони — молодецкіѣ.

13.

Тысецкѣй!
(каждый стихъ повторяется)
Ты цѣній цѣловѣкъ!
Слышыши ли ты.
Розумѣшь ли ты?
Мы тѣ поѣмъ,
Цѣсь, хвалу воздаѣмъ.
Надо ли тиѣ
Полонъ дверь живота?
Тысецкѣй!
(и проч. до)
Надо ли тиѣ
Полонъ хѣбба анбаръ?
Тысецкѣй!
(и проч. до)
Надо ли тиѣ,
Тѣ изба-та съ верхомъ?
Надо ли тиѣ,
Тиѣ пива съ хохломъ?

XV. Игровыя пѣсни:

а) пѣющіяся при наборѣ дѣвицъ для хоровода.

1.

Заенькѣ биленькѣй,
Ушки давгонкѣи,
Ношки коротенькѣи!
Зайко въ сторону скоцивъ,
Много солоду купивъ,
Онъ въ другую скоцивъ,
Туть рѣка глубока,
Рѣка тиновата,
Рѣка ребиновата;

Що ребинушка цаста,
Цѣлуй мѣлотьца въ уста.

2.

Вы тигѣ-тиги-тиги,
Гуси, лебеди мои!
Со ржавцѣнки,
Со болотнки,
Со Дунаю со рѣки
Набѣжали старики:

Это вашъ, это нашъ,
Это нашъ гостенёкъ!

Я ухажывала,
Ухорашывала
Отъ сърова вовка,
Отъ лютова звиря.

Я ково люблю—
За себя возьму;
Ково не люблю,
Тово не возьму.
Кому тошно по нась,
Тотъ и бѣгаѣтъ у нась,
Кому не тошно,
Итти не по що.
Душа—красная дѣвица!
Поди, выди за меня!

3.

Гулей, гулей, молодечь,
Пока обѣдаѣтъ отечь;
Отобѣдаѣтъ отечь,
Нашой писенъкъ конечь.

4.

Вѣникъ да голинъ
Цѣловатцѣ велить.

5.

Ты сарай, ты сарай!
Въ сарай съно валять;
Съно оғчи йдять
Чѣловатчо велять.

6.

Воробей скакѣтъ по полішу,
Молодой скакѣтъ по сѣдищу,
Выбирающій своей братъи.
Ой, брацци, мало нась!.

7.

Воробей скакѣтъ и проч.
Ой, брацци, много нась!.

8.

Скадѣтъ галоцкія по ельницкю,
Ищетъ мевкова березницкю;
Що наѣхали розбойницикі,
Снели съ галоцкіи цѣрнѣ сапоги;
Не въ цѣмъ галоцкѣ по городу скакать,
Не въ цѣмъ цѣрнѣ по новому плясать.

9.

Скадѣтъ заець по болоту,
Нанимаетцѣ въ роботу;

Онъ теребить сибѣ моху,
Затыкаѣтъ сибѣ ж—у.

10.

Вы ерши, ерши, ерши,
Ерши маленькиѣ,
Бостоватенкіѣ!
Хто ерша изловить,
Тово три расъ цѣловать.

11.

Сквородникъ, сквородникъ,
Сквородникъ за пеці!
Ты не много хлопоці,
Десятоцкія два блинкофъ испека!
Двоѣ ходить, двоѣ бродитъ,
Двое сойдутцо, пріобоймутцо, поцѣлуютцо.
Що во старые-те годы
Не бывало такой моды,
Пришовъ нынѣцій укась—
Цѣловатцѣ деветь расъ.
Таки расъ, таки расъ!
Хто подманивать горасъ,
Тому рюмоцкія вина,
На закуску—пирошка,
На забаву—дѣвшушка.

12.

У попа за дворомъ
Пирогъ съ творогомъ;
Кабы было съ кѣмъ,
Розломивъ бы, съѣвъ,
Давъ бы малому серѣтку,
Постыому—конецъ,
За то ему—конецъ,
Що удалой молодецъ.

13.

Що гугу, гугу, гугу,
Потерявъ мужыкъ дугу,
Дугу, тѣцнью,
Позолбѣнью.
Цю! ребята-те пищать,
Не дугу ту ли тащать.
Погляжу я въ рѣшето,
Цѣловатцѣ хорошо;
Погляжу я въ сито,
Цѣловатцѣ сыто,
Погляжу въ грохотку,
Цѣловать въ охотку.

б) х о р о в о д и ѿ:

1.

Какъ на нашей на сторонкѣ (кажды
2-жды).

Хороша угода,
Що хорошая угода:
Хорошъ хмѣль родивсё;
Що хорошой хмѣль родивсё,
Крукъ колышка вивсё,
Вивсё, вивсё, иззвивсё
Въ винці золотыё.
Золотыё винці въютцё—
Серебрявоё лвсё.
Що серебрявої лиссё,
Жемлюжныё кисти.
— Пойду, млада, въ сать, погулюю,
Нацыплю я хмѣлю;
Нацыплю я, млада, хмѣлю,
Хмѣлю садовова,
Накарю я, млада, пива,
Пивушка пьянова.
Созову я въ гости гостя,
Гости дорогова,
Въ гости — гости дорогова,
Батюшка роднова.
Мой батюшко пьётъ, пьеть пиво,
До пьяна не вапьётцё.
Онъ до пьяна не напьётцё—
Домой соберётцё.
Со двора долой съѣждаѣтъ,
Меня оставляѣтъ,
Меня, младу, оставляѣтъ
На цюжой сторонкѣ.
На цюжой, дальниой сторонкѣ,
Въ цюжыхъ люяхъ жыти,
Во цюжыхъ-то люяхъ жыти,
Всакому служыти,
Що гедёю, негедёю,
Каждому цѣловѣку,
Цѣловѣку не простому—
Парню холостому.

2.

Що во улицѣ во швецькѣ, (по 2-жды)
Въ слободѣ было нѣмѣцькѣ
Молодой ямщицѣ гулеѣтъ,
За собой онъ дѣфку водигъ,
Дѣфку, дѣфку иноземку.
Дѣфка парню говорила,
Говорила, не стыдиласъ,
Мила дружка не таиласъ:
Ушь ты, друкъ ли мой, дружесикъ,
Сердю радось, жывотоцикъ!

Ты пойдёшъ, миленькой, женитці—

Приворацивай проститцё;
Привяжы коня ко кусту,
Къ этому кусту калинѣ;
Ты накушай, моя радось,
Горькой ягоды калины!
Каково кушать калину,
Таково жытьё за старымъ.
Що у старова у мужа
Не грозы нѣту, ни воли,
Отъ людей нѣть оборони,
Отъ семейницькѣфъ — застони;
Ево люди мало знаютъ,
Господа не поідтаютъ.—

Що во улицѣ во швецькѣ
(и проч. до).

Привяжы коня ко кусту,
Къ этому кусту малинѣ,
Ты накушай, моя радось,
Слаткой ягоды малины!
Каково кушать малину,
Таково жытьё за ровнѣй;
Що у ровношкі у мужа
И гроза — та есь и воля,
Отъ людей есь оборона,
Отъ семейницькѣфъ застони.
Ево люди много знаютъ,
Господа всѣ поідтаютъ.

3.

Въ саду дѣфки гулели.
Калина, малина!
Въ саду красны гулели и проч.
Онъ рвали цвѣтоцкі и проч.
Онъ вили вѣноцкі и проч.
Онъ въ рицкю кидали и проч.
Завѣтъ завѣщалъ и проч.
Хто въ Дунай-рицкю скочить и проч.
Хто вѣнокъ перевернѣть и проч.
За тово замушъ выйду и проч.
Туть кидавсё, бросавсё и проч.
Туть старой старицѣ и проч.
Старой мушъ мѣ не ровня и проч.
Мѣ не пара любая и проч.
Охти, матушка, горѣ! и проч.
Государони, горѣ! и проч.
За стара замушънейду и проч.
Прикажы розотисё и проч.
Прикажы развестисё и проч.
Въ саду дѣфки гулели и проч.
Туть кидавсё, бросавсё и проч.
Младой мушъ мѣ и ровня и проч.

Мяй и пара миляя и проч.
За ево замушь выйду и проч.
Охти, матушка, радось! и проч.
Государони, радось! и проч.
Прикажите пожалуй и проч.
По праву руцкю стати и проч.
За праву руцкю взети и проч.
Во уста цъловати.

4.

Засенькё, поскаки! Сиренькёй, попляши!
Онъ взавъ себи за бока. (2-жды).
Засенькё младушы! Сиренькёй младушы!
Крушкомъ, босьёмъ повернись!
Не куды засеньку выскоцити, не куды съ-
рому выпрянути,
А другому заскоцити.

5.

Мы просу ту сієли, сієли.
Ой діда, ладушка!
(послѣ приїзва послѣднія слова
повторяются)

А мы просу ту вытощемъ и проч.
Ужо вы цёмъ вытощите? и проч.
Мы коней выпустимъ и проч.
А мы коней-то въ хлѣфъ запрёмъ и проч.
А мы коней-то выкупимъ и проч.
Ужо вы цёмъ жо выкупите? и проч.
Мы вамъ дадимъ сто рублей и проч.
Намъ не надобно тысяця и проч.
Ужо що жо вамъ надобно? и проч.
Ужо намъ надобно дѣвица и проч.
Вамъ которая налюбно? и проч.
Ушь вамъ надобно крайняя и проч.
У насъ крайняя въ золотѣ и проч.
Отворейтесь, ворота! и проч.
Пашова повку-ту прибыло и проч.
Нашова полку-ту убыло и проч.
А мы вецёрь скакали и проч.
А мы вецёрь плакали въ проч.
А мы вецёрь цей пили съ кофеймъ и проч.
А мы вецёрь пять пили съ копотей и проч.

6.

Вдоль было по травоныкъ, вдоль по мурафкѣ.
Лёли, лёли, лёли, лёли, лёли.
(повторяются послѣднія слова и приїзве)
Туть ходить, гулеётъ удалой молотьцікъ
и проч.
Клидѣть, выклвкаѣть красную дѣвицу
и проч.
Поди, выйди, дѣвица, за ворота и проч.
Со мной, со молотьцікомъ, постоети и проч.
Со мной, со удаленькимъ, рицъ говорити
и проч.

Що дѣвица къ молотьцу выходила и проч.
Що дѣвица съ молотьцемъ рицъ говорила
и проч.

А я тебя, молодецъ, обесцѣщу и проч.
При всѣмъ при мірѣ, при народѣ и проч.
При всѣмъ дѣвицемъ караводѣ въ проч.
Що дѣвіця молотьца оборбла и проч.
Пуховую шляпонью долой сышбла и проч.
Русыё кудрецькя рострепала и проч.
Цастыё пугофки ростегала и проч.
У кафтана борики всѣ примяла и проч.
Змазныё сапоженьки въ гресь втощала
и проч.
Со всѣмъ молотьца обругала и проч.
Пошовъ, пошовъ молодецъ, самъ заплакавъ
и проч.

На що меня матушка спородила и проч.
Несцѣсливой долюшкой надѣлила и проч.
Меня красна дѣвица пристыдила и проч.
Вдоль было по травоныкъ, вдоль по му-
рафкѣ (и проч. до)

Що дѣвица молотьцу рицъ говорила и проч.
Прости меня, молодецъ, виновату и проч.
А я тебя, молодецъ, не узнала и проч.
Пуховую шляпонью въ руцкіи брала и проч.
Русыё кудрецькя уцѣсала и проч.
Пуховую шляпонью надѣвала и проч.
Цастыё пугофки застегала и проч.
У кафтана борики поправляла и проч.
Змазныё сапоженьки вытирала и проч.
Совсѣмъ добра молотьца снаредила и проч.
Пошовъ, пошовъ молодецъ, взвеселивсё и проч.
Во всѣ цѣтыре стороны поклонивсё и проч.
Спасибо, що матушка спородила и проч.
Пресцѣсливой долюшкой надѣлила и проч.
Меня красна дѣвица снаредила.

7.

Груня, Груня, Груня, Груня, Груня, Груня
ягода моя! (2 жды).
Лёли, лёли, лёли, лёли, лёли.
Росповадилась Груняша цасто по воду
ходить и проч.
Цасто по воду ходить, по задворью воду
лить и проч.
По задворямъ воду лить, къ Олексію
заходить и проч.
Къ Олексію заходить, Олексіушка будить
и проч.
Встань, Олёша, пробудись, на миая, младу,
не сердись и проч.
А я, млада, не сердита, Олексія люблю
свѣтъ и проч.
Я заплацю, зарыдаю, всѣ Олёшу вспоминаю
и проч.

Какъ у Грунинъ воротъ стоять озеро
воды в проч.
Стбить озеро воды, молодецъ коня понвъ
и проч.
Молодецъ коня понвъ, къ вереюшкѣ ста-
новивъ и проч.
Къ вереюшкѣ становивъ, къ колецюшку
привязавъ и проч.
Къ колецюшку привязавъ, самъ Грунинъ
наказавъ и проч.
Ушъ ты, Грунинъ, Грунинъ, збереги моево
коня и проч.
Збереги моево коня, ве порвавъ бы повода
и проч.
Повода шовковыё, стремяна золотёны
и проч.
Стремяна золотёны, вереюшкѣ тоцёны
и проч.
Напишу я грамотку по бѣлому бархату
и проч.
Отошлю я грамотку въ Сибирь горотъ
батюшку и проч.
Въ Сибирь горотъ батюшку, ко родимой
матушкѣ и проч.
Родимая моя мать, позволь допёръ гулять!
и проч.
Гулей, гулей, дигатко, гулей, цадо милой,
и проч.
Пока волюшкѣ своя, не расплетена коса,
и проч.
Не расплетена коса, не покрыты волоса!
и проч.
Покроётцѣ голова, минуётцѣ вся гульба
и проч.
Минуётцѣ вся гульба, вся отступятцѣ
друзья в проч.
Вотъ какъ Грунинъ идётъ, ровно павушка
пльвётъ и проч.
Какъ на Грунинъ перо шестьдесят рублей
дано и проч.
Що фтороё-то перо семитысешнё и проч.
Какъ на Грунинъ сарафанъ повтораста рублей
данъ и проч.
Що третъё-то перо ись Парижа везено
и проч.
Ись Парижа везено, милымъ друшкаомъ
дарено и проч.
Милымъ друшкаомъ дарено, цѣловатцѣ
вельно.

Веселая голова, не ходи мимо сада,
Не ходи мимо сада, не прокладывай сѣда,
(этотъ и сѣдящіе стихи повторяются)

Дорожевъки не тори, худой славы не клади.
Худа славушка пройдётъ, никто замушъ
не возьмётъ:
Що не баринъ, не купецъ, не удалой
молодецъ;
Етцю, матерь бесцѣсъ, роду племени юкоръ,
Роду племени юкоръ, стыть, головушку
долой.
Стыть, головушку долой, мнъ нельзя притти
домой.
Мнъ нельзя притти домой, сказать матушкѣ
родной;
Скажу такъ, скажу сѧкъ, скажу эдакъ и
вотъ—такъ.
Скажу: въ саликѣ была, во зелёномъ
гуляя,
Слатки яблочкѣ щыпала все налифчтые,
Всё налифчтые, слатки россыпчтые,
На бѣлое блюдо клала, на серебряной
поднось,
Къ милу друшку отсыпала во высокой во
терѣмъ.
Милой яблочкѣ не привялъ, вицѣво
не говорить:
Не отказываѣтъ, не приказываѣтъ.
Ушъ я топнула ногой, сама съ терема
долой,
Сама съ терема долой, оставайсё, цѣрть
съ тобой!
Оставайсё, цѣрть съ тобой, не ломайсё
надо мной!
Не ломайсё надо мной, надъ дѣвицѣй
красотой!
На первую ступень ступила—призадумаласё,
На фторою-ту ступила—вороюсь, млада,
назать,
Друшку выговорю, въ глаза выругаю:
Ты послушай-ко, невѣжа, погадай, негодай!
Я за що тебя люблю, за що жаловать
хочю?
Я за то тебя люблю, що на ноженъю
легокъ,
Що на ноженъю легокъ, на босу ногу
сапою,
На босу ногу сапою, во повною гуляетъ
готофф.
По уму-ту ты—невѣжа, по разуму—про-
стота.

Въ лѣсъ пошли, въ лѣсъ пошли, въ лѣсъ.
за ягодами.
Сю—вѣю, вѣю вью.

Онѣ яготь не набрали, подруشكу потеряли
и проч.
(Послѣ припѣва послѣднія слова стиха по-
вторяются).
Потеряли же подруشكу Катеринушку
и проч.
Ты, ау, ау, Катюша, ау, мелал моя!
и проч.
Не въ лѣсу ли заблудилась, не въ травѣ
ли замелась? и проч.
Кабы въ лѣсѣ заблудилась, лѣсъ ко землѣ
приклонивсѧ и проч,
Кабы въ трапѣ заплелась, трава шоккова
связась и проч.
Кабы въ водѣ потонула, свѣжая вода возму-
тилась и проч.
Я пойду ли по тропинкѣ, я найду ли
деревинку и проч.
Шоть Еліною кровать, кравать новевѣккяя
и проч.
Кровать новевѣккяя, ростесовенккяя и проч.
На кровать перина пуховенккяя и проч.
На перинѣ—Катерина, переть нѣй стоять
дитина и проч.
Переть нѣй стоять дитина — Иванушко-
сиrotina и проч.
Катю спрашиваѣтъ, уговариваѣтъ и проч.
Роскатюшечкя моя, скажи: любишъ ли
меня? и проч.
— Я любитъ ли не люблю, нагледитѣ не могу.

10.

Дѣвушки въ садикѣ гулеми, забавныѣ
цвѣты рвали,
Цвѣты рвали, сорывали, вѣнки вали, сови-
вали (каждый стихъ 2-жы).
Вѣнки вали, совивали, на голофку на-
дѣвали,
На голофку надѣвали, сами себя украшали,
Украшали, наряжали, итти домой опоздали,
Опоздали, пріестали, потѣ кустоцкѣмъ
отдыхали,
Шоть кустоцкѣмъ отдыхали, гдѣ охотники
гулеми.

Сѣдующія пѣви поютъ, ходя кругами по деревнѣ. Ихъ же поютъ на вѣ-
черинкахъ сила.

11.

За гоноцкѣ мое сердѣ слы, мое сердѣ
сли, сердѣ слышало,
За идилюшку оно повѣ, сердѣ росповѣ,
иѣ повѣдало.

Гдѣ охотники гулеми, злы собаки набѣ-
жали,
Злы собаки набѣжали, меладу, испу-
гали.
На ту пору, на тотъ часъ мой малѣнь-
кѣй набѣжавъ.
Мой малѣнькѣй набѣжавъ, со добра коня
сказавъ,
Со добра коня сказавъ, коня къ яблонѣ
вязавъ,
Коня къ яблонѣ вязавъ, ко дѣвушкѣ пот-
ѣжавъ.
Ко дѣвушкѣ потѣжавъ, слово дѣвушкѣ
сказавъ.
Дѣфка парню говорила: одново тебя любила,
Одново тебя любила, лицѣ бѣлоѣ открыла;
Лицѣ бѣло, приотѣло, розгутелѣ захо-
тѣла.
Пойду эѣ горя въ гореньку, сяду я на
лавоцкю,
Сяду я на лавоцкю, возьму я гитароцкю,
Стану, буду я играть, буду друшка при-
пѣвать.
Хорошо нашмы ребатамъ въ Москвѣ по-
жылосѣ,
Въ Москвѣ пожылосѣ, прибогатилосѣ;
По торгамъ часто гулеми, серебро на мить
мисели,
Серебро на мить мисели, муку, солоть за-
купали,
Муку, солоть закупали, брагу пьянную ва-
рили,
Брагу пьянную варили, въ погребахъ даво
томили.
Що Ивану вѣть талану, скоро осень по-
дошла.
Скоро осень подошла, зима холодная при-
шла,
Зима вьюжистая, зима метялистая;
Зима вѣсть и метѣть вдоль по городу
идѣть,
Вдоль по городу идѣть, ко дѣвицѣ во
садокъ;
Що у дѣвушкѣ въ садоцкѣ повызноило,
У красавицѣ сердѣцюшко повысушило.

Собираестѣ маленкѣй въ доро, маленкѣй
въ доро, во дороженьку.
Не во дальнюю миленкѣй, тошнѣ, мѣ
тошнѣшенькѣй.
Провожала я ли друшка ми, я ли друшка
ми, друшка милюва,

Я до городу ли ево до Дани, ево до Дани,
до Данилова,
До заставушки ли ево до моско, ево до
моско, ево до московскї.
На заставѣ съ милымъ расстава, съ ми-
лымъ расстава, съ милымъ расста-
валисъ.
Всѣ-те намъ люди удивле, люди удивле,
люди удивлелисъ:
Это що стоять за па, що стоять за па,
що за пароцкы,
Що ве мужъ съ женой стоитъ, не братъ,
не мужъ съ женой, не братъ съ се-
строй;
Али молодецъ стоитъ со дѣ, молодецъ со
дѣ, молодецъ со дѣнциѣ.
Говоринъ-то миленькой, нака, миленькой
нака, онъ наказывавъ;
Цѣсью, лесью милой угова, милой угова,
милой уговаривавъ:
Посмирнѣе жыви, моя лю, моя лю, моя
любушка;
По смирнѣе жыви, постепе, жыви постепе,
жыви постепеннѣе.
Я наказу милова не слу, милова не слу,
не послушала.
Съ ѿнымъ съ милымъ дѣфка поводи, дѣфка
поводи, дѣфка поводиласъ,
Поводѣфши скоро розбрани, скоро розбрани,
скоро розбраниласъ.

12.

Эко сердѣ, эко бѣдвоѣ моѣ!
Тиѣ повно-ко, сердѣ, ныть и изнывать!
(Этотъ и слѣдующіе стихи повторяются).
Моему-то сердцю въ покоѣ не жывать,
Въ беспокойціку призываѣтсѣ болѣсъ.
Що болитъ-то, болитъ розбуйная голова,
Не глядѣть то ли на свѣтъ розвѣсѣлѣ
глаза;
Що не видяты жо съ неба совнешныхъ
лукѣй.
Изъ лукѣй-то ли, лукѣй подымаетсѣ ту-
мавъ,
Ись туманику цастой дожыцѣкъ идѣть;
Дошъ прибивъ, дошъ примиоцѣкъ въ полѣ
шовкову траву—
Не берѣтъ травы славна риская коса.
Сѣнокосила красна дѣвица-душа;
Красной дѣвицѣ сѣнокосъ на умъ неидѣть,
Мигкальнова рубашка къ тѣлу льѣть.
Красна дѣвица сѣнокосить, слѣзы лѣть—
По проокосиву доброй молодецъ идѣть.

13.
Весной дѣвушкы гуляли въ караводи-
кѣ на лушкѣ;
(Послѣднія слова каждого стиха повторяются).
Онъ писеньку запили, милой жалосно вни-
мавъ,

Милой жалосно внимаѣть, рицъ забавную
говоривъ.
Рицъ забавную такую, деревеньку все
бравивъ:
— Ты, проклятая деревня, за цѣмъ сушыши
каждой чаѣ?
За цѣмъ сушыши, за цѣмъ крушиши уда-
лова молотца,
Удалова, молодова, Ярослафкова купца?—
Не деревня парня сушыши, сушыши дѣ-
вушка-душа;
Сушыши дѣвица милая, уродилась хороша:
Ростомъ средна, лицемъ бѣла, розвѣсѣлѣ
глаза.

— Нѣть на свѣтѣ горя болѣ: жыть со ми-
ленькимъ въ раздорѣ.
Раздоръ въ люди не явлю я, у судьбы
щасья прошу:
Ты, судьба я моя премилая, здѣлай ми-
лосль для меня!
Здѣлай милосль, такую радосъ: выди за-
мушъ за меня!

— Ушъ я рада бы за тя вытти, топерь воля
не моя.
Въ эфѣй волѣ есь и болѣ: родвой батюшко
у меня.

Я у батюшкы спрошуся, у матушкы до-
ложусъ;
Ежели батюшко меня позволить, родна
матушка за мушъ отдасть.
Позволенѣй матъ дала май, дружка въ
гости я позвала.

14.
Вы прощайт-ко, дѣфки, бабы, на мъ то-
перецѣй, дѣвушки, не до васть;
(Послѣднія слова каждого стиха повторяются).
Намъ топерецѣй, дѣвушки, не до васть: во
сандатушки нынѣци ладять насть.
Это що жо въ году за мисецъ—ноцѣй
свѣтить, а днѣмъ и нѣть?
Это що жо такой за милой—лѣтомъ лю-
бить, а зѣмой и нѣть?
Для тово-то зимой онъ меня не любить,
що зимушка-то кажотсѣ холодна,
Зимушка студёная, ему холодно стало хо-
дить.
Ему холодно стало ходить, ему пѣцѣво
стало носить:

Одна синяя, синяя сибирёвка, всю по
побѣткамъ истаскала;
Шуба рваная, рваная бѣсъ кармана, бѣсъ
подошофъ сапоги.
Ты купи-ко сибѣ, милой, сапошки, мнѣ
— сафьяновые красные башмаки.
Ты ко мнѣ-то ходи, милой, въ сапошкахъ
все на утреннѣй на зорѣ.
Що за то-то милой осердивсѧ—ко мнѣ въ
гости-те не бывавъ.

15.

Захотѣлосѧ провѣдать, гдѣ любезная жы-
вѣтъ.

(Въ стихѣ послѣднєе слово повторяется).
Гдѣ жывѣтъ, гдѣ жывѣтъ моя милая, тамъ
весёлая сторона.

Тамъ весёлая, тамъ весёлая и гулила розы-
валасё вода,
Роаливалась, ростекалась, съ крутымъ бе-
решкомъ ровна.

Я на эту польнь-воду, польнь-воду лёхкую
лотоцкую куплю,
Лёхкую лотку бѣлозёрку, перѣду за рѣку,
Перѣду, перѣду, жить уѣду, тамъ по-
выстрою теремъ.

Тамъ построю, тамъ построю, весь покрою
со широкимъ со дворцемъ,
Со широкимъ со дворцемъ, съ государе-
вымъ крыльцемъ.

По крыльцу ноги не ходять, глаза на
свѣтъ не глядѣть.

Я не вирила подрушиамъ, поцѣму молова
жаль.

Я сама стала гулетъ, — стала молова
жаль.

Съ пециами, сожалѣнья сердѣ сохвѣтъ, со
пецами груть болѣть.

Нѣть на свѣтѣ тово хуже—со женатыми
гулетъ:

Що женатой—воръ проклятой, ево жись
оценѣвъ бѣдна.

Ево жись оценѣвъ бѣдна, у ево жена вольна.
У ево жена вольна, съ первыхъ дній съ

мужа волюшку сняла.

Съ мужа волюшку сняла, не опустить не
куда.

Не опустить жена мужа на улицю по-
гулетъ;)

Хоть опустить, зъ глазъ вѣ спустить, вѣ
во сѣть за нимъ глядѣть.

Она во сѣть, вѣ во сѣть за нимъ гле-
дѣть, и ругаѣть и бранить,

И ругаѣть и бранить, иною, дѣвушкѣй,

корить:

Ты, молоденька диффёнко, за цѣмъ мужа
отняла?—

— Ты, бабёнка—курва-плѣха, обесцѣстила
дѣвушку меня!

Стану друшку говорить, сво-ѣть умъ пе-
реминить:

Ушь ты, друкъ-зи мой любезной, уни-
май свою жену!

Ты не становѣшь унимать, я отстану отъ
тебя;

Ты не становѣшь жены быть, перестану та-
любить.

Я отстану, перестану, холостова полюблю.
Холосто-ѣть—парень бравой, какъ соковъ
въ поймѣ летавъ.

Политѣвъ соковъ домой съ полуночій на
покой,

Съ полуночій на покой, вѣтъ заботы у
парня никакой.

Есь у молотыя забота, красна дѣвица
сушыть;

Красна дѣвица сушыть, она же витѣ не
велить.

Нѣть на свѣтѣ тово лутше: холостова по-
любить,

Холостова полюбить, за любоѣ съ пар-
нѣмъ пожыть.

16.

Цюю, миленькой крушытѣ жавкимъ се р-
цѣмъ обо мнѣ;

(Въ стихѣ послѣдніе слова повторяются)
Тибѣ пора, яснѣй, открытыѣ скажу, ми-
ленькой, тибѣ:

Не терай красы понапрасну, не томись,
пріятель мой!

Время важноѣ проходить, вѣтъ пройдуть
драгіе дни,
Вѣтъ девёцкіи вѣ проходѣ, быстрые рицкіи
протекутъ.

Протекали быстры рицкіи со мѣвкими
рудейкамъ,

Съ мѣвкими не съ большими во темнѣе
во лѣса.

Во лѣсу красы не стало, съ древоѣ лисьѣ
опадѣть;

Опадѣть съ древоѣ листоцкіи, съ мѣвмъ
нѣжносъ отойдѣть,

Отойдѣть съ мѣвмъ гуленъ,— не ви-
датцѣ никовда.

Мы увидимся съ любезнымъ у сусѣда вѣ
вѣцѣ.

У сусѣда вѣ бесидѣ примицѣть и глядѣть,

Примицѣть, люди бауть, и ругаѣть и
бранить.

И ругаютъ и бранять во глаза друшкомъ
корять;
Во глаза друшкомъ корять, любить дружка
не велять.

Не отстану, я любить стану до цюжы^и
стороны.

До цюжы^и, до дальны^и, до замужья своею,
До замужья своею, до злодия мужыка.
Погуляю теперь въ лѣфкахъ, пока волюшка
своя,

Пока волюшка своя, не покрыта голова.
Покроетъ голова,— минуэтъ вся гульба,
Вся минуэтъ гульба, вся отстуянетъ
друзья.

На цюжой, дальней сторонкѣ веселѣе съ
малымъ жить,
Веселѣе, посмѣлѣе съ юмъ по празнѣцкѣмъ
гудеть,

Съ юмъ по празнѣцкѣмъ гудеть, сиѣ
обновы закупать.

Слышу вѣску про милова — юмъ сердитой
на меня.

Проторинъ милой дорожку, переставъ ко
мнѣ ходить.

Пропустивъ худую славу, переставъ меня
любить.

Онъ купивъ на грошъ гостинца — стало
жавко подарить.

17.

Венѣръ, лапушка, бывъ я въ гостяхъ у
тебя,

(каждый стихъ дважды);

Не узнала же поздно, лапушка, дружка,
Отсыдала же парни процы отъ себя:

Ты поди, парень, поди, душечка, процы!
Я — топорецъ богатова купца доцъ!

Простоявъ бы я у калинки девъ и доцъ,
Полюбивъ бы я богатова купца доцъ.

Со тыѣ поры, какъ дуютъ вѣтры со горы,
Со тыѣ горы въ бѣлокаменной Москвы,
Ушъ какъ вдоль Москвы шла Машевъка
хороша,

За собой вела Маша ворона коня.
Що вороной конь разманѣжысъ, пейдѣть,

Переть Машевъкѣ конь копытамъ землю
бѣгть;

Землю бить не бѣгть, онъ на Машѣ платьѣ
рѣтъ;

Платьѣ рвать не рѣтъ, только стрась
Машѣ даѣть.

Не боюсь, Маша, я воронова коня,
Боюсь, лѣвушка, я любовнова дружка.

Не боюсь дружка, боюсь, бы слава не
прошла.

Пройдѣть славушка, — вся минуэтъ гульба:
Догадаетъ ролна матушка моя,—
Не опустить меня лѣфку никуды.

18.

Гулю, гулю ты, мой голубоцѣкъ!
Гулю сизой ты, мой воркуноцѣкъ!
(этотъ и слѣд. стихи по 2 раза)

Не летай-ко ко мнѣ, голубъ, въ садоцѣкъ,
Не садись-ко ты на мой кустоцѣкъ,

Ты не пой-ко ли въ садикѣ писень!
Мнѣ-то бесь писень лѣвушкѣ тѣшно,

Позабыть-то горюшка не можно.
Кабы мнѣ-то, лѣфкѣ, прежня воли,

Прежняя воли, легко крыльѣ,
По поткрылью-ту мелкоѣ перѣѣ,—

Я снялась бы, лѣфка, политѣла,
Политѣла бы въ цѣстое полѣ,

Въ цѣстое полюшко, на свою на волю.
Находитъ бы милому за мню,

За моѣ-то косой за русю,
За лѣвницѣ мой красотою.

19.

Роскрасавица ли ты моя!

Наволь вывѣдѣть у молѣтъ ца у ма;
(Послѣднія слова каждого стиха повторяются).
Какоѣ умъ, разумъ, есь обыпай у дружка.
И по перво-ѣтъ годокъ во любвѣ съ юмъ
пожила.

На друго-ѣтъ годокъ много славы привала.
На третьѣй годокъ сиротинушкѣ смыла.

Сиротинка-та вдоль берешку гуляла,
Моѣтъ миленькѣй по другой шель сторонѣ;
Милой проситъ цѣресь рицѣнко ко мнѣ.
Ушъ какъ я ли. молода, не присвоила къ
себѣ,

Не присвоила дружка, рознегоднѣмъ на-
звала.

Ты — такой мальцѣкъ рознегоднѣй цѣловѣкъ!
Отъ такіѣ ты отъ красавицѣ отставъ,
Ты какую же негодейку любить стаѣ!
— Ушъ я шовъ же, прошовъ вѣ-те уѣзы

города,
Не вашовъ хуже савдатскова жытыя.

— Я за то-то дружка въ савдаты отдала,
Во савдатушки дружка во рекрутской во-

нaborъ;
Во савдатушкахъ даютъ жалованыи,
По три денёшкы на сутоцьки придѣть,
По сути же гравеютъ на мисень выдаютъ.
Ты хоть пѣй, гуляй, хоть обновы завода,
Хоть ты любушкѣ своей гостиницѣ неси.

20.

Слышино было ись деревни про рекрутской
про паборъ

Пишоть, пишоть вамъ родитель, щобы
ъхалъ домой (каждый 2-жды).

Насъ три братца ли сбразисё на пёцтово-
ётъ новой дворъ.

Дѣлать нецѣво, ребята, нанеї твойку
лахихъ;

Тройка кена ли вороные со нещаснымъ
сѣдокомъ.

Молодой куцхръ, Ванюма, шовельни тройку
вемжант!

Блиске къ дому подъѣжали, сердѣ вывымо
изъ насъ

Мы въ избушку вобралисё, поздоровались
со всѣмъ.

Наша матушка родная ва пецѣ замерто
лежыть;

Сестриці однокровны у порошку всѣ ревять;
Нашы жоны молодые всѣ по лавоцкимъ

сидять;

Нашы милые подружки всѣ изъ горенокъ
глядятъ.

Нашъ родитель, старикъ старой, во слезахъ
рицъ говоривъ:

Ушъ вы, дити мои, дити, однокровные
мои!

Заутра васть, мои дити, во савдатушки
вести.

Дѣлать нецѣво, ребята, давай жеребей сей
цасть!

Наша оцѣреть рекрутство — меньше станемъ
горевать!

21.

Ты не плачь-ко, дѣвушка милая!
Не плачь, лапушка, дѣвушка моя!
(Черезъ стихъ въ стихахъ послѣднее слово
повторяется).

Отъ цѣво-то моё сердѣ страдаѣть,
Отъ цѣво жо пылаѣть въ лицѣ крофы!

Брофы пылаѣть, въ лицѣ розгораѣтъ, розож-
жотъ

Прежестокая съ миленькимъ любофф;
Злая скуча, съ миленькимъ розлuka та-
жола, —

Всю волюшку, волю отняла,
Всю волюшку, волю дорогую.
Нагулетцё съ миленькимъ не дала,
Нагулетцё, съ милымъ наигратцъ,
Во любвѣ-то со миленькимъ пожыть.
Нищо дѣвушку не удержыть,
Нищо красную гулеть неуймѣть:
Не погоды, зѣмой не морозы,
Не осеннѣ цѣстѣ дожжи.
Развѣ это дѣвушку удержыть:
Розолъютцї быстрые рѣки,

Розолъютцё всѣ рики, озёра,
Приваловыятцё крутые берега.

Премежу тѣмъ крутымъ бережецкимъ
Луговинка зелена;

Що на этой луговинѣ
Земель садикъ вырастаетъ;

Що въ этомъ было во саденѣкѣ
Алы цѣтники, цѣты росцѣти.

Цѣли цѣтники, цѣтники росцѣти,
Насъ съ миленькимъ дружкомъ россемъ:

22.

Що болить-то, болить сердечюшко,
Болить больно рѣтиво.
(Черезъ стихъ въ стихахъ послѣднее слово
повторяется).

Любивъ-то, любивъ малынькѣ дѣвушку,
Самъ спокаявсё злодій.

Спокаяфшисъ, доброй молодецъ
Съ дѣвушкой рицѣ говоривъ:

— Скажы, дѣвка, скажы, краеваз,
Скажы: любиши, али вѣть? —

— Я любить тя не люблю,
Нагледитцё не могу,
Нагледитцё, насмотритцё
На твоё бѣло лице.

Що твоё-то ли лицѣ бѣло
Ровно биленькѣй снѣжокъ;
Що твои-те щоки алы
Ровно розовой цѣтѣтокъ.

— Що твои-то ли брови чёрныѣ.
Розвесылые глаза,
Розвесылые глаза

Приманли молотьца.
Ты глядѣ-ко ли, примицѣй, любезаяя,
Пока я у та въ глазахъ.

Я вѣс гласть-то выйду вонъ у дѣвушки, —
Не видатцё никовда,

Не токи видать любезнова,
Голосоцкю-ту не слыхать. —

Въ цѣстомъ полѣ при долинушкѣ
Луговинка зелена.

Що на этой луговинушкѣ
Ребинушка стояла.

Що на этой на ребинушкѣ
Соловей громко поётъ.

Ты на пой, не пой, соловушко,
Жалобвѣшенькѣ въ саду!

Не давай тоски, назолушки
Сердечушку моему!

Що и такъ моё ретиво,
Приватѣлосё съ тоски,

Приватѣлосё, неболѣло,
Безъ милова живущий.

23.

Слѣти было на лавоцкю подъ оконе-
шечкѣ,
(Въ стихѣ послѣднія слова повторяются).
Погляжу въ оконе-цѣкѣ на улицѣ дошь,
На улицѣ цѣкѣй дошь, во полѣ туманъ,
Во полѣ большой туманъ, затуманилось,
Сидѣть красная дѣвица, занепялилась.
Сказали миѣ, дѣвушкѣ, вись верадошну,
Не радошну вѣстоцкю про любезнова.
Сказали про малова—миѣ побить лежыть.
За то миѣ побить лежыть, звать у
дѣвокъ бывъ,
У дѣвушокъ, у голубушокъ, у подрукъ
своихъ.

Говорила я малому, наказывала:
Отстань, отстань, миленький, проць отъ
дѣвушокъ,
Отъ дѣвушокъ, отъ голубушокъ, отъ под-
рукъ своихъ.
Развѣ я тиѣ, миленький, вѣ въ любвѣ
пришла,
Не въ любвѣ любезному, знать не помра-
виласъ.
Спомни, здумай, миленький, про съ-
каницѣ!
Сыкалисъ съ миленькимъ во цѣстомъ
полѣ,
Во цѣстомъ во полюшкѣ при всѣй волюшкѣ,
При всѣй волѣ вольною поть берёзою.
Поть бѣлой берёзою цасть роквтофъ кустъ;
Що во этомъ кустикѣ кокушка сидѣть.
Не кокубъ, кокушечка, жалобшенькѣ!
Не плаць, не плаць, дѣвушка, миѣ жыть
тошнѣшенькѣ.

24.

Сторона, моя сторона, незнакомая моя!
На тиѣ, моя сторона, вѣть не матери,
отца (2-жлы каждыѣ);
Во вторыхъ ва тѣ, сторона, вѣту мало-
ва друшка.
Во слезахъ я засыпала, друшка видѣла
во сѣ;
Какъ прочкнулась, воздухнула, закинѣла
крофъ во миѣ...
Я милому говорила, любезному своему:
Если я вамъ не по издраву—сопши съ
своей стороны!
Сходи, милой, въ кабинеткѣ, возьми въ
руцьки пищалеткѣ;
Возьми въ руцьки пищалеткѣ, прострили-
ко груть мою,

Груть, сердецкѣ ретивою,—я на вѣки буду
спать,
Буду спать, опоцівать отъ любви твоїѣ.
Ты прили за гропъ проститцѣ, пожалій
хоть обо мнѣ!
Налиши на гробъ наптись, що любила
одновѣдно;
Я любила и жалѣла любезнова своею.
Я топерейцій узнала, що сміёссе надо мной,—
Сміёссе, сміёссе, злодій, варваръ, сміёссе со-
вѣти своей!
Сміёссе совѣсью своюю надъ Дуняшой вдо-
вично!
А Дуняша вдовиня уродилась въ горь-
кѣ цасть.

25.

Всѣ гуленѣ юновицілось, вѣть радости съ
миленькимъ на цасть;
(Черезъ стихѣ послѣднія слова въ стихахъ
повторяются)
Нѣть радости въ единомъ цасть, вышовъ
миленький изъ гласъ.
Кой я день друшка не вижу, я мѣшаласъ,
глупая, вѣ умѣ;
Я мѣшаласъ, сокрушаюсь по любезною по
своемъ друшка;
На тѣхъ мысляхъ спать можылась, очкну-
ласъ я вѣ горѣ, во тоскѣ...
Пойду съ горюшкы въ долину, сама сиду
я, Маша, вѣ руцѣкъ,
Сама сиду вѣ руцѣцѣкъ вѣ крутенкѣй
бережокъ.
Я сама сиѣ дивлюся, куды бѣту я скоро,
тороплюсь.
Прещасливой Машынъ выхотѣ: миѣ сто-
ить передо мною!

Миѣ стоять передо мною, говоривъ-то
милой рицѣ со мною.
Спомни, злодій, варваръ, какъ во первой
рицѣ ко мнѣ пришовъ;—
Клавсѣ совѣсью, божыссе, хотѣть вѣцьно
дѣвушку любить!
Ты топерейцій оставлеёшь на проклятой
вѣшнай сторонѣ;
Зднесь проклятая сторона, пересудливой
такой наротъ;
Що россудять, розлуцдѣютъ насть съ любез-
нымъ-то, съ миленькимъ друшкомъ.

26.

Ходиѣ, гулявъ Вава при долинѣ,
Любивъ Вава трехъ подружокъ:
(Каждый второй стихѣ повторяется весь).
Первую—Сашу, другую—Парашу,

Третью душечкою Дуняшу.
Ку́плю я Саша въ косу ленту,
Я Парашъ—злацень перетень,
Своёй душечкою Дуняшъ—
Шаль терновую съ цвѣтами.
Носи, Дуняшка, наряжайсё,
Мной, Ванюшой, выхвалийсё!
Конда станёшь Ванёй выхвалиятсё,
Намъ съ тобою не растатсё.
Подъ бокъ отъ было у сусъда,
Собираласё бесъда;
Много молотьфъ было хорошихъ,
Однъ Ваня кудреватой,
Съ ноги на ногу ступаѣтъ,
Изъ ума мева пытаѣтъ:
Выдѣи, Дуня, на крылѣцкѣ,
Промоввій со мной словецкѣ!
Я привѣсть тѣ преніцкѣфъ, рожецкѣфъ,—
Позабавимсё съ дружецкѣмъ!
Про насть люди говорили,
Тебя мнѣ любить не велили.

27.

Вы, премилыё подруженьки, придите ко
ко мнѣ!
(Послѣднія слова каждого стиха повто-
ряются).
Вы придите, посидите, подумайтѣ обо мнѣ!
Подумайтѣ, погадайтѣ объ несчастной дѣ-
вушкѣ,
Объ несчастной отъ такой, какъ мнѣ лѣто
жыть одной,
Какъ мнѣ лѣто жыть одной, мнѣ безъ ми-
лова безъ друшка,
Безъ милова, безъ яснова одолеѣтъ грусь-
тоска,
Одолеѣтъ грусь-тоска, круцінушка велика.
Всю круціну на пеци кину, пециль, горѣ
отложу;
Пециль, горишко отложу, постоянно буду
жыть,
Постоянно, безъ обмана, одново буду лю-
бить.
Одново тебя любить—на билила не на-
жыть;
Семерыхъ друшкафъ любить, мнѣ самой
жывой не быть.
Одново тебя любить мнѣ неволюшка ве-
жть.
Мнѣ неволя, неохота—циюжа дальна сто-
ронна.
На цюжой дальней сторонѣ на меня ми-
лой сердитъ,
На меня милой сердитъ, мемо ходить—
не глядитъ;

Мивъ на встречу попадаетъ, мвѣ «здо-
рово» не сказавъ.
Сама за то сердита: далекъ милой жи-
вѣть.
Далеко милой живѣть, не порятки мивъ
ведѣть,
Онъ—такіё непорятки: зеленоѣ вино пить,
Зеленоѣ, не простоѣ, съ кабака долой ней-
дѣть.

28.

Шла Машенька бережоцкѣнъ,
А я, младой—берешкомъ;
Машотъ биленькимъ Маша платоцкѣмъ,
А я—правою рукой:
Воротись-ко, милой, ко мивъ назать,
Позабыла тибѣ що-то сказать!
Я забыть-то не забыла;
Прошло лѣто и весна;
Наступаѣтъ злоѣ-то на насть времѣ—
Зла-холодная на насть зима.
Опадутъ съ древоффъ мевки листоцкѣи,
Рудѣёцкѣи не текутъ;
На рокитныхъ кустоцкѣяхъ,
Птицѣкѣ, пташки не помутъ.
Одна пташка—кинарѣка.—
Она жалосно поѣтъ;
Она жалосно—больно поѣтъ,
Маѣ тоски, горя предѣтъ.
Я съ этой тоски, пецили
Во зеленої сать гулетъ пошла;
Ушъ я рыла, да копала
Зло кореньѣ про друшка.
Я нарыла, накопала,
На Неву я мыть пошла;
Ушъ я мыла, вымывала
Бѣло на-бѣло ево;
Я сушыла зло коревыѣ
Сухо, на-сухо ево.
Я товила же зло кореньѣ
Мевко, ба мевко ево.
Заварила зло коревыѣ
На меду, на патокѣ;
Созвала я въ гости гостя
Любеннова своево;
Напоила, накормила.—
Стала спрашывать ево:
Ты скажы, скажы, любезной,
Каково на жывотъ?—
— У моёво у сердечка
Ровно камешокъ лежить.
Давела меня, злодійка!
Огъ тебя въ землю пойду!

в. П а р в ы 2.

1.

Я бѣгу, бѣгу по поженкѣ,
Добѣгаю до цыновки;
На цыновкѣ два голубя сидят;
Одинъ голубь вицѣво не говорить,
Другой голубь поговариваетъ:
Зафра праиницѣкъ Иванофъ девы;
Мо-ѣтъ миленькой гулетъ пойдѣть,
Мена, дѣвушку, съ собой возьмѣть,
На гуленѣвъ поѣздуѣть, обѣмѣть.

2.

Ушь ты, Васенька, Васильюшко!
За цѣмъ, Вася, упиваесеѣ,
По торгамъ ходишь, валеесеѣ?—
— Шо до Васи цѣловальники добры,
Що бесь девѣкъ зеленѣмъ виномъ пойтъ,
Бесь росчегу золотой казной дарить.
Сисли съ Васи гранетуровой кушакъ,
Съ рѣзыхъ ноженѣкъ—козловы сапоги,
Нельзя Васенькѣ домой пратти—
На пути ево сударушка живѣтъ:
Завсегда Васю въ гости зовѣть.
— Поди, Вася, погостишь у мене!
У меня ли про тя пиво варено,
У меня ли пиво марковской;
Зелено вино макарьевской,
Слатка вотоцкя анисовая,
Тесова кровать расписанная,
Красна дѣвушка нариженая,
Цѣловатѣ влажевая

3.

Вышла Дуна въ огородъ,
(Въ стихѣ послѣднія слова повторяются).
Нарвѣмъ Дунѣ лапушкѣ,
Сопѣмъ Дунѣ сарафанъ,
Сарафанцѣкъ со шеромъ,
Со шырокимъ кружевомъ.
Коробейкю запирай,
По праиницѣкъ надѣтай,
Для милово зберегай!

4.

Я ве думала севодни угорить;
Пришовъ вецѣръ, голова стала болить.
Всѣ югары зашумили въ головѣ,
Самовары закипили на стойѣ,
Цѣйны цашки забрецѣли во шкапахъ.
Цѣйны цашки наливаютѣ—

Молотьцій всѣ спотѣшаютѣ.

Мо-ѣтъ миленькой по улицѣ прошовъ,
Цасто глядывавъ на домикъ дорогой.
Въ ефтомъ домикѣ любезная живѣтъ;
Я осмѣлюсь єй словецюшко сказать:
Не изволить ли въ гостинной рать гулетъ.
Ситцій моднова, товару закупать.

— Ушь мнѣ всѣ ситцій не мрavitѣ,
Всѣ скорѣшенькѣ мараютѣ.
Ситцікъ аленѣкъ отъ совыншка горитъ,
Бѣлорозовой совсѣмъ полнивъ;
Масаковой цвѣтъ къ лицю не подстаѣтъ,
Голубо-ѣтъ темноту лицю даѣтъ;
Ситцікъ бланжовой не мрavitѣ,
Помаранжовой мараетѣ.
— Купи, миленькой, цѣрные парці!—
— Не хоцю я тебя цѣрною водить:
Въ цѣрно платьице наредисс,—
Старой старицѣкѣ покажесеѣ.
Въ цвѣтно платьице наредисс,
Тоцко барошни покажесеѣ.
Я посыплю корошу заложу,
Тебя, душечка, бральянтамъ усажу.

5.

Какъ кутить, такъ кутить —
Я женюсь, такъ и бытъ;
Я при старости лѣтъ
Роспотѣшу бѣлой свѣтъ.
Гулѣй, гулѣй, молодочъ,
Пока обѣдаѣтъ отечъ!
Отобѣдаѣтъ отечъ —
Нашой писенкѣ конечъ.

6.

На стулѣ сидѣвъ,
Я въ трупку куривъ;
Нецаянно съ повки
Графинъ уронивъ.
Прекрасна настойка
Руцѣмъ истекла,
Осталось въ графинѣ
Дѣв рюмки на дѣвъ.
Я рюмоцкю вышивъ,
Икрой закусивъ;
Я другую-ту вышивъ,
Не помню себя.
Я, взяфши гитару,
И сѣвъ на диванъ.

Николай Поповъ.

ОТДѢЛЪ III.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Notite istorice asupra lui Iosif (Ioasaf) I Musat, mitropolitul Moldovei, de Ioan A. Grigorin. Bucureşti, 1901, 8°, pp. 1—122.

Древняя история молдавского господарства до сих порь очень слабо разработана. Труды Хындеу, Ксомепола, Мелхиседека, Богдана, Оанчилы и другихъ румынскихъ историковъ въ извѣстной только степени выяснили характеръ основанія нового княжества въ предѣлахъ сѣверной Молдавіи, относящагося къ половинѣ XIV вѣка. Книга, заглавіе которой мы выписали выше, представляетъ собой диссертацию на степень лиценціата молодого студента богословскаго факультета Букарештскаго университета. Авторъ избралъ очень интересный и чрезвычайно темный періодъ изъ истории румынской церкви, періодъ начала самостоятельной жизни молдавской митрополіи, время первого митрополита Іосифа, правившаго въ промежуткѣ между 1373 и 1410-мъ годами. Свое изслѣдованіе И. Григоріу начинаетъ съ времени появленія христіанства на сѣверномъ берегу Дуная, въ Траяновой Дакіи; затѣмъ, онъ говорить о зависимости молдавской митрополіи отъ архіепископа первой Юстиниавы, т. е. Охрида и позднѣе отъ галицкой митрополіи. Въ румынской исторіографіи существуетъ нѣсколько старинныхъ Помянниковъ, настолько между собою несогласныхъ, что уяснить себѣ правильную послѣдовательность молдавскихъ іерарховъ представляется затруднительнымъ. Авторъ разбираетъ всѣ древнійшия Помянники: монастырѣй Быстрицы (стр. 35), Нямецкаго (стр. 39), молдавской митрополіи—средины XVIII вѣка (стр. 41) и монастыря Бонішти, и полемизируетъ съ историками румынской церкви, доказывая, что Іосифъ Мушатъ, родственникъ нѣкоторыхъ изъ первыхъ по времени господарей молдавскихъ, былъ первымъ митрополитомъ Сочавскімъ. Согласно нѣкоторымъ славяно-молдавскимъ лѣтописямъ, митр. Феоктистъ былъ посвященъ сѣрбскимъ архиеп. Никодимомъ въ 1453-мъ году. Авторъ смущается этимъ извѣстіемъ и старается примирить его съ другими извѣстіями, согласно которымъ молдавская митрополія была въ зависимости отъ Охрида. На это мы можемъ указать только, что въ XIV—XV вѣкѣ Охридъ подпалъ подъ власть сербскихъ царей и извѣстіе лѣтописи не должно возбуждать колебаній. Въ 1401 году относится примиреніе молдавского господаря Александра I съ константинопольскимъ патріархомъ Матеемъ; въ этомъ примиреніи активную роль игралъ митр. Іосифъ и іеромонахъ Григорій, въ которомъ уже и прежніе историки справедливо видѣятъ извѣстнаго церковнаго писателя Цамблака. Въ знакъ примиренія патріаrhъ присыпалъ митр. Іосифу митру, саккосъ и чудотворную икону Божіей Матери, впослѣдствіи Нямецкую; а императоръ Мануиль Палеологъ присыпалъ господарю Александру ворону и пореяру.

Впрочемъ, послѣднее извѣстіе не заслуживаетъ довѣрія, и по нашему мнѣнію, составлено подъ вліяніемъ русской «Повѣсти о бѣломъ клобукѣ», цикла сказацій «о князьяхъ владимирскихъ» и мономаховомъ вѣнцѣ. Изъ внутреннихъ преобразованій митр. Іосифа авторъ указываетъ на устройство въ митрополіи въ г. Сочавѣ и епископій въ г. Романѣ и Радауцахъ. При немъ же былъ введенъ церковный славянскій языкъ въ богослуженіе взамѣнъ (sic) прежнаго латинскаго. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ той ошибкой многихъ румынскихъ ученыхъ, которые безъ всякой критики повторяютъ извѣстіе Домитрія Кантемира о существованіи у румынъ латинскихъ буквъ до флорентійскаго собора. То же слѣдуетъ сказать и о предвзятомъ мнѣніи И. Григоріу относительно славянской письменности (стр. 88—91). Митр. Іосифомъ были введены въ Молдавіи и церковные законы, существовавшіе въ то время на практикѣ нѣ византійской церкви (стр. 91—94). Затѣмъ, авторъ говорить объ основаніи монастырей: Бонішти (стр. 95), Быстрицы (стр. 98) и Ніамецкаго (стр. 99), причемъ ссылается на завѣдомо подложныя грамоты, которая ему показывалъ въ переводѣ на румынскій языкъ еписк. Нардисъ Крецулеску; по этимъ грамотамъ, монастыри существовали уже въ XIV вѣкѣ. Сказавъ вкратцѣ о перенесеніи мощей св. влч. Іоавна Сочавскаго изъ Бѣлграда въ Сочаву, авторъ переходитъ къ крайне шаткому вопросу объ учрежденіи митр. Іосифомъ школъ для образования церковныхъ служителей (стр. 108—115), причемъ оставляетъ въ ковцѣ ковцовъ читателя въ недоумѣніи.

Какъ видимъ, авторомъ избрана тема чрезвычайно интересная и для славяна. Но полное незнаніе славянскаго языка, желание во всемъ провести латинизирующую тенденцію и взглядъ на славянскую культуру, какъ на какое-то наслѣдіе румынского народа, сдѣлали языкованіе молодого ученаго во многихъ пунктахъ слабымъ. Пользованіе авторомъ источниками безъ разбора также ослабляетъ цѣнность книги. Большую услугу оказало бы автору знакомство съ трудами русскихъ историковъ церкви, которыхъ авторъ не знаетъ.

А. И. Яцимирскій.

Народна Метеорология. Сбирана отъ бѣлгарски народни поговорки, пословици, празни и предсказания за врѣмѧто. Съклавъ Спасъ Вацовъ. София. Държавна Печатница. 1900, стр. X + 79.

Авторъ «Народной Метеорологии» — директоръ центральной метеорологической станціи въ Болгаріи. Въ предисловіи къ своей книгѣ онъ указываетъ на огромную и тѣсную зависимость растительного и животнаго міра отъ свѣта, теплоты, влаги и вообще отъ атмосферныхъ явлѣній. Разнообразіе фауны и флоры въ теплыхъ, умеренныхъ въ холодныхъ странахъ, у подножія горъ и на вершинахъ ихъ, въ пустынѣ, степи и т. д. — все это обязано климатическимъ условіямъ. Наконецъ, працы, обычай, наложности, душевная и тѣлесная свойства разныхъ народовъ являются результатомъ тѣхъ же условій. Отъ климата и времени зависятъ пища, одежда, жилище, работы и т. д. Затѣмъ г. Вацовъ говорить о значеніи метеорологическихъ изысканій для земледѣлія и, мимоходомъ, отмѣчаетъ этнографический интересъ народныхъ примѣтъ о погодѣ. Использованъ книжный матеріалъ, изслѣдователь обратился къ сюжетамъ корреспондентамъ съ просьбою доставлять ему изъ разныхъ мѣстностей Болгаріи свѣдѣнія о состояніи народной метеорологии. Въ результатѣ получилось огромное количество карточекъ съ отвѣтами.

Народные примѣты распределены въ слѣдующемъ порядкѣ: времена года (стр. 3—5), мѣсяцы и связанные съ ними привѣты о погодѣ (стр. 5—26), подважные праздники (стр. 26), два недѣли (стр. 27—28). Вторая часть посвящена народнымъ наблюденіямъ надъ животными, которые живутъ очень близко къ природѣ, а потому очень чутки къ ея перемѣнамъ: крупный рогатый скотъ (стр. 28—29), лошади и ослы (стр. 29—30), овцы и козы (стр. 30—32), свиньи, собаки, кошки, мыши, полевые и лѣсные звѣри (стр. 32—34); изъ царства пернатыхъ на первомъ мѣстѣ стоятъ

пѣтухи (стр. 35—36) и домашняя птица, за которой слѣдуютъ воробы, галки, воровы, сороки, ласточки, стрижи и лѣсныя птицы; совы, кукушки и орау авторъ удѣляетъ больше мѣста, чѣмъ остальнымъ птицамъ. Отъ рыбъ, змѣй, жабъ и насѣкомыхъ г. Вацовъ переходитъ къ растеніямъ (стр. 50—53) и, затѣмъ, сообщаетъ очень интересныя данныя о предсказываніи погоды крестьянами. Большое вліяніе на погоду имѣть луна (стр. 59—63).

Сравнивая болгарскія примѣты о погодѣ луны съ русскими, нетрудно убѣдиться, что и тѣ, и другія имѣютъ очень много схожихъ чертъ: если новый мѣсяцъ въ три дня обглядится, то весь будетъ ведрый; а когда первые три дня дожди, то весь ненастный; когда мѣсяцъ рождается рогами внизъ, т. е. на югъ, то зимой будетъ теплый, а лѣтомъ—жаркій; если рога у нового мѣсяца будутъ вверхъ, т. е. на сѣверъ, то зимой—холодный, лѣтомъ—вѣтряный; рога луны остры и ярки—къ ведру, круты—къ морозу; круты рога мѣсяца—къ ведру, пологи—къ ненастью; тусклый мѣсяцъ—къ мокротѣ, ясный—къ суху, въ синевѣ—къ дождю, въ краснѣ—къ вѣтру, съ ушами—къ морозу; ясная и кругловатая луна, зимой—къ стужѣ, лѣтомъ—къ ведру; кольца вокругъ луны—къ вѣтру и т. д. Замѣтимъ, между прочимъ, что недавно указано было въ печати на значаеніе русскихъ простонародныхъ примѣтъ о погодѣ по измѣненіямъ луны (К. Носиловъ въ № 9681 «Нового Времени»), а книга министра земледѣлія А. С. Ермолова «Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ» даетъ массу параллелей къ болгарскимъ метеорологическимъ наблюденіямъ. Жаль, конечно, что г. Вацовъ не этнографъ, и на всемъ пространствѣ его книги чувствуется только естествоиспытатель.

А. И. Яцимирскій.

А. Кузнецовъ. Свадебные приговоры дружки, по рукописи половины XIX стolѣtia. Сборникъ Отдѣленія русск. яз. и слов. Импер. Академіи Наукъ. Т. LXXII.

Русскіе похоронные обряды и заплачки извѣстны гораздо лучше, чѣмъ пѣсни и приговоры, сопровождающіе свадьбу. Поэтому огромный интерес представляютъ «приговоры дружки», сообщенные А. Кузнецовымъ. Часто-этическими чертами вѣять отъ привлеченій нашего доморощенного церемоніймейстера, который не пропускаетъ ни одного шага безъ словохотовыхъ и красивыхъ по виѣшности прибаутокъ. Снаряжая молодыхъ къ вѣнцу, онъ говорить: «Ходи на ^{дружку} я въ стояла стоялые, во дворы конюшны, смотрѣлъ я добрыхъ команей, въ белые руки бралъ, по крутымъ бедрамъ стегалъ, по уму по разуму выбирая, накладывалъ я уздечку тесьманую, седельышко черкасское, хомутыкъ астраханской, ^{шлейки} строчечные, гужики шельковые, вожечки гарусные, (съ) этихъ стойловъ стоялыхъ, дворовъ, конюшень, зъдергивалъ, санъки скочки пошавеночки, запрягалъ я добрыхъ команей,ставилъ я на путь дорогу, какъ сесь да ехать».

Затѣмъ, слѣдуетъ обращеніе къ жениху предъ благословеніемъ: «Я хочу спросить у вашей милости, князь молодой новобрачной, — говорить дружка, — чево вы будите у своихъ родителей, чево вы будите просить: кунницы или лисицы, или злата ли серебра, или скатаюва жемчуга, или хлеба-соли, или святые иконы». Когда женихъ и невѣста уже готовы вѣхать въ церковь, онъ привлѣшаетъ ихъ садиться въ тѣльгу: «Извольте, извольте выходить изъ высокова терема на широкую улицу, извольте садитца на своихъ добрыхъ команей, все по ковамъ, все по местамъ, все по чинамъ, какъ соловья по гнездамъ». Народное остроуміе балаганного характера лѣтаетъ у него широкимъ потокомъ. Приводимые ниже приговоры напоминаютъ подиціи къ забавнымъ листкамъ нашего старинного лубочного рынка. «Есть-ли у васъ умницы певицы, сизые голубицы, красвые девицы, аленьевыя платочки, сизые волосочки, кудреватые височки, брови щипаные, рожи мазаные, носы тянуты, походочки молодецкіе, говори лебединые». Или въ другомъ мѣстѣ: «Мвръ-наротъ, стары, малы, усаты, бородаты, холосты не женаты, белы кудреваты, молоты вожеваты, стрѣльцы борьцы, кулашные

бойцы, удачные добрые молотцы, кутяна, полатяна, запечана, умницы молодые молодицы, сидые голубицы, белые лебедицы, красные девицы, брови щипаны, рожи мазаны. И если тянуты, походьки молодецкие, говори лебединые, Старые старухи, маленьких ребята, все гости полюбовные! Благословляйте меня, предъезжева дружку, съ молодымъ подружнемъ въ путь дорогу ехать». Сказочными приемами проникнуто пространное обращение дружки къ вевѣтѣ. Здесь повторяются тѣ же загадки, которые обычны въ предложеніяхъ сватовъ: «Голосъ я вашъ слышу, а въ очи не вижу, не знаю я вѣсть, какъ зовутъ и какъ величаютъ.—говорить дружка. Я къ вамъ приехалъ не самъ собой, не насильно, не наставально, не самовольно, я приехалъ по приказанию князя м(олодого) и(воврачаго). Нашъ князь молодой новобрачной выходилъ изъ высокова терема на широкую улицу; я, предъезжий дружка, съ молодымъ подружнемъ выходилъ изъ высокова терема на широкую улицу, я запрягалъ своего доброго комакя и оседдалъ, и овожалъ, шелковой плащкой стегалъ; мой добрый конь осордился, отъ сырой земли отъделился, скакалъ мой добрый команъ съ горы на гору, съ холмъ на холмъ; горы, дозы хвостомъ устремлялись, мелки речки перескакивали; перескакивали мой добрый команъ до синева моря; на томъ синемъ море, на беломъ озере плавали гуси серые, лебеди белые, соколы ясные. Спроси у я гусей и лебедей: где етотъ домъ, где стоять теремъ наше м(нягиня) м(олодой) и(воврачной)? На то мне гуси отвѣчали: «ноежай къ синему морю въ восточную сторону, тутъ стоять дубъ о двенацети корней». Я поехалъ восточную сторону, доехалъ до тово дуба; высокочила кунка, не та кунка, которая по лесу ходить, а та кунка, которая сидитъ въ высокомъ тереме, сидить на решесчатомъ стуле, шѣть ширинку нашему (князю) м(олодому) и(воврачному). Я, предъезжий дружка, съ молодымъ подружнемъ поехалъ по куньему следу, доехалъ до высокова терема на широкую улицу ко княгине м(олодой) новобрачной къ высокому терему; слѣть куней по подворотнице ушелъ, а назатъ дворомъ не вышелъ; слѣть куней отъведи или двери отопри». Ему отпираютъ первыя двери, и затѣмъ дружка продолжаетъ задавать всѣмъ понятныя, но въ то же время очень занимательныя и приличныя свадебному ритуалу загадки: «Нашъ к(нязь) м(олодой) и(воврачный) ездилъ къ синему морю, наималъ рыбачевъ удальцевъ, добрыхъ молотцевъ; еже кидали шелковой невотъ, изловили белую рыбину, въ той белой рыбинѣ нашли златые ключи отъ высокова терема. Слѣть куней отъведи или ворота отопри». Или немного послѣ первого обращенія: «Нашъ к(нязь) м(олодой) и(воврачный) ездилъ къ кузнецамъ къ молотцамъ, оне ковали топоры булатные, наималъ работничковъ удальыхъ, оне чащу лесь вырубали, ворота отворяли Слѣть куней отъведи или ворота отопри! Съ отпираниемъ воротъ связано очень много приговоровъ. Очевидно, мы имѣемъ здесь дѣло съ переживаниемъ очень древнихъ формъ брака. Дружку долго не пускаютъ въ домъ, и это даетъ ему обильный матерьяль для шутливыхъ приговоровъ: «У ваше к(нягиня) м(олодой) и(воврачной) есть которые стоять у дверей притворнички, у воротъ приворотнички! Не имеетца ли въ вашемъ доме благодатномъ, у кня(гини) м(олодой) и(воврачной), нетъ ли поть столами собакъ ярыхъ, въ куте старухъ старыхъ, ребять ревуловъ, цѣуховъ клевуновъ, знатковъ знатливыхъ, колдуновъ колдуловыхъ, чтобы на етомъ чесномъ браке нечево сквернова слова не было; чтобы и(ашему) к(нязю) м(олодому) и(воврачному) зати ко княгине м(олодой) и(воврачной) въ высокъ теремъ, чтобы его старухи не обругали, собаки не искусили, ребята не осмеяли, петухи не поклевали. Извольте вы собакъ вонъ выгнать, молодыхъ людей на чесь, старухъ на печь, маленькихъ ребята въ колыбель, чтобы на есмъ браке чесно и хорошо».

Такого же характера слѣдующіе, затѣмъ, два приговора, по счету 43 и 44: «У ваше к(нягиня) м(олодой) и(воврачной), есть которые стоять у дверей притворнички, у воротъ приворотнички! Не имеетца ли въ вашемъ доме благодатномъ, у кня(гини) м(олодой) и(воврачной), нетъ ли поть столами собакъ ярыхъ, въ куте старухъ старыхъ, ребять ревуловъ, цѣуховъ клевуновъ, знатковъ знатливыхъ, колдуновъ колдуловыхъ, чтобы на етомъ чесномъ браке нечево сквернова слова не было; чтобы и(ашему) к(нязю) м(олодому) и(воврачному) зати ко княгине м(олодой) и(воврачной) въ высокъ теремъ, чтобы его старухи не обругали, собаки не искусили, ребята не осмеяли, петухи не поклевали. Извольте вы собакъ вонъ выгнать, молодыхъ людей на чесь, старухъ на печь, маленькихъ ребята въ колыбель, чтобы на есмъ браке чесно и хорошо».

Приведемъ также забавное приглашение всѣхъ гостей къ столу. Кромѣ эпическихъ, четь, зѣть находимъ вѣсколько этнографическихъ подробностей: «Я не знаю васъ по святому именю звать, по отчеству величать; прошу я всехъ воопще къ нашему князю молодому новобрачному пиво пить да меду есть. У нашево князя молодого новобрачаго, пиво варено, медомъ наживлено: солотъ вятской, хлебъ казанской, пивоваръ ярославской. Ахъ! пивце, какъ суслице; изъ чашечки три бочечки, въ устахъ примечки; губы слепаютца, ноги подъ гибаютца, на землю кружить, очень спать велитъ; кто пивца изопьетъ, того снегъ сшибеть». На каждомъ шагу здѣсь встречаются тѣ же самые постоянные эпитеты, которые обычны въ эпосѣ: домъ благодатный, теремъ высокій, мостъ калиновый, гости честные или полюбовные, ноги рѣзвы, улица широкая, лебедь бѣлая, шубка соболя, шаль шелковая, жемчугъ скатный, занавѣска перебраная, походка молодецкая, дѣвица красная, голубица сизая, звѣрь заморскій, соболь черный, руки бѣлыя, ступеньки клевовыя, овесь ядrenый, сѣно зеленое, яства сахарныя, шитя медянины, сѣчи воскуаровыя, и т. д. Вообще рѣчь дружки отличается образностью и пластичностью. «Приговоры» эти записаны, повидимому, въ г. Романовѣ-Борисоглѣбскѣ, откуда ведеть свое происхожденіе и сама рукопись, изданная съ соблюдениемъ правописанія. Какъ видно изъ приведенныхъ выше выписокъ, «приговоры дружки» даютъ богатый матеріалъ для этнографіи и для исторіи народной литературы.

А. Н. Яцимирскій.

Карскій, Е. Ф. Бѣлоруссы. Введеніе въ изученіе языка и народной поэзіи бѣлоруссовъ. «Виленскій Временникъ». Издание Виленского генераль-губернаторскаго управления. Книга I и отдѣльно. I - X-1—466. Вильна. 1904.

Въ г. Вильнѣ мѣстною администрациєю края предпринято изданіе «Виленскій Временникъ», въ видѣ сборниковъ трудовъ научного содержанія, поставившее себѣ цѣлью — содѣйствовать всестороннему изученію Сѣверо-западнаго края. Редакція изданія посчастливилось начать его помѣщениемъ въ I-ой книжѣ обширнаго труда изслѣдователя бѣлорусскаго племени, составляющаго главную массу населения края, проф. Е. Ф. Карскаго. Это труда — плодъ его многолѣтніхъ наблюденій и изученія и представляетъ весьма выдающееся научное явленіе въ области нашей этнографіи. Во время недавней (1903 г.) командировкѣ г. Карскаго Императорскій Русскимъ Географическимъ Обществомъ, онъ освѣжилъ и пополнилъ вмѣшавшійся у него этнографический матеріалъ, причемъ наряду съ изслѣдованиемъ быта бѣлоруссовъ, нашъ изслѣдователь, въ частности, изучалъ рѣчь въ видахъ установленія ея особенностей и опредѣленія ея границъ.

Настоящее «Введеніе» служить первымъ томомъ задуманнаго авторомъ изслѣдованія по исторіи бѣлорусскаго нарѣчія (фонетика, морфология и синтаксис). Ближайшемъ цѣлью у автора труда было, между прочимъ, — дать указатель матеріаловъ для крайне необходимыхъ словарей по бѣлорусскому нарѣчію.

«Быть бѣлоруссовъ», замѣчаетъ авторъ, при всей его несложности, представляетъ массу пережитковъ глубокой старины не только общерусской, но и общеславянской. И историкъ народной жизни, и юристъ найдутъ здѣсь для себя много цѣнныхъ и интересныхъ особенностей. Знакомясь съ ними, иногда невольно забываешь, что дѣло происходитъ въ XX в.: передъ вами выступаетъ жизнь доисторическихъ обитателей верхняго Днѣпра, Зап. Двины и Нѣмана». Благодаря же этому интересу или географическому положенію Бѣлоруссіи на рубежѣ двухъ большихъ народностей — русской и польской, надъ изученіемъ этнографіи бѣлорусскаго племени уже потрудилось немало работниковъ: обнародованы памятники народной словесности, печатались многочисленныя — частные и по мѣстнымъ вопросамъ — изслѣдованія. Но эти богатые матеріалы, оставались необъединенными общимъ освѣщениемъ, не давали возможности построить обобщенія и выводы. Проф. Карскій съ рѣдкимъ усердіемъ и особенной тщательностью

впервые прослѣдилъ всю предшествовавшую литературу, систематически сгруппировавъ ее и критически оцѣнивъ имѣющійся лингвистической матеріалъ, попытался установить этнографический типъ бѣлорусского племени, опредѣлилъ его основные язычные элементы и, такимъ образомъ, расчистилъ поле для будущихъ изслѣдователей, въ качествѣ первоначальной оріентировки по соответствующимъ вопросамъ, въ области бѣлорусской этнографіи.

Богатое и разнообразное содержаніе изслѣдованія распредѣлено авторомъ по слѣдующимъ группамъ: Территорія, занятая бѣлорусскимъ племенемъ. Границы и общий характеръ страны. Этнографическая карта бѣлорусского племени (гл. I). Древнѣйшіе обитатели бѣлорусской терроріи (гл. II). Языкъ русскихъ племенъ, населявшихъ бѣлорусскую террорію въ древнѣйшее время. Зарожденіе бѣлорусскихъ особенностей. Старѣйшія словарные заимствованія у финновъ и ираццевъ (гл. III). Объединеніе всѣхъ бѣлорусскихъ племенъ подъ властью Литвы и окончательная выработка «бѣлорусской народности» и «бѣлорусского языка». Заимствованія изъ литовскаго и латышскаго языковъ (гл. IV). Бѣлорусы вмѣстѣ съ литовцами подъ властью Польши. Наплыvъ разныxъ иностранныхъ словъ въ бѣлорусское нарѣчіе (гл. V). Возсоединеніе Бѣлоруссіи съ общерусской жизнью. Количество бѣлоруссовъ въ настоящее время и ихъ народные говоры. Карта бѣлорусскихъ говоровъ (гл. VI). Очеркъ изученія живого бѣлорусского языка и народной поэзіи (гл. VII). Очеркъ постепенного ознакомленія ученыхъ съ памятниками старого западно-русского языка (гл. VIII). Ненародные произведения на современномъ бѣлорусскомъ нарѣчіи (гл. IX).

Я. З.

Кизеветтеръ, А. А. Посадская Община Россіи XVIII столѣтія. I—VI+
—810 стр. М. 1903.

На фонѣ соціальной исторіи Россіи XVIII в. выступили, во время ломки уклада старой московской государственности, два общественныхъ свободно самоуправляющихся соединенія новаго типа: союз привилегированныхъ землевладѣльцевъ — «дворянское общество» и всесословное «общество градское». Жалованная грамоты (1785 г.) Екатерины II завершили собой организацію этихъ союзовъ, но какъ возникли эти новыя для того времени общественные формы, въ какое отношеніе стали провозглашенныя въ Екатерининскихъ грамотахъ начала къ русской дѣйствительности того времени, — эти и др. вопросы могутъ быть разрѣшены лишь на основаніи изученія нашей исторіи XVIII в., для которой, въ противоположность богатству изслѣдованій по московскому періоду, въ нашей научно-исторической литературѣ сдѣлано еще немнogo. Притомъ, до сихъ поръ болѣе изучался административный механизмъ вицеріи, чѣмъ ея соціальный строй. Научное изученіе этой эпохи походитъ на проведеніе первыхъ бородъ на дѣйственной нови. Такова магистерская диссертатія г. Кизеветтера. Въ ней онъ предпринялъ изученіе — и что особенно важно на основаніи подавляющаго по богатству архивнаго матеріала — еще не затронутаго въ нашей исторіографіи фактическаго состоянія русской посадской общины, или общинную организацію тогдашняго посада, за время, протекшее между двумя крупными реформами городского устройства: учрежденіемъ Петровскихъ магистратовъ и введеніемъ Городового Поможенія Екатерины II. Избранный авторомъ моментъ представляется несомнѣнно глубокой научной интересъ въ исторіи городского самоуправленія въ старой и новой Россіи: то была пора перекрестного взаимодѣйствія и столкновенія глубокого арханческихъ корней городской жизни съ вѣдущими сверху законодательными экспериментами. Авторъ пришелъ къ заключенію, что посадская община, съ одной стороны, втеченіе всего этого періода остается такой же общиной торговопромышленныхъ тяглецовъ, какою она была и въ старомъ московскомъ царствѣ. Съ другой стороны, начиная съ Петра I, правительство пытается влить въ эти старые мѣхі новое вино заграничнаго привоза. Въ Петровскомъ регламентѣ главному магистрату, въ инструкціи городовому магистратамъ ясно проводится стремленіе создать изъ русскаго тяглого города центръ промышленности и

культуры и заложить въ рамкахъ городской жизни основание общественного самоуправления. Послѣ кратковременной реакціи противъ муниципальной реформы Петра Великаго Елизавета возстановляется Петровская магистратская учрежденія. Екатерина II еще настойчивѣе выдвигаетъ проблему возрожденія русскаго города къ новой жизни. Она мечтаетъ о заведеніи въ городахъ — притомъ тогдашней крѣпостной — Россіи «третьаго сословія» на западно-европейскій манеръ. Она хотѣла возвысить русскій городъ на степень его западнаго собрата. Въ какой мѣрѣ эти эксперименты оправдывались разложеніемъ строя, который подлежалъ реформированию и, наоборотъ, въ какой мѣрѣ ихъ осуществленіе, въ свою очередь, «содѣствовало» этому разложенію? Предъ нами наслѣдователемъ архивныхъ источниковъ раскрывалась жизненная картина общихъ условій нашей государственности и общественности въ то время, когда, по выражению одного новѣйшаго историка, «цѣною разоренія страны Россія возводилась въ рангъ великой европейской державы». Глубокая бездна отдѣляла Россію регламентъ и т. п. актовъ — плодовъ модной тогда политической идеологии отъ сѣрой въ будничной дѣйствительности подлинной Россіи того времени. Предъ нимъ раскрывалась трагическая двойственность русской жизни XVIII в.: изъ подъ вѣшней оболочки европеизированной Россіи на наслѣдователя глядѣла старая московская Русь. Всѣ преобразовательныя начинанія XVIII в. не отличались логической послѣдовательностью и сами были проникнуты отголоскомъ той старины, которую они старались реформировать.

Въ своей книгѣ авторъ разсмотрѣлъ составъ, тяглую организацію и строй самоуправлія типичной посадской общины XVIII в. Ее составляли небольшая кучка богатыхъ купцовъ — «первостатейныхъ», «лучшихъ» людей и многочисленной малотяглой массы мелкихъ торговцевъ, ремесленниковъ, чернорабочихъ и хлѣбопашцевъ. Послѣднья находилась въ сильнѣйшей экономической зависимости отъ первой группы мѣстнаго посада. На этомъ составѣ была основана стройная схема посадской общинной круговой поруки при отправлениіе государственныхъ повинностей и службъ, возложенныхъ на посадскую общину, при чмъ «первостатейные» члены ея являлись главными отвѣтчиками передъ государствомъ за тяглоспособность всей общины. Службы отправлялись мѣрскими очередами. Падавшіе на общину прямые налоги распредѣлялись между общинниками по животамъ и промысламъ. Сборы таможенные, кабацкіе и канцелярскіе взимались по определеннымъ окладамъ. Финансовая отвѣтственность «первостатейныхъ» передъ государствомъ за общину выдвинула ихъ на первый планъ въ посадскомъ самоуправліи, получившемъ, въ силу этого, рѣзко выраженную олигархическую окраску. Главные платильщики за мѣръ становились и полновластными распорядителями на мѣрскомъ сходѣ. Къ тому, мѣрское самоуправліе издавна рассматривалось прежде всего, какъ орудіе осуществленія фискальныхъ задачъ. Формы общинной жизни всетаки представляли вѣкоторую почву для появленія здѣсь стремленія къ истинной автономіи, но крѣпостной характеръ общины задерживалъ развитіе ихъ. Новая условія жизни городовъ вызвали изданіе Городскаго Положенія 1785 г., создавшее всесословное «общество градское».

2.

Поповъ, Т., д-ръ м-ны. Русская народно-бытовая медицина. По материаламъ Этнографического Бюро кн. В. Н. Тенишева. 1—VIII + 4 — 404 стр. Спб. 1903.

Изъ предисловія мы узнаемъ, что многолѣтними трудами (нынѣ покойнаго) князя В. Н. Тенишева, по его мысли и по выработанной имъ программѣ, собранъ обширный и цѣнныи этнографический матеріалъ, имѣющій задачею всестороннее изслѣдованіе жизни и быта крестьянъ великорусскихъ губерній. Матеріалъ этотъ состоялся сельскими священниками, учителями, учительницами, землевладѣльцами, з. начальниками, фельдшерами и, отчасти, самими крестьянами. Число такихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ, имѣющихъ самое тѣсное и близкое отношеніе къ народной

жизни, достигло по 23 губ. до 350. Содержанием материала явилась, гл. обр., личные наблюдения сотрудников и, отчасти, местные печатные источники.

Настоящая книга представляет попытку со стороны автора разобраться в той части этого бытового материала, которая связана съ вопросами народной медицины. Слѣд. не входило въ кругъ задачь автора привлечение къ дѣлу всей литературы предмета (довольно вспомнить труды доктора Зибера).

Г. Поповъ выпустилъ въ свѣтъ прекрасную книгу: въ ней тщательно обработанъ богатый этнографический материалъ, первомъ просвѣщенного врача освѣщена цѣлая область въ народной жизни, даны авторитетныя указанія для будущихъ собирателей такого же этнографического материала, — однимъ словомъ, сдѣлалъ весьма цѣнныя вкладъ въ народно-бытовую литературу.

Нельзя не согласиться съ авторомъ, что у насъ очень мало источниковъ изъ которыхъ мы могли бы черпать свои сѣдѣнія о народѣ въ его цѣломъ. Довольно обычны отзывы: народъ бѣденъ, грубъ, невѣжественъ и даже дикъ. Но ими еще мало обрисовывается физиономія народа; они ничего не говорятъ объ его привлекательныхъ и положительныхъ чертахъ; не всегда вѣрно опредѣляютъ отрицательные черты и, чаще всего, односторонне указываютъ на тѣ причины и условія, которыхъ лежать въ основѣ бѣдности и невѣжества народа. Однимъ словомъ, мало у насъ знанія народа, которое столь необходимо всѣмъ и каждому въ видахъ улучшения благосостоянія того же народа.

Что касается врачебной стороны народной жизни, то еще Даль указывалъ на важность изученія народной медицины въ чисто-этнографическомъ отношеніи и на полезность многихъ народныхъ врачебныхъ средствъ. Даль особенное вниманіе обращалъ на необходимость изученія сувѣрій народа, «сражаться съ которыми на каждомъ шагу составляетъ долгъ и необходимость врача въ деревнѣ».

Нашъ крестьянинъ, въ массѣ, до сихъ поръ сохраняетъ свои особенные представленія о происхожденіи болѣзней, почти не придастъ никакого значенія въ этомъ отношеніи ни чистотѣ, ни пищѣ, ни водѣ, лѣчится очень первѣко сусѣдскими или знахарскими средствами, обращаетъ мало вниманія на уходъ за больными и дѣтю, въ на самую земскую медицину, съ ея лѣчебными пріемами, санитарными требованіями и мѣрами, имѣть первѣко совершенно особенные взгляды.

Знаніе врачебной условій деревенской обстановки и быта увеличиваетъ воспитательное значеніе его (врача) среди народа и благотворное вліяніе его.

Въ книгѣ попадаются и весьма невеселыя страницы. Среди лѣчебныхъ пріемовъ и средствъ есть такие, употребление которыхъ въ состояніи возбудить отвращеніе и претить нравственному чувству человека. Но есть въ возврѣніяхъ нашего народа и нечто такое, что можетъ и должно быть сохранено, не только какъ дорогое достояніе старины, но и какъ совокупность началъ, на которыхъ должно основаться будущее развитіе нашего народа.

Весь свой разнообразный материалъ авторъ изложилъ въ слѣд. 12-и группахъ: Причины болѣзней у народа. Научная медицина (старая и новая Русь. Земескіе врачи и отношеніе къ нимъ народа). Заразныя болѣзни и санитарныя мѣры. Дѣта и уходъ за больными. Классификація и симптомы болѣзней. Сувѣрія и средства лѣченія и лѣчебные заговоры. Религіозныя средства. Грубо-эмпірическія, наѣпъя и вредныя средства. Эмпірическая медицина. Роды. Сумасшедшие и кликуши.

3.

Сборникъ материаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Издание Управліенія Кавказскаго учебнаго округа. Выпускъ XXXII. Тифлісъ. 1903.

Предпринятое Кавказскимъ учебнымъ округомъ прекрасное научное предпріятіе — собираніе и печатаніе въ особыхъ сборникахъ материаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа продолжается съ неослабнѣемъ усердіемъ и съ заботливымъ стара-

илемъ. Для изученія этой нашей окраины въ Сборникахъ собрано много интересныхъ и важныхъ данныхъ.

Богатъ интересными въ разнообразными материалами и вновь вышедшій XXXII выпускъ. Въ немъ помѣщены статьи: Н. Карапулова: «Свѣдѣнія арабскихъ писателей о Кавказѣ, Армении и Адербайджанѣ»; А. Туманова: «Пасынъ Пилата къ рим. имп. Тиберію» въ «Судьба Пилата» — два древне-христіанскихъ авокрифа; Е. Такайццили: «Описание рукописей библиотеки «Общества распространенія грамотности среди грузинского населения»; Рашидъ-бекъ-Эфендиева: «Кабаринскій магалъ» знакомить настъ съ этимъ уголкомъ Енисаветпольской губ., о которомъ упоминается уже у Плидія и др.; С. Шульгина «Рассказъ очевидца о Шамильѣ и его современникахъ»; Г. Карадова «Нѣкоторыя подробности путешествія мусульманъ Закатальского округа въ Москву». II отд. составленъ преимущественно изъ образцовъ словесности а) обитателей Съи. Кавказа: 4 сказки горскихъ татаръ, 3 ингушескихъ сказки, 3 кабардинскихъ преданія и легенды, 6 чеченскихъ сказокъ и 14 легендъ и сказокъ, записанныхъ среди терскихъ казаковъ, и б) обитателей Закавказья: 6 греческихъ сказокъ и 1 преданіе, 6 ингилойскихъ сказокъ, 5 преданій сванскихъ, имеретинскихъ и грузинскихъ обѣ Амирани, которые дополняютъ довольно большой циклъ кавк. былинъ, относящихся къ этому миѳическому герою. Большинство этихъ образцовъ отличается новизною и миѳія изъ сказокъ дышать остроумiemъ и непосредственностью народного творчества. III отд. заключаетъ въ себѣ нѣсколько статей этнограф. содержанія, относящихся къ грузинамъ и мингрельцамъ Кутаинской губ. и абхазцамъ Сухум. округа, какъ: М. Глушакова: «Памятники нар. творчества Кут. губ. (примѣты, суевѣрія, преданія, заговоры, молитвословія, скороговорки, загадки и пословицы); М. Мишурка «Изъ области народной фантазіи и быта»; И. Кобалишвили «Изъ миѳической Колхиды» — преданія космогоническая и связанныя съ вѣк. святыми и праздниками. Мингрельцы, находясь подъ сильнымъ вліяніемъ отжившаго свой вѣкъ язычества и, отчасти, даже магометанства, сохранили еще память о др. божествахъ. Обряды въ память божества Галенишави Орта виѣютъ всѣ характерныя черты глубокой старинны, неприкрытой даже поверхностнымъ налетомъ христіанства. Любопытно празднество хехунтоба, соблюдающее кузнецами и слесарями. Кузнецы еще и теперь въ Мингрелии уважаются наравнѣ съ духовенствомъ, а занятіе кузнечнымъ ремесломъ такъ же почетно, какъ и въ Осетии. Интересна ст. И. Степанова «Народн. примѣты, разные способы гаданія и вѣк. повѣрья мингрельцевъ» (особенно относ. празднованія Н. года). Еще отмѣтимъ статьи: М. Кордзахіи «Встрѣча Нов. года у мингрельцевъ» и И. Храмелова «Кое-что изъ абхазскихъ повѣрій» (повѣрье о блужданіи души утопленника). Выпускъ заканчивается помѣщеніемъ адыгскихъ текстовъ, записанныхъ П. Тамбевымъ, на бжедухскомъ говорѣ кахскаго нарѣчія (три сказки).

Гр. Павелъ Шереметевъ. Зимняя поѣзда въ Бѣлозерскій край. М. 1902. I—II+144.

Это роскошное изданіе, украшенное 20-ю рисунками и фотографіями, представляетъ результатъ поѣздки гр. П. Шереметева и А. А. Бобрина къ предѣламъ Бѣлого озера, между прочимъ, для обозрѣнія тамошней старины. Изъ д. Устья путешественники осматривали близлежащія достопримѣчательности. Болѣе подробно авторъ останавливается на исторіи и современномъ состояніи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, въ которомъ находятся могилы цѣлыхъ поколѣній Шереметевыхъ, также могилы кв. Телитевскихъ и кн. Воротынскихъ. Авторъ коснулся и Ферапонтова монастыря, который процвѣтѣлъ въ XV в., былъ, затѣмъ, мѣстомъ заточенія патріарха Никона, а позднѣе Ростовскаго митрополита Арсенія Маціевича; въ концѣ XVIII в. монастырь обращенъ въ прих. церковь.

Издатель собралъ въ этой мѣстности немало этнографического материала, а именно: заговоры (отъ «зайцевъ», на лисицу, противъ невладѣнія, отъ змѣй, противъ крови, отъ муравьевъ, суда, отъ недоброжелательныхъ людей, отъ скотскихъ болѣзней; заго-

връ — «Святое письмо»; «Сонъ Пресв. Богородицы»; «Свитокъ Іерусалимскій»; «Слово скверное, слово матерное»; «Молитва на всякую немошь»; «Слово святое Іоанна Златоуста о 12 пятницахъ». Кроме того записаны: рядъ свадебныхъ пѣсень, поющицся «исконы-вѣку» и другого содержанія; дѣй историческія: «Аѣ съ Дону казаки наѣзжали»... и «По морю, по морю по Верескому»... такъ наз. «женская» пѣсни и др., а также басня (о Тюхменѣ Адехмѣнѣвичѣ — былина, известная въ нашей литературѣ подъ другимъ именемъ, но здесь приводимая съ новыми вариантами; къ ней оказалась присоединеною другая былина о Василисѣ Накулишѣ и сказка (о ворѣ Копонѣ). Кроме пѣсъ и записанныхъ пѣсней, издателю были доставлены пѣсни учителями и учениками народныхъ училищъ. Въ концѣ книги напечатаны узоры полотенецъ и утвари на иконы, собранныхъ въ волостахъ Петропавловской и Пречистенской, Кирил. у., Новгородск. губ. Въ Приложениі помѣщены списки съ грамотъ и отписокъ царя Алексія Михайловича.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы.

1) Гдѣ въ русскомъ народѣ торжественно празднуется память преподобного Модеста (Медоста, Недоста—такъ называемый «Медостовъ день»)? Къ какому дню приурочено это празднество? Какими обрядами сопровождается? Не празднуется ли одновременно и священномученику Власию?

2) Какъ давно существуетъ въ г. Боровичахъ крестный ходъ 18 декабря? По какому поводу онъ установленъ? Собираются ли на этотъ ходъ и иноуѣздные крестьяне? если да, то издалека ли?

3) Гдѣ (кромѣ Вятской губ.) сохранился еще обычай «троецыплятницы», т. е. обрядовые обѣды, на которыхъ потребляются курицы, трижды высижившія цыплятъ? Какими обрядами сопровождаются эти обѣды? Какъ они называются (шипшика, мольба, куричья братчина и проч.).

Отвѣты покорѣйше просить направлять или въ Редакцію «Живой Старины» или въ г. Юрьевъ-Ливовскій, Маренгофская, 10. Дм. К. Зеленину.

При изученіи этнографическихъ особенностей различныхъ народностей слѣдуетъ обращать вниманіе на:

- 1) Густоту населенія.
- 2) Относительное количество городского и сельского населенія.
- 3) Относительное количество мужчинъ и женщинъ въ сельскомъ населеніи.
- 4) Частоту и юность поселковъ (способы разселенія).
- 5) Средній ростъ населенія (хотя бы мужскаго).
- 6) Среднюю величину семьи въ сельскомъ населеніи.
- 7) Среднюю брачность, рождаемость, смертность за извѣстный періодъ времени.
- 9) Грамотность сельского населенія.

В. П. Семеновъ.

ОТДѢЛЪ V. СМѢСЬ.

Характеристика общественныхъ классовъ по народнымъ пословицамъ и поговоркамъ.

Народные пословицы представляютъ богатый материалъ для каждого изслѣдователя народной жизни, народного міросозерцанія. Они представляютъ намъ въ яркихъ чертахъ мудрость народа, его задушевный взглядъ на добро и зло, правду и кривду, въ общественные вопросы, отношеніе крестьянина къ другимъ классамъ общества, словомъ, нѣтъ ни одного житейского явленія, котораго бы не захватывала въ свой кругъ наблюдений пословица.

«Пословица не мимо молвится», а если она не мимо молвится, то стоять надъ ней остановиться. *

Касаясь темы обѣ общественныхъ классахъ въ народномъ пониманіи, слѣдуетъ оговориться. Понятіе о кастовыхъ, сословныхъ группахъ еще непрочно проникло въ сознаніе народа. Народъ до сихъ поръ представляетъ различіе слоевъ общественныхъ на основаніи различія служебнаго положенія извѣстнаго лица въ государствѣ и на основаніи экономического неравенства. Такъ, мужикъ живетъ и служитъ для того, чтобы пахать, косить, платить подати и всѣхъ кормить; баринъ—чтобы смотрѣть за нравственностью мужика, выколачивать недоимки и получать жалованье; священникъ—чтобы вѣнчать, крестить, хоронить, пѣть молебны и т. д. Въ мужицкомъ міровоззрѣніи представляется, что онъ есть центръ святорусской земли, что онъ есть единственный поимецъ, кормилецъ, остальные же общественные классы только живутъ на его счетъ. Отсюда враждебное отношеніе мужика къ барину, къ попу и т. д. словомъ, ко всему тому, что, по его мнѣнію, сидитъ «на его горбѣ».

Но въ баринѣ мужикъ уже научился различать разновидности типовъ барина: помѣщика въ эпоху крѣпостного права, дворянина послѣ крѣпостного права и чи-

* Источники и пособія: Собрание 4291 древнихъ россійскихъ пословицъ. 1770 года. Снегиревъ, И.: Русскіе въ своихъ пословицахъ. Даль: Пословицы русскаго народа. Богдановичъ: Собрание сочиненій. Т. I. Изд. 1848. Буслаевъ: Русскія пословицы и поговорки. Архівъ Н. В. Калачева за 1854 г., стр. 9—176. Ластовка, народныя пословицы. Стр. 318—331. Ольсовъ, В.: Собрникъ пословицъ и поговорокъ, записанныхъ въ камышловскомъ уѣзде. Екатеринбургъ. 1884. Носовичъ, И. И.: Сборникъ бѣлорусскихъ пословицъ, Слб. 1874 г. Воскресенскій: Русская народная поэзія. Мери-Хови. Отшельникъ. Сборникъ пословицъ, поговорокъ. Стр. 1—252. Слб. 1892. Шишацкій-Имичъ. Пословицы. М. Олишевка. Чернаг. губ. Вѣд. за 1854 г., № 25 и 29. Закревскій: Малоросс. пословицы. Стр. 141—234. М. 1860. Каравеловъ, Л.: Памятники народ. быта. Болгарскія пословицы. I, 1—158. М. 1861. Celakovský, Fr.: Mudroslav; Národu Slovanského ve prislovicích. Стр. 1—644.

новника. Первый, всего ближе соприкасавшийся съ мужикомъ, успѣлъ высказать предъ послѣднимъ много своихъ хорошихъ и несимпатичныхъ сторонъ. Всѣ эти славости крѣпостника-помѣщика подмѣчены и выражены пословицами въ довольно образной формѣ. Второй и третій типы еще только намѣчаются пословицами нового происхожденія.

Мужикъ не считалъ помѣщиковъ кастою, сословиемъ. Онъ видѣлъ, какъ въ помѣщиковъ пролѣзали и ихъ братья, мужикъ, дѣлавшійся для него «хамомъ». Онъ думалъ, что типъ крѣпостника-помѣщика умретъ вмѣстѣ съ паденіемъ крѣпостного права, что землю всю отдадутъ мужикамъ. Только съ освобожденіемъ своимъ изъ-подъ помѣщичьяго ига мужикъ съ ужасомъ увидѣлъ, что помѣщикъ все еще живеть... Невольное чувство боязливости за свою свободу снова закрадывается въ душѣ мужика. Тутъ только мужикъ начинаетъ разубѣждаться и уяснять себѣ такое обстрактное понятіе о помѣщикахъ-дворянинѣ, какъ цѣломъ сословіи со всѣми привилегіями, принадлежащими дворянину.

Чиновникъ, по народному воззрѣнію, еще не вышелъ изъ стадіи кормленія на счетъ мужика (способъ, практиковавшійся въ эпоху московскаго государства). Каждый чиновникъ стремится что-нибудь сорвать съ мужика, поживиться на его счетъ, а то и прямо попитаться. Правда, всѣ такія имена, какъ воевода, подьячій, приказный, указываютъ на историческое происхожденіе пословицъ изъ эпохи кормленія служилыхъ людей, но то обстоятельство, что эти пословицы не вымираютъ, а держатся среди народа съ замѣной старыхъ назнаній новыми именами чиновниковъ, ясно указываютъ, какой типъ чиновника соприкасается съ народною жизнью.

Обратимся къ пословицамъ.

Прежде всего мужикъ прекрасно помнить свою многострадальную, крѣпостную жизнь, помнить самодуровъ-помѣщиковъ. Большинству помѣщиковъ съ понятіемъ о сѣрмѣгѣ представлялось что-то забитое, тупое. Между тѣмъ, помѣщикъ и не подозрѣвалъ, что «у мужика кафтантъ хоть и сѣръ, да умъ у него не черть сѣръ». Правда, у мужика «сыромятная душа» и «дехтемъ пахнетъ», но все-жъ таки мужикъ хорошо знаетъ, что ющеный баринъ-крѣпостникъ всецѣло отъ него зависѣлъ, сидѣлъ на его спинѣ и питался мужачьимъ тукомъ.

Не будешь пахатника, не будешь и бархатника¹.

Мужичими мозолями бары сыты живутъ².

Бакъ заживеть крестьянинъ и дворянину дохоль³.

Я—вашецъ, ты—вашечъ, а кто нашъ хлѣба напашеть (насмѣшка надъ тѣми мѣстами, гдѣ много дворянъ и мало крестьянъ, и такъ вездѣ въ таквхъ случаихъ)⁴.

Кабы не было у мужика ни крохи, всѣ дворяне бы подохли⁵.

Якъ будешь паномъ, то все будешь маты даромъ⁶.

Якъ не буде Ивана, то не буде и пана⁷.

Рѣто, мужикъ, атласъ? Отъ насть, паночекъ, отъ насть!⁸.

Мужикъ былъ вполнѣ безправенъ, закономъ для мужика была прихоть барина, его приказы.

Новый панъ, новое и право⁹.

Казенный крестьянинъ живеть, какъ Богъ велитъ, а барскій, какъ баринъ разсудить¹⁰.

Душа божья, голова царская, а спина барская¹¹.

Господская воля мужицкую нудить, а сильную руку лишь Богъ дескать судить¹².

У нашихъ господей по сту затѣй¹³.

Несмотря на свое безправіе, мужикъ сознавалъ, что благосостояніе помѣщика въ мужикѣ, поэтому зло сѣвалася мужикъ надъ тѣми помѣщиками, которые не берегли своей даровой силы, продавали мужиковъ направо и налево.

¹ Богдановичъ. ² Мери-Хови. ³ Тамъ же. ⁴ Даляр; чешская: Když se rámi tlapou, lidstvo uboří. ⁵ Hal. Всѣ паны, а хто буде свинѣ пасти. ⁶ Закревскій. ⁷ Тамъ же. ⁸ Носовичъ. ⁹ Закревскій. Чешская: Neuvý ráv, nové prava. ¹⁰ Мери-Хови. ¹¹ Мери-Хови. ¹² Богдановичъ. ¹³ Носовичъ.

Поздоровъ, Боже, пановъ, што у нась ни коней, ни коровъ, цеперь-то намъ и погуяци ¹⁴.

Шляхцицъ, махцицъ, кунделевъ сынъ ¹⁵.

Шляхцицъ ты кобылянскій, одна нога въ чобоцѣ, а другая въ лапцѣ ¹⁶.

Хоромы кривы, сѣни дубяны, слуги босые, собаки борзыя да безъ индѣйскаго пѣтуха баринъ не баринъ ¹⁷.

О разорившихся помѣщикахъ-дворянахъ пословицы такъ отзываются:

Паны ио трое въ штаны ¹⁸.

Бывъ колись дворянинъ, да чортъ имя перемѣнивъ ¹⁹.

По неволѣ панъ въ жупанѣ, бо свитки нема ²⁰.

Панъ гайнымъ напханъ ²¹.

Панство ихъ конопелькамъ перебудземъ ²².

Панъ хорошъ, да нема грошай ²³.

Проматавшихся помѣщиковъ ко дню освобожденія крестьянъ стало много.

Пановъ много такихъ—не перевѣшать и до Москвы ²⁴.

Признаки промотавшагося или захудалаго дворянина-крѣпостника:

Ковнеръ широкій, а пяты голы ²⁵.

Познаци пана по холявамъ (голенищамъ) ²⁶.

Якій панъ, такій его и жупанъ ²⁷.

По неволѣ панъ въ жупанѣ, бо свитки нема ²⁸.

Панокъ бездушный: панъ надъ самимъ собою и надъ своей душой ²⁹.

Пуговки золочены, а три дни не ъль ³⁰.

Три дни не ъль, а тоже въ зубахъ ковыряеть ³¹.

По чѣмъ познаць ляха? По томъ, что на черевѣ блыха ³².

Недобросовѣтность дворянина-крѣпостника по отношенію къ мужику была дѣломъ обыденнымъ. Обидѣть, обмануть, прижать мужика дворянинъ-крѣпостникъ не считалъ большимъ грѣхомъ: это, но его понятіямъ, не входило въ кругъ дворянской чести. Зато какими ъдкими пословицами отмѣтель въ своеі сознаніи мужикъ такихъ помѣщиковъ.

Казавъ панъ, кожухъ дамъ, инъ слово его тепле ³³.

Не такъ трудно отъ пановъ, якъ отъ нанять ³⁴.

Не кричи дюже, панскій дворъ недалеко, въ пастиухи возмущъ ³⁵.

Не шей дубленой шубы, оброку прибавяеть ³⁶.

Одна была рубашонка, повѣсила на коль, и тоѣ тянуть за оброкъ ³⁷.

Всякій дворянинъ свою милость хвалитъ, а наши услуги ни во что не ставить ³⁸.

Отсюда выводъ и совѣтъ.

Што панъ, то собака ³⁹.

Съ панами знаться, ума не набраться ⁴⁰.

Съ панами рѣдко, а въ дурнами николи не приставай ⁴¹.

Съ боярами вишенъ не ъши, костьми закидають ⁴².

¹⁴—¹⁶ Носовичъ. ¹⁷ Мери-Хови. ¹⁸ Носовичъ. ¹⁹ Тамъ же. ²⁰ Носовичъ; Закревский; Ластовка. ²¹ Носовичъ. ²² Тамъ же. ²³ Закревский. ²⁴ Мери-Хови. ²⁵ Носовичъ. ²⁶ Тамъ же. ²⁷ Носовичъ; Закревский; Ластовка; Шишацкий. ²⁸ Мери-Хови. ²⁹ Носовичъ. ³⁰ Мери-Хови. ³¹ Тамъ же. ³² Носовичъ. ³³ Носовичъ; Ластовка; Закревский; Шишацкий. ³⁴ Носовичъ; Закревский; Челяковскій. ³⁵ Носовичъ. ³⁶ Буслаевъ. ³⁷ ibid. ³⁸ Челяковскій. ³⁹ Закревский; Челяковскій. ⁴⁰ Носовичъ. ⁴¹ Закревский. ⁴² Челяковскій. Сербская: Није добро с великом господомъ из једног чанка трешић ъсти.

Николи съ панами не мирайся руками: бо якъ довги — выдрижуть, а коротки — вытягнуть ⁴³.

Хвали рожь въ стогу, а барина въ гробу ⁴⁴.

Цысь, Ивасю, пановъ не переслушаешь ⁴⁵.

Иго крѣпостного права на столько было тяжело, а гнеть помѣщика на столько былъ невавистенъ, что — мужику казалось иногда — этому гнetu не будетъ и конца. Оставалась одна надежда на религию и на будущую загробную жизнь, но и тамъ она отравлялась сознаніемъ о непріятной встрѣчѣ мужика съ помѣщикомъ.

Мы и въ аду будемъ служить на барь: они будуть въ котлахъ кипѣть, а мы дрова подкладывать ⁴⁶.

Невыносимый гнеть мужикъ иногда пытался сбросить силой.

Были, были, и бояре волкомъ выли ⁴⁷.

Будеть то, что и намъ не помѣшаетъ никто ⁴⁸.

Што вкладзець хамъ, не вымѣць и панъ ⁴⁹.

Послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости мужикъ думалъ, что дворянинъ долженъ изчезнуть, какъ слабое существо, не привыкшее безъ мужика къ трудовой жизни, но, къ ужасу своему, видѣть онъ, что дворянинъ живеть, что его всячески поддерживаютъ. Тутъ только мужикъ убѣждается, что понятіе дворянинъ не соединяется теперь больше съ владѣніемъ крестьянъ, что дворянинъ — правящій классъ, который оставленъ для надзора за мужикомъ.

Нынче дворянамъ честь, послужилъ, да и на печь: Ѣсть принесуть и мѣсто найдутъ ⁵⁰.

Нынче дворянинъ около казны, что муха у цатоки — боскъ ⁵¹.

Хоть лыкомъ спить, да дворянинъ ⁵².

Хоть не стоить лыка, да ставь за дворянина ⁵³.

Дворянская кровь и въ Петровки забыть (все деньги просить) ⁵⁴.

Быть мочальникъ (торговалъ мочаломъ), а теперь земскій начальникъ ⁵⁵.

Подиѣтиль также мужикъ одну слабость современаго дворянина — это искусство должать.

Братъ въ долгъ — дѣло дворянское, платить долги — дѣло крестьянское ⁵⁶.

У богатаго мужика все въ долгу, у дворянина все въ долгу ⁵⁷.

Дворянъ съ долгами стало такъ много, что безъ долгу дворянинъ заслужилъ о себѣ нехестную поговорку.

Безъ долгу не дворянинъ, а жидовинъ ⁵⁸.

Почему? Да потому,

Что ни больше баринъ, то хуже долги платить ⁵⁹.

Изъ правящихъ классовъ народъ выдѣлилъ классъ служилыхъ людей. Въ народной памятнѣ осталось ясное воспоминаніе о воеводахъ, подъячихъ.

Воевода характеризуется, какъ типъ деспота, маленькаго царька, похожаго на складу его прерогативъ на помѣщика-крѣпостника.

На воеводу просить, что въ тюрьму идти ⁶⁰.

Помути Богъ народъ, накорми воеводъ ⁶¹.

⁴³ Челяковскій Hal. Съ панскимъ своего языка не ривай: коли довги, то прикорочають, коли короткыи, вытягнуть. Еще смотри Челяковскій. ⁴⁴ Мери-Хови. ⁴⁵ Носовичъ. ⁴⁶ Мери-Хови. ⁴⁷ ibid. ⁴⁸ Челяковскій. ⁴⁹—⁵¹ Носовичъ. Угровъ крестьянъ жестокому помѣщику. Русская: что вложить хамъ, не поможеть и царь. ⁵² Воскресенскій. ⁵³ ibid. ⁵⁴ ibid. ⁵⁵ ibid. ⁵⁶ Даль. ⁵⁷ Мери-Хови. ⁵⁸ ibid. ⁵⁹ ibid. ⁶⁰ ibid. ⁶¹ ibid.

Воеводой быть, безъ меду не жить ⁶².
Воевода пріѣдеть, и калачи принесуть ⁶³.
Лошадь любить овесь, земля навозъ, а воевода привосъ ⁶⁴.
Дьякъ, подьячій и весь составъ стариннаго суда характеризуется крайне несимпатичными чертами.
Приказный за перо возвьмется, у мужика мошна и борода трасется ⁶⁵.
Подьячимъ и на томъ свѣтѣ хорошо: умрутъ—прямо въ дьяволы произведутъ ⁶⁶.
Подьячаго бойся и спящаго: притворяется ⁶⁷.
Козелъ да приказный—бѣсова родня ⁶⁸.
Богъ сотворилъ два зла: приказного и коала ⁶⁹.
Дьякъ у иѣста, что кошка у тѣста: а какъ дьякъ на площади, то, Господи, проши! ⁷⁰.
Всякъ подьячій любить приносъ горячій ⁷¹.
Воръ виновать, а подьячій мошнѣ его радъ ⁷².
Утюнова зоба не накормишь, а подьяческаго кармана не ваполнишь ⁷³.
Жаль писцу бѣзажки, не нажить ему рубашки ⁷⁴.
Приказный—приказливъ, что не сдереть, то все проживеть ⁷⁵.
Судьмъ то въ подевно, что вимъ въ карманъ погѣло ⁷⁶.
Брюхъ, что неправедный судья, и молча просить ⁷⁷.
Скорѣе дѣло вершишь, коли судью подаришь ⁷⁸.
Когда судью подаришь, то всѣхъ побѣдишь ⁷⁹.
Дари судью, такъ не посадить въ тюрьму ⁸⁰.
Мадою, что уздою, обратишь судью въ твою волю ⁸¹.
Съ кого судья взялъ, тогъ и правъ сталъ ⁸².
Суды за деньги страхъ Божій забыли—стараются, чтобы виноватые правы были ⁸³.
Узнавай купца по обману, а судью по карману ⁸⁴.
Недалеко ушель въ народномъ представлениѣ и современный чиновникъ, соприкасающійся съ мужикомъ. Ему видится то же взяточничество, то же кормленіе, какъ и въ до-реформенной Россіи въ широкихъ размѣрахъ практиковалось.
Бойся худого локтя, да свѣтлой пуговицы ⁸⁵.
Рѣдко ва свѣтлой пуговицѣ душа живеть ⁸⁶.
Лошадь любить овесь, земля навозъ, а становой приносъ ⁸⁷.
Ставовыи жить, безъ меду ве быть ⁸⁸.
Становой пріѣдеть, и рубль принесутъ ⁸⁹.
Въ лѣсу сучки, въ городѣ полицейскіе крючки, всего обдерутъ ⁹⁰.
Близкое соприкосновеніе съ народомъ послѣ помѣщика-крѣпостника и чиновника имѣть духовный классъ. За все времена существованія у насть духовенства мужикъ могъ изучить его лучше, чѣмъ самого себя. Больше всего, конечно, осантавливали мужичье вниманіе ва себя попъ и ионахъ.
И въ сказкахъ, и въ пѣсняхъ въ пословицахъ попъ почему-то представляется неунымъ и жаднымъ человѣкомъ, и брать всѣмъ во всякое время за всякую требу оскорбляетъ религіозное чувство мужика.
Попъ не лѣтій, а на глаза не вѣшай ⁹¹.
Поповы глаза завидуща ⁹².

⁶² *ibid.* ⁶³ *ibid.* ⁶⁴ Даль; Снегиревъ: Не ходи къ воеводѣ съ однимъ носомъ, а ходи къ нему съ приносомъ. 1770; 1822; Снегиревъ; Даль. ⁶⁵ Мери Хови. ⁶⁶ *ibid.* ⁶⁷ *ibid.* ⁶⁸ Даль. ⁶⁹ Мери Хови. ⁷⁰ *ibid.* ⁷¹ Даль. ⁷² 1770; 1822; Снегиревъ. ⁷³ 1700; Снегиревъ; Даль. ⁷⁴ Снегиревъ. ⁷⁵ Даль. ⁷⁶ 1770; 1822; Снегиревъ. Даль. ⁷⁷ Снегиревъ. ⁷⁸ 1770; 1822; Снегиревъ и Даль. ⁷⁹ 1770; 1882; Снегиревъ и Даль. ⁸⁰ 1770; 1882; Снегиревъ и Даль. ⁸¹ Снегиревъ. ⁸² 1770. ⁸³ 1770; 1822; Снегиревъ. ⁸⁴ Снегиревъ. ⁸⁵ Мери Хови. ⁸⁶ *ibid.* ⁸⁷ Ольсовъ. ⁸⁸ *ibid.* ⁸⁹ *ibid.* ⁹⁰ *ibid.* ⁹¹ Ольсовъ. У Дала: хорошо жениться, да страшно къ попу приступиться. ⁹² *ibid.*

Адъ да и...да, да поповы глаза всего на свѣтѣ жадище ⁹³.

Попъ съ живого и съ мертваго дереть ⁹⁴.

Накажеть дѣдъ, какъ умреть, безъ рубля попъ не схоронять ⁹⁵.

Попъ хочетъ большого приходу, а самъ ждетъ, когда кто умретъ ⁹⁶.

И роди плати, и хорони плати ⁹⁷.

Родись, крестись, женись, умирай, за все денежки подай ⁹⁸.

Кому убытокъ, а попу доходъ: съ живого и съ мертваго дереть ⁹⁹.

Первую мерлушку попу на опушку ¹⁰⁰.

Попови иде и печене и вареве, изъ живого и вмерваго ¹⁰¹.

Богу слава, а попу коровай сала ¹⁰².

Попъ живе съ алтаря, а писарь съ коломаря ¹⁰³.

Попинъ мѣхъ, жѣракинъ кинь — николи не сыти ¹⁰⁴.

Недальновидность попа отиѣчена слѣдующимъ образомъ.

Смѣлаго ищи въ тюрьмѣ, глупаго въ попахъ ¹⁰⁵.

Въ суткахъ (подъ образами въ крестьянской избѣ) сидать одни попы да дураки ¹⁰⁶.

Между тѣмъ, нравственное воздействиѣ духовенства на народъ громадное.

Каковъ попъ, таковъ и приходъ ¹⁰⁷.

Каковъ попъ, таково его и благословеніе ¹⁰⁸.

Якій піпъ, тако его благословенство ¹⁰⁹.

За свою иногда обнаруженную неряшливость въ поведеніи пепъ заслужилъ много некрасивыхъ прозвищъ.

Жеребачья порода, завидные глаза ¹¹⁰.

Съ благоутробіемъ твоимъ ¹¹¹.

У бѣлоруссовъ: Паки, паки дай попъ тобаки. *Sursum corda, nюхай, сабачья морда* ¹¹².

У болгаръ: сиромахъ хаджи, дрипавъ попъ да грѣчва свиня юдно ие ¹¹³.

Насколько велико уваженіе народа къ монастырямъ и лицамъ монашествующимъ, которые прославились своими благочестивыми подвигами, на столько же велико его презрѣніе къ монахамъ-ханжамъ, развратникамъ, пьяницамъ, которые иногда попадаютъ въ мужские монастыри.

⁹³ *ibid.* ⁹⁴ *ibid.* ⁹⁵ *ibid.* ⁹⁶ *ibid.* ⁹⁷ *Даль.* ⁹⁸ *ibid.* ⁹⁹ *ibid.* ¹⁰⁰ *Нал.*; чешская: *Prvni spratek knazi pod kožich.* ¹⁰¹ *Челяковскій.* ¹⁰² *ibid.* ¹⁰³ *Носовичъ.* ¹⁰⁴ *Нал.*; Челяковскій. Сербская: поповска врећа никак напулнити се не може. ¹⁰⁵ *Даль.* ¹⁰⁶ *Даль.* Попъ пьяница выведенъ въ болгарскихъ пословицахъ. Нарѣзаль са, като попъ на задушница (нарѣзался—напился). Вся поповская порода не пользуется симпатіей у болгарского народа. Попски синъ дьявольска унука. Сирамахъ жаджия, дрипавъ попъ и грѣчва свиня юдно ие. Перчиса, жемаписа, като сельскій попъ.

Сербскія пословицы учать глядѣть не на то, что попъ говорить въ церкви, а на то, какъ попъ живеть. Выше се смотри на то, како попъ живи, него како учи. Не чини оно, што попъ чини, и не твори, што учи.

У чеховъ духовенство зарекомендовало себя крайне съ плохой стороны.

Ксендзъ да пастухи содержатся народомъ лишь отъ чертей да отъ волковъ. Не будь тѣхъ и другихъ, ксендзы и пастухи, не поддерживаемые больше народомъ, давно бы все съ голоду померли. (Челяковскій).

Жадность ксендза извѣстна и чеху (см. Челяковскій). Лучше быть поэтому добрымъ хлопомъ, якъ злымъ ксендзомъ, какъ говорить галичаніе или чехъ: (см. Челяковскій).

¹⁰⁷ *Даль.* ¹⁰⁸ *Даль.* ¹⁰⁹ *Носовичъ.* ^{110, 111} *Носовичъ.* ¹¹² *Носовичъ.* ¹¹³ *Каравеловъ.*

Монахъ молока не хлебнетъ въ пятницу, а молочницъ и въ страстную недѣлю не спустить ¹¹⁴.

У честныхъ отпovѣ не найдешъ концовъ ¹¹⁵.

Игуменъ за чарки, братъ за ковши ¹¹⁶.

Моахъ праздный есть тать лѣстный ¹¹⁷.

На черта только слава, а монахъ поросенка сѣль ¹¹⁸.

Монахъ не есть, молока не пьетъ, а вина только поддавай ¹¹⁹.

Въ монастыри нынче вдуть нѣкоторые православные не для подвиговъ, не спасаться, а прокормиться на чужой счетъ или же всѣдѣствіе большого горя.

Кто начѣмъ прожатъ не можетъ, тотъ побѣжитъ либо въ монастырь, либо на вону ¹²⁰.

Нѣсколько отдѣльно отъ другихъ сословій стоять классъ военныхъ людей. Здѣсь та или другая специальность въ военномъ искусствѣ накладываетъ свою печать на личность человѣка. Такъ:

Пьяница во флотѣ, щеголь въ пѣхотѣ, умница въ артиллеріи, а дуракъ въ кавалеріи ¹²¹.

Интересно поглѣдѣть, какъ пословицы отзываются о самомъ мужикѣ. Прежде всего пословица признаетъ за мужикомъ умъ и хитрость.

На мужикѣ каftанъ хоть и сѣръ, да умъ у него не чертъ сѣль ¹²².

И мужикъ знаетъ, кто ва кого ласть ¹²³.

Мужицъ глупъ, какъ ворона, а хитеръ, какъ черть ¹²⁴.

Мужицъ глядицъ, якъ ворона, а хитеръ, якъ черть ¹²⁵.

Мужицъ глядицъ въ землю, а на сѣмь сажень видицъ ¹²⁶.

У мужика много природныхъ способностей, нужно только заинтересовать его, дать ему волю, а если лѣнивъ — понудить его.

Бей русскаго мужика — часы сдѣластъ ¹²⁷.

Кабы мужикъ на печи ве лежалъ, корабли бы за море пускаль ¹²⁸.

Мужикъ терпѣливъ до зола (задора ждеть) ¹²⁹.

Нравственные убѣжденія у мужика, всѣдѣствіе его неразвитости, неустойчивы. Съ перемѣнною мѣста и обстановки мѣняются и убѣжденія. Часто эгоизмъ беретъ перевѣсъ надъ всѣми качествами души, разъ мужикъ сознаетъ свою силу.

Мужикъ богатый, что быкъ рогатый ¹³⁰.

Назови мужика братомъ, а онъ скажетъ: я-де большой ¹³¹.

Въ мужикѣ широкая натура: въ бѣдѣ или въ радости онъ не знаетъ полумѣръ.

Умѣренность и аккуратность — качества, требующіяся отъ средняго человѣчка, ему не по душѣ.

Мужикъ годъ не пьетъ, два не пьетъ, а дажъ черть прорвѣтъ, такъ и все пропьетъ ¹³².

У русскаго мужика душа на распашку ¹³³.

У мужика натура крѣпкая, потому что

Въ мужицкомъ брюхѣ и долого сгнѣстъ ¹³⁴.

Безъ каши мужика не накормишь ¹³⁵.

Но въ эпоху крѣпостного права мужика задавили почти совсѣмъ три бѣды: рекрутчина, подати, да паньщина.

Въ нашей волости три болести: некрутчина, подати да паньщина ¹³⁶.

Въ настоящее время, въ виду непосильныхъ поборовъ и повинностей, мужику при-

¹¹⁴ Мери-Хови. ¹¹⁵ ibid. ¹¹⁶ ibid. ¹¹⁷ ibid. ¹¹⁸ ibid. ¹¹⁹ ibid. ¹²⁰ Челяковскій. Сербская: Изъ одчаянья или войник или калуђер. Чешская: Pred nouzi do klastera. Отъ бѣды во чернѣцы. ¹²¹ Мери-Хови. ¹²² Даль ¹²³ Даль. ¹²⁴ Носовичъ; Шишакскій. ¹²⁵ Носовичъ. ¹²⁶ Носовичъ. ¹²⁷ Мери-Хови. ¹²⁸ ibid. ¹²⁹ ibid. ¹³⁰—¹³³ Даль. ¹³⁴ Мери-Хови. ¹³⁵ ibid. ¹³⁶ ibid.

ходится чрезъ силу работать и добывать девьгу другимъ путемъ, а ве надѣяться лишь на свое земледѣльческое искусство.

Нашъ народъ по буднямъ заташанъ, шутливо оговаривается мужикъ о себѣ ¹³⁷. Мужикъ ясно сознастъ, что при современномъ положеніи дѣлъ отъ земледѣлія ему не поправиться.

Межъ сохи да борона не укроешся ¹³⁸.

Отъ крестьянской работы не будешь богатъ, а будешь горбать ¹³⁹.

Соха да борона разорила мужика, скрипка да гудокъ построили домокъ ¹⁴⁰.

Мужикъ чувствуетъ, что ему воли нѣть, что и послѣ уничтоженія крѣпостного права надъ нимъ стоитъ слишкомъ большая тягота въ видѣ разныхъ повинностей и административной опеки. Съ этой стороны онъ похожъ на пчелу или кобылу, которая никогда на себя не работаютъ.

Сколько бы кобыла ни рожала, а все въ хомутѣ умреть ¹⁴¹.

Мужикъ, что пчела, на себя не работаетъ ¹⁴².

Административная опека надъ міромъ стѣснила свободу мысли. Въ эпоху крѣпостного права міръ уважалъ даже самъ помѣщикъ.

Что міръ скажеть, то и панъ не поможетъ ¹⁴³.

Що громада скаже, то й панъ не поможетъ ¹⁴⁴.

Теперь же, хотя

Міръ и великии человѣкъ, но и міру урядника дали ¹⁴⁵.

Что міръ посудить, то земскій разсудить ¹⁴⁶.

Говоря обѣ общественныхъ классахъ съ народной точки зренія, не лишие здѣсь упомянуть о міровоззрѣніи крестьянина, его политическихъ убѣжденіяхъ, неразрывно связанныхъ съ характеристикою общественныхъ классовъ.

Нельзя быть землѣ русской безъ царя, вотъ что говорить мужикъ ¹⁴⁷.

Безъ царя Русь вдова ¹⁴⁸.

Лучше грозный царь, чѣмъ семибоярщина ¹⁴⁹.

Царь, по народному взгляду, одному только Богу отвѣчаетъ ¹⁵⁰.

Обязанности царя сводятся къ заботамъ о народѣ.

Коли царь свой народъ почтить, народъ его въ бѣдѣ защитить ¹⁵¹.

Не честь царю радоваться, коли народъ печалится (напр. голодасть) ¹⁵².

Но царю трудно управлять и заботиться о народѣ. Часто царя окружаютъ любимцы, временщики, которые и давятъ народъ и разоряютъ его. Впрочемъ, временщики, по народному предсказанию, недолговѣчны.

Жалуетъ царь, да не миауетъ пасарь ¹⁵³.

Не отъ царей угнетеніе, а отъ царскихъ любимцевъ ¹⁵⁴.

Сильны временщики, да недолговѣчны ¹⁵⁵.

Временщику ерокъ — 7 или 9 лѣтъ, а больше нѣть ¹⁵⁶.

Управлѣніе царя должно быть не жестокое и не противное свободѣ, потому что

Строгій законъ виноватыхъ творить, и разумный тогда по неволѣ дурить ¹⁵⁷.

Жестокая власть не корыстна и людемъ всегда ненавистна ¹⁵⁸.

Добрая же власть не противна свободѣ и ею хранится выгода въ народѣ ¹⁵⁹.

Управлять должно не все бичеть да хлыстомъ, иное можно и свистомъ или добрымъ словомъ ¹⁶⁰.

Съ другой стороны,

Тотъ казнь не заслужить, кто въ мысляхъ заблуждается, и многіе на свѣтѣ родятся заблуждать, кто можетъ, тотъ свой путь скорѣе исправлять, и казни людѣй не можно исправлять ¹⁶¹.

¹³⁷ Ibid. ¹³⁸ Даль; ¹³⁹ Даль. ¹⁴⁰ Даль. ¹⁴¹ Мери-Хови. ¹⁴² Даль. ¹⁴³ Мери-Хови.

¹⁴⁴ Носовичъ. ¹⁴⁵ Даль. ¹⁴⁶ Даль; Челяковскій. ¹⁴⁷ Даль. ¹⁴⁸ Снегиревъ. Даль.

¹⁴⁹ Даль. ¹⁵⁰ Богдановъ. ¹⁵¹ Ibid. ¹⁵² Даль. Челяковскій. ¹⁵³ Даль. ¹⁵⁴ Богдановъ;

Даль. ¹⁵⁵ Богдановъ. ¹⁵⁶ — ¹⁶⁰ Ibid.

Въ заключеніе нужно сказать, что у мужика много наблюдательности и ума, иначе мужикъ не могъ бы сказать такой истины, что сила—уму могила, что умъ любить просторъ, что умъ ни конемъ не обѣдешь, ни городьбой не огородишь. Выводъ прямой: до такихъ думъ надо додуматься путемъ наблюдений надъ жизнью и ея явленіями.

Не все, значитъ, мужикъ на печи спалъ: печальная история многому научила его. Доработался онъ мыслью до того убѣжденія, что борода—одна лишняя тягота. Истина святая—чѣмъ больше думать, тѣмъ хуже. Можно додуматься, Богъ знаетъ, до какихъ премудростей, которымъ и самъ нерадъ будешь.

Впрочемъ, надо полагать, ума на святую Русь отпущенено Господомъ Богомъ не особенно много: дураковъ у насть на сто лѣть припасено, съдовательно, нѣть оснований бояться бѣдъ отъ ума ¹⁶¹.

Дураковъ у насть не сѣютъ, не жнутъ, а сами родятся, говорить пословица ¹⁶².

Вѣрно и то, что съ умомъ жить—мучиться, а безъ ума жить—тѣшиться ¹⁶³. Это выраженіе какъ нельзя лучше опредѣляетъ настоящее положеніе мужика въ общественной жизни.

Я. Кузнецовъ.

Г. Судогда.

Сказка о неправомъ судѣ.

Во время своихъ экскурсій по Вятской губерніи (летомъ 1901 и 1902 г.г.) я чрезвычайно рѣдко встречалъ сказочниковъ, которые пользовались бы въ этомъ отношеніи извѣстностью въ околотѣ. Хорошихъ пѣсняниковъ, знающихъ «старинныя» пѣсни, мнѣ называли почти въ каждомъ селѣ. Напротивъ, о сказочникахъ почти не было помнѣ.

Объясняю я это обстоятельство прежде всего тѣмъ, что сказка, въ полную противоположность съ пѣснею, живеть домашнею, касающею жизнью. Сказки слушаются почти исключительно въ тѣсномъ семѣйномъ кругу, чаще всего одними дѣтьми отъ бабушки. На мѣстныхъ «бесѣдкахъ» теперь сказокъ не рассказываютъ. Хорошему сказочнику, такимъ образомъ, нѣгдѣ получить извѣстность. Но рядомъ приходится констатировать и упадокъ, постепенное вымирание сказки въ народѣ. Въ этомъ отношеніи съ особенно характернымъ фактомъ я встрѣтился въ селѣ Ломъ (Яранскаго у.). Здѣсь крестьяне сильно нахвалили мнѣ одного «сказочника», молодого парня (что мнѣ показалось особенно интереснымъ, такъ какъ прежде я записывала сказки исключительно отъ стариковъ и старухъ) изъ сосѣдней деревни. Я постарался разыскать хваленаго сказочника, и какъ разъ засталъ его (гдѣ было въ праздникъ) въ кругу мужиковъ и парней, которые, расположившись на зеленой лужайкѣ двора, внимательно слушали «сказку». Я безшумно подсѣѣть. Оказалось, что нашъ «сказочникъ» рассказывалъ своимъ слушателямъ извѣстный исторический романъ Алексея Толстого «Князь Серебряный»,—рассказывая со всѣми подробностями и эпизодами, не перевиная и не перемѣшавши имена. Можно было только удивляться замѣчательной памяти парня, который, какъ оказалось, научился «хорошихъ книжекъ» въ городѣ. Точно такимъ же образомъ онъ рассказывалъ «сказку о принцѣ и нищемъ» (Марка Твена) и нѣкоторыя другія повѣсти и романы.—Вотъ что идетъ на сѣнѣ народной сказки, подумалъ я.

¹⁶¹ Бѣлова. Народный умъ въ пословицахъ и поговоркахъ. Историч. Вѣстн. 1885, кн. 2.

Отмѣченный фактъ—единичный. Вообще же, народная сказка остается прежней. Встрѣчаются еще и миѳологическая сказки, хотя—правда—сравнительно рѣдко. Въ народѣ на счетъ этихъ сказокъ говорятъ, что ихъ пристало слушать однимъ ребятамъ. Мне удалось записать миѳологическихъ сказокъ крайне мало, и то все очень извѣстные варианты. Сравнительно больше оригинальна сказка о глинышкѣ (с. Верхнѣтулье, Котельническаго у.). У старика со старухой не было дѣтей; они и сдѣлали «глинышку изъ глины». Бойкій глинышкѣ любилъ ловить рыбу, для чего и уѣзжалъ на лодкѣ по рекѣ. Мать носила ему обѣдать и, стоя на берегу, кричала:

Глинышкѣ, глинышкѣ! Къ бережку!
Вотъ тебѣ кашка маслена,
Вотъ тебѣ лошка красная,
Вотъ попъгъ ишенисънинской!

Подслушала баба-яга, стала кричать также. Въ первый разъ неудачно, а во второй ей удалось обмануть глинышку и увести его къ себѣ. Яга хочетъ изжарить глинышку и сѣсть его, но огонь не дѣйствуетъ на него, и вместо него погибаютъ три дочери самой бабы-яги (Варианты см. у Афанасьева, Нар. рус. сказки. I, № 62, по изд. 1897 г.).

Сказка о томъ, какъ мужикъ чертей удилъ (с. Юрьево, Котельническаго у.) миѳологична только по заглавію, содержавшее же ся чисто бытовое. Мотивъ широко распространенный: «проучка» навязчивааго волокиты. «Повадился одинъ попъ къ бабѣ ходить, за пазуху лазить. Та и жалуется мужику: измѣялъ онъ меня совсѣмъ, вяжется. — Дакъ што, говорить, давай, я его проучу! Наклади-ка въ сундукъ сажу! — Мужикъ, уѣхалъ. Приходитъ попъ. Мужикъ, какъ бы неожиданно, ворочается. Баба говоритъ попу: полѣзай въ сундукъ! Она заперла его тамъ. Ухнуль попъ въ сажу; сидѣть, не пыкнѣть. Приходитъ мужикъ въ избу: я, говорить, уѣхалъ, а и забылъ: сундукъ надо продать. Взялъ сундукъ, привязалъ его на телѣгу и поѣхалъ. Доѣхалъ до реки, поставилъ сундукъ на берегъ, а самъ рядомъ сидѣть, камень въ реку на веревкѣ забросилъ: какъ будто рыбу удить. Вѣхъ мимо баринъ. — Что дѣлаешь? — Да вотъ отвѣчалъ мужикъ, чертей ужу; одновѣдно ужо выудилъ, въ сундукѣ сидѣть... — Какъ такъ? покажи! — А што даешь? — Сошлились на двѣсти рублей. Уѣхжитъ вѣдь только онъ, говорить мужикъ, открывая сундукъ. — Попъ оттуда выскочилъ, да и дѣло по берегу. Рубаха-та бѣлая была, вся вымаралась въ сажѣ: настоящей чорти! Получилъ мужикъ 200 рублей, и баба не стала больше жаловаться».

Подобного рода бытовыя сказки пользуются теперь въ народѣ наибольшою популярностью. Для примѣра приведу еще одну (с. Ломъ, Яранскаго у.). «Жилъ одинъ благочестивый человѣкъ. Пойдеть куда, увидѣть гдѣ косточку, — сейчасъ ее захоронить: завернуть въ холстъ и зароить въ землю. Увидѣлъ онъ разъ человѣческій черепъ. Оторвалъ аршинъ холста, завернуль, хочетъ закопать, а черепъ во всѣ глаза на него глядѣть. Оторвалъ два аршина — опять тоже, три — не лучше... По близости какъ разъ тутъ былъ цыганскій таборъ. Пришелъ цыганъ, да и говорить: что это ты думаешь холстомъ глаза завязать черепу? Не видишь разъ, что это голова-та поповская? Поповскіе глаза завидѣши! А ты возьми сухой соломы, либо травы гнилой, да затки глаза-та, тогда и однимъ аршиномъ завяжешь! — Послушался мужикъ, и вѣрно».

Сказки изъ міра животныхъ пользуются также широкимъ распространениемъ. Къ этой группѣ принадлежитъ и наиболѣе интересная изъ записанныхъ мною сказокъ—о неправомъ судѣ. Разсказчикъ, осѣлѣпшій недавно старикъ въ сел. Юрьевѣ (Котельнич. у.), Кузьма Михѣевъ, выслушалъ ее еще въ молодости, въ г. Котельничѣ, отъ какого-то человѣка, съ которымъ они вмѣстѣ «кроили жито» у купца. Выслушавъ, сразу «пональ», и прекрасно помнить до сихъ поръ. Самъ онъ называетъ свой «рѣзказъ» — «ворбна». Содержаніе изъ птичьяго міра. Я приведу его сначала въ самыхъ краткихъ чертахъ, а затѣмъ уже съ буквальною точностью и съ возможно точнѣю передачею своеобразнаго мѣстнаго говора.

Букушка свила гнездо въ бору на соснѣ и вывела дѣтей. Сова разорила гнѣздо. Букушка въ судъ. Судъ (въ немъ участвовала въ сова) призналъ виновною ворону. Послѣднюю наказываютъ. Она оправдывается и указываетъ трехъ свидѣтелей: воробья, жолну и цятла. Но судъ признаетъ всѣхъ этихъ свидѣтелей незаслуживающими довѣрія. Уже наказанная, ворона свалила вину на букушку. И судъ сослалъ букушку въ лѣсъ, а ворону постигъ.

«Жилъ да былъ старикъ съ мужомъ. Поехалъ обѣ Осонасевъ дни въ гости со старухой. Сѣли рядомъ, стали говорить ладожь. Бхали-попохали, по ногамъ доброй. Хлебесъ кобылу бичѣмъ троузыши. Угналъ, начею, вѣрстъ пять-шесть, оглянулся: тутъ есъ (ещѣ и съ мѣста не подалася). Дорбга худая, гора крутая, гелѣга немѣзанная ¹.

Бхали попохали, дѣ бору доѣхали. Въ бору стоять семь берёсъ, восьмая сбона, вѣловата ². На той сбонѣ вѣловатой кокушечѣ-горюшечѣ ³ гнѣздо свила и дѣтей свѣла. Негдѣ взелась скоробогатая ⁴ птица, погумѣнная сова-сѣры бока, голубыѣ глаза, портнѣбѣ подоплѣчье, суконной заворотникъ ⁵, носъ крючкомъ, глаза по лошкѣ, какъ у сердитой кошки. Гнѣздо розорила и дѣтей спогубила и въ землю схоронила.

Пошла кокушечѣ, пошла горюшечѣ съ прозьбой къ Зую прѣздному. Зуй праведной по песочку гуляѣть, чюмочки обуваятъ, сыромятныѣ коты ⁶. Нарежаѣть синичку-россыльочку ⁷, воробушка-деситника къ царю-лебедю, къ гусю-губернатору, павину-архирѣю ⁸, коршуну-исправнику, грачю-становому, къ естребу-уряшнику ⁹, къ тѣтереву польскому-старостѣ мірскому.

Собралисъ фсъ чиновники и начальники: царь-лебедь, гусь-губернаторъ, павинъ-архирѣй, коршунъ-исправникъ, грачъ-становой, естрѣпъ-урядникъ, тѣтеревъ польскій—староста мірскій, синичка-россыльочка, воробей-деситникъ, и изъ уѣздовова суда тайна поліція: сычъ и сова, орёлъ и скопа,—што есъ на бѣломъ свѣтѣ за скоробогатая птица, погумѣнная сова, бѣлы бока, голубыѣ глаза, портнѣбѣ подоплѣчье, суконной заворотникъ? И добралисъ, што ворона ¹⁰.

И присудили ворону наказать: стрѣхнули ко грѣткѣ ногамъ и зачали сѣкчи по мѣкимъ мѣстамъ, по леденямъ. И ворона возмодѣлася: каръ-каратанѣ, моѣ тѣло таратанѣ, никакихъ вы свидѣтелей не спрошанѣ! —Хто у тя есъ свидѣтель? —У менѣ есъ свидѣтель воробей.—Знѣмъ мы твоёва воробѣй, ибелника и кѣстника и потакофышка. Хресьянинъ поставилъ нбву избу,—воробей прилетѣть, дыръ навертигъ; хресьянинъ избу затопляѣть, тепло въ избу пропушшѣаѣть, а воробей на улицю выпушшѣаѣть ¹¹. Неправильнова свидѣтеля сказала ворона! И ворону наказываютъ пушша и товѣ.

¹ «Зачиновъ» (началъ) у сказочника было иѣсколько; онъ выбралъ «который по сѣтѣнѣ». Остроуміе, какъ видимъ, самое элементарное.—Асонасевъ день—5 іюля (зимній 18 января).—Начѣю—думала, подала.

² Вѣловаты растущій въ видѣ вилы, на два ствола.

³ Фонетически изъ: кокушица-горюшка.

⁴ Скоро разбогатѣвшая? Срв. Кузьма Скоробогатой (въ сказкахъ Асонасеваго I, № 99) и мруск. скрѣбогатки (пижики тожъ) «мелочные торговцы».

⁵ Воротникъ.

⁶ Зуй въ народныхъ пѣсняхъ—аристократъ и щеголь (см. Соболевскій, Вруск. нар. пѣсни, VII, стр. 665 и 406—408).

⁷ Синичка, Синика—синица.

⁸ Рассказчикъ сообщилъ мнѣ, что онъ самъ поставилъ здѣсь павіна (т. е. павлина), вместо филина прежней редакціи.

⁹ Фонетически изъ ястребъ.

¹⁰ Примѣтъ обвиняемой совы, какъ видимъ, слишкомъ очевидны; но сова аристократка (въ народной пѣснѣ она говорить про себя воробѣю: «Я роду не простаго, не простаго я, княжескаго, я—майорская дочь, генеральская сноха, я, сова, офицерская жена!» Соболевскій: VII, № 454, стр. 400), да она и присутствуетъ на судѣ въ качествѣ члена тайной поліціи,—и аристократический судъ не думаетъ обвинять сову, а обвиняетъ и въ чёмъ неповинную демократическую ворону.

¹¹ Судъ, повидимому, горячо защищаетъ интересы крестьянства, но жизнь послѣдняго знаетъ, кажется, очень плохо: воробѣй едвали много «дыръ навертигъ» въ избѣ; воробей—воръ, онъ воруетъ зерно.

И ворона возмолялася: каръ-каратайтё, моё тъло таратайтё, никакихъ вы свидетелей не спрошаите.

— Хто у тя есть свидетель?

— У меня есть свидетель — жолна!

— Знаёмъ мы твою жолну, — ябедничю, кляветничю и потакоффичю! Стоить въ раменъ явна, годицца на божай ликъ и на коностасъ. Жолна прилетить, дыръ навертигъ; дошь пошоль, лапа изгнилъ, не годицца на коностасъ; посль тобо в лопаты мазъ неё не здѣлать! ¹² Неправильнова свидетеля опять сказала!

И пушше тово ворону стегаютъ по ледвейимъ и по перетку.

Опять ворона возмолялася. Каръ-каратайтё, моё тъло таратайтё, никакихъ вы свидетелей не спрошаите!

— Хто у тя есть свидетель?

— У меня есть свидетель послѣднѣй, — дѣтель.

— Знаёмъ мы твоевѣ дѣтеля — ябедника, кляветника и потакоффика! Хресъянинъ загородвъ новой огорѣтѣ; и дѣтель прилетѣть, жертъ передолбить, и дѣвъ передолбить, и тѣвъ передолбить: дошь пошоль, огорѣтъ россыпь и розвалилъ: хресъянинъ скота на уличю выпушшаеть, дѣтель фѣмѣ пропушшаеть.

И ворону наказали, отъ грѣтки отвезали. Ворона крѣлышка разбросала, лапочкики роскидала... Изъ-за кокушечи — изъ-за горюшечи, изъ-за ябедничи я, вороно-праивича ¹³... Нечѣмъ хресъянинъ не обиждаю: по утру рано на гумиѣшкѣ вылетаю, крѣлышкамъ разметаю, лапочкикамъ разгребаю, тѣмъ себѣ и пышшу добываю! — Она кокушечя, она горюшечя, она ябедничя, она кляветничя! Хресъянинъ нажаль одинъ суслонъ, — кокушечка прилетѣть, и тотъ одолбить больше тово пѣдь ноги спустить!..

И выслушали (судъ) воровны слова. И ворону потхватали, въ красной стуль ¹⁴ посадили. Кокушечю-горюшечю, въ паказаніе ёй, фѣмѣй лѣсть отправили на триччѣть лѣть, поглѣнечча, — живи весь вѣкъ! И тонкѣе кокушка въ лѣсу проживаетъ, въ гнѣзда не знаеть».

Въ приведенной сказкѣ мы входимъ, такимъ образомъ, и своеобразный отвѣтъ на вопросъ о томъ, почему кукушка своего «гнѣзда не знаетъ»? Однако видѣть въ этомъ отвѣтѣ ядро, основной мотивъ сказки нѣть никакихъ оснований. Что сказка выросла не въ этого мотива, а послѣдній былъ приплетенъ къ основѣ сказки лишь кстати, объ этомъ ясно говорить уже одно то, что судъ происходитъ и сравнительно очень новое время, во времена губернаторовъ въ уѣзднаго суда. Если и допустить, что эти учрежденія явились въ сказкѣ на смѣгу какихъ-либо иныхъ, болѣе древнихъ, такъ и тогда совсѣмъ невѣроятно, чтобы праговоръ суда человѣческаго распространялся на вольную птицу «божью». Наконецъ, по вопросу о томъ, почему кукушка «своего гнѣзда не знаетъ», въ народѣ существуютъ особыя повѣрья и легенды, ничего общаго съ нашей сказкой не имѣющія. По очень широку распространенному повѣрью, отмѣченому икою, между прочимъ, въ томъ же самомъ селѣ Юрьевѣ, кукушка — «оборотень изъ дѣвокъ», а у дѣвушки своего гнѣзда, конечно, быть не можетъ. Понѣре это очень близко къ инойвѣ, выраженному въ одноти малорусскомъ апокрифѣ (Чубинскій. I, 59), по которому кукушка, выѣтъ съ чайкой, произошли отъ дѣвушки, которая вѣдумали испугать Спасителя ¹⁵. Есть и еще повѣрье: кукушка за то безъ гнѣзда, что завила его на Благовѣщеніе.

Кукушка нашей сказки, подобно всѣмъ другимъ, фигурирующимъ въ ней птицамъ, — явная аллегорія. Символическое значеніе кукушки въ русской вародной сло-

¹² Здѣсь возраженіе суда удачнѣе; относительно желны срв. народную поговорку: кто дѣлта прозвалъ дровосѣкомъ, желну у бортнико мѣ? (Даль, Пословицы, 546). — Рѣменъ ё — лѣсь.

¹³ Здѣсь, кажется, небольшой пропускъ. Возможно однако, что эта отрывочная рѣчь, безъ сказуемаго, объясняется состояніемъ вороны (въ аффектѣ).

¹⁴ Прізнакъ особой чести (срв. красный уголъ — передній въ избѣ, куда садить самыхъ почетныхъ гостей).

¹⁵ Срв. также сербское повѣрье (Вукъ, Стевановиѣ, Српски рѣчиник, 1818, стр. 350), по которому кукавица «била жену» и потому только «се претворила у тицу».

весности известно. Кукушка—символ горюющей, плачущей женщины,—сироты, вдовы, жены, тоскующей въ одиночествѣ и т. п. (см. Потебня въ Русск. Филог. Вѣстнѣкѣ, XVI, 272). Въ данномъ случаѣ нѣтъ необходимости разумѣть подъ кукушкой непремѣнно женщину. Мы думаемъ, что здѣсь олицетворенъ несчастный, безправный крестьянинъ старого времени. Въ томъ обстоятельствѣ, что суды на словахъ защищаютъ какъ бы интересы крестьянства (см. мотивы, по которымъ судъ отвергаетъ свидѣтелей вороны), нужно видѣть указаніе на характерное лицемѣре судей-аристократовъ или же на полное незнаніе ими крестьянской жизни (см. прим. 11).

Невинно пострадавшая ворона—типъ вѣваки¹⁶, которая, однако, потому съумѣла подольститься къ судьямъ и оправдаться, сваливъ вину на несчастную кукушку.

Самую сказку нужно поставить въ параллель съ известными сказками о Шемякиномъ судѣ и объ Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетининиковѣ (Леонасъевъ, I, № 41). Главная разница въ томъ, что здѣсь дѣйствіе происходитъ въ мірѣ птицъ и въ позднѣйшее время, именно—въ періодъ уѣздныхъ судовъ.

Чтобы покончить съ сказками изъ животнаго міра, я упомяну еще обѣ одной (с. Люкъ, Сарапульск. у.), въ очень известную тему о волкѣ и лисѣ. Волкъ постепенно выманиваетъ у домохозяина его немногочисленную скотину, для чего поетъ сълѣдующую пѣсню:

Кулы—кулы жалѣцъ!
Солбенной крылѣцъ,
Старичокъ да бабушка,
Паренёкъ да лѣвшка.
Пять—пять овецъ,
Шестой жеребецъ,
Собачка—пустомѣтка,
Кошечка—блюдомѣзочка.

Пѣсня эта, какъ и вся сказка, по существу, очень близка къ такой же тамбовской пѣснѣ и сказкѣ (Леонасъевъ, I, № 21). Заслуживаетъ вниманія лишь слово кулы. Едвали можетъ быть сомнѣніе, что это финское слово (естенское кулѣ—слушай! Эй ты!). Но какимъ образомъ оно сюда попало? Возможны два отвѣта. Въ уста волку очень естественно было вложить чужое, не русское слово: срв. съ этимъ былиннымъ спитеемъ татарского языка «телячій языкъ», тогда какъ русскій языкъ представляется попрежнѣшеству че-ловѣческимъ (Кирѣевскій, IV, 39). Но не исключена и возможность того, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ какой-либо финской пѣсни, начинаящейся словомъ: кулѣ.

Д. Зеленинъ.

7 августа 1903.
Юрьевъ.

¹⁶ Обычное народное представлѣніе о воронѣ; срв. крѣловскую ворону въ баснѣ «Ворона и Лисица».

ЖИВАЯ СТАРИНА

периодическое издание Отделения Этнографии И. Р. Географического Общества (заключает въ себѣ отдѣлы: I. изслѣдованія, наблюденія, разсужденія; II. памятники языка, народной словесности, живой старины; III. критика и библіографія; IV. вопросы и отвѣты; V. смѣсь), подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отделеніи Этнографии В. И. Іаманскаго, будетъ выходить въ 1904 г., по примѣру прежнихъ 13 лѣтъ, четырьмя выпусками въ годъ.

Подписка принимается въ квартирѣ И. Р. Географического Общества (у Чернышева моста, гдѣ 6-я гимназія). Годовая цѣна—въ Петербургѣ—**5** р., въ Имперіи—**5** р. **50** к., за границею—**6** р. Книгопродавцамъ дѣлается скидка въ **40** к. съ экземпляра.

Цѣна отдѣльной книжки «Живой Старины» **1** р. **50** к., двойной (въ два выпуска)—**3** рубля. Оглавленіе всѣхъ выпусковъ «Живой Старины» за истекшія двѣнадцать лѣтъ—**5** к.

Въ Географическомъ Обществѣ книжки «Живой Старины», съ 1890—1897 гг. можно получать въ С.-Петербургѣ за **3** р. въ Имперіи за **3 $\frac{1}{2}$** р. и за границу за **4** р., за 1898 по 1901 включительно—по **4** р., **4 $\frac{1}{2}$** р. и по **5** р.

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

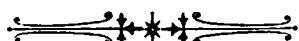
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакціею Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ IV

годъ тринацдцатый

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1903

I.

По Иньвѣ и Косѣ¹

(у пермяковъ).

Этнографический очеркъ.

I.

Области небольшихъ притоковъ Камы—Иньвы я Косы, населенные пермяками, интересны во многихъ отношеніяхъ. Проѣзжая съ Усть-Пожвы до Верхъ-Иньвы (160 верстъ, во всю длину р. Иньвы), можно видѣть характерные особенности жизни на малой рѣкѣ, населенной финскими инородцами, которые имѣютъ свои порядки, свою исторію.

Переходя отъ большой рѣки (Камы), оживляемой пароходами и огромными плотами деревъ, сплавляемыхъ къ морю, на небольшую рѣку, гдѣ можно встрѣтить еще парусные суда и небольшие плоты, и далѣе углубляясь въ малую рѣчку, вы видите на ней уже отдельные сосны, сплавляемыя отъ верховьевъ къ устью. Такой рѣчкой является Иньва. По ней сплавляется лѣсъ двойниками, тройниками, десятками и даже по одиночкѣ. Бревна тянутся на протяженіи многихъ верстъ, а позади ихъ ёдетъ кошевой въ двухскатной избушкѣ.

Невелико, должно быть, торговое и промышленное движение въ области такой рѣки, какъ Иньва, гдѣ нѣть ни желѣзныхъ, ни шоссейныхъ дорогъ, а земская только еще строится. Печать неподвижности лежитъ здѣсь на всемъ. Пассивность, неподвижность—одинъ изъ признаковъ здѣшней жизни. Тысячами нитей идутъ слѣдствія ея въ подробностяхъ быта народа, отражаясь и на характерѣ пермяка и на его міровоззрѣніи.

Второе, что бросается въ глаза въ этой мѣстности при общемъ обзорѣ, — это большія села и еще большія волости.

Проѣзжая съ Усть-Пожвы (деревня на берегу Камы, при впаденіи въ нее р. Пожвы) въ Майкоръ, въ первое село по Иньвѣ, вы видите передъ со-

¹ Читано въ засѣданіи Этнографіи И. Р. Географического Общества 20 декабря 1902 г.

бою огромную деревню, разбросанную по холмамъ¹; она населена русскими; по окрестнымъ деревнямъ живутъ пермяки. Безпорядочность строений, отсутствие всякаго плана въ ихъ расположении, рѣдко прорубленныя окна въ избахъ— все это придается селу Майкорь мрачный, непривѣтливый видъ. Рѣдкія окна въ домахъ — явление характерное для Иньвы. На пространствѣ, гдѣ въ домѣ бойкаго села по р. Ветлугѣ, найдется 10 оконъ, въ Майкорѣ — два, три окна. Не останавливаясь на буйныхъ нравахъ жителей этого села, нужно замѣтить однако, что майкорцы совсѣмъ утратили патріархальные деревенскіе порядки, не выработавъ въ замѣнѣ ничего иного, кромѣ полной распущенности, дикаго произвола и любви къ попойкамъ.

Говоря вообще о селахъ и деревняхъ по Иньвѣ, нельзя, однако, не замѣтить очень неравномѣрного распределенія благъ культуры между тѣми и другими. Села благоустроены: въ нихъ двухклассныя школы, врачи, Фельдшера, потребительскіе магазины, красивыя, богатыя церкви, а въ окружности ихъ (не менѣе 30 верстъ радиусомъ) — крайняя бѣднота, курные избы, безлѣсница, отсутствие всякой медицины; тамъ всякия болѣзни и сплошная безграмотность. При чрезвычайной неподвижности здѣшней жизни, ничто благотворное не распространяется на деревню.

Еще три явленія поражаютъ наблюдателя въ этой мѣстности при первомъ его знакомствѣ съ нею. У иньвенскихъ пермяковъ отсутствуютъ передѣлы земель, между тѣмъ надѣлы распределены очень неравномѣрно. Такъ, въ дер. Федоровѣ приходится зачастую на одну душу 30 десятинъ, а на 4 души у другого крестьянина 5 десятинъ. Земскіе начальники и богатые мужики стоятъ за старые порядки. Какъ были надѣлены крестьяне при ихъ освобожденіи отъ крѣпостной зависимости, такъ это и остается до сихъ поръ, не взирая на то, что семейное положеніе каждого сильно измѣнилось.

Второе, интересное для наблюдателя явленіе, это—отношеніе къ пермякамъ интеллигенціи. Прежде всего, еще на пути къ пермякамъ, когда спрашивашь о нихъ кого-либо изъ мѣстныхъ интеллигентовъ, то встрѣчаемъ неизмѣнно такой отвѣтъ: «пермяковъ въ селахъ вовсе нѣть, они живутъ только по деревнямъ». Это, оказывается, совершенно невѣрно. Затѣмъ, вамъ сообщаютъ свѣдѣнія малообъяснимыя, откуда они взялись. Такъ, одинъ изъ мѣстныхъ интеллигентовъ передаетъ вамъ мнѣніе о пермякахъ дорожнаго инженера, съ которымъ онъ, конечно, вполнѣ согласенъ: «пермяки—идиоты, просить за возку куб. сажени земли 6 руб., а послѣ, когда на работы были приглашены нижегородцы, тѣ же пермяки стали работать у нихъ за 1 р. 50 к.» Однако, причина нежеланія крестьянъ-пермяковъ взяться за перевозку земли оказалась не въ идиотизмѣ ихъ, а въ устройствѣ телѣгъ, неудобныхъ для земляныхъ работъ (или же просто въ отсутствіи всякихъ телѣгъ), а съ другой стороны, предложеніе работъ совпадало съ близостью страдной поры, которая для пермяка, живущаго только земледѣлемъ, важнѣе, чѣмъ, напр., для нижегородца.

Единственно, что нѣсколько оживляетъ этотъ печальный край, богатыя лѣсами, которые, впрочемъ, не принадлежать крестьянамъ, это заводы пожев-

¹ Здѣсь находится большой железнодѣлательный заводъ Демидова.

ской, майкорской и кувинской (сталелитейный). Въ какой степени эти заводы помогают экономическому состоянию края, скажемъ позднѣе. Пока, отмѣтимъ еще одно явленіе, именно обрусеніе края.

Обрусеніе идетъ отъ центровъ администраціи, отъ сель, и радиусами распространяется по деревнямъ; отъ села передается селу, а деревни остаются мало тронутыми новыми вѣяніями. Школы, солдатчина, промыслы — вотъ факторы обрусенія, но они встрѣчаютъ реакціонное движеніе въ лицѣ пермяцкихъ женщинъ, которая по-русски не говорить и дѣтей своихъ учить говорить только по-пермяцки; они и въ обруссѣвшія села переносятъ свой языкъ и тамъ распространяютъ и сохраняютъ его.

Нужно замѣтить однако, что въ пермяцкомъ языкѣ гораздо больше русскихъ словъ и оборотовъ, чѣмъ, напр., въ родственномъ ему зырянскомъ. Немало пермяковъ, говорящихъ смѣшанной рѣчью. Поэтому говоръ пермяковъ и вообще языческія явленія въ этой мѣстности могутъ представлять большой интересъ для лингвиста.

II.

Когдаѣшь по большой дорогѣ отъ села къ селу по берегу Ины, встрѣчашь много печального; если отѣхать въ сторону отъ дороги, углубиться въ деревни, тамъ лѣса болѣе дремучи, и жизнь еще болѣе уныла и бѣдна. Такъ точно, чѣмъ въ большія подробности мы будемъ входить, рисуя жизнь пермяка, чѣмъ больше увидимъ и первобытной наивности и, рядомъ съ тѣмъ, черты печальной его обстановки. Гдѣ живетъ пермякъ? Чѣмъ онъ занимается? Пермяцкія деревни окружены лѣсами. Однако избы ихъ не отличаются ни величиной, ни чистотой. Даже въ селахъ сохранились курныя избы. Въ деревняхъ полуразвалившихъ избы больше, чѣмъ благоустроенныхъ. Дворы ихъ нечего и сравнивать, напр., съ вотяцкими. У вотяковъ — ихъ соплеменниковъ — въ хозяйствѣ — цѣлая цвѣзія, у пермяка все бѣдно и убого. У пермяковъ нѣть такихъ старыхъ остатковъ, какъ куала, существуетъ лишь какой-то намекъ на это. Около избы строится обыкновенно еще маленькая избушка (такъ называемая русская «зимница»); въ ней въ сами хозяева живутъ по зимамъ, и ее отдаютъ подъ квартиру во время ярмарокъ. Вмѣсто погреба (ледника) устраивается простая яма для харчей. Свою избу пермякъ называетъ керку; у зырянъ керка. (Это слово невольно наводитъ на сопоставленіе. Куа или куала — древне-вотяцкое слово, обозначающее постройку, керку; — постройка изъ бревенъ (кер — бревно; быть можетъ, отъ керкуа произошло керку). Другія пристройки, какъ бани, овины и т. п., какъ и у русскихъ. Овины безъ каменки. Огонь раскладывается прямо на землѣ. У зырянъ то и другое архаичнѣе (печка сложена изъ крупныхъ камней полусферой). Изъ двухъ родовъ мельница (наливныхъ и почвенныхъ) здѣсь почвенные, что объясняется маловодностью рѣчекъ.

У пермяковъ по деревнямъ нѣть телѣгъ (вѣ умѣютъ дѣлать ихъ); они во всякую поруѣздятъ и все возятъ на саняхъ или вѣхомъ; только въ послѣднее время заводятся одноколки. Дорогъ устроенныхыхъ тоже нѣть. Саху везутъ, положивши на нириль (срубленную съ корнемъ жердь съ кривулиною). Было бы слишкомъ односторонне и несправедливо объяснять все это бездар-

ностью пермяка; причина такой отсталости его въ хозяйственномъ отношении лежитъ въ условіяхъ экономическихъ, историческихъ. Телѣги въ селахъ выписываются съ воткинского завода; поставляются онъ обыкновенно въ богатое село Кудымкоръ, Соликамского уѣзда, которое служить центральнымъ пунктомъ этой мѣстности, гдѣ жили и теперь живутъ главные лѣсничіе имѣній гр. Строгоновыхъ.

Главное занятіе пермяковъ—земледѣліе. Бывшіе крѣпостные гр. Строгоновыхъ ничего иного дѣлать не умѣютъ, какъ только обрабатывать землю. Правда, неискусны они и въ земледѣліи, но и земля ихъ не балуетъ. Почва здѣсь глинистая, урожай бываетъ самъ 5. Въ трехпольномъ хозяйствѣ сѣются рожь, ячмень, овесъ, горохъ. У иньвенскихъ пермяковъ мало хлѣба, но чердынскіе молотятъ свой хлѣбъ до ноября. Пожни у нихъ ври малости рѣкъ очень плохія. Трава скашивается горбушами, какъ у зырянъ и у сибирскихъ инородцевъ (акутовъ), а не косой (литовкой). Домашній скотъ комолый, мелкій и малочисленный.

Рубить дрова въ куреняхъ для заводовъ—вотъ главный промыселъ пермяка. Курени имѣются по рр. Пожвѣ (талича), Исылу Вакина, по Быстрой и Вежай. Всю зиму, стоя чуть не по колѣна въ глубокомъ снѣгу, рубятъ пермяки лѣсъ изъ «баронской» чащи для «графскаго» завода. Ночи проводятъ въ землянкахъ изъ слоевой коры. Изъ куреней вырубленный лѣсъ сплавляется по рѣчкамъ на заводъ. Вотъ промыселъ пермяка, получающаго за свою работу 50 коп. въ день. Мужики и подростки поступаютъ на заводъ чернорабочими. За работы въ рудникахъ имъ платятъ 30 коп., за дрова 40 коп. съ сажени. Экономическая слѣдствія такихъ работъ видны уже по заработной платѣ, а на другія указываютъ сами пермяки, говоря о себѣ: «народъ въ Бѣлоеъ ослабѣлъ — то въ рудникахъ работаютъ, то въ куреняхъ съ малыхъ лѣтъ, ушибаются, простужаются».

Относительно другихъ занятій нужно сказать, что рыболовства, напр., нѣть по Инѣвѣ; другое дѣло по Косѣ (Ветоль, Сакъ, Куломъ). Кое-кто занимается извозомъ; возять кладъ съ кувшинскаго завода черезъ Нерду, Ильинское въ заводъ добрянскій (Верхнѣвѣ).

Хотя въ Майкорѣ можно замѣтить плотниковъ, пильщиковъ и другихъ рабочихъ изъ пермяковъ, все же, въ общемъ, среди нихъ (особенно у иньвенскихъ пермяковъ) ремесль мало. Косы, серпы и т. п. все покупается; нѣть ижду ними ни хорошихъ кузнецовыхъ, ни хорошихъ плотниковъ. Зимнюю обувь (пины безъ голенищъ), валинки (съ голенищами) дѣлаютъ для чердынскихъ пермяковъ по р. Косѣ зыряне. Эти послѣдніе являются здѣсь и шерстобитами, и коновалами и портными.

На Косѣ пермяки охотничаютъ на бѣлокъ, на лося. Между пермяками изрѣдка встрѣчаются и умѣющіе заговаривать ружье и собаку. Въ стоверстномъ волоку около Кайгорода водятся еще олени. Иньвенскій пермякъ охотой не занимается. Ружье его заржавѣло на гвоздѣ. Соплеменникъ поэту лѣса—зырянину, пермякъ въ этомъ отношеніи неузваваемъ. Вы будете удивлены слушая жалобы пермяка на медвѣдя, на его проказы. Медвѣди затравляли коровъ по нѣсколько штукъ въ годъ; крестьяне плачутъ, а медвѣдь гуляетъ въ лѣсу, довольный положеніемъ вещей. Это нѣчто удивительное для человѣка,

знающаго зырянъ, которые ищутъ медвѣдя, а пермяки, т. е. пермскіе зыряне плачутъ отъ него. Это весьма характерный фактъ, показывающій, какъ велико вліяніе исторіи и условій мѣстности на человѣка. Лѣса и люди принадлежали гр. Строгоновыемъ. Нужно думать, что они цѣнили въ пермякахъ не отважныхъ охотниковъ, а мирныхъ работниковъ земли, куреней и заводовъ. Другая причина, которая не даетъ здѣсь развиться отважности человѣка—малыя рѣчки, небольшіе лѣса. Вліяніе этого видно на тѣхъ же пермякахъ, живущихъ по Косѣ, изъ государственныхъ крестьянъ, сосѣдей казенныхъ лѣсовъ — у нихъ другое дѣло, чѣмъ у иньвенскихъ.

Нѣть охоты у пермяковъ, нѣть и охотничьей поэзіи, что украшаетъ тѣснѣко сумрачную жизнь зырянъ. Конечно, въ иньвенскомъ краѣ очень мало и торговаго движения. Ярмарки—признакъ неподвижности жизни. Совершенно не то наблюдаемъ мы, напр., по Ветлугѣ. Въ с. Бакахъ каждую пятницу собирается народъ со всѣхъ деревень для торговыхъ оборотовъ.

Выше было сказано, что деревни пермяцкія окружены лѣсами. Что же извлекаются крестьянами изъ этихъ лѣсовъ? Здѣсь ахиллесова пята иньвенской жизни. Всѣ лѣса—гр. Строганова; крестьянамъ не принадлежитъ ни одиѣ кусть, ни одна вѣточка. Управление лѣсами, простирающимися на сотни верстъ въ длину и ширину, ввѣрено сложной организаціи чиновниковъ, получающихъ большое жалованье и пользующихся пенсіей. Отношенія между графскими лѣсничествомъ и народомъ далеко не нормальные. Начиная съ устьевъ Ины и кончая ея верховьями, также и по ея притокамъ, всюду раздается недовольство и ропотъ народа на состояніе лѣсного вопроса. Со стороны крестьянъ раздаются жалобы: «За скотскій выгонъ 30 коп. съ души, 50 к. охотничій бываетъ»... Раньше урожая были, лѣсъ былъ дешевле, теперь житье невозможное (въ дер. Федоровѣ). Цѣна деревьямъ 5 вершк. въ диаметрѣ 3 саж. длины—26 к., кубич. саж. дровъ 2 р. 16 к. (въ с. Кунросѣ). За право пойти въ лѣсъ съ топоромъ 10 к., если его отнимутъ 20 коп. выкупа»—вотъ рѣчи, которая слышатся повсюду. Лѣсникъ села Захарова разсказываетъ самъ, какихъ правилъ держится онъ, сторожа господскіе лѣса. «Если кто дрова возить тайно или грибы собираетъ безъ билета, подкрадешься къ нему, поставишь къ груди револьверъ и отнимашь топоръ, потомъ ударишь его въ грудь... легко спра-вляюсь».

— Это же, вѣдь, не по-евангельски, это не хорошо, замѣчашь ему. — Ой, иначе нельзя; и жаль, да бѣешь. Вѣдьно всякому билетъ братъ. Я нарочно живу около самаго лѣса, слѣжу ежесекундно и доношу. У меня сучокъ не прошадеть ¹.

«Мы живемъ въ кулигѣ, ограниченные кругомъ, какъ евреи въ Египтѣ», говорить вамъ крестьяне, живущіе въ малкихъ лачужкахъ около этихъ сторожей, обитающихъ въ чистенькихъ, уютныхъ домикахъ. Возражаютъ, что крестьяне, напр., Баковской волости (Костромской губ.), находясь въ такомъ же отношеніи къ лѣсу, однако не такъ бѣдны и даже удивлять вѣсъ чистотою

¹ Пятивершковое дерево 24 коп. (въ с. Бѣлоевѣ); въ Кудымковской волости—вдвое дороже; 1 р. 8 к.—валежникъ. Въ Верхъ-Иньвенск. волости валежникъ 2 р., жердь 5 к., десант. аренд. 4 руб.; десатина пара—2 руб. Въ Тиминѣ за право собирания грабовъ 10 к., за вѣники 20 копѣекъ.

и обширностью своихъ построекъ. Причина ясна: въ Баковской волости народъ живеть на большой рѣкѣ Ветлугѣ, где иного казенныхъ лѣсовъ по среднему течению и у верховьевъ, потому что эта водость не далеко отъ Нижнаго-Нев-города. Ильва же въ совершенно другихъ условіяхъ. Здѣсь ни торговли, ни промысловъ, ни черновоза. Удрученное состояніе духа здѣшняго поселяниня—естественное слѣдствіе подобнаго порядка вещей. Взимаются штрафы и происходятъ постоянныя тяжбы; недобровѣръ графскаго начальства къ народу и недовѣріе къ нему народа—явление обычное. То тамъ, то тутъ возникаютъ ложные слухи, что лѣса будуть казенные и что сдѣлаютъ вырѣзки для крестьянъ. Отсюда новыя ненрѣтности, недоумѣнія и преслѣдованія. Иное положеніе вещей у чердынскихъ пермяковъ, которые хлѣбъ молотятъ до ноября, съ лѣсами держатся вольный (лѣса казенные), рыба, водящаяся въ рѣчкахъ, принадлежитъ имъ, и, конечно, народъ живеть и чувствуетъ себя несравненно спокойнѣе и благо-душнѣе.

Такимъ образомъ, три причины—малая рѣчки, стѣненная жизнь, бывшее крѣпостное состояніе у помѣщиковъ, теперешнее состояніе лѣсныхъ отношеній создали то, что пермякъ такъ глубоко отличается отъ зырянина, что онъ, любя лѣсъ, давая ему разныя названія (дзив—ельникъ, шойна-кербс—грива, ляг-балы—водянистое мѣсто, рас—мелкій лѣсъ, грись—длинный, высокій лѣсъ, рапна—зыбкое мѣсто, ягъ—высокое мѣсто, покрытое лѣсомъ, яушникъ—маленький лѣсокъ и т. д.), повѣсила, однако, на гвоздь свое старое ружье и стала трусыть¹.

III.

Жизнь кипить около морей; по большими рѣкамъ она течеть широкими волнами; по малыи рѣчкамъ и ручьямъ—тиши и глупыи непроходимая. Эта мысль врѣзывается въ воображеніе того, кто побывалъ на рѣчкахъ, подобныхъ Ильве и ея притокамъ. И малосложно здѣсь колесо жизни, и медленно оно движется. Какого человѣка создала эта обстановка? Каковъ типъ пермяка, каковы его антропологическія особенности?

Зыряне, живя на большихъ рѣкахъ, среди дремучихъ, почти беспредѣльныхъ лѣсовъ, не зная крѣпостного права, развили въ себѣ предпринимчивость, удальство, энергию². Вотяки, хотя оттеснены на мелкія рѣчки, все же имѣютъ свои лѣса, свою свободу, въ лебряхъ своихъ сохранили свою религію и стали образцовыми земледѣльцами. Пермяки не выразили своихъ индивидуальныхъ чертъ такъ свободно, какъ ихъ одноплеменники. Недовѣріе, упрямство, пессимизмъ—вотъ что характеризуетъ пермяка. Видъ его унылый, черты лица выражаютъ мрачность и неподвижность. У нихъ нѣть интеллигентіи, имъ со-чувствующей; начальство, какъ бы оно ни было многочисленно, настроено не въ пользу пермяка. Онъ слышитъ, что надъ нимъ и надъ его рѣчью сиѣются, учителя изъ пермяковъ, подъ вліяніемъ общаго настроенія интеллигентіи, убѣ-

¹ Названія птицъ и звѣрей у пермяковъ свои, пермяцкія, а названія грибовъ—русскія (клестъ—жонъ, рыбчикъ—сева, тетеревъ—тар, лебедь—юсь, гусь—дзодзегъ, воробей—сырчикъ, и т. д.).

² Условія эти у зырянъ теперь, конечно, значительно ухудшились; въ настоящее время и они стѣнены лѣсами, но воспоминаніе о лучшемъ прошломъ все же сохранилось въ ихъ сказкахъ и пѣсняхъ.

ждены, что цель школы — уничтожать пермяцкий язык. Пермякъ такъ грустенъ и угрюмъ, что почти совсѣмъ не поетъ: у него нѣть своихъ пѣсень (онъ ихъ забылъ) и заимствованныхъ русскихъ мало. Даже сказокъ нѣть у инѣенскихъ пермяковъ; это указываетъ, въ свою очередь, на то, что у него совсѣмъ нѣть времени и веселаго досуга ни зимой, ни лѣтомъ для бесѣдъ. У чердынскихъ пермяковъ существуетъ хотя небогатый сказочный матеріалъ. Кое-какіе языческіе остатки сохранились въ жизни пермяка и въ его міровозрѣніи, но эти пережитки очень скучны, и пермяки теперь усердные христіане. Когда подѣѣжаете къ пермяцкой деревнѣ, вы видите среди убогихъ, почернѣлыхъ лачужекъ съ рѣдкими окнами большую, тщательно устроенную часовню, которая издали похожа на церковь. Вообще къ церкви и вѣрѣ пермякъ очень усерденъ; должно быть, религія — его единственное утѣшеніе въ горестной и скучной жизни. Между ними нѣть ии колдуновъ, ии отважныхъ охотниковъ. Это — сельские обыватели, христіане.

Что касается физического типа пермяка, то ростомъ онъ виже русскаго и ниже зырянина. Между пермяками меныше разнообразія въ типахъ, чѣмъ между зырянами и, тѣмъ болѣе, русскими. Это, конечно, признакъ менышаго развитія народа, но это есть слѣдствіе историческихъ и географическихъ условій, а не причина. Измѣренія показываютъ, что у пермяцкихъ женщинъ ростъ ниже, чѣмъ у русскихъ. Размѣры головы въ общемъ меныше, лбы небольшіе. Бросаются въ глаза роскошные волосы у женщинъ, мало сѣдѣющіе. Здоровыхъ и сильныхъ между пермяками мало; много истощенныхъ и малокровныхъ, потому что они питаются кыдѣвъ-пиканою, шома турунъ, много больныхъ глазами, по причинѣ скучности жилищнаго свѣта. Чаще всего повторяющійся типъ пермяка имѣеть такія черты: широкія скулы (шире, чѣмъ у русскихъ), рыжая бородка, каріе или сѣрые глаза, лицо короткое. Выраженіе лица болѣе томное и неподвижное, чѣмъ у русскаго. Чувствуется, да это можно и доказать, что русскіе несравненно подвижнѣе, быстрѣе, а пермяки — настойчивѣе. Эти черты нужно, конечно, объяснить віяніемъ условій историческихъ и географическихъ. Понятіе расы — понятіе ускользающее, трудно опредѣлимое.

Для иллюстраціи приведемъ нѣсколько цифръ изъ таблицъ.

Ростъ мужчинъ с. Юма (Чердынскаго уѣзда):

177—175	сант.	37%
172	>	12%
162	>	50%

Ростъ мужчинъ с. Кочева (того же уѣзда):

176—171	сант.	12%
169—164	>	50%
161—156	>	38%

Ростъ женщинъ с. Юма:

175	сант.	8%
166	>	16%
163	>	16%
152	>	32%
147	>	24%

Ростъ женщинъ с. Кочева.

162	сант.	5%
158—155	сант.	30%
153—151	сант.	33%
149—145	сант.	25%

Или цифры вырянъ с. Вишеры (Усть-Сысольского уѣзда):

173, 171, 173, 174, 170, 165, 181.

Цифры роста пермяковъ въ с. Тиминъ (Соликамского уѣзда):

161, 172, 162, 149, 160, 161, 155 $\frac{1}{2}$, 155.

Ростъ пермяковъ въ с. Захаровъ (Соликамского уѣзда):

162, 174, 170, 171, 165, 164, 172.

Ширина скуль

жителей с. Юма (русские):

130	миллим.	1	(12%)	149	1	(10%)
138	"	2	(24%)	144	1	(10%)
142	"	3	(36%)	140	4	(40%)
127	"	2	(24%)	131	1	(17%)

Ширина скуль жителей

с. Кочева (пермяки):

137	1	(10%)
126	1	(10%)

Ясно изъ этихъ данныхъ, что пермякъ ниже зырянина и — тѣмъ болѣе — ниже русскаго.

IV.

Жизнь пермяковъ приходится описывать мелкими чертами, потому что и самая здѣшняя природа ничего крупнаго въ себѣ не заключаетъ, кроме грусти пермяка, которая неисчерпаема. На существование кое-какихъ пережитковъ старины, остатковъ былого национального можно еще указать у чердынскихъ пермяковъ; иньвенскіе, повидимому, ничего не сумѣли сохранить изъ минувшаго прошлаго. Такъ, въ д. Кочѣ (Черд. у.) 18 августа, въ день Флора и Лавра, около часовни ежегодно собираются пермяки. Передъ праздникомъ убиваются быковъ. Въ самый праздникъ при огромномъ стечениіи народа мясо варится и съѣдается. Въ послѣднее время это народное торжество уменьшается въ своихъ размѣрахъ подъ вліяніемъ преслѣдованія его, съ одной стороны, и укрѣпляющихся христіанскихъ обычаевъ — съ другой. Въ сс. Купроссѣ и Майкорѣ на девь св. Власія приносятъ въ часовню телячины головы и ноги (у зырянъ Ильинъ день). Нѣкоторые пережитки сохраняются благодаря самой инертности жизни. Такъ, напр., у пермяковъ нѣть телѣгъ во многихъ деревняхъ (потому что дорогъ не было до послѣднаго времени), и вотъ они возятъ покойниковъ въ саняхъ. Эти сани иногда оставляютъ на кладбищѣ, такъ что, проѣзжая мимо сельского кладбища, вы видите своеобразную картину: рядомъ съ могильнымъ крестомъ лежать полозьями кверху сани или даже воткнуты рядомъ съ крестомъ. Несомнѣнно, сани имѣютъ какую-то тайную связь съ прежнимъ религіознымъ культомъ пермяковъ, но удержались сани до сихъ поръ среди ихъ христіанскихъ обычаевъ, кажется, въ значительной мѣрѣ именно благодаря инертности жизни. Нужно упомянуть, что въ селахъ льютъ брагу на могилы и поминаютъ покойниковъ празднествомъ вродѣ тризны (напр., въ сс. Юмъ, Кочево). Къ этому же нужно отнести обычай молиться разнымъ покойникамъ

и наблюдать, при какой молитвѣ пройдетъ болѣзнь; вѣшаютъ еще топоръ къ кресту и перечисляютъ всѣхъ святыхъ, и при имени которого изъ святыхъ покачнется топоръ, тому служить молебенъ. Въ общемъ, все же нужно сказать, что среди пермяковъ замѣчается языческихъ остатковъ мало и не больше, чѣмъ среди русскихъ. Мало сохранилось у нихъ и национального. Женскіе головныѣ уборы болѣе или менѣе характерны: такъ называемыя шамшуры у иньвенскихъ пермячекъ и кокошники у чердынскихъ. Шамшуры покроемъ своимъ напоминаютъ русскій повойникъ, съ тою разницей, что задняя его половина дѣлается изъ тугой толстой ткани въ видѣ прямоугольника, причемъ сверху два прямыхъ угла оставляютъ рѣзко торчащими, а въ основаніи стягиваются (какъ у повойника) тесемками. Шамшура всегда дѣлается изъ краснаго кумача и часть его, покрывающая затылокъ, вышивается бѣлыми нитками. Кокошникъ почти то же самое, что великорусская старинная кичка.

Обыкновенно этнографы интересуются пермяцкими вышивками и узорами на полотенцахъ и рубашкахъ и, наблюдая рисунки этихъ узоровъ въ видѣ геометрическихъ фігуръ, иногда утверждаютъ, что геометрическія фігуры — особенность финскихъ племенъ, а круглый — славянъ. Но очень легко увлечься понятіемъ расы въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ случаяхъ. Можно думать, что геометрическая фігура на узорахъ есть просто слѣдствіе степени культуры. Прямоугольныѣ фігуры можно объяснить тѣмъ, что узоры пермяцкіе ткутся, а не вышиваются, тогда какъ у русскихъ распространено въ значительной мѣрѣ и вышиваніе.

Суевѣрія, сохранившіяся въ жизни коми (зырянъ и пермяковъ) даютъ намеки на прежнее поэтическое и величавое язычество. Вуншериха (Луншериха) ходить по ржи (до сихъ поръ) и ростить колосья (Вуншеръ — полдень). Дѣтей пугаютъ: «Вуншериха тебя сѣѣшь». Еношка ва јуво (радуга воду пьетъ) — повѣрье обще восточно-финское. Каленикъ раздѣляетъ штенцовъ рыбчика, тетерева, чтобы они жили по парѣ. Ящерица имѣеть удивительныя свойства. Сѣпая дѣвушка взяла, сварила ящерицу вмѣсто рыбы, пlessнула той водой себѣ въ глаза и стала видѣть. Зыряне изъ головы ящерицы дѣлаютъ «шеву» (порчу). Въ рѣкахъ до сихъ поръ живутъ куль — шіанjas (дѣти Куля), которые хватаютъ людей. У древнихъ зырянъ Куль — подземный богъ (Кальма финское). Ойпель — часть животнаго, которая не сѣѣдается. Ойпелемъ или Войпелемъ зыряне называли одного изъ своихъ боговъ, вѣроятно, бога лѣса — лѣсного вихря, сына сѣвера. Какое отношеніе имѣеть несѣѣдаемая часть животнаго (ойпель) съ богомъ Ойпелемъ остается тайною для современной финской миѳологіи... Млечный путь — гусиная дорога. Глядя на него, птицы летятъ въ дальний саридз (море). Летучая мышь (кушборд) вредить овцамъ. Дождь по-пермяцки Ен зеро — богъ дождить. Такіе боги, какъ богъ воды и богъ лѣса не могутъ быть забыты племенами, живущими по берегамъ рѣкъ въ дремучихъ лѣсахъ. Пермяки помнятъ водяного и лѣсного; но здѣсь рѣка маленькая, и водяному негдѣ было развернуть свои силы. Говорится въ народѣ, что онъ съ бѣлыми волосами иногда показывается изъ воды и смеется, глядя на молнию, сибется надъ новымъ богомъ. Иногда онъ сидитъ на берегу въ видѣ ребенка съ длинными волосами и при приближеніи къ нему человѣка падаетъ обратно въ глубину рѣки. Богъ лѣса до сихъ поръ мстить

пермякамъ за перемѣну ихъ вѣры (хотя христіанство они принѣли еще въ началѣ XV в.). Онь особенно любить держать въ лѣсныхъ лѣсахъ пермяцкій скотъ — коровъ и лошадей. Выручить скотъ изъ его плѣна можно, только написавъ прошеніе лѣсному царю въ извѣстной формѣ. Въ Ошибской волости еще встрѣчаются люди, умѣющіе писать прошеніе лѣсному. «Кабала», или прошеніе всегда пишется особыми знахарями, которые на кускѣ бересты чертятъ лѣсныя дороги и слова, имѣющія значеніе заговора.

Прежнее имя лѣсного Вихоръ Вихоревичъ и означаетъ то, что онъ былъ боязъ лѣсного вихря, вѣтра. «Кабалу» нужно писать умѣючи (только въ Ошибской волости умѣютъ); если напишутъ неумѣло, лѣсной жестоко наказываетъ. Обилие въ лѣсу волковъ, медвѣдей, бѣлокъ, зайцевъ зависитъ отъ того, что лѣсной гонитъ свои стада; иные годы совсѣмъ мало звѣрей, и все это — дѣло лѣсного. Видали его и въ деревнѣ; захаживаетъ иногда въ корчму и пить сразу по ведру водки. Онь живеть въ лѣсу, въ своей избушкѣ. Говорять, что у него есть и дѣти. (Разсказы мужиковъ с. Кочева).

V.

Рочь (русскіе) даровитѣе пермяковъ; первые были организованы, лучше вооружены, когда пришли и оттеснили племя коми за Косу рѣку, за болота. Чердынскихъ пермяковъ покорили (при Иванѣ III, когда еще были пермскіе князья), часть ихъ осталась доселѣ по Вильвѣ у Пармы; иньянскихъ пермяковъ закрѣпостили гр. Строгановы. Такова коротенькая историческая страница этой малой страны. Отъ покоренія спаслась одна небольшая часть ихъ у верховьевъ Камы. Сохранились ли какія-либо легенды или историческія сказанія о далекомъ прошломъ этого народца?

Рѣка Коса (притокъ Камы) является границей между чердынскими пермяками и русскими. Многоверстная, труднопроходимая болота раздѣляютъ однихъ отъ другихъ (еслиѣхать, напр., отъ Юма до Кочева). Въ углу Пермской губ. между верховьями Камы и Косы чердынскіе пермяки укрылись отъ русскихъ, отъ которыхъ отдѣлены болотами и лѣсами непроходимыми. Народъ создалъ по поводу этихъ границъ маленький сувѣрный разсказъ. «Рѣка Коса, разсказываютъ въ народѣ, есть граница змѣй. По эту сторону, гдѣ пермяки, змѣи водятся, напр., по берегамъ р. Енѣша, по ту сторону Косы змѣй нѣть. Одинъ святой старецъ, который былъ здѣсь, воспрептиль имъ переплыть рѣку Косу. И дѣйствительно, какъ только змѣи поплыли до середины (рѣчка не широка) сейчасъ же околѣваются».

Подобный же разсказъ существуетъ и у зырянъ. Только у послѣднихъ онъ имѣеть обратное значеніе, что рѣчка не пускаетъ змѣй въ мѣстность, населенную зырянами, потому что Стефанъ Пермскій (объ Ионѣ нѣть преданій) воспретилъ имъ.

Сказавшій о богатыряхъ мало у пермяковъ (меньше чѣмъ у вотяковъ). Между прочимъ, извѣстенъ одинъ пермскій герой, именно Пера-Богатырь. «Жилъ былъ Пера-Богатырь въ д. Лупья (Юмской волости); онъ спорилъ съ лѣснымъ царемъ; на палкѣ они тянулись. Лѣсной сталъ Перу перетягивать, а Пера разыше привязалъ себя къ пню (къ дереву). Вотъ пень затрещалъ. Лѣсной

спрашивается:—это что трещит? — Это у меня сила прибывает, — отвечает Пера.—Если твоя сила прибывает, ты владей всемъ, и звѣремъ и птицей, смирился лѣсной.—Пера-Богатырь жилъ одинъ на берегу рѣки (Юдорынъ). Разъ онъ взялъ семь царя (семь саней) на себя и несъ. Усталъ очень и сѣлъ семь царя руканицъ, вставши со стола вместо хлѣба. Онъ ходилъ на войну. Крестный отецъ его выхвасталъ царю, что онъ весьма силенъ. Была война. Одинъ богатырь на колесахъ воевалъ и нашихъ сильно билъ. Царь призвалъ Пера-Богатыря. Его лядя на лошадяхъ, а Пера на лыжахъ отправились къ царю. Пера раныше прибылъ и въ шашашъ изъ ели ва берегу остановился. Богатырь на колесахъ онать выѣхалъ. Пера бросился на него: трухъ-трахъ — разбилъ его колесо и его самого. Царь спрашивается, какую дать ему награду. — Шелковая тенета дай мнѣ, — говорить Пера. Тотъ далъ и отпустилъ его домой. И жилъ долго Пера-Богатырь, быстрѣе итицы на лыжахъ онъ ходилъ, ловилъ лисицъ и зайцевъ и рыбъ озерныхъ шелковыми тенетами».

Но если мало историческихъ преданий въ устахъ пермяковъ, зато въ нихъ краѣ имѣется обиліе остатковъ древней жизни: чудскихъ могиль, городищъ. Въ этомъ отношеніи пермяцкій край — страна чудесъ. Народъ правильно относится къ своимъ, такъ называемымъ, городищамъ. Пермяки говорятъ: «раныше въ городищахъ жили чудаки, они — первые жители, вторые — мы, третій народъ будетъ послѣ настъ». Далѣе рассказываютъ, что когда родился Христосъ и стала крестить людей, жители съвера стали рѣть ямы, спустились въ эти ямы, срубили столбы, на которыхъ были укрѣплены крыши, и погибли въ иѣдрахъ земли. Теперь дремучій лѣсъ ростетъ надъ этими могилами (подобный разсказъ циркулируетъ по всему съверу и у вырянъ). Въ этихъ могилахъ находятъ серебряные тарелки, фигуры въ видѣ человѣка, въ видѣ жеребца и т. п.

Относительно городища, находящагося въ трехъ верстахъ отъ Пыстогъ Курог-Карог говорится, что въ немъ сребрковавныя ворота; деньги въ сороковой бочкѣ на телѣгѣ лежатъ. Если кто разроетъ эти богатства, самъ будетъ нерадъ, — произойдетъ великая драка: всякий пожелаетъ все взять себѣ.

Всѣ чудскія городища расположены около теперешнихъ пермяцкихъ сель и деревень. Мѣстонахожденій чудскихъ вещей особенно много въ волостяхъ Юксѣевской, Косинской, Гаинской.

Могильники около чудскихъ городищъ не разъ бывали мѣстомъ археологическихъ изысканій. На Чаньвѣ имѣются пещеры. Тамъ найдены вещи вогульскія, очень похожія на чудскія, слѣд. угорскія.

Существуетъ масса названий рѣчекъ на съверѣ Россіи, пока еще совершенно не уясненныхъ изъ финскихъ корней; и можно предполагать, что они — угорскія (напр. Ижма, Вычегда, Вымь, Сысола; Ижма встрѣчается въ двухъ мѣстахъ: въ Архангельской губ. и другая, маленькая рѣчка того же имени, въ Костромской губ., Варнавинскаго уѣзда; Пижма — въ нѣсколькихъ, Вишера въ двухъ).

Надъ вопросомъ о чудскихъ городищахъ все еще пребываетъ какой-то мракъ. Несомнѣнно, что это остатки финно-угорской культуры; но финскія ли это городища или угорскія — до сего времени открытый вопросъ. Данные, найденные въ Чаньвенской пещерѣ¹, повидимому, говорятъ, что городища принад-

¹ Теплоуховъ, Ф. А.: Древности, найденные въ Чаньвенской пещерѣ, Соликамскаго уѣзда

лежать вогудамъ. Предметы Чаньвенской вещери—вогульские, съ другой стороны онъ тожественны съ чудскими вещами, егоз—чудская вещи, вогульская (угорская). При этомъ встрѣчаемъ еще удивительный фактъ: въ мѣстности, населенной зырянами, сохранились угорская названія наряду съ зырянскими (Ива, Эжва, Емва—Ижна, Вычегда, Вымы). Между тѣмъ городищъ у нихъ очень мало (Кар-мылькъ—чуд. могила около Вишеры и деревни Эжоль). Здѣсь мы имѣемъ дѣло вообще съ интереснымъ явленіемъ: именитые люди Строгоновы и ихъ ставленникъ Кадауль утверждали, что мѣста эти, т. е. берега Иньвы, Яйвы, Обы пусты, ненаселенные; теперешніе археологи стараются доказать, что городища все угорскія. Спрашивается, откуда же пермяцкія названія рѣкъ, распространенные въ сѣв. половинѣ Пермской губ. (притокъ Чусовой—Вильва, съвернѣе—Яйва и т. д.)?

По Коѣ же и Иньвѣ масса городищъ и совсѣмъ почти нѣть угорскихъ названій (хотя бы въ устахъ русскихъ, а не пермяковъ). Всѣ названія рѣкъ и рѣчекъ половины Пермской губ. — пермяцкія. Пермскую мѣстность зыряне зовутъ ком-му (земля коми). Съ другой стороны, городища обозначаются словомъ кар- (городъ)—словомъ общепермскимъ. Села пермяковъ расположены все около городищъ. Что это должно значить? Наконецъ, если чудская городища все угорскія въ губерніяхъ Вятской, Пермской, Вологодской, то гдѣ же остатки прaperмяцкихъ поселеній? гдѣ же они жили? На слогъ кор оканчиваются названія и теперешнихъ центровъ — Пыскоръ, Майкоръ, Кудымкоръ, Дойкоръ, Мечкоръ.

Затѣмъ, лингвистическая данная проливаются кое-какой свѣтъ на этотъ вопросъ. Говоръ чердынскихъ пермяковъ сходенъ съ сысольскимъ и пещерскимъ такъ же, какъ и старый верхъ-иньвенскій говоръ. А потому можно думать, что эти пермяки пришли съ Сысолы; но говоръ иньвенскихъ пермяковъ совершенно отличенъ отъ извѣстныхъ зырянскихъ говоровъ. Это особое нарѣчіе; на немъ, быть можетъ, говорили тѣ пермяки, которые имѣли нѣкогда чердынского князя Михаила и князьковъ Бурмортъ, Мичмана. Такъ или иначе, а чаньвенскія находки говорить о родствѣ культуры пермской и угорской, относительно же происхожденія чудскихъ городищъ нужно подождать новыхъ данныхъ для окончательного рѣшенія.

Въ заключеніе, нельзя не обратить вниманія на понятіе расы. Нѣкоторые изслѣдователи понимаютъ ее, какъ нѣчто опредѣленное. Такъ, проф. И. Н. Смирновъ говорить слѣдующее о пермякахъ: «Онъ (т. е. пермякъ) остался рабомъ природы, и въ этомъ мѣрка его творческихъ силъ... Египтяне своими первыми идеями въ области архитектурного орнамента обязаны природѣ Нильскаго бассейна, но богатство ихъ творческихъ силъ сказалось... въ обиліи видоизмѣнений, въ разнообразіи сочетаній». Сравнивается Пермь и Египетъ, и различіе объясняется различіемъ расъ. А культура? а положеніе географическое? Если теперь астрономія процвѣтаетъ въ Америкѣ и мало замѣтна въ Россіи, если нѣмцы создали философию, а у насъ нѣть философской школы, значитъ ли это, что русскіе и не астрономы и не философы? Разумѣется, не значитъ. Въ Америкѣ купцы, вообще богатые люди жертвуютъ миллионы на обсерваторіи—таково настроеніе умовъ, у пачь дѣло обстоитъ иначе.

Понятіе расы—понятіе, все болѣе и болѣе уступающее, съуживающееся;

все большее и большее количество фактовъ находить свое объясненіе въ причинахъ историческихъ, географическихъ, соціальныхъ.

Пермяки—почти исключительно земледѣльцы; они не способны къ промысламъ, къ ремесламъ, они не искусные охотники. Зыряне, ихъ со-племенники, ближайшіе по языку, не особенно отдаленные по мѣсту,—они прекрасные охотники, способные къ промысламъ и ремесламъ. Даже болѣе глубокія и общія свойства тѣхъ и другихъ, какъ, напр., упрямство, настойчивость и то приходится объяснять не расовыми, а историческими причинами. Вѣка созидають расу, вѣка же и измѣняютъ ее. Если нѣть расы устойчивой, то потому, что нѣть и формъ жизни абсолютно устойчивыхъ.

Наблюдая жизнь нашихъ финскихъ инородцевъ (зырянъ, вотяковъ, пермяковъ¹), я полагаю, что раса—ступень въ эволюціи человѣка, что малая измѣняемость нѣкоторыхъ свойствъ въ сравненіи съ другими (напр., настойчивость, упрямство, неподвижность вотяка) есть указаніе именно на расу. Но вмѣсто того, чтобы сказать: «расовые особенности очень мало измѣняются», можно выразиться и такъ: тѣ свойства, которые связаны съ природой мѣстности и основными условіями данной среды — тѣ, конечно, мало измѣнчивы. Общее положеніе должно быть таково: раса есть нечто производное, и свойства народа постольку оригиналны, поскольку оригинална природа ихъ страны и условія ихъ культуры.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что пермскій край—страна чудесъ. Здѣсь много обильного матеріала для антрополога, лингвиста, археолога, историка и т. д. Этотъ край важенъ также для всякаго, интересующагося положеніемъ вещей въ Россіи. Музей въ г. Перми, археологическое ученое общество, отношение къ нему мѣстной интеллигенціи—на всемъ видна печать какой-то семейственности и любви къ своему краю. Еслибы здѣсь существовала еще любовь къ инородцамъ, тогда и желать болѣе, повидимому, было бы нечего.

Языкъ—истинное выраженіе духа народа. Слушая рѣчи пермяковъ, записывая съ его словъ его мечты, его сказки, чувствуешь себя удрученнымъ. Слаба рѣчь пермяка, нѣть силы и красокъ въ его сказкахъ, нѣть здѣсь ни смысли, ни отваги,—все говорить о томъ, что забита душа народа! Между тѣмъ, сколько красокъ должно бы быть въ языкѣ пермскомъ (зырянскомъ), картиности, близости къ природѣ (обиліе въ языке зырянскомъ звукоподражательныхъ словъ)! Сколько красоты въ ихъ послѣ положеніяхъ, выражающихъ пространственный и прочія отношенія предметовъ, какая гармонія въ обиліи открытыхъ и глухихъ звуковъ (ô), краткость и сила предложеній, обиліе твердыхъ гласныхъ (музыка съвера)—вотъ какія особенности присущіе финскимъ языкамъ пермской группы, вотъ что должно бы подмѣтить въ языке пермяковъ, но все поблекло вмѣстѣ съ грустной душой народа!

Каллистратъ Жаковъ.

¹ См. «Зыряне». Этнологич. очеркъ. «Живая Старина» 1901 годъ. «Вотяки». Этнографический очеркъ. «Научное Обозрѣніе», ноябрь 1902 года.

Ляшкій вопросъ.

На первомъ засѣданіі этнографической секціі III-го Съѣзда польскихъ историковъ въ Краковѣ въ 1900 году профессоръ Млынѣкъ прочелъ рефератъ «O dzisiejszej nazwie «lach» i jejъ znaczeniu dla badan etnograficznych»¹.

Въ немъ референтъ доказываетъ, что имя «ляхъ», употребляющееся въ настоящее время въ горальскомъ, ляшоцкомъ, русинскомъ говорахъ Западной Галиціи, означаетъ человѣка особаго польского племени. Послѣднее обитаетъ между рѣками Бѣлой и Саномъ съ одной стороны, и Вислой и Карпатами—съ другой; граничитъ на югѣ съ горалами, на сѣверѣ съ мазурами, на востокѣ съ русинами, на западѣ съ сленцками. Называть его мазурами, какъ это обыкновенно дѣлаютъ,—нельзя, такъ какъ оно отличается отъ мазуровъ типомъ, бытъ и языкомъ. Поэтому необходимо ввести въ этнографію название «ляхъ».

Одна часть присутствующихъ была несогласна съ указанными проф. Млынкомъ границами употребленія названія «ляхъ». Г. Завалинскій утверждалъ, что оно употребляется только клицаками и горалами; Кленовскій говорилъ, что оно слышится у русинъ; Парчевскій прибавлялъ, что, сверхъ того, оно известно въ Тѣшинскомъ княжествѣ.

Другая группа оппонентовъ высказалась противъ признанія имени «ляхъ» названіемъ особаго польского племени. Сикорскій признавалъ нѣкоторыя отличія между такъ называемыми «ляхами» и ихъ сосѣдями въ языке; между Сончемъ и Марцинковомъ онъ подмѣтилъ нѣкоторыя лингвистические особенности, но не считалъ ихъ достаточными для того, чтобы принять мнѣніе Млынка.

Здзярскій и Бодуэнъ-де-Куртенэ мотивировали свое несогласіе съ мнѣніемъ референта отсутствиемъ какихъ бы то ни было отличій между такъ называемыми ляхами и ихъ сосѣдями.

Калина, Свентекъ, Крчекъ не признавали справедливымъ мнѣніе Млынка, такъ какъ имя «ляхъ», по ихъ мнѣнію, не туземное, а распространяется горалами.

Радзиковскій считалъ имя «ляхъ» не названіемъ особаго племени, а только прозвищемъ, даваемымъ горалами жителямъ равнинъ. Въ доказательство своего мнѣнія онъ ссылался на слѣдующее: 1) имя «ляхъ» встрѣчается только тамъ, где сталкиваются горали съ ляхами; 2) оно въ исторіи—сионимъ или поляковъ, или вообще западныхъ славянъ; 3) предки ляховъ и горалей—одни и тѣ же, именно такъ называемые краковяне, висляне, сандомиряне.

Мнѣніе Радзиковскаго, что «ляхъ»—прозвище, раздѣляли всѣ оппоненты, кроме Бодуэна-де-Куртенэ. Послѣдній, исходя изъ того, что племенные названія нерѣдко употребляются въ качествѣ прозвищъ, не считалъ невозможнымъ

¹ Напечатанъ въ *Pamiętnik III Zjazdu histor. pol.*, II, 109—112.

признать и «ляхъ» названием особой части польского народа, но онъ высказывался противъ выдѣленія «ляховъ» въ особое польское племя.

Въ заключеніе изложенія возраженій, сдѣланныхъ Млынку, нельзя не остановиться на мнѣніи Крчка. Послѣдній счѣлъ изслѣдованіе вопроса о «ляхахъ» пустою, безполезною тратою времени.

Несмотря на всѣ эти возраженія, Млынѣкъ остался при своемъ мнѣніи, увѣряя, что имѣть за него рядъ вѣскихъ доказательствъ, которыхъ за недостаткомъ времени изложить не можетъ.

Рѣшеніе секціи было слѣдующее. Она признала важность затронутаго Млынѣкомъ вопроса и выразила желаніе относительно дальнѣйшаго его изслѣдованія.

Спустя два года послѣ Съѣзда въ журналѣ «Lud» (т. VII) появилась замѣтка Буяка, касающаяся вопроса о ляхахъ: *Przyczynek do kwestyi «Lachów» i «Górali»*. Въ ней мы находимъ краткій отзывъ о рефератѣ Млынка. Буякъ считаетъ недостаткомъ этого реферата отсутствіе научныхъ доказательствъ; но онъ несогласенъ и съ мнѣніемъ оппонентовъ, будто имѣть никакой разницы между ляхами и ихъ сосѣдями. Различіе между ними и ихъ западными сосѣдями указано въ сборнике «Oesterreich in Wort und Bild». Оппоненты безъ сомнѣнія находились подъ сильнымъ вліяніемъ труда Потканскаго *«Pierwsi mieszkańców Podhala* (въ Rocznik Tatrzański 1897 г.); въ немъ авторъ доказывалъ, что горали — потомки колонистовъ, прибывшихъ съ береговъ Вислы. Упомянувъ о мнѣніи Талько-Гринцевича, считающаго горалей чистыми поляками, онъ переходитъ къ изложенію своихъ наблюденій, сдѣланныхъ имъ лѣтомъ 1901 г. въ Лимановскомъ уѣздѣ. Оказывается, лахи не считаются горалей своими, называютъ себя также свояками, наскими, ровняками, рѣже мазурами, такъ какъ послѣднее название подвергается насмѣшкамъ. Мало того, они даже вѣкоторыхъ горцевъ называютъ ровняками, когда ихъ считаютъ за своихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что ляхами они называютъ себя сами; но отсюда еще не вытекаетъ, что это название не заимствовано у сосѣдей. Точную границу между горалами и ляхами провести нельзя: есть деревни съ смѣшаннымъ населеніемъ, какъ Слопница, Млунчикъ, Грушовецъ. Вообще сѣверная и восточная часть Лимановскаго уѣзда населена ляхами, юго-западная — горалами. Буякъ подмѣтилъ рядъ различій между горалами и ляхами. Больѣе всего бросается въ глаза разница въ обуви: горали носятъ кгурсіе и кієгріе (т. е. лапти), лахи — сапоги съ подковами. Въ одеждѣ тоже замѣчается большая разница: брюки горалей ужѣ, чѣмъ у ляховъ, и чаще суконныя, а не полотняныя, какъ у ляховъ. Сукманы (сермяги) горалей короче, чѣмъ у ляховъ, изукрашены шитьемъ, безъ подкладки, между тѣмъ у ляховъ они и длиннѣе, и всегда на подкладкѣ. Поясъ горалей гораздо шире, чѣмъ у ляховъ. Вместо т. н. сердаковъ лахи носятъ бѣлые суконные кафтаны. Не менѣе различій можно указать и въ жилищѣ. У жителей равнинъ изба и конюшня находятся подъ одной крышей, у горалей же каждая отдельно. Словарный матеріаль языкка горалей находится подъ вліяніемъ языка румынскаго, чего нельзя сказать объ языкѣ ляховъ; языкъ горалей пѣвучій. Горали болѣе развиты, чѣмъ жители равнинъ. Наконецъ, между горалами мужчины красивѣе горалекъ.

Таковы отличія, подмѣченныя авторомъ между горалами и ляхами. Авторъ признаетъ, что почти каждую изъ указанныхъ имъ выше чертъ, отличія можно

объяснить вообще зліяніемъ горной природы, а не различіемъ племенныхъ. Но совокупность всѣхъ ихъ, по его мнѣнію, дасть право утверждать послѣднєе, именно, онъ сближаетъ горалей со словаками.

Подводя итогъ, Буякъ повторяетъ, что по крайней мѣрѣ въ Лимановскомъ уѣздѣ употребляется название «ляхъ», но доказать, что оно обозначаетъ особое племя—нельзя. Вотъ въ какомъ положеніи находится ляшской вопросъ въ настоящее время.

Какъ этнографическая секція III Съезда польскихъ историковъ, такъ и Буякъ признаютъ важность и интересъ поставленного Млынкомъ вопроса. Съ этимъ нельзя не согласиться. Въ противоположность прежнимъ изслѣдователямъ, разсматривавшимъ «лянскій» вопросъ съ исторической точки зренія (см. Потканскій: «Lachowie i Lechici»), онъ постарался доказать существованіе въ настоящее время особаго населения, носящаго название «ляхъ». Доводы его были неубѣдительны; поэтому понятно несогласіе съ его мнѣніемъ его оппонентовъ. Съ своей стороны, послѣдніе были неправы, отрицая существованіе какихъ бы то ни было отличій между ляхами и ихъ сосѣдями. Такія отличія есть, какъ показывается Буякъ, и ихъ не такъ мало, какъ думали нѣкоторые. Вопросъ только въ томъ, даютъ ли указанныя Буякомъ отличія право считать «ляховъ» за особое польское племя. По крайней мѣрѣ относительно Лимановскаго уѣзда мы можемъ сказать, что часть его населенія называетъ себя ляхами; но можно ли утверждать, что это название не заимствовано имъ у сосѣдей? Буякъ на оба эти вопроса отвѣчаетъ отрицательно. Такимъ образомъ онъ, самъ того не выказывая, придерживается мнѣнія Бодуэна-де-Куртенэ, который считалъ возможнымъ, что часть польского народа носитъ особое название «ляхи», но отнюдь не составляеть особаго племени, какъ это думалъ Млынѣкъ. Разница между Буякомъ и Бодуэномъ-де-Куртенэ только въ томъ, что первый считаетъ недоказаннымъ противоположное мнѣніе, т. е. утвержденіе Млынка, а второй прямо считаетъ невозможнымъ положеніе Млынка. Если принять во вниманіе, что есть отличія между ляхами и горалями, чего, какъ думалъ Бодуэнъ-де-Куртенэ, нѣтъ, то самыи вѣрныи является выводъ Буяка, т. е. что есть народъ (именно—часть населенія Лимановскаго уѣзда), который называетъ себя ляхами, и что онъ рѣзко отличается отъ своихъ южныхъ сосѣдей горалей.

В. Колашевскій.

Примѣчаніе. Мѣстность, населенная теперь польскими горалями, нѣкогда принадлежала галицкимъ князьямъ и входила въ составъ Галицкой области. «Нѣть сомнѣнія, говорить цокойный Барсовъ («Очерки русской исторической географіи», изд. 2-ое, 1885 г., стр. 109—110), что Перемышльская земля простирадалась гораздо далѣе на сѣверъ, за Любачевъ, Ярославль, Переворескъ (Przeworsk), галицкіе города, известные уже съ XIII вѣка, и отдѣлялась отъ лядскихъ владѣній болотистыми низинами Саны и Лонки...»

Западная граница съ ляхами шла, кажется, по водораздѣлу между двумя Вислоками, Саноцкимъ и Вислянскимъ, и захватывая верховья послѣдняго и верхнія теченія притоковъ его Яслы и Ропы, спускалась въ юго-зап. направ-

злені къ Карпатамъ, къ истокамъ Бѣлой, Попрада и Дунайца въ сосѣдство Кракова, который въ одной изъ грамотъ X вѣка, указывается на русскихъ границахъ. Здѣсь (къ сѣв.-востоку оть Дукали, въ одной милѣ) находится сел. Роги, которое еще въ XIV вѣкѣ считалось въ Русской землѣ. Въ виду этого польскихъ горалей можно считать потомками русскихъ горцевъ, усвоившихъ польскую рѣчь подъ вліяніемъ сосѣднихъ жителей равнины поляковъ, но сохранившихъ особенности и въ типѣ, въ одеждѣ, и вообще въ бытѣ. Такъ какъ русскіе горцы называли всѣхъ поляковъ обычнымъ для послѣднихъ названіемъ «ляхи», не заключавшимъ въ себѣ ничего оскорбительнаго, то, понятно, это названіе было принято (по крайней мѣрѣ въ сношеніяхъ съ русскими) ихъ сосѣдями, поляками, и за ними осталось. Отсюда и употребленіе вынѣшними поляками горалями названія «ляхи» для поляковъ равнинъ, и пользованіе, впрочемъ относительно слабое, тѣмъ названіемъ у самихъ поляковъ равнинъ, болѣе или менѣе близкихъ къ горалямъ.

A. Соболевскій.

III.

Свадебные обычаи, пѣсни и приговоры.

Записаны въ Рыбинской волости, Бѣжецкаго уѣзда, Тверской губ. въ 1903 году.

Почти всѣ свадьбы у крестьянъ Рыбинской волости совершаются зимой во время масоѣда, приблизительно между Крещенiemъ и масляницей. Браки весною и лѣтомъ крайне рѣдки и вызываются обыкновенно случаями неотложной необходимости, какъ, напримѣръ, смерть у многодѣтного крестьянина единственной работницы — жены, нравственное паденіе дѣвушки и т. п. Такія свадьбы не отличаются излишествомъ въ угощеніяхъ и совершаются очень скромно. Не то бываетъ зимой, когда въ крестьянской семье есть почти все необходимое, есть деньги и есть свободное относительно времени отъ крестьянскихъ работъ. Свадьбы эти празднуются по нѣсколько дней (отъ 3 до 9) и отличаются богатствомъ и изобилиемъ угощений.

Главные мотивы брака — забота объ увеличеніи числа рабочихъ рукъ въ крестьянской семье, отчасти боязнь за нравственное паденіе молодежи и — въ рѣдкихъ случаяхъ — любовь. Замужъ выходить начиная съ 16 лѣтъ и преимущественно до 23-хъ. Послѣ этого возраста рѣдко вступаютъ въ бракъ, и такихъ случаевъ немного; называютъ ихъ въ деревняхъ «вѣкоушами». А женится съ 18 лѣтъ, и бываютъ случаи вступленія въ бракъ и раньше, но это рѣкое исключение. Въ возрастѣ 24-хъ лѣтъ въ болѣе въ деревняхъ рѣдкость встрѣтить холостого парня Старыхъ холостиковъ среди крестьянъ или пожилыхъ и незамужныхъ женщинъ почти вѣтъ, такъ какъ женщина въ крестьянствѣ не служитъ обузой, а представляетъ изъ себѣ рабочую силу.

Главные заботы и участіе въ организаціи сватовства и свадьбы выпадаютъ на долю родителей. Когда отецъ или мать видѣтъ, что надо сына женить, то обыкновенно говорить ему объ этомъ, причемъ указываютъ на тѣ причины, какія вызываютъ женитьбу. Въ настоящее время, какъ и въ старину, въ большинствѣ случаевъ сами родители подыскиваютъ невѣсту и рѣдко самъ сынъ заявляетъ, что невѣсту себѣ уже присмотрѣлъ. Начинается сватовство. Обычно сватами бывають ближайшіе родственники жениха, не исключая и отца. Мать вдоваѣтъ рѣдко, хотя подобные случаи бываютъ. Сваты одѣваются въ праздничныя одѣжды, надѣваютъ хорошую сбрую на лошадей и ѳдугу, помолившись, уже по намѣченному пути свататься. Прѣѣхавъ въ желаемую семью, сваты входятъ въ избу, крестятся, здороваются и однѣ изъ нихъ говорятъ:

— Пришли къ вамъ не кумиться, не брататься, а пришли посвататься; у васъ есть невѣста, а у насъ женихъ.

Если все сватамъ благопріятствуетъ и женихъ желательный, то ихъ усаживаютъ за столъ и угощаютъ чаемъ, виномъ и яичницей. Чай обыкновенно разливаетъ вѣвѣста, причемъ ее тутъ же спрашиваютъ о согласіи. Если невѣста согласна, то приступаютъ къ ряду приданаго, которое бываетъ отъ 3 р. до 50 и болѣе. Бывали случаи, что сватовство разстроивалось, напр., изъ-за жилетки, которую родные вѣвѣсты не соглашались дать жениху. По многихъ случаяхъ пишутъ рядную приданому, въ которой все приданое перечисляютъ и указываютъ стоимость каждой вещи. Въ оттѣ же разъ назначаютъ день рукобитья, когда окончательно должны рѣшить дѣло. При удачномъ выполненіи своей миссіи сваты получаютъ залогъ отъ невѣсты жениху въ видѣ платка, шарфа,

и т. п. При неудачѣ, посль объявленія сватами о цѣли прѣѣзда, ихъ не угощаютъ и даже иногда, не сѣвая съ печи, отвѣчаютъ, что такихъ жениховъ не желаютъ или что еще не думаютъ отдавать дочь въ замужество и т. п.

Рукобитье заключается въ томъ, что приходить снова сваты въ домъ къ невѣстѣ, куда на этотъ разъ собирается много народа и приходятъ подруги невѣсты. Сваты садятся за накрытые столы, на которые хозяева ставятъ яичницу, блины, вино и хлѣбъ. Когда все это поставлено, сваты поднимаются съ мѣстъ, заворачиваются въ правыя полы своихъ поддевокъ правыя руки и ударяютъ въсколько разъ по рукамъ, такъ же завернутымъ въ поддевки у сватовъ со стороны невѣсты, которыми въ большинствѣ случаевъ бываютъ отецъ или дядя, а иногда и братъ невѣсты. Посль этого молится. Цѣлюются и садятся за угощеніе. Начинаютъ раздавать дары: жениху — полотенце. Кисеть съ придаными деньгами, свекру полотенце, свекрови посыпаютъ рукава и головной уборъ замужнихъ женщинъ) и сватамъ дарятъ тоже по полотенцу. Получивши дары, сваты тутъ же отдариваютъ деньгами невѣсту и даютъ отъ 1 р. до 10 р. и болѣе, смотря по достатку жениха, а придаными полотенцами опоясываются, какъ кушаками и черезъ плечо, что тоже дѣлаютъ въ дни брачныхъ торжествъ въ доказательство домовитости и рукоѣтности невѣсты. Невѣста въ это время садится около печи и начинаетъ голосить или вспѣвать.

Запоручиль кормилецъ-батюшка,
За поруки за крѣпкія,
За крѣпкія — вѣковѣчныя.
Не гнѣютъ эти поруки, не ржавѣютъ,
А живутъ до гробовой доски...

Собравшіяся дѣвушки на рукобитьѣ, посль раздачи подарковъ, поютъ сѣющію пѣсню:

Ты измѣнъ — наша измѣнница,
Измѣнила красныи дѣвушкамъ,
Говорила: замужъ не пойду,
Говорила: — не подумайо
Ни за князя, ни за барина,
А сама попла — задумала
За Алексѣя Ивановича (имя жениха).
Не вѣду я, млада, жалобу,
Ни на батюшку, ни на матушку,
А вѣду я, млада, жалобу,
Я на свата, — приговорщика.
Какъ ходилъ онъ къ намъ частехонько,
Говорилъ рѣчи гладехонько;
Онъ хвалилъ чужую сторону,
Какъ чужая-то сторонушка
Она сахаромъ усѣяна,
Медовой сотой поливана.
Не жила млада, не вѣдала,
Пожила млада, спровѣдала.
Чужая-то сторонушка
Она горемъ усѣяна,
Горючими слезами усыпана
И кручиной огорожена.

Посль этой пѣсни сваты и народъ расходятся по домамъ.

Начиная съ этого днѧ, невѣста утромъ и вечеромъ каждый день до свадьбы волеть или голосить такъ:

Ахъ, я сяду подъ окошечко,
Подъ окошечко подъ косыщато,
Ты, заря ли моя, зоренька,
Ты, заря ли моя утревняя!
Ты зачѣмъ рано загораешься?
Не даешь ты мнѣ, зоренька, повыспаться,
У свою родину батюшки,
У своей родимой матушки.

Если у невѣсты вѣтъ отца и матери, то она перечисляетъ тѣхъ родныхъ, у которыхъ живетъ.

Вечеромъ невѣста голосить такъ:

Ахъ, какъ сяду я подъ окошечко,
Подъ окошечко подъ косыщато.
Ты, заря ли моя, зоренька,
Ты, зоря-ль моя вечерняя,
Зачѣмъ рано занимаешься?
Не даешь ты мнѣ, зорепѣка
Посидѣть у родна батюшки,
У родимой своей матушки ..

Сирота-невѣта добавляетъ:

Запою я, сиротинушка,
Звонкимъ голосотъ серебрянымъ:
Ты раздайся, мать сыра земля,
Ты раскройся, гробова доска,
Ты возставь, родимый батюшка,
Ты возстань, роднина матушка.
Благословите дитятко,
Дочку-горьку, сиротинушку,
Спасомъ образомъ пресвѣтѣвать,
Богородицей матушкой.

Во времѧ днѧ невѣста каждую посѣтительницу изъ подругъ встрѣчаетъ, здоровается и, кладя голову ей на плечо, такъ голосить:

Здравствуй, милая подруженъка!
А ты знаешь ли про мое горе крѣпкое?
Запоручиъ меня родимый батюшка,
Запоручила родна матушка
Въ чужу дальнюю сторонушку,
За поруки вѣковѣчныя.

Или такъ:

Ахъ, скажи, жаланна тетушка,
Каково жить во чужихъ людяхъ,
Во чужихъ людяхъ за порукою
У чужого отца—матери?
Каково, моя голубушка.
Угождать имъ да услуживать?..

Посѣтительница отвѣчаетъ и тоже голосить:

Тяжко, тяжко, другъ мой маленький.
Тяжко жить намъ во чужихъ людяхъ.

Во чужихъ людяхъ незнакомыхъ,
У чужого отца съ матерью.
Насидишься во чужихъ людяхъ
На концѣ стола дубового,
Понаплачешь ясны оченъки
Горючими слезами горькими.

Всѣ дни до свадьбы, какъ семья невѣсты, такъ и семья жениха усиленно занимаются приготовленіями къ вѣнцу и работой приданаго. Женихъ выправляетъ необходимые письменные документы, на что тратится немало времени и денегъ.

Въ зимній свадебный сезонъ, т. е. мясоѣдомъ до масленицы, въ деревняхъ по ночерамъ устраиваются такъ называемыя «посѣдки» или «святки». Нанимаются молодежью изба, собираются въ ней дѣвицы и парни и проводятъ время въ пѣсняхъ, пляскахъ, угощениѣ; рассказываютъ сказки и прѣбутки. Дѣвицы обыкновенно являются на посѣдки съ работой, напр. съ прямкой, шитьемъ и т. п. Угощениѣ—наливку, орѣхи, конфеты, пряники и заѣдки покупаютъ парни. Всѣ одѣваются въ праздничныя платья и сарафаны, которые еще по сіе времена въ деревняхъ сохранились, хотя измѣнили вѣсколько свой старинный покрой. Невѣста почти всегда бываетъ на посѣдкахъ, гдѣ и имѣть свиданіе съ женихомъ, который обыкновенно привозитъ угощениѣ дѣвицамъ и невѣстѣ.

Такъ проходитъ время до дѣвичника, устраиваемаго въ домѣ невѣсты, и парничника—въ домѣ жениха. Дѣвичникъ и парничникъ—это дни прощанія жениха и невѣсты съ своей холостой и дѣвической жизнью. Невѣста въ день дѣвичника съ своими подругами отправляется въ баню, которую въ этотъ разъ топить или самая любимая подруга ея или родная сестра. Невѣсту моютъ или парятъ подруги, за что она ихъ вечеромъ угощаетъ чаемъ, ужиномъ, сусломъ и разными заѣдками.

Въ этотъ же день подруги заилетаютъ невѣстѣ косу. вилетая въ волосы яркия ленты въ тряпки, а вечеромъ въ банѣ расплетаютъ ее, и каждая дѣвица получаетъ въ подарокъ по лентѣ или косицѣ. Невѣста при этомъ причитаетъ такъ:

Ты поди-ка, поди, Марьюшка,
Ты поди ка, свѣтъ-Захаровна,
Расплети-ка ты мою косу
Во остаточки въ послѣдочки.

Лѣтъ 15—20 назадъ дѣвичникъ во многихъ семьяхъправлялся вѣсколько иначе. Когда баня была готова, одна изъ подругъ шла къ невѣстѣ въ избу и, отворяя дверь, приговаривала на распѣвъ:

Отворю я, млада, двери на пяту,
Положу я, млада, руку на скобу,
Ты пожалуй-ко, сестрица моя,
Ты пожалуй-ко, желанная,
Во паровую во баенку,
Ко зеленому ко вѣничку.
Смою я твою слезиночку
Съ ретива сердца горивочку.

Невѣста отвѣчала на это:

Ахъ, спасибо тебѣ, сестринька,
За привѣтливое, ласково словцо,
За паровую за баенку.

Послѣ этого пришедшія подруги расплетали невѣстѣ косу, а невѣста должна была, плача, приговаривать:

Ахъ, вы душеньки-подруженьки,
Вы, голубушки сердечныя!

Не трепите мою русую косу;
Вы не рвите волю дѣвичью!..

Съ расплетеной косой невѣста подхodila къ отцу в матери или къ ближайшему родственнику и голосила:

Ты, родимый соколь—батюшка,
Голубынька, моя матушка,
Поглядите вы на доченьку:
Растрецали косу ейную.
Разорвали волю дѣвичью!

Послѣ этого невѣста кланялась родителямъ въ ноги и приговаривала:

Благословите меня—горькую,
Во паровую во басинку.
Ко зеленому ко вѣничку.

Родители благословляли невѣstu, и она шла съ подругами въ бани, причемъ дѣрой пѣлись разныя свадебныя пѣсни. Отдохнувъ послѣ бани, невѣста съ родимымъ братомъ или съ другимъ ближайшимъ родственникомъ шла приглашать къ себѣ да дѣвичнико гостей: въ каждомъ домѣ кланялась въ ноги и приговаривала:

Милости прошу на дѣвичникъ мой,
Милости прошу за почесть столъ.

А сопровождавшій невѣstu приговаривалъ такъ:

Милости просимъ къ нашей невѣстѣ,
Къ Марьѣ Петровнѣ,
Хлѣбъ-соль откушать,
Вечерокъ прокоротать.

Когда все гости собирались, выходить невѣста, въ праздничномъ нарядѣ и иногда съ цветами на головѣ, кланяется всѣмъ въ поясъ, благодарить гостей и усаживается за столъ подъ образомъ, а на столѣ передъ ней ставить чашку деревянную, пустую, въ которую приходящіе гости кладутъ деньги—серебряные пятаки и гривенники.

Рядомъ съ невѣстой по правую руку садится родная сестра или ближайшая подруга, а по лѣвой остальныя подруги, а потомъ гости. Когда все соберутся, вачинаютъ пѣть пѣсни подруги невѣсты.

При вечерѣ, вечерѣ,
При послѣднемъ было времячкѣ,
Какъ у Марьи на дѣвичникѣ,
Прилеталъ тутъ младъ ясень соколь.
Онъ садился на окошечко,
На серебряную првчеленку,
На золотую закронику.
Увидѣла, узрѣла Марьушкина матушка:
Ты, родимое лятияко,
Привѣчай къ себѣ сокола,
Ясна-сокола залетнаго,
Добра-молодца пріѣзжаго,
Алексѣя, свѣтъ, Ивановича.
Ужъ я рада бы привѣтить сокола
Языкъ мой не ворочается,
Уста не отверзаются,
Сердце кровью обливается...

Иногда поютъ такой варіантъ той же пѣсни:

Какъ при вечерѣ, было вечерѣ,
Какъ у Марыи на дѣвишничкѣ,
У Петровны на веселыемъ,
Прилетѣлъ туда ясень соколь.
Онъ садился на оконечко,
На рѣшоточку серебряну.
Что некто-то сокола не видаль,
Что некто-то яснаго не высмотрѣль.
Высмотрѣла Марыина матушка:
Мое милое ты —дитятко,
Приголубъ ты ясна сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Добра молодца забѣжало! —
—Ахъ, родимая ты матушка,
Мой языкъ съ нимъ не воротится,
Сердце камнемъ обратится.

Дальше поютъ пѣсни гостямъ, каждому отдельно, и въ пѣсняхъ требуютъ золотой казны. Сначала поютъ невѣсты:

Нареченная княгиня, послушай,
Отецка дочь, догадайся,
За мошоночку принимайся!

Гостю холостому поютъ такъ:

Нора тебѣ, Алексѣюшка, жениться,
Твоя-то сужена повыросла,
Широки платочки повышала,
Скатерти браны по выбрала.

Если гости долго не расплачиваются съ дѣвицами, то, какъ бы задабривая ихъ, они поютъ:

Сергѣй ходить по двору,
Захарыч по широку.
Люди скажутъ: чей такой?
Степанида (жена) скажеть: мой дворянинъ.
Петровна молзить: мой господинъ.

Поютъ и такую пѣсню:

Ты, Митряшка (или другое имя), кудрава голова,
Не садись-ка ты вонъ мнѣ,
Что ни возлѣ, ни подлѣ, ни супротивъ мнѣ.
А то все скажутъ, что любишъ мнѣ.
—Я тебѣ, Митряшка, не любила,
Съ тобой въ лѣсъ по молину не хаживала,
Мужа своею малюнкой не потчивала.
Какъ пойду я, молода,
На широкій дворъ,
Я съ нашести вонъму пѣтушка,
Пѣтушка за право крыльышко.
Вотъ тебѣ, пѣтушокъ,
За нечной грѣшокъ;
Ты зачѣмъ рано встаешь,
Громкимъ голосомъ иоешь,
Съ милемъ спать не даешь.

На дѣвичникъ иногда приѣзжаетъ женихъ, хотя это бываетъ рѣдко. Невѣста его встрѣчаєтъ молча, низко кланяется и онъ, въ свою очередь кланяясь низко, садится рядомъ съ ней. Обычно женихъ привозитъ разныя угощенія невѣстѣ и угощаетъ ими ее и подругъ, которыхъ ему за это поютъ пѣсни:

Ужъ вы соколы, соколы,
Далеко ли вы летали?
А мы летали, летали,
Съ моря на море летали.
Чего же вы тамъ видѣли?
Мы видѣли, слышали
Сѣру утвицу ва заводъ.
Для чего же вы ее не взяли?
Мы хотѣли ее взяти,
Сизы-перья разбиты,
Горючу кровь пролиты.
Ахъ, вы, бояре, бояре,
Далеко ли выѣздили?
Съ городу на городъ мыѣздили.
Чего же вы тамъ видѣли?
Красну дѣвицу во теремѣ.
Для чего же вы ее не взяли?
Мы хотѣли ее взяти,
Русу косу расплести,
Горючу слезу пролити...
Поютъ и такую пѣсню:
Ты, голубушка, мила сестра Марья Петровна,
Миѣь сегодняшняя ночь не спалося,
Не спалося, все снился,
Будто летить гусей стадо;
Напередъ-то летить ясень соколь.
Ты, голубушка мила сестра,
Ты, Марія Петровна-свѣтъ,
Я твой сонъ разберу, расскажу,
Разгадаю его, расскажу.
Это не гусей стадо летить,
И на передъ-то не ясень соколь.
Это—Алексѣй-тоѣдетъ съ поѣздомъ.
Сергѣевичъ со краснымъ по тебѣ,
По тебѣ-ль, моя голубушка,
По твою ли косу русую;
Ко вѣнчанью поведутъ тебя,
Косу на дѣвъ расплетутъ тебѣ,
И сноюю назовутъ тебя,
Какъ женою Алексѣевой.

Послѣ ужина гости и женихъ разѣзжаются по домамъ, а невѣста, оставшись съ своими, начинаетъ голосить:

Ахъ, ты, батюшка родимый мой,
Ахъ, ты, матушка родимая,
Благословите вы меня, молоду,
Отдать свою дѣвичью красоту!

Кончая этотъ приговоръ, невѣста кланяется родителямъ въ ноги, а тѣ ее благословляютъ.

Парничникъ или мальчишникъ справляется женихомъ такъ. Въ этотъ день женихъ съ товарищами идетъ въ барю, куда захватываются съ собой водки, пива и закусокъ. Пѣсень и прічтаний ввакихъ вѣть. Придя въ барю, пьютъ волку, пиво и закусываютъ; на каменку льютъ пиво; жениха моетъ однѣ изъ товарищѣй. По возвращенію жениха изъ барю его немножко подстригаютъ. Женихъ вмѣстѣ съ однѣми или дружекъ или шаферовъ отправляется по сосѣдямъ и знакомымъ звать къ себѣ на парничникъ, причемъ, войдя въ домъ сосѣда, шаферъ приглашаетъ:

Милости прошу къ нашему жениху.
Алексѣю Ивановичу, хлѣба-соли откушать,
Вечерокъ посидѣть!

Пригласивъ сосѣдей и гостей, женихъ одѣвается праздничную одежду, въ которой будеть вѣнчаться, и подходитъ къ отцу и матери поль благословеніе. Отецъ береть хлѣбъ съ солью и, образомъ благословивъ сына, передаетъ ихъ матери, которая—обыкновенно со слезами—тоже благословляется и передаетъ ихъ крестному отцу жениха и, такимъ образомъ, образъ переходитъ изъ рукъ въ руки всей собравшейся родни, которая въ благословляетъ жениха, высказывая ему различный пожеланія. Послѣ этого женихъ усаживаютъ подъ образа за столъ; по правую сторону его садится крестный, а по лѣвую братъ или лучшій товарищъ, а потомъ остальная родня и почетные гости. Передъ женихомъ ставятъ пустую деревянную чашку, въ которую каждый изъ гостей, поздравляя жениха, кладеть, по доставку, отъ 10 к. и болѣе, а женихъ каждому гостю, вставая, кланяется три раза въ поясъ. Подаютъ угожденія: водку пиво, пироги—начинается пиръ, во время которого собравшіяся женщины (а иногда и лѣвицы) съ товарищами поютъ пѣсни. Поютъ уже приведенную выше пѣсю: «Ужъ вы, соколы, соколы», потомъ поютъ:

Алексѣева-то матушка
Въ воскресенье вспородила,
Въ воскресную заутреню снаряжала;
Снаряжала его матушка жениться.
Говорила ему, наказывала:
Ты пойдешь, мое дитятко, жениться,
Ты прідешь за тестю дворъ:
Не пускай-ка коня по двору,
Ты отай-ка коня конюхамъ,
Чтобы свѣль онъ на конюшенку.
Ты взойдешь во высокъ теремъ,
Ты недолго Богу молися,
Не низко тестю кланийся;
Примѣчай-ка свою сужену,
Свою сужеву-ражеву.
Чтѣ твоя-то ли сужена,
Сидѣтъ она непесела,
Буйву голову повѣсила,
Руса косынька расчесана,
Но плечамъ ея разбросана.

Поютъ и такую пѣсю:

Воску ярова свѣчи теплются,
Алексѣй-то Богу молится,
Со слезами низко кланяется.
Увидала, узрѣла Алексѣева матушка:
Ты, родимое дитятко,
Ты о чѣмъ же Богу молишься,
Со слезами низко кланяешься?

— Ужъ и какъ же мнъ не плакати.
Мнъ дорода будеть дальняя,
Поважане будуть пыльные,
А кони будуть игриные,
Игриные, вертильные;
Потеряютъ мою суженую
По ухабамъ по глыбокимъ,
По раскатамъ по широкимъ.

Если женихъ—сирота, то поютъ:
Ты рѣка ли, наша рѣченка,
Ты рѣка ли наша быстрая,
Ты течешь не колыхнешься,
Со желтымъ неекомъ не возмутишься.
Во тебѣ ли, моя рѣченка,
Много каменя жемчужнаго,
Одного нѣть дорога камня.
У Алексея гостей иного,
Весь бояре со боярынами,
Все кнізья-то со кнігинами,
Одного нѣть дорога гостя ¹,
Дорога гостя—батюшки.
Погодите, люди добрые,
Подвигать столы дубовые:
Подъ окошкомъ, что-то стукнуло,
У каминки кольцо брякнуло.
Не кормилецъ ли—батюшка,
Не несетъ ли Спаса образа—
Благословеніе великое. .

Поютъ еще пѣсни:

Среди-то было гораицы столовой,
Алексей играеть во цимбалы,
Ивановичъ во звончаты.
Подошедші, Марьушка выслушивала,
Подошедші, Петровна выдумывала,
Что это цимбалушки возговорили?
Говорили цимбалушки звончатель:
Свекра-то велять звать батюшкой,
Свекровь-то велять звать матушкой.
Деверьевъ-то велять звать мильтми братцами,
Золововъ-то велять звать мильтми сестрицами,
Алексея-то велять звать мильт дружкомъ:
Онъ мнъ мильт роду-племени.

Кромъ этихъ пѣсень поютъ еще плясовыя, подъ которыхъ сѣбравшаяся моло-
дежь пляшетъ. Чаще можно слышать изъ плясовыхъ такія.

Я по жердочкѣ шла,
Я по тоненкѣй, по еловенькой.
Только жердочка гнется, не ломится,
Хорошо съ мильт водиться,
Ночки темы коротать.
Ахъ, ты, Ванюшка, мой разлапушка,
Позвола бы та на ночки, —
Повалившись ходеть.
Положила бы на ручку,
Разоспившися, не проснившись.

Или:

Ахъ, несырой ли то дубъ разгорается,
Ай люли, ай люли, разгорается.
Ужъ не мой ли то мужъ размогается,
Ай люли, ай люли, размогается.
Я пойду, молода, ко мишу дружку,
Ай люли, ай люли, ко мишу дружку.
Ко мишу дружку, ко Иванушкѣ,
Ай люли, ай люли, ко Иванушкѣ.
Ты, Иванушка-дружокъ, чего хочется?
Ай люли, ай люли чего хочется.
Сладкой водочки ли, чаю или кофею?
Ай люли, ай люли, или кофею.
Я хочу, я прошу студеной воды,
Ай люли, ай люли, студеной воды.
Студеной воды со Дунай-рѣки.
Ай люли, ай люли, со Дунай-рѣки.

Еще поютъ плясовую пѣсню:

Ахъ, во лузахъ, ахъ, во лузахъ,
Какъ во лузахъ зеленыхъ лузахъ.
Выростала трава шелковая,
Расцвѣли цветы лазоревые.
Я во тѣхъ лузахъ выкормлю коня.
Ужъ я выкормлю, выглижу его.
Я надѣну золотые уѣла,
Подведу коня я къ батюшкѣ.
Ужъ ты, батюка родимый мой,
Гдѣ вскорить мнѣ свою ворона коня.
Ужъ я выкормлю, выглижу его.
Ахъ, какъ во лузахъ, зеленыхъ лузахъ.

(И опять начинается съ начала).

Подъ пѣсни пляшутъ, въ послѣднее время, вврочемъ рѣдко, и чаше подъ гармонію, которая есть въ каждой деревнѣ. Послѣ ужина, продолжающагося довольно долго и сопровождаемаго довольно значительнымъ угощениемъ водкой, гости часовъ около 11 вечера разъѣзжаются по домамъ.

День свадьбы въ семьяхъ какъ у жениха, такъ и у невѣсты полонъ приготовлений и хлопотъ, который заканчиваются часами къ 9 или 10 утра. Тутъ приготавливаются и кушанья и закуски, разливается водка и пиво, прабираются въ избѣ и приготавливаются къ пѣзду, т. е. къ поѣзду жениха и невѣсты къ вѣнцу. Въ этотъ день назначаютъ, кому быть дружкой, подружьемъ, тысяцкимъ и т. д. принять участіе въ свадебномъ пѣзду. Одинъ изъ дружекъ, назначается старшимъ еще наканунѣ (старшій шаферъ). Въ этотъ день старшій дружка, прійдя въ домъ жениха, начинаетъ приговаривать такъ: «Иванъ Ивановичъ (крестное имя жениха), повѣйдите, повыступите, по свѣтицѣ пройдите, платочкомъ махните. Вашу честь вареченный князь просить быть тысяцкимъ честнымъ.» На этотъ вызовъ выходить крестный, моетъ руки, крестится и садится за столъ. Потомъ дружка почти въ такихъ же словахъ выкликаетъ большого боярина, менышаго боярина, дружекъ и подружей; всѣ перечисленные выходятъ, кланяются, моютъ руки и садятся за столъ закусывать. Женихъ до вѣнца ничего не Ѣсть и не пьетъ. Собравшіяся дѣвицы поютъ пѣсни и одну специально для старшаго дружка, который принимаетъ на себя обязанность угощать собравшихся пивомъ и водкой.

А кто у насъ удалой, а кто у насъ пригожий?
Павель (имя дружки)—соколь удалой,
Ивановичъ пригожий.
Онъ и добръ и пригожъ,
Красныхъ дѣвицъ любить.
Дружкой звать, величать
Старшимъ по ированью.
Ахъ, ты, друженка хороший.
Ахъ, ты, друженка пригожий,
Сахарны уста твои.
Вокругъ тебя поютъ дѣвицы,
До пѣсень большія мастерицы,
Подарочка ждутъ.

Дружка береть кружку съ пивомъ и опускаеть туда гравенникъ, то же дѣлаютъ въ тѣ изъ гостей, которыми дѣвицы поютъ пѣсни, а потомъ эти деньги идутъ за подарки дѣвницамъ за пѣсни. Закусивъ, гости встаютъ. Дружка обращается къ присутствующимъ и говорить: «Обернемся, оглянемся по новой горницѣ, по свѣтлой свѣтлицѣ, братцы. Молодые, усатые, бородатые, благословляйте нашего князя нареченаго, вашего князя—сосѣда любезнаго братъ намъ, кобрымъ молоцамъ, во путь, во дорогу, мѣрными верстами, точеными столбами, прѣѣзжать намъ въ деревню Заручье (гдѣ невѣста живетъ). Стоять наши кони въ чистомъ полѣ, коврами пріодѣты єдять траву шелковую, пить воду ключевую: братъ намъ сужену-ражену у Петра у Ивановича». Въ дорогу укладываютъ свадебные запасы, водку, пироги, пиво и берутъ образъ, свѣчи, скатерть и солонку. Все это забираютъ большой и меньшой бояре. Запрягаютъ лошадей, наѣваютъ саму лучшую сбрую, бубенчики, колокольчики и въ гривы и въ хвости волетаютъ цвѣтныя тряпки и ленты. Когда все готово, дружка зоветъ всѣхъ—благословить князя нареченаго во путь, во дорогу, послѣ чего отецъ, мать и вся родня благословляютъ жениха, высказываютъ ему лучшія шожданія и поѣздъ отправляется въ такомъ порядкѣ: впереди на одиночкѣ єдетъ дружка съ подружьемъ, за ними на нарѣ женихъ съ тысяцкимъ и провожатымъ, потомъ на одиночкѣ бояринъ большой и меньшой съ свадебными припасами. Прѣѣхавъ къ невѣстѣ, выходятъ и стоять у сѣней. Дружка внуточъ ударяетъ по двери со словами: «Во имя Отца и Сына и Св. Духа». Изъ дверей, которую отворяетъ дружка невѣсты, отвѣчаютъ: «Аминь». Поѣзжане вѣтъ входять. Дружка, войдя, начинаетъ такъ: «Прислалъ нашъ князь нареченный про ваше здоровье узнать, про свое расказать, какъ вы живете, здоровы, а мы все—слава Богу». Столъ бываетъ занять подругами невѣсты и потому вошедшими приходится стоять нѣсколько времени у дверей. Дѣвицы начинаютъ требовать съ прѣѣхавшихъ подорожную. Дружка на это показываетъ подотенце, на что дѣвицы отвѣчаютъ, что подотенце знакомое и шито при нихъ. Потомъ требуютъ отъ дружки, чтобы она показала, что бываетъ красивѣе краснаго солнышка и свѣтлѣе яснаго мѣсяца? Дружка на это подаетъ образъ, который ставятъ на божинцу. На вопросъ: «Чего у отца съ матерью въ домѣ не осталось?» дружка указываетъ на жениха. На вопросъ—показать самую крутую гору и синее море, дружка подаетъ имъ хлѣбъ и пиво. Послѣ этого съ дружкой начинаютъ требовать золотой казны Дружка вынимаетъ мелкія деньги и одѣляетъ каждую дѣвицу, и только послѣ этого дѣвицы выходятъ изъ-за стола. За столомъ остается братъ невѣсты и требуетъ съ дружки выкупа за косу сестры. Когда дружка упачиваетъ выкупъ, вѣтъ прѣѣхавшіе поѣзжане съ женихомъ садятся за столъ, причемъ жениха садить съ невѣстой рядомъ, и дружка начинаетъ угощать присутствующихъ маленикомъ (иоргъ), водкой и пивомъ. Угощая подругъ невѣсты, онъ говоритъ: «дѣвицы-пѣвицы, пирожны мастерицы, горшечны пагубницы, угощайтесь въ честь нашего нареченаго князя съ книгиней». Обращаясь къ ребятишкамъ, безъ которыхъ ни одно деревенское событие не обойдется и которые почти всегда забираются на печку, чтобы не мѣшать взрослымъ, дружка говоритъ: «запечнички, запа-

латнички, гороховы разбойнички, угощайтесь въ честь пареченного князя съ княгиней». Дѣвицы въ это время поютъ пѣсни».

Отвалилася вѣточка
Отъ сахарна древичка,
Отставала лебедушка
Прочь отъ стада лебединаго.
Приставала лебедушка,
Что ко стаду сѣрыхъ гусей.
Ее стали гуси щипати,
А бѣла лебедушка кликати:
Не щиплите, гуси сѣрые.
Не сама я къ вамъ залетѣла—
Занесли меня вѣтры буйные.

Потомъ поютъ:

Ахъ, посадили молодца
Возлѣ нашего золотца.
Ахъ, какъ вашъ-то молодецъ
Ни однажды не золоченъ,
А наша-то дѣвица,
Она вдвое, втрое золочена.

Потомъ поютъ опять предыдущую пѣсню съ такимъ измѣненіемъ:

Отвалилася вѣточка,
Отъ сахарна древичка,
Отставала Марья-душа свѣтъ-Петровна
Прочь отъ красныхъ дѣвушекъ,
Приставала ко толпѣ-то мужицкой,
Ее стали люди хаяти,
А она стала плакати:
Вы не хайте, люди добрые,
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Завезъ меня добрый конь и добрый молодецъ,
Алексѣемъ звать свѣтъ-Ивановичемъ.

Потомъ поютъ пѣсню:

Ахъ, не этотъ ли нашъ князь молодой,
Что не этотъ ли нашъ тыщицкой большой,
Онъ сидѣть да во честномъ мѣстѣ,
Во честномъ мѣстѣ, на лавочкѣ.
Что вокругъ не соловыи поютъ,
А поютъ вокругъ пѣвицы, души красныя дѣвицы.

Потомъ поютъ:

Нареченный князь, послушай,
Ты, отецкій сынъ, догадайся,
За мошоночку принимайся,
Золота гривы вынимайся.
Насъ пора, дѣвицъ, подарить,
Намъ за бѣлы на бѣлила,
Намъ за красны на румяна,
Мы, дѣвушки, новгородски,
Мы живемъ здѣсь при иогостѣ.
За водой пойдемъ—набѣлимся,
Со воды прійдемъ—нарумянимся.

Передъ окончаниемъ закуски поютъ пѣсю:

Ахъ, родимыи батюшка съ родной матушкой,
Умыли вы дѣтище выростить,
Умѣйтъ же въ путь-дорожку благословить,—
Бхать намъ путемъ широкимъ,
Чистымъ полемъ, зеленымъ лугамъ,
Темнымъ лѣсамъ, по мѣрнымъ верстамъ.
По темнымъ лѣсамъ, по точенымъ столбамъ,
Ко сіянію церковному, что ко звону колокольному.
Благословите злату вѣнецъ принять.
И животворящій крестъ цѣловать

Послѣ этого всѣ встаютъ. Родные каждый особо—благословляютъ невѣсту по три раза образомъ, всѣ молятся, высказываютъ невѣстѣ и жениху лучшія пожеланія и идуть въ церковь. На первой лошади дружка съ подружьемъ, на вторыхъ саняхъ женихъ съ тысяцкимъ, на третьихъ невѣста со свахой, на четвертыхъ большой и меньшой бояре и на остальныхъ прочая родня и гости. Мать и отецъ невѣсты и жениха въ церковь не идуть. Побѣжанъ въ деревняхъ никто не останавливается, такъ какъ остановить свадьбу считается дурнымъ преденаменованиемъ. Женихъ и невѣста кланяются на обѣ стороны встрѣчнымъ при проѣздѣ по деревнямъ. Невѣста идѣть закрытая платкомъ. Подѣхавъ къ седу или ногосту, поѣзжане всѣ идутъ въ сторожку церковную; здѣсь пишется свадебный обыскъ и производится плата за вѣнчаніе. Когда всѣ формальности окончены, жениха и невѣсту ведутъ въ церковь, куда идуть и всѣ пріѣхавшіе поѣзжане. Обыкновенно передъ аналоемъ разстилаютъ полотенце или платокъ, на который и становится женихъ съ невѣстой, причемъ женихъ становится съ правой, а невѣста съ лѣвой стороны и снимаетъ съ своего лица платокъ. Происходитъ вѣнчаніе, потомъ почти всегда молебень. Во время вѣнчанія на головы жениха и невѣсты надѣваютъ вѣнцы и шафера ихъ не поддерживаютъ. Изъ церкви всѣ идутъ въ сторожку, гдѣ надѣваютъ молодой головной уборъ замужней женщины, и молодая кланяется первыи разъ своему мужу въ ноги, чтобъ означаеть появленіе ему и любовь. Послѣ переодѣванія, свадебная публика опять немного закусываетъ, выпиваетъ и потомъ всѣ идуть въ домъ жениха, причемъ молодые идуть вмѣстѣ въ саняхъ жениха. Въ саняхъ дома собравшіяся дѣвицы встрѣчаютъ молодыхъ и поютъ:

Ворота-то отворялися,
Вода подливаласа,
Три кораблика приплыли:
Первый корабль съ золотомъ,
А другой съ чистымъ серебромъ,
А третій съ красной дѣвицей.
Алексѣю мать говорить:
— Ты, родимо мое дитятко,
За который корабль приниматися?
— Мнѣ не надо зата-серебра,
А мнѣ надо красна дѣвица.

Дружка первый входитъ въ избу и, обращаясь къ отцу и матери молодого, говоритъ: «Нашъ князь удалой просить встрѣтить его съ княгиней молодой. Чего желали, то и случилось». Отецъ и мать встрѣчаютъ молодыхъ съ хлѣбомъ и солью и осыпаютъ ихъ житомъ, причемъ отецъ надѣвааетъ на себя для встрѣчи овчинную шубу иѣхомъ къ верху. Новобрачныхъ тотчасъ же усаживаютъ за столъ, причемъ лице молодой уже не закрываютъ. Дѣвицы начинаютъ пѣть пѣсю:

Не тошно ли тебѣ, Марьюшка,
Не грустно ли тебѣ, Петровна?
По всѣ стороны обѣла чужая сторона:

По правую сторону киша молодой,
По левую сторону свиньиные,
Супротивъ на скамейкѣ—бенре.
Сваха съ боярами говорила:
Вы пойдете, бояре, въ Новыи-городъ,
Вы купите, бояре, соловейку,
Привезете соловейку ко красавцѣ,
Чтобы наша соловейка распѣвала,
Чтобы нашихъ молодыхъ разбужала.

Потомъ пойдутъ пѣсни:

Какъ изъ лѣса, изъ темнаго,
Вылетало стадо сѣрыхъ гусей;
А изъ-за горъ крутыхъ, высокихъ,
Вылетало стадо лебедей.
Отставала лебедушка
Какъ отъ стада лебединаго,
Приставала лебедушка
Что ко стаду сѣрыхъ гусей.
Ее стали гуси обижати
А лебедушка громко причитати:
— Не обижайте меня, гуси сѣрые,
Не сама я къ вамъ залетѣла,
Занесло меня погодою,
Занесло дождемъ, бурею.
Какъ по улицѣ, улицѣ,
Идетъ веселый табунъ молодушекъ,
А другой-то красныхъ девушки.
Отставала Марья-душа
Прочь отъ красныхъ девушки,
Приставала Марья-душа
Къ молодымъ-то молодушкамъ.
Стали надъ ней люди смѣяться.
— Вы не смѣйтесь, люди добрые,
Не сама я къ вамъ заѣхала,
Зевезли меня удали кони,
Что удали кони Алексѣевы.

Проинходитъ обѣдъ, за которымъ принимаютъ участіе всѣ собравшіеся родные и знакомые. Много щѣять, а еще болѣе пить. Гости приговариваютъ, кричать: «горько!» послѣ чего молодые должны цѣловаться. При выпиваніи, все время бываютъ различные приговоры, какъ, напр., дружка, обращаясь къ крестному, говорить: «Батюшка тысацкій, нутекко крякните, въ рюмочку брякните!» На это крестный, взявъ рюмку, смотрить въ нее и говорить: «Въ водкѣ-то тараканъ съ ушамъ». Послѣ этого молодая беретъ мужа за уши и цѣлуетъ его три раза. Другой кто-нибудь, принимая рюмку, говорить: «Что это, въ водкѣ видна пѣшкша». Молодая, слыша это, должна попѣловать мужа въ маковку. На замѣчаніе, что въ водкѣ видна рожь, молодая отвѣчаетъ: «мой мужъ хорошъ!» На замѣчаніе, что видна дуга, молодая отвѣчаетъ: «я—Алексѣя Ивановича слуга». На замѣчаніе, что надо бы въ водку подбавить пшена, молодой отвѣчаетъ: «Марья Петровна — моя жена». Послѣ обильнаго обѣда, молодыхъ ведутъ изъ-за стола въ особую комнату и, накормивъ ихъ, укладываютъ спать. Гости обыкновенно остаются и продолжаютъ пирожать иногда до утра.

На другой день молодыхъ поднимаетъ дружка, а иногда и сваха. Начинается закуска, послѣ которой молодая подаетъ умывать руки свекру и свекрови, причемъ клянется имъ въ ноги. Послѣ этого молодая дарить родныхъ мужа полотенцами, платками,

сборниками, шарфами и т. п. После раздачи, снова садятся за столъ в начинаютъ опять пить и закусывать, причемъ дружка, наливая рюмку водки, выкликаетъ такъ (обращается сначала къ отцу и матери, а потомъ и къ остальной родинѣ): «Встаньте на лыжи, подвиньтесь поближе, виндо выпишайте; а напить молодыхъ серебромъ вадътайте». Каждый изъ присутствующихъ, выпивъ рюмку, кладетъ на деревянное блюдо на столъ деньги, смотри по достатку. Потомъ молодая подищаетъ полъ, заваленный нарочно передъ этимъ соломой. Ей бросаются присутствующіе деньги и она за это каждому кланяется въ ноги.

Въ этотъ же день къ молодой юдуть въ гости за отводы и ю, причемъ съ молодыми юдуть свекоръ со свекровью и прочіе родственники мужа. Молодые остаются гостить у родныхъ молодой два 2 или 3. Пріѣхавъ, молодой обращается къ родителямъ жены, кланяется имъ въ ноги и говоритъ: «Благодарю, вѣдь на весиѣ, ваша дочь какъ была въ купели, такъ осталась и, теперь». Начинается опять угощеніе, чай, закуска, водка, пиво и сдасти. Перваго извѣдѣнія долго: за полночь, поютъ пѣсни и пляшутъ. Послѣ ужина, молодыхъ укладываютъ спать отдельно въ другой избѣ. На другой день или черезъ два молодые возвращаются домой въ этиѣ заканчиваются свадебный циркшества. Возвращаясь съ отводы, молодые обыкновенно захватываютъ съ собой въ приданое, которое везетъ дружка.

Въ первую субботу молодая топить у себя бани и зоветъ сюда мыться всею родину своего мужа, причемъ каждому кланяется въ ноги. Этими и заканчивается свадьба у крестьянъ Рыбинской волости. Затѣмъ, для молодой наступаетъ обыкновенная, будничная жизнь.

15 июля 1903.
С. Рыбинское.

Собралъ членъ-сотрудникъ С.-Петербургскаго
Археологическаго Института *В. Н. Мальковский*.

I.

Несколько замѣчаній

объ особенностихъ говора въ Устюжинскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи.

Буква *ч* замѣняется буквой *ц*, напр.: *цай* (*чай*), *ацкo* (*ячко*), *дощечка* (*дощчка*). Въ нѣкоторыхъ словахъ буквы *ч* и *ж* замѣняются буквой *ш*, напр.: *пoштo* (*пoчтo*), *можнo* (*можнo*): *нъшто* *можнo* *это* *дѣлать*? т. е. *разъ* *можнo* *это* *дѣлать*?

Говорить «свободно» ви. *свободно*. Звукъ *о* въ нѣкоторыхъ словахъ слышится, какъ *у*, напр.: *упять* (*опять*), *усвѣтить* (*освѣтить*). Въ концѣ словъ часто употребляется членъ *сo*, *то* *те*, напр.: *эвтотъ* *человѣкъ*—*отъ* *изъ* *чыхъ* *будѣть*, т. е. *кто* *этотъ* *человѣкъ*? (Смотрѣ Частушки, № 95, 105, 146, 148...). Въ повелительномъ наклоненіи употребляются частицы *ко* и *косъ*, напр.: *мотрико* (*смотри*), *глайн-ко* (*взгляни*), *оглян-косъ*, *нат-ко*, *подъ-ко* (*подойди*). Въ творительномъ падежѣ употребляется окончаніе дательного падежа, напр.: *подѣма* *за* *грибамъ* (*за грибами*), *рыбу* *ловимъ* *неводамъ*. Эта особенность встрѣчается не только среди простонародья, но даже среди мѣстной интеллигентіи. Въ личныхъ мѣстоименіяхъ замѣчаются слѣдующія особенности: дат. падежъ, напр. *минѣ* (*мѣ*), *тибѣ* и *те* (*тебѣ*), говорить, напр., *уж-ко* *я* *те* *дамъ*; *винят.* *падежъ* *ти* (*тебя*): *за* *эвто* *я* *ти* (*тебя*) *такъ* *свисну* (*ударю*). Личное мѣстоименіе 3-го л. употребляется *ёнъ*, *ёвѣ*, *енб*, *род.* и *винят.* п. *иё* (см. Частушки, № 213), ви. *ми*. ч. *оны*. Въ замѣняется звукомъ *и* не только въ личныхъ мѣстоименіяхъ, но также въ нѣкоторыхъ существительныхъ, напр., *мiнiя* *выслушiлъ* *мiнiоночкi* *въ* *эти* *днi* *и* *идѣ* *лiюшкi* (см. Частушки, № 92).

Указательное мѣстоименіе *это* *тъ* слышится въ разговорѣ со вставкой буквы *с* *автотъ*.

Въ творительномъ и предложномъ падежахъ нѣкоторыхъ мѣстоименій и прилагательныхъ вставляются гласные *е* или *и*, напр.: *другiимъ*, *въ другоѣмъ*, *всѣкiимъ*, *во всѣкоѣмъ* *дѣлъ*, *въ кажiнноѣмъ* (*каждомъ*) (см. частушки, № 121, 166). Въ нѣкоторыхъ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ выдѣляется окончаніе *ьской*, напр., *какбъской* (*какой*), *такбъской*, *Дубрѣской* (*Дубровскій*).

Въ 3-мъ лицѣ ед. ч. наст. вр. вспомог. гл. *быть* употребительна форма *бесте* (*есть*), напр.: *бесте* *ли* *грибы-те* *увастъ*? Въ 1 лицѣ *мвож.* ч. въ глаголахъ встрѣчается окончаніе *ма*, напр.: *мы* *туды* *не* *хбдима*; *или*: *вонъ* *хлѣбъ-отъ* *рано* *покупаима*. Во 2-мъ лицѣ ед. ч. употребляется окончаніе *ша*: *помниша*, *знаеша*, напр.: *помниша*, *я* *тибѣ* *вчера* *сiнко* *о* *ёмъ* *склазывалъ*; *будета* *ви*. *будеть*.

Удивленіе выражается словомъ *нюшто* (*неужели*). Слово очень постоянно замѣняется словами: *горазнo* и *больно*, напр.: *ёнъ* *горазно* *просиль* *мини* (*заходить*) *къ* *сибъ*. Видѣто словъ: *почему*, *зачѣмъ* употребляютъ: *длiче* или *пoштo*.

Вотъ часто въ рѣчи замѣняется *иши*, напр.: *иши* *ты* *какой* — *на* *грошъ* *амунициi*, *а* *на* *рубль* *амбiцiи*.

Наконецъ, нужно замѣтить, что мѣстное произношеніе отличается протяжностью, таинственностью.

Къ числу мѣстныхъ словъ относятся слѣдующія:

1) *Балахристинчать* — *бездѣльничать*, *даромъ* *время* *проводить*.

- 2) Балу́нъ—шалу́нъ
- 3) Безструнная балалайка — кто много пустого болтаешь.
- 4) Болѣсть — болѣнь.
- 5) Вечёръ, вчера́сь, вчера́синъка — вчера.
- 6) Вольница — шалу́нъ, напр.: полно ли те, вольница, дурачиться-то?
- 7) Втѣпоры, втѣпор — въ то время.
- 8) Глѣбка — трѣпка.
- 9) Городить — негородь ставить; въ переносн. см. говорить не кстати.
- 10) Давеча — недавно.
- 11) Деревёной — односельчанинъ: то мой, деревёной, т. е. изъ одной деревни со мной.
- 12) Заку́кры — плачи. Часто маленькихъ ребятъ восять на заку́крахъ, т. е. на плечахъ.
- 13) Заку́тать, откутать — затворять, отворять: отку́тай-ко мнъ ворота-те (см. частушки, № 205).
- 14) Заку́таться — тепло одѣться.
- 15) Засѣ — постоянно.
- 16) Зиму́сь — зимой.
- 17) Знамо́ гѣло — известное дѣло.
- 18) Идти — итти.
- 19) Казачиха — работница, прислуга.
- 20) Калабрдитъ — водиться за кѣмъ-нибудь.
- 21) Калитка — ржаная лепёшка съ творогомъ; есть и другія названія «ватрушка», «рогушка».
- 22) Клянчить — попрошайничать.
- 23) Крѣду — сразу.
- 24) Конъ — черта, граница, кругъ.
- 25) Куражиться — ломаться, сразу не соглашаться на что-нибудь.
- 26) Лѣдара юрчить — бездѣльничать.
- 27) Лѣтось — лѣтомъ.
- 28) Молынъ — молниа.
- 29) Мотрі! — смотри.
- 30) Надоумить — напомнить: хочь бы ты, братъ, надоумилъ мнъ объ этомъ.
- 31) Не пнуть — дорога такая скверная, что не пнуть, т-е. путь возможности итти или вхать.
- 32) Несурѣха — нерѣшивая.
- 33) Неять — не осмысль: въ гору-то, вѣдь, ему съ такимъ возомъ несть будѣть.
- 34) Обогнуться — прискрыться, одѣться.
- 35) Оборибъ — бранное слово.
- 36) Одѣть — телѣга. на которой перевозять съ поля снопы ржи, овса, а также и сѣно.
- 37) Ономѣдни — не давно.
- 38) Опрычъ — кромѣ.
- 39) Отбучить, отбуттѣнить — бить, ударять.
- 40) Осерѣдъ — среди.
- 41) Ражій — важный, хороший.
- 42) Сторонникъ — уродъ.
- 43) Сторонникъ — странникъ, — со стороны пришедшій.
- 44) Тамо — тамъ.
- 45) Тверёзный — трезвый.
- 46) Тонеречка — теперь.
- 47) Упаки — тяжелые крестьянскіе савоги.
- 48) Учаль — началь.

- 49) *Хлёско*—сильно, хорошо.
50) *Шантрапа*—всякая мелочь, сбредь, дрань.
51) *Шишикаться*—шептаться.
52) *Фрё*—изысканно наряженная, хорошо одетая, форсистая.

II.

Частушки ¹.

1.

Пойдёшь миленький во путь,
Меня девчонку ве забудь,
Сядёшь въ Рыбинскомъ за чай,
За каждой чашкой величай.

2.

Пойдешь миленький жениться,
Встану на запяточки,
Последне словечко скажу:
Отдай кольце, перчаточки.

3.

Неужели ты завянишь,
На горѣ зеленый садъ,
Неужели не дождешься
Меня, милка, изъ солдатъ.

4.

Милёночекъ часы у вѣсъ,
Покажи, который часъ.
Это, милка, не часы,
Двѣ цѣпочки для басей ².

5.

Гдѣ я спать буду лежиться,
Тамъ окошко отворю,
Пойдётъ миленький жениться—
Догоню да сковорю.

6.

Пришель милёнокъ съ ярмарки
И постоимъ у яблоньки;
Сѣль на доску тонкую
И развѣль гармошку звенкую.

7.

Распашу я, распашу
На горѣ поляночку.
Люблю одного за часы,
Другого за тальяночку ³.

8.

Хотѣла съ мосту утонуть—
Жалко жизнь свою рѣшить,
Мой-то миленький осталася,
Кого будеть любить.

9.

Мнѣ сказали на вокзалѣ,
Что миланенъкъ убить,
Въ высокомъ домѣ на балконѣ
Кисеи бѣлой покрыть.

10.

Во своей деревнѣ милей
Надо съ опасомъ ходить,
У насъ бабы молодыя
Любить очень посудить.

11.

Не горюйте вы, родители,
Теперь обо мнѣ,
Обгорю свое горюшко
Одна на — единѣ.

12.

Мой миленокъ въ кабакѣ,
Мое колечко на руку,
Отдавала — хохотала,
Получала — плакала.

13.

Дорогой-то, дорожиночка ⁴.
Вчера съума сешаль.
Со веселой со бесѣдушки,
Ранѣхонько ушель.

14.

Раньше было намѣренье
Посидѣть въ своей деревнѣ,
А теперя наплевать,
О немъ не стонть горевать.

¹ О частушкѣ вообще и литературу о ней см. Д. Зеленина: Пѣсни деревенской молодежи. Вятка. 1903. А также «Биржевые Вѣд.» за 1903 г. № 379.

² Т. е. для красы.

³ Тальянка—гармоника.

⁴ Отъ слова «дорогой».

15.

По дороженькъ считала
Телеграфные столбы,
Раньше бытъ дружочекъ—Ваня,
А теперь Петя—ты.

16.

Нѣть цвѣточка веселѣе,
Какъ земляночки цвѣтуть,
Нѣту ймачка милѣе,
Кое Петенъкъ зовутъ.

17.

Пепросила я у батюшка
Суконного пальта;
Посудила родинъ батюшко
Ремесленаго кнута.

18.

Мой милой мастеровой,
Въ трактирѣ первый половой.
Чашки, чайники бранчать,
Въ трактирѣ малого кричать.

19.

Дома ужинать садитесь,
Сомнѣваются о насть,
Гдѣ отчаянны головушки
Шатаются у насть.

20.

Вы подуйте вѣтры буйны,
Съ четырехъ сторонъ въ одну,
Унесите съ горы песочки,
Еще думушку мою.

21.

Всѣ милѣнковы родители
Сердиты на меня,
Не хожу, не набиваюсь,
Не бервте вы меня.

22.

Желають я желавненскій
Родители меня?
— Желаю я, моя сударушка,
Желаетъ вся семья.

23.

Не пойду въ большую семью,
Гдѣ двѣнадцать душъ семы;
Пойду за парня одинокаго,
Большухой ¹ буду я.

24.

Я любила жито жать,
Любила семью уважать,
Свекра и свекровушку,
Дѣверя, золбушку.

25.

Былъ фартучикъ кронка,
Оставляла на мысы,
Я того дружка любила,
У котораго часы.

26.

Не летай-ко сизый голубь,
Не зовай зеленый лѣсь,
Не форси ты, мой желанный,
Много лучше тебя есть.

27.

У милѣнчика въ дому
Лампа разгорается—
Мой милой мастеровой
Машиной занимается.

28.

Дайте гербовой бумаги,
Нарису милому листъ—
Пущай узнать, прочитаетъ,
Какова въ разлукѣ жизнъ.

29.

Поживи милой въ разлукѣ,
Пончи лучше меня.
Красотой лучше найдешь,
Характеромъ не подберешь.

30.

На заводъ люблю ходить—
Любимая дорожка,
Сепаратъ ² люблю вертѣть
У самаго оконка.

31.

Всю я почку проворгала
Визговатый сепаратъ,
Отдала вертѣть крестовой, ³
А милой того и радъ.

32.

Не заводи, милой, гулявъя
У окошечъ у своихъ—
Я большая супротивница
Родителямъ твоимъ.

¹ Т. е. старшой — главной въ семье.

² Искаженное: аппаратъ.

³ «Крестовой» называютъ подругу и вообще это слово служить обращеніемъ ко¹ всяко й вообще женщинѣ.

33.

Я гушила въ Раменъ
Въ сарафанъ паминъ,
Заспышла за дрова—
И сарафанъ изорвала.

34.

Было платыще одынъ,
Опошу ремешокъ,
Во своей деревнѣ милой—
Только инъ не женшокъ.

35.

Шила я, кроила я
Рубашку коленкорову;
Думала, гадала я—
Выходить не по моему.

36.

Вла рыбу, вла былу,
Вла былые снѣтки.
Недождавшись мясода,
Вышла за мужъ во святкѣ.

37.

Тебъ спасибо, куманѣкъ,
Что хорошо меня зовѣть:
При народѣ кумаринъ,
А бѣлья преда любушкѣ.

38.

Меня дома караулять,
Караульте за одно:
У меня и у милёнчика
Задумано одно.

39.

Чтѣ родители глядите,
Маленьку вѣ учите,
А большая выросту,
Съ милёнкомъ не разлучите.

40.

Я живу на бережку,
Два окопка въ воду;
Расхорошенький ты мой,
Любовь-то слаще мёду.

41.

Занграю, разведу
Двѣнадцати-боровую,
Боли спить, такъ разбужу
Милашку чернобровую.

42.

Ты играй, играй тальяночка
Разорваны мѣхи,
Возьму я замужъ старовѣрочку
Замолить за грѣхи.

43.

Чрезъ рѣчку, чрезъ мость,
Милой тальяночку пронесть,
О тѣ пору пьянъ онъ былъ
Тальянку съ зеркаломъ разбить.

44.

Бакъ Никольски дѣвки модны,
По три дни сидѣть голодны;
На четвертый пѣдѣть,
Никого знать не хотѣть.

45.

Гдѣ любушка пройдѣть,
Тамъ земелька гнѣтсѧ,
Правой рученькой махнѣтъ—
Сердце завернѣтъ.

46.

По половицѣ иду,
Другая нагибается;
Одного дружка люблю,
А дюо набиваются.

47.

Ты, сударушка моя,
Какая ты, бѣдовая,
Съ головы до самыхъ пять
Сладкая, медовая.

48.

На высокіе хоромы
Не гляди, родитель мой,
Былъ бы парень-то хорошъ,
Въ хоромахъ счастья вѣ найдешь.

49.

Тятенька и маменька,
Счастье отнимаете,
Кого люблю я всей душой,
За того ругаете.

50.

Думала, что успокоила
Ретивое свое,
А еще больше растревожила—
Увидѣла его.

51.

Думала, что не разстаться,
А разсталася легко:
Сердце замерло мое,
Теперь не надо никого.

52.

Все бы пѣсни пѣла,
Все бы веселилась,
Какъ бы прежняя любовь
Назадъ бы воротилась.

53.

Мы, крестовая, съ тобой
Будны головушки,
Попадай ко мнѣ въ снохи,
А я къ тебѣ въ золовушки.

54.

Пѣсни пой, пока поется,
Замужъ выйдешь, не придется;
Не придется пѣсень пѣть,
Придется горюшко терпѣть.

55.

Сударушка, изсохъ я весь,
Не позабыла ли ты есть?
Гдѣ же, гдѣ же позабыть,
Какъ обѣщалась я любить.

56.

Говорила я Ивану,
Не садись со мной при мамѣ,
Сидѣ къ крестовой, не ко уѣ—
Крестова скажетъ послѣ мнѣ.

57.

Кому велю ходить почаше,
Тотъ жалѣть сапоговъ;
Кого душа не принимаетъ,
Тотъ навязываетъ любовь.

58.

Не ходи, милашка, тутъ,
Ты утонешь: берегъ кругъ.
Ягодиничка ¹, ты мой,
Рада я товуть съ тобой.

59.

Сударушка, купи вина,
Изюмина, ² напой меня;
Купи бояръ, люби доль
Завсегда будешь моя.

60.

Напишу царю прошенье
На гербовомъ на листу,
Чтобы вышло разрѣшенье
Сватать дѣвокъ во посту.

61.

Попросила я у батюшки
Пяти рублей на шаль,
Какъ бы была дочка милая
И десяти рублей не жаль.

62.

Я любила и люблю
Одного человѣчка,
За него родимая
Не скажетъ ни словечка.

63.

Я у Конъ рѣки стояла,
Грудью въ Конъ рѣку падала.
Я стою и говорю:
Изъ-за тебѣ, милой, тону.

64.

Милый, женившись—покашься,
Не возмешь ты меня,
Возмешь дальнюю, хваленную,
Подмѣточка моя.

65.

Сядь-ко, сядь со мной рядомъ,
Земляничинка моя,
Чтобы скуча отлетѣла
Отъ тебѣ и отъ меня.

66.

Тальиничка—зеленый кѣхъ,
Куманъка любить не грѣхъ,
Куманъка и сватушка
Не заругасть матушка.

67.

Я къ обѣденѣ ходила,
Становилась напередъ,
Не мое ли красно содиничко
На клиросѣ посты.

68.

Меня мамаша берегла,—
Каждый день блинки пекла,
Варила рыбу окуньки,
Чтобы любили париньки.

¹ Ласкательное слово.

² Ласкательное слово.

69.

У насъ семейка велика,
Не похлебаешь молока;
Не успѣшь ложку вѣсть,
У чашки добышко вѣдать.

70.

Я пойду, пораскачую
Во полюшкѣ рабинушку,
Вотъ еще позавлекаю
Бѣнѣшную зимушку.

71.

Во гуменикѣ¹ косила,
Уткѣ ноги подкосила,
Думала утеночку —
Своему милѣноточку.

72.

Миленький милѣноточкѣ
Купи-ко пять иголочекъ,
Шестую-то булавочку
Саду шить на лавочку.

73.

Милый бѣкъ осѣкалъ²,
Соломой перевязывалъ,
Не съ надѣжною нитью людимъ
Поклончики наказывалъ.

74.

Косила и, косила я,
Подъ кустикъ кѣсу бросила,
Лопаточку подъ ёлочку,
Сама пошла къ милѣноточку.

75.

Дѣвница — лебедь бѣлая,
Куда съ ведеркомъ бѣгала?
Милый мой, не за тобой,
На колодецъ за водой.

76.

То ли милую не тѣшишь,
То ли я не уважаю,
Каждый вечеръ со бесѣдушки
До дому провожаю.

77.

Птичечки, воробушки
Летите по занѣбышку³,
Скажите дружку москѣу,
Что низко кланилось ему⁴.

78.

Сударушка — не Вѣра
Самовара не загрыза,
Не сама поставила,
Свою сестру заставила.

79.

Пущай — говорять,
Славушку наносить.
Погоди, родимая,
Поговорить да бросить.

80.

Не чутъ и не играѣтъ
Дорогова иосево,
Сижу ни съ кѣмъ не занимаюсь,
Дожидаюся ево.

81.

Сдали милова въ солдаты,
Мамъ горя не скажу,
Вышитѣе полотенце
На дорогу положу.

82.

Въ пріѣмѣ пожищать забракали,
Мой миленькой упала:
Умолила ты, хорошая,
Въ солдаты не попасть.

83.

Пряла лёнъ не пачси,
Милой глядѣть на часы —
Послѣ первова второй,
Пойдёмъ, сударушка, домой.

84.

Погодите, не валитесь
Бѣлины градиночки,
Дайте полѣ перейти
Моёму ягодиночкѣ.

¹ Мѣсто около гума.

² Городилъ огородъ.

³ Отъ слова «небо».

⁴ Частушки съ 1—по 77 записаны именемъ въ д. Сычево и селѣ Никола—Громово, Ра-стороповской волости, Устюжн. уѣзда. Новгородской губерніи.

85.

Не мов ли бълы ручинки
На сажинъкъ гарятъ,
Не про мина ли, ~~миленикъ~~,
Нанрасно говорять.

86.

Бъло платьё одёвала,
Становилась подъ вънцъ.
Погляди, роднина матушка,
Красъ моей конецъ.

87.

Дѣдушко любить баушку.
Синокость придетъ,
Онь — сударушку.

88.

Возьму я двѣ кудѣнки,
Пойду я вдоль дербёнки,
Вдоль деревни въ тотъ конецъ
Прино къ милёнку на крылень.

89.

Не дай, Господи, крестова,
Трэхъ ~~тальянчиковъ~~ любить,
Хоть ~~кажды~~ ^{шоры} и стужа
Надо слушать выхеди.

90.

У насъ тальянчиковъ-то много,
А гармоничекъ одинъ,
Ужъ мы этому гармоничику
По поису ~~адамъ~~.

91.

Я ребинушку ломала,
Вѣточки ~~видала~~ взвѣзъ,
Я милёночку кричала:
Приходи ребину ись.

92.

Надоѣли бълы бусы,
Розвяжу я съ шеюшки,
Мина выслушать милёночъ
Въ эти двѣ ~~нидѣюшки~~.

93.

Красно солнушко стаетъ,
На обѣдъ сворачивать ¹,
У ми ² миленикъ идетъ,
Сапожки околачивать ³.

94.

Подъ оконечкомъ сидыма,
Пряла бѣлинъкъ лёночъ;
Тутъ дороженьку глядѣла,
~~Фикусъ~~ ~~миленикъ~~ ~~шире~~.

95.

Посылаютъ рожь-то жать—
Рожь-то вся зелёная,
На Тимонинъ гулять —
Деревенка веселая.

96.

Я косила, поумаялась,
Лёгла на бережокъ.
Миѣ хорошой сочи приснился,
Розбудыть меня дружокъ.

97.

Я дѣвочонка не впорѣ,
Жито жала на горѣ,
На милёнову построечку
И глядѣла отдаимъ ⁴.

98.

Дербёнка весёлая,
Биноградомъ обнесёна,
Ещё садомъ обнесу,
Съ милёночъ дѣло порѣшу—

99.

Нашё полюшко широко—
Девяносто десятинь,
Мбѣть миленикъ здоровой
Обрабатывать одинъ.

100.

Восотинко ⁵ полё мало,
Тамъ я вѣнки ломала,
На ~~кажды~~ ⁶ вѣточкѣ
Милёновы прыгѣчки.

101.

Дома корочекъ поѣла,
На роботѣ пѣсни пѣла;
Въ людяхъ чаю напилась,
Попла слёзами облизалась.

102.

Я купила много мыла,
Мыты не охотница.
Росчитай мина, хоайка,
Я та ⁷—не работница.

¹ Ви. своргчиваєтъ. ² Ви. у меня. ³ Ви. околачиваетъ. ⁴ Т. е. издали. ⁵ Отъ деревни Восотино. ⁶ Ви. ~~каждой~~. ⁷ Ви. тебе.

103.

Тамбовскихъ робать.
Не спущаютъ ¹ погулять.
Онъ дома-то солгутъ,
Будто за долгомъ пойдутъ.

104.

Увѣрила, увѣрила,
Увѣрихнулась,
По дорожкѣ шла,
Чуборахнулась ².

105.

Восогтѣнски-то идуть,
Пушай онъ воротятцы,
На ихъ глазы не глядатъ
Говорить не хочѣтъ.

106.

На Обухово ³ ходить
Бѣянки ⁴ мѣшаютъ;
Намъ съ Обуховскимъ ходить—
Да бабы осужаютъ ⁵.

107.

На рѣкѣ широка лава,
Про мина—худая слава,
Лѣдъ пройдетъ, воды убудѣтъ.
Про мина славы не будѣтъ.

108.

На горкѣ на крутой,
Прихихѣя ⁶ пить лютой,
На крутой, раскатистой —
Пынай да ухватистой.

109.

Я стояла у чуланчика,
Дожидала новобрачника,
Я стояла у новинъкова
Дожидала черноборовинъкова.

110.

У правлены мілой тѣсъ дорожилъ ⁷.
Но сказали, что мина приворожилъ,
Мілой тесу не дораживалъ,
Онъ мина не привораживалъ.

111.

Ты шкатулка, шкатулка моя,
Шкатулка не окованная,
Я давно въ тѣба не хаживала,
Цвѣтнова платья не гляживала.

112.

Не судите, бабоньки,
Мы вѣсъ не боимся:
Мы за вашихъ сыновей
Замужъ наровимся.

113.

Ужъ я пѣть не мастерница,
Всегда есть дорогой,
На нему стоять, играеть—
Дорогая, пѣсни пой.

114.

Ты, сударушка, не хужай —
Миѣ въ солдатагъ не бѣвать,
За мина замужъ готовъся,
Миѣ тѣба не миновать.

115.

У милёника завтра помочь;
Позовѣть, дакъ буду жать;
Не напьюсь, дакъ поприкинусь,
Какъ онъ будёть уважать.

116.

А моя, родима матушка,
Съ милёнкомъ за одво,—
Прощала мою головушку
За рюмку за вина!

117.

Я коровушку дожла,
А корова не стоять;
Я корову кулакомъ —
Богъ съ тобой и съ молокомъ

118.

На горушкѣ была,
Я волнушекъ брала,
Титя ухъ, мама ухъ,
Не хочу вашихъ волнухъ

119.

Моѣть мілой рыбку удить,
По бережку ходить—блудить.

120.

Титя шаковы судить ⁸,
Отстать отъ мілова вѣдить.
Безъ шаковыхъ остануся,
Съ милёнкомъ не разстануся.

¹ Т. е. отпускаютъ. ² Т. е. упала. ³ Деревня. ⁴ Т. е. бачи. ⁵ Вм. осуждаютъ. ⁶ Сударчикъ-любовникъ. ⁷ Отъ глг. дорожить, т. е. дѣлать дорожки на тесу. ⁸ Т. е. обѣщаетъ.

121.

Ба́жай пра́здникъ фарту́къ разной,
Сарафану си́бны нѣть,
Не любыши парень краснать,
Ми́й, дѣвчонкай, нужны нѣть.

122.

Ой, по морю по си́моу
Плыла леба́дь сизая,
За лебедью лебядинъ плыётъ.

123.

Ой, дѣушки, ой, дѣушки,
Молодёхонъкай,
Хоть у меня нѣть дружка,
Я радёхонка.

124.

На колодцѣ сидить утка,
Воду черпаетъ Ани́тка,
Божья полночь—Аннушка,
Спасибо, милой Ванюшка,

125.

На Тимошинъ деревнѣ
Лампа съ абажуринкомъ,
Ми́й не вѣльно ходать
Съ здакинъ мазуринкомъ.

126.

Мо-ёть милой на конякѣ,
На роботѣ земляной—
Землю роеть, сердце воётъ
По сударушкѣ своей.

127.

Брала ягодку морошку
Во казенномъ лѣсу,
Изорвалася подъ почкой
Несу на поясу.

128.

Неужели лѣсу нѣту
На мою на прялочку;
Не меня милёночъ любить,
А мою товарочку.

129.

Намъ не надо свѣтчка сальна,
У насъ пальмова горать;
Намъ не надо чужо-дальнихъ,
У насъ близніе сидять,

130.

На улицѣ морозъ,
Подъ скошкомъ лѣто;
Всѣ робатушки праши,
Моско-то нѣту.

131.

У меня милёнка два
Въ томъ краю и этомъ:
Одного дружка люблю зимой,
А другого—лѣтомъ.

132.

Шелъ я узенькой дорожкой,
Стало тѣмъ не видать,
Подошель къ зелёной рощѣ,
Сталъ въ тальяночку играть.

133.

По полу по бѣлому
Плясать пойду, разудѣю ¹.
Кругъ бесѣды парень ходить,
На бесѣду хотеть,
Онъ робатъ-те не боятцы,
Дѣвушѣкъ стыдитцы,
Которой стыдился,
Воаля той садился.

134.

У насъ стрѣлуха—несурѣха ²
Не попахана ³ изба,
Подпашите угольки,
Замараю башмачки.

135.

Ужъ я въ гору шла,
Тяжело несла,
Баромысѣль да валиѣль,
Еще съ милова платокъ,
Я забыла—назолила,
Плоточникъ полиняль,
Милой въ глазы напеняль.

136.

Боромыла я на шарѣ,
Мо-ёть милой на одной,
По милёновой полосынѣ
Пройду разъ-другой.

137.

Въ томъ краю на улицѣ
Гуляли бѣлы курицы,

¹ Вм. разудѣю. ² Не сурѣха, т. с. неряшливан. ³ Не подметена.

Самой главной птичкой
Записанъ миленькой дружокъ

138.

А моя родима матушка
Дѣжть и не стаѣтъ,
На меня, на молодѣньку,
Всю большину ¹ сдаѣтъ.

139.

У тати новые хоромы,
Не обѣланной нарядъ,
Послушай-ко, кормилецъ батюшко,
Что люди говорятъ.

140.

На дорогѣ сѣгу вѣту,
Вѣрно кони выбили,
Всѣ пришли, милашки пѣту—
Вѣрно замужъ выдали.

141.

Тѣ счастливыи подружки,
Кони съ матушкамъ живутъ,
Онѣ не болѣ нась работаютъ,
Ихъ бойкимъ зовутъ.

142.

До чего ты, илзой, допиль,
До чего, ты догулилъ,
Осерѣль широкой улицы ²,
Болоши потерялъ.

143.

Ужъ ты вспомни, дорогой,
Старую старинушку,
Занимались мы съ тобой
Прошлогодню зѣмушку.

144.

На сарай стоять саночки,
Земѣны съ тормазамъ,
Я невѣрнаго илѣнечка
Узнала по глазамъ.

145.

Неужели нась не парочка
Съ тобой, мой дорогой,
Изъ деревни,— я съ другой—
Завѣтцы некогда съ тобой.

146.

Восотѣски ³ то идуть,
Напоимъ наливочкой,
Проводимъ съ карасиночкой ⁴.

147.

Гдѣ ты, Ванька, запараласъ?
— Я картошку въ рытѣ ⁵ пёкъ,
Свою отбланну берёгъ.

148.

На окошѣ сидѣть кошка,
Бѣлолапинъкотокъ,
Что-те, матушка, за дѣло—
Отдала дружку платокъ.

149.

Гдѣ окошка растворены,
Тутъ робата озарны.
Гдѣ окошка въ самый разъ,
Тутъ робата любать нась.

150.

Ты сарай ли, мой сарай,
Солбенная крынка,
По тебѣ ли, мой сарай,
Пробѣжала крыса ⁶.

151.

Кто солдатиковъ не любить,
А я стала бы любить.
Образованные люди,
Знаютъ, что поговорить.

152.

Солдатики—не люди,
Ихъ и дѣушки не любить,
Про ихъ слава въ почёть,
Всякій скажётъ— бритой чортъ.

153.

Полно, полно пофорела,
Бѣлы бусы понесла;
Бѣлы бусы, какъ горохъ,
Мой милёночъ нездоровъ.

154.

Шёлъ тропинкой лѣсовой,
Нашёлъ платочикъ носовой;
Развернуть каймочки,
Платокъ моей милёночки.

155.

Шёлъ деревнѣй—тѣкви спали,
Завгралъ въ тальянку—встали;
Для мина, для молодца,
Стояла дѣвка у крыльца.

¹ Всюкую работу. ² Вм. среди. ³ Разумѣется дер. Высотино. ⁴ Т. е. лампа. ⁵ Вм. ризѣ.

⁶ Эта частушка служить припѣвомъ, когда ходить со выюномъ.

156.

Дѣвушки,—эко горюше!
Завела дружка чрезъ полюшко.

157.

Не пиши, милёнокъ, письме,
Не клади мечальныхъ сюнь,
Не порти бѣлинъкой бумажки,
На концахъ съ тобой любовь..

158.

Сидѣла я у камушка,
Видѣла Иванушка;
Сидѣла у снаиго,
Видѣла Васильева.

159.

Бабы ¹ ты, моя Анютинка,
Не къ душинъкъ была,
Не прогуливала бы ночинъки,
Поздній вечорка.

160.

Ужъ ты, тѣтушка, откуда,
Разжеланная, куда?
Не подѣшь ли въ ту деревню,
Посылай робать сюда.

161.

На Тимонинѣ въ деревнѣ
Нѣть зелёнова ложка ²,
Завлекателькова нѣту —
Вѣрно я не дѣушка.

162.

Милой полюшкомъ идеть,
Тросью упѣрасты:
Дѣвчонку горюшко береть,
Никто не сдогадаѣты.

163.

Не пиши, милёнокъ, письме,
Не подамъ твоѣ отнѣть;
Сама писать я не умѣю,
Писарёвъ знакомыхъ нѣть.

164.

Если стбнѣты, ³ мой милинъкой,
Пришли-ко письмецо,
Сресую русое волосыцомъ
Бѣлое лицо.

165.

До чего дозавлекала
Молодова паринка,

Нечего его не держитъ—
Не болото, не рѣка.

166.

Нелюбой сидѣть на лавочкѣ,
Люббѣть на полу,
Не съ любынъмъ говорю,
Любому голоѣшъ подаю.

167 ⁴.

Потеряла я колечко,
Потеряла и любовь,
Я по этому по колечкѣ
Буду плакать день и ночь.

168.

Ужъ я по полу хожу,
Пола вѣ хватаю;
Не изъ солдатъ милобва жду,
Въ солдаты провожаю.

169.

Пѣсни пѣть, душа моя,
За пѣсёнки бранять меня;
Бранять меня за тобъ,
Пѣсни я пою любо.

170.

Изъ прѣму вышелъ я,
Вся обрата голова,
Чернобровая сударушка,
Узнала я меня?

171.

Погъ иеробёнъ,
Половнѣцы гладки,
Моѣть милой неумѣнъ,
Да знаѣть вѣсъ порядки.

172.

Мѣбѣть милинъкой хоронгъ,
Хорошъ, да сиротиночка;
Надѣнѣть бѣлинъку рубашку,
Выйтѣть, какъ картиночка.

173.

Бабы судить за двериамъ,
Низко глядочки глазамъ,
Дѣвчонка низкоглядочки
Люблю парнишка яблочко.

174.

Не пойду я по дорожкѣ,
Пойду по заканбушкѣ,

¹ Ви, какъ бы. ² Ви, мужка. ³ Отъ слова «тосковать». ⁴ Съ 78 по 167 записаны въ деревнѣ Тимонинѣ, Устюжинскаго уѣзда.

Изъ-за тая, милёночекъ,
Пропадаю во сла́ущий.

175.

До своёво до синя
Проводила Михайла,
Проводила за синя
Иди Ивановичъ одиши.

176.

Вхалъ Ваня въ Базави,
Полтараста рублей сани,
Опалёвая дуга,
Ему Паланюшка люба.

177.

Роскохы—потёкъ,
Не роскохы потёкъ;
Россыпался бочёночекъ,
Вытёкъ дёготёкъ.

178.

Моётъ милинъкой тонуть,
Два разочка вынурунть,
На-споми́въ¹ сударушкъ
Два колечка выкинути.

179.

Эка, эка, эка я,
Экая привычка,
Руку суну во карманъ
Прямо за колечко.

180.

Яму рыла, яму рыли,
Въ яму сыпался песокъ,
Дала милёночку ии память
Двоёсловный поесокъ.

181.

На горѣ я жито жала,
Плать на выпуску держала,
Куды вътерь, туды плать,
Моётъ милинъкой солдатъ.

182.

Куды вътерь не задуть,
Всё берёзку шевелить;
Куды милой ве пойдеть,
Менѣ плакать не велить.

183.

Какъ у нашей у беёды
Бугорки да ямки,
Не прохать, ви пройти
Милому безъ талъвки.

184.

Не вино меня шатать,
Меня горюшко берётъ,
У милки скоро прадникъ—
Милка въ гости не зайдётъ.

185.

Моётъ милинъкой хороши,
Хоть въ запазуху положь.

186.

Ми́я халуть и ругзять,
Не росхаять будетъ вѣкъ;
Не хороши завлекаютъ,
Завлекаетъ человѣкъ.

187.

Какъ во нашёмъ-те прицацъ
Болокольня на боку;
Ужъ какъ наши-те ребята
Почернели съ табаку.

188.

Пойдемъ-те, дѣушки, во рощу,
Во малиновой лѣсокъ;
Услышу Ванину талъяночку,
Маринъ голосокъ.

189.

Въ полѣ травынька завяла,
Ровно подкошённая;
За милёвочкомъ гоняюсь,
Какъ приворожённая.

190.

Въ полѣ камышокъ бѣльесть,
Бѣлье ево вѣть;
Придётъ милой на бесѣдушку,
Милѣ ево вѣту.

191.

Дѣушки, вы милы,
Какъ ии вѣмъ-отъ жить-то;
Отдали дружка въ солдаты
Какъ ево забыть-то!

192.

Дѣушка я розвесёла,
Горюшка не скажу,
Хоть какоё бы ии горюшко —
На радость воложу.

193.

Дѣушки, вы, милы,
Я поразстрѣпалася,

¹ Т. е. на память.

Мини пьяну напоили,
Я пераизгудалася.

194.

На рѣкѣ на Талицѣ
Бунаютцы красавицы,
Косы завиты назадъ,
Не могъ красавицъ я узнать.

195.

Дѣвки, бабы, я вами дада:
Заплатите мавъ оброкъ—
Каждынъ день по три копѣйки,
Въ воскресенье пятакѣ.

196.

Износился ремышекъ¹,
Опояшу витку;
Полюблю я, полюблю,
Мылова я Минику.

197.

Дѣвки, тише воагѣ крыши,
Вижу доникъ голубой,
Раскрасивый Ваня Слезарёвъ
Минѣ, дѣушки, любой.

198.

На рѣкѣ я платье мыла,
На берегу вѣсила;
Я мылова не любила,
Только словомъ тѣшила.

199.

Картошку комамъ,
Въ несчастьѣ попалъ;
Коринку—ногой,
Прощай, дорогой!

200.

Я въ полюшкѣ картонку рыла,
Милой щахъ за снопамъ,
Я обѣ ёмъ гораздо выѣла—
Мыльинъкой фуражку снѣль.

201.

На рѣкѣ я платье мыла,
На камышѣвъ колотила;
Я увидѣла дружкѣ,
Чуть не пала съ камушка.

202.

У милёнка домъ нерѣжъ²,
Хоть соломенной шалашъ;
Нечево, что въ шалашѣ—
Быль бы парень по душѣ.

203.

Ужъ какъ наши-то, дѣвки-те,
Чайницы-самоварницы,
Самоверы оловянны,
Чашки деревянны.

204.

Всѣ вы, дѣушки, крѣпитесь,
Какъ въ рѣкѣ осеннѣй лѣдъ—
Развесёлосе гуляньюцо
До славы доведеть.

205.

Откутай³, матушка, окошечко—
Голубушка болитъ.
— Врѣшь, обманывали, моравка,
Ты къ себѣ парня манишь.

206.

Мѣтть милой хитрѣй, хитрѣй,
На машину да и въ Питрѣй.
Я къ вагону подошла,
Машинка свиснула, пошла.

207.

Какъ на нашей на бесѣдѣ
Ровѣдѣнной карасинъ,
Ты гори соми-линейнамъ,
Пока не угасимъ.

208.

Какъ на нашей на рѣкѣ
Прутиковъ рѣдѣвко;
Походилъ милёночекъ
Съ осени маленько.

209.

Пожила у мамы зиму,
Похлѣбала кислыхъ щой;
Я попала на чайкѣ,
Каждой плачу вѣчёрокъ.

210.

Неужели насъ ве парочка
Съ тобой, мой дорогой.
Ты въ деревнѣ, я—въ другой—
Свиданье рѣдкоѣ съ тебѣ.

211.

До чево до завлека-ла
Я любба паренька;
Нечево его не дѣржать
Не дорога, ве рѣка.

¹ Т. е. ремешк. ² Т. е. извалишъ. ³ Откутать—отворять.

212.

Неужели не солдатца,
Съ горь не скатитца вода,
Неужели насмѣшта,
Когда милому люба.

213.

Ботьра худенька, да маленька
Сударушка моя,
Всѣ иѣ робата любать,
Не одинъ — мальчишко я.

214.

Милая моя,
Какую пурю вылила —
Съ богатыемъ связалася,
Со мной не росчиталася.

215.

Какъ по нашѣй по деревенкѣ
Проѣхалъ становой,
Подаль старостѣ записочку —
Записанъ милой моя.

216.

Капуска моя
Въ кадушечкѣ;
Не сыпала я три недѣли
На подушечкѣ.

217.

Я столла у прѣма,
У стекла разбитона;
Дожидаюсь ильзова
Изъ Истюжны забритова.

218.

Миня мама рано бѣдѣть,
Я не звяю и куда:
Ты станай, мое рожѣное,
Просватали тибя.

219.

Ужъ ты, милинкѣ, ты мой,
Отстѣаѣшь — такъ Богъ съ тобой,
Отстѣаѣшь — такъ наплѣаѣшь!
У миня любыхъ пять,
Неужели изъ няти —
Любова дружка не найти.

220.

Изъ конца въ конецъ вдѣть
Собака бѣлолапая;
Не наштѣ я не гляжу,
Што мака не богатая.

221.

Нашѣ полѣ съ вашимъ рядомъ,
Нашѣ — колосистѣ.
Моѣть милой твоево
Горазно пофорсистѣ.

222.

Лица листикомъ красива,
А чёрмуха — корешкомъ. —
При такой большой кампазѣ
Укоряютъ женишкомъ.

223.

Какъ надъ рѣчкой, надъ рѣкой
Нагнута вѣточка дугой,
Миѣ цѣвчонкѣ бѣдковато ¹,
Мой милой пошѣль съ другой.

224.

Дѣушки, какоѣ горѣ,
Въ кабакѣ виво худоѣ,
Розведоное водой,
Всѣ робятушки сердиты —
Розведутъ васъ, миль, съ тобой.

225.

Я у батюшки косила,
Кофту драпову просила.
Роботай, дочка, люблю,
Кофту драпову куплю.

226.

Вспомни, вздумай, милой моя,
Какъ ходила за тобой:
Хоть какой морозъ и стужа
А я въ кофточкѣ одной.

227.

Ты, миляшка-петеришкѣ,
По субботамъ мыла ноль,
Перепачкала подоль.

228.

Я любила сѣмь поповъ,
Молодчиковъ до-триста.
Говорите, что хотите,
Моя душа чиста.
— Врѣшь, росподная душа,
Любишь трубочиста.

229.

На печѣ я молотиль,
На ошѣтѣ вѣяль,
Дома мѣру позабыль —
Голенищемъ мѣраль.

¹ Т. е. обидно, досадно.

230.

Въ людахъ худо, въ людахъ худо,
Въ людахъ худо привыкать,
Съ половницы на другую
Не даютъ переступать.

231.

По дорожкѣ грязно, грязно,
Подъ береской нѣть лужка,
Забрили милова дружка.

232.

Милой пей, милой пей,
Пьяной не напейся.
На мина, на дѣушку,
Горазно не нальяся.

233.

Ты, сударушка, Варварушка,
Конфетница моя,
Конфекты ъла — говорила
Пойду замужъ за тибы.

234.

Я милёнка на обманъ
Руку сувула въ карманъ:
Всѣ гостины обралъ.
Ротозѣмъ назвала.

235.

Милой въ Рыбинскъ ¹ поѣхаль,
Я бы, дѣушка, туда,—
Не побоялась бы стыда!

236.

На горушкѣ на кругой
Стоить кадушечка съ водой.
Дѣвки были, ноги мыли,
А робята воду пили.

237.

Не умѣю молотить,
Надо поучитца.
Не за любова отдають,
Надо воротитцы.

238.

Гдѣ ты, милая моя,
Всѧ перемочилася?
Я у дади во полѣ
Свою грѣсть училася.

239.

Милой пьяной не напейся
И тверѣвой ² не гуляй;
Выпей рюмочку для смѣости —
Къ сударушкѣ ступай.

240.

Ты, сударушка, не вой —
Мальчикъ бѣлявъкой не твой;
Мальчикъ бѣленъкой-руманинъкой —
Солдатикъ рядовой.

241.

Всѣ вы, дѣушки, сидите,
Не глядите на мина.
У мина милова нѣту
Наживать не буду я.

242.

Завлекательныи пѣсёнки
Для милова пою.
Коль не дуракъ, такъ догадасти —
На вѣсточку даю.

243.

Ты ви смѣйся, ягодка —
Миѣ не двадцать-два годка.
Миѣ всево семнадцать лѣтъ,
Отъ робять отбою нѣть.

344.

Вы, родители, я въ Питерѣ
Сударушку завѣль.
Изъ-за сударушки я въ Патерѣ
Всѣ денёжки провѣль.

245.

Поставлю новую часовѣнку,
Я Богу помолюсь,
За свою судьбу несчастную
Повиже поклонюсь.

246.

Шуботѣвскіихъ ³ робять
Надо въ рѣчкѣ покупать;
Вызять да поколотить —
Карактеръ вызнать да любить.

247.

По дорожкѣ узинъкой
Шла я съ парнѣмъ Кузивъкой;

¹ Разумѣется г. Рыбинскъ. ² Т. е. трезвый. ³ Разумѣется деревня Шуботово.

Нечево, что узинька—
Хорошой нарень Кузинька.

248.

Ужъ какъ къ Устюжву дорожка
Солнышкомъ не усѣтить¹
Отчево не усѣтить—
Што тамъ высокій лѣсъ стонть.

249.

Милка платьё полоскала,
А я вѣники мочилъ;
Милка въ воду потонула,
А я по пазухи скочилъ.

250

Давай, крестовая, упять²
По одинакимъ³ покупать,
По буровымъ съ лапочкамъ
Устанеши солдаточкамъ.

251.

У меня умокъ качаетцы,
Что лодка па водѣ:
Больше горя привалляетцы —
Милой на черёдѣ⁴.

252.

Какій тяжёлымъ дрова,
Ставбоветцы лошадки.
Настоишиши, милицы,
Предо мной безъ шапки.

253.

Не было у меня горюшка
До вывѣшней зими.
А новѣшнюю зимушку
Хоть съ горюнка помри.

254.

Ты не ъзди, милой, въ Питёръ,
Тамъ чужая сторона;
Тамъ полюбишь Питенбурочку
Забудёшь и мвяя.

255.

Попляши, моя сударшка,
На новоёмъ полу.
Самъ въ тальяночку играю,
Тебѣ возлюшку даю.

256.

Миля тятивька просвatalъ,
Засѣвавши въ полѣ рожь:

Постройка нова, хлѣба вного⁵,
Только парень нехорошъ.

257.

Я у батюшки жила,
Была какая рѣзва,
Подоставила скамельку,
На палати взлѣзла.

258.

У мня сударушка богата,
Носить въ талію пальто;
Денёгъ ласъ, виномъ напойти—
Я люблю не за то.

259.

Все бы дѣушка пласала
У крашёныхъ воротъ.
То и дѣлала на совѣсть,
Чтобы хаяли вародъ.

260.

Черноброва вышла дама
На колодецъ за водой.
Милка, модничай, не модничай —
Приду на перебой!

261.

Изъ деревни изъ одной
Ходили два братя къ одной.
Я осмѣялась—да скажу:
Меньшому брату откажу.

262.

Остаётца татѣ большина,
Соха и борона
А мвѣ несчастному мальчишечѣ,
Чужая сторона.

263.

Пѣсни пѣть я не умѣю,
И во школѣ не была.
Вѣрно ты, родима матушка,
Весёлу родилъ.

264.

Купи, тятивька, икону,
Я гуляю по закону.
Нечево, что—бѣдная:
Изъ бесѣды первая.

265.

Изъ-за тибя, моя сударушка,
И свѣтъ-отъ быль немилъ:

¹ Вѣтсто освѣтить. ² Ви. опять. ³ Сокращенное — одинаковый. ⁴ Т. е. на очередь, ⁵ Ви. много.

Ты зачёмъ приворожила—
Я и такъ тибя любилъ.

266.

Прислалъ милой письмечъ,
Не износина ли кольцо?
Я милому отпишу:
Кольцо по праздникамъ ношу.

267.

Ужъ ты, милка ягодка,
Я любилъ та два годка;
Два годочки—девять лѣтъ
Отъ родныхъ совѣту нѣтъ.

268.

Я по улочкѣ иду
Въ кожаной обувкѣ.
Дѣвки луры, я не къ вамъ—
Ко своей Анюткѣ.

269.

Сыроварочки—дѣвчёнки
Не умѣютъ работать;
Только знаютъ, сыроварочки,
Свои рожи намывать.

270.

Шуботовскую деревёнку
Пройду напоперёкъ.
Про меня млашка судить,
Про сибя не разберётъ.

271.

По деревёнкѣ иду,
Деревня колыбаетцы;
Съ одной сударушкой сижу,
Другая набиваетцы.

272.

На нашёмъ полѣ
Соснъ восемь,
А девята стоять ель.
Припиши, милой, извѣстно—
Пристала ли шинель?

273.

Я во Ваинское ¹ во полюшко
Поставлю помяло,
Чтобы Ваинскіхъ робятушёкъ
Въ ольшину ² завелъ.

274.

Я поѣду боронить,
Платочекъ бѣльинкѣ пылеть,

Брошу вожжи и кнутокъ,
Пойду за рѣчку мыть платокъ.

275.

Кину, кину кирпичину
На зарѣцкой бережокъ,
А зарѣцкія робятушка
Подайте голосокъ.

276.

Не любила чаю пить,
Любила по воду ходить.
Оттово любила я,
Что мимо дому миева.

277.

Писала милому письмо,
Крѣпко запечатала,
Въ Стару-Русу отсыпала,
Больно слѣдно плакала.

278.

Красно солнышко съ позднѣемъ,
Уѣхалъ милой на сѣмь лѣнъ,
На цѣлую недѣлюшку
Оставилъ міни, дѣушку.

279.

Сороковочка винца,
Сахаромъ настояна.
Милка въ гости зѣвана,
Дѣпъяна напѣна.

280.

Четвертна—мать родная,
Полуштовъ — отецъ родной
Сороковочка—сестрица,
Танцѣвать со мной подѣмъ.

281.

Сороковки пѣсни пѣли,
Рюмки танцевали,
Увидали шалика,
Рюмки на паль пали.

282.

Поглядѣла въ Троицу,
Милой кофетамъ рѣтцы;
Поглядѣла въ Духовъ лѣнъ,
Милой пьянѣе всѣхъ людей.

283.

Пойду, выйду на колодецъ,
Покачаю оципкомъ,

Не придёт ли ко мне миленькой
Сегодня вечеркомъ.

284.

Что жъ ты, морозъ,
Не боишься стужи.
Милой хвастаётъ—хорошъ,
Я ево не хуже.

285.

Не придёты вамъ смѣятцы
Голикамъ надъ вѣникамъ 2 раза
Ребятушкамъ надъ душкамъ.

286.

Не ходи, милой, по саду,
Не притапывай ногой:
Не придёта тибѣ, миленькой,
Смѣятцы надо мной.

287.

Дайте ходу пароходу,
Пусть ломаётъ бѣлой лёдъ.
Розлучилась я съ милёночкомъ
На цѣлой круглой годъ.

288.

Пароходъ бѣжитъ наизъ,
Съ парохода кланялись.
Миѣ милёночковы поклоны
Лучче всѣхъ покранились.

289.

Пароходъ бѣжитъ «Марія»,
Изъ-подъ чёрнова мыса.
Милёночъ въ вышитой рубашкѣ
Стонть у колёса.

290.

Машинѣ въ станціѣ подходитъ,
Все свисточкѣ подаётъ,
Изъ вагону миль выходить,
Праву ручку подаётъ.

291.

У меня-то во косѣ
Ленточка отласная.
По меня, про дѣушку,
Слаушка запрасная.

292.

Поетой, дорогой,
Дай расчитатцы:
Отдай платочкѣ носовой—
Больше не видатцы.

293.

Цвѣточки мои, бѣлорозовыи,
Были синія штоны
Дѣвки разорвали.

294.

Знаю, знаю, дорогой,
Укоряютъ дома мной.
Успокой своихъ родителей—
Сидись во звѣдѣ другой.

295.

Не любоѣтъ на колѣнѣхъ,
А любоѣтъ на полу.
Не съ любымъ говорю—
Любому голось подаю.

296.

Нѣть на свѣтѣ лучше цвѣту,
Какъ цвѣтѣтъ иѣ полѣ овѣсъ.
На память миленькой оставилъ
Прѣкѣ русыхъ волосъ.

297.

Извини, моя сударушка,
Что гостинцѣвъ не принёсъ:
Положилъ въ сѣнѣхъ на полочку,
Не знаю, кто унёсъ.

298.

Посмотрите-ко, подружки,
Кто-то ёдѣтъ на телушкѣ—
Два Ивана на барабѣ
Сороковочка въ карманѣ.

299.

Талынка идѣтъ,
Потрёпываятъ.
Миня миленькой не любить,
Всё подёргиваѣтъ.

300.

Фхалъ баринъ по дорогѣ,
Таракана задавилъ.
Онъ за эту за скотину
Три съ цвѣтной заплаты.

301.

Глазы миы,
Гдѣ вы были?
Я не съ той гулять пошёлъ.
Извини, моя сударушка,
Я искалъ да не нашёлъ.

302.

На красивую сударушку
Надѣята нельзя:

Она одѣла чёрно платьице

Въ мопашинки пошла.

303.

Въ тёмномъ лѣсѣ ёлкѣ вѣту.

Вересиночку срублю.

Вересиночку срублю.

У милёнка батька вѣту,

Сиротиночку люблю.

304.

Въ Щубово — то — дорожка,

А на Ваньско-то — глоба ¹.

Не пойду я по дорожкѣ,

Минѣ тропочка люблю.

305.

Сказали, что любовь покончена,

Зачѣмъ ты ходишь къ намъ?

Изъ-за тиба, милъ, вѣту волюшки

Гулять по вечерамъ.

306.

Есъ цвѣточки розвѣтаются,

А минѣ отрады вѣту.

Я пойду, спрошу у Милинькаго,

Любить, али вѣть?

307.

Носовой платочекъ

Вышить уголочекъ,

Я дала бы милому,

Скоро заволочить.

308.

Я пѣсню спѣль,

Коровай свергъль,

Два вороха блиновъ,

Бостёр пероговъ.

309.

Охъ, ты лѣдушко мой.

Сивая бородка!

У васъ вѣть ли паринька,

Я — твоя молодка.

310.

Дѣушка — кручинушка,

Не горить лучинушка.

У насъ лучинушка сыра,

Посумерничать пора.

311.

Было лѣто, теперь осень,

У минѣ милёнковъ восемь,

Было восемь, теперь семь

Не поспѣть ходить за всѣмъ.

312.

Я сижу на берегу,

Чужу шубу стерегу.

Чужая шуба не одѣжа,

Старой милой — не надѣжа.

213.

Походила съ малымъ годикъ,

Начинаю и другой.

Позамѣтила милёночка —

Барактеромъ худой.

314.

Вы, родители грубители,

Грубительница-мать,

Дали волю любить Колю,

А теперь велѣть отстать.

315.

Ты, родима, моя матушка,

Совѣтъ твой дорогой.

Посовѣтуй-ко, родимая,

Кого любить змой?

316.

Всѣ платочки износила,

Былинской веношеної.

Прихихѣя дорогой

Къ пріозову не вѣженой.

317.

Всѣ платочки привносила

Голубой на головѣ.

Всѣхъ робить въ солдаты сдали,

Милинькой на черодѣ

318.

Шила милому кисеть,

Не хватило шёлку.

Хотѣла милёнокъ просмѣять,

Да вѣ хватило толку.

319.

Минѣ мамашинка за Яшиньку

Пытала уидать.

Не брази, мамашинка:

Хорошій паревъ — Яшинька.

320.

Минѣ матушка за милова

Хотѣла пажкой бить.

Я родиминской сказала:

Хотѣ убей — буду любить.

321.

Одѣву былинскую кофточку,

Тихонько уйду,

Шантропы ² любить не буду,

Пофартовѣ вайду,

322.

Всѣ запоры дома знаю,

Пойду сѣви отперу.

За кого дома ругаютъ,

Самоходочкой уйду.

И. Судаковъ.

¹ Т. е. тронка. ² Т. е. всякую сбродь, дрянь. ³ Частушки съ 167 по 322 записаны въ деревнѣ Ванскомъ, Устюженского уѣзда.

III.

БИБЛIOГРАФIЯ.

Н. М. Тупиковъ. Словарь древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. СПБ., 1903.

Огромный томъ, отпечатанный послѣ смерти автора подъ редакціей и съ не-
большимъ предисловіемъ акад. А. И. Соболевскаго, вноситъ много нового въ наше
представленіе о происхожденіи и характерѣ древне-русскихъ именъ.

Наша научная словарная литература, несмотря на то, что первые опыты
относятся къ концу XVI в., когда въ 1596 г. появился «Лекенсь» Лаврентія Зизанія,
очевь бѣдна. Болѣе или менѣе удовлетворительны работы въ этой области относятся
ко второй половинѣ XIX вѣка, когда появились словарь церковно-славянского языка
Востокова, «Толковый словарь живого русского языка» Даля и нѣсколько словарей
отдельныхъ говоровъ и нарѣчий, составленныхъ Жельховскимъ, Подысоцкимъ и др.
Историческаго же словаря, составленного полно и научно, если не считать «Славян-
ского именослова» священника Морошкина, у насъ нѣть, и необходимость составле-
нія его сознается всѣми учеными. Словарь г. Тупикова, хотя и не претендуетъ на
восполненіе этого пробѣла, тѣмъ ве менѣе заслуживаетъ большого вниманія, какъ
предготовительная работа. Такіе труды много помогаютъ при изученіи произведеній
народнаго творчества, при уясненіи даже народнаго міровоззрѣнія и освѣщаютъ многія
запутанныя историческія данныя. По этому поводу г. Тупиковъ говорить: «Въ со-
ставленномъ нами словарѣ мы находимъ, что извѣстное лицо носить некрещеное
имя, употребляющееся у иноземцевъ, напр., Рудольфъ (XVI в.). Существование подоб-
ныхъ некрещеныхъ именъ, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ, что они давались
отцомъ сыну въ честь знакомаго иноземца. А такіе факты могутъ, кажется, указы-
вать на то, что въ до-Петровской Руси вовсе не было тѣхъ непріязненныхъ отношеній къ
иностраницамъ, какія ей такъ часто называются» (стр. 2). Словарь состоять изъ
трехъ частей, въ соотвѣтствіи съ тѣми задачами, какія могутъ быть поставлены
при изученіи древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именъ. Первая часть носить
характеръ филологическій: въ ней рассматриваются, напримѣръ, отношенія между
собой именъ въ родѣ Доброславъ, Добрило, Добрата; типы и строевія сложныхъ
именъ въ родѣ Мстиславъ, суффиксы, при помощи которыхъ образуются имена и т. д.
Вторая часть посвящена истории именъ: въ ней указывается, изъ какой мѣстности и
въ какомъ классѣ народа возникли извѣстныя имена, какое отношеніе имѣли древнія
языческія имена къ христіанскимъ и т. д. Въ послѣдней части своего труда г. Тупи-
ковъ выясняетъ, какія понятія, абстрактныя или конкретныя, участвовали при обра-
зовавшіи личныхъ собственныхъ именъ.

Въ краткомъ обстоятельномъ предисловіи г. Тупиковъ даетъ характеристику
коренныхъ русскихъ именъ и очеркъ постепенного перехода ихъ въ отчества, фами-

ліи и прозвища. Въ однъ изъ старинныхъ азбуковниковъ, въ статьѣ «Предисловіе именъ человѣческихъ», находится слѣдующее замѣчаніе: «Первыхъ родовъ и временъ человѣцы бывше и прежде закона и сущія въ заковѣ и въ благодати до нѣкоего времени даху дѣтимъ своимъ имена, якоже отецъ или мати отрочати изволить, или отъ взора и естества дѣтища, или отъ времене, или отъ вещи, или отъ притчи... Такоже и Словяне прежде крещенія ихъ даху имена дѣтимъ своимъ сице: Богданъ, Баженъ, Первой, Второй, Любимъ и ина такова». Съ принятіемъ христіанства въ Россію перешли и греческія имена, которыхъ встрѣчаются уже въ началѣ XI вѣка, напримѣръ, въ 1018 году — «посадникъ Константинъ сынъ Добрынъ» (Лавр. 100), 1122 — «Дмитровна Завидовица» (супруга Мстислава Владимировича). *Лѣт. XV.* 193) и т. д. Но данныя при крещеніи христіанскія имена замѣнялись въ общежитіи изыческими, причемъ первоначально этому слѣдовало даже и духовенство, и особенно долго это было обычай держался въ Юго-западной Руси. Часто, особенно въ XI—XIII вв. князья, дружиинники, бояре и духовные носили два имени сразу, христіанское и русское (древнее или вновь образовавшееся), причемъ г. Тупиковъ высказываетъ предположеніе, что русское имя считалось среди князей главнымъ, такъ какъ христіанское имя, нерѣдко вмѣстъ съ русскимъ, упогреблялось при упоминаніи ихъ кончины.

Среди же высшаго класса оба имени имѣли равное значеніе. Это можно видѣть изъ обслѣдованныхъ перечней, гдѣ одни бояре назывались христіанскими именами, другіе — коренными русскими, напримѣръ, Константинъ Луготиничъ, Юрия Пинешиничъ, Наличеть и Дрочило Нѣздыловъ — новгороды (*Лѣт. XV.*, 380. 1241 г.). Но начиная съ XIV вѣка, обычай употребленія рядомъ двухъ именъ, среди высшаго класса общества постепенно забывается и въ XVII вѣкѣ почти совсѣмъ уничтожается. Въ визшемъ же классѣ народа, наоборотъ, съ XV вѣка нерѣдко употребляется рядомъ два имени, христіанское и русское, причемъ русское иногда становится прозвищемъ, и не только среди простого народа, но и среди бояръ и князей, напримѣръ, «князь Литовскій Иванъ, а прозвище ему Баба» (*Лѣт. IV.*, 210), Богданъ, а имя ему Богъ вѣсть» (642, казакъ [с. в.] А. Э. III. 456) и т. д. Перечисленія пріемы для отличія русскихъ личныхъ именъ отъ прозвищъ, г. Тупиковъ приходитъ къ выводу, «что русскія имена до XVII в. включительно имѣли одно значеніе личныхъ именъ, какъ и христіанскія. Часто они употреблялись вмѣстъ съ христіанскими. Иногда имѣли значеніе прозвищъ, но какія имена и когда переходили въ прозвища, рѣшать невозможно. Мы склонны думать, что признаніе русскаго имени равноправнымъ съ христіанскимъ или же имѣющимъ значеніе только прозвища, зависѣло отъ воли отдельныхъ лицъ, носившихъ это имя или писавшихъ документъ, куда заносился владѣльцъ имени» (стр. 16).

Бѣрмъ того, какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ классахъ встрѣчались случаи, когда какое-нибудь лицо носило два имени, и оба коренныя русскія, причемъ второе имя иногда указывало на происхожденіе, родъ занятій, черту характера и т. п., напримѣръ, Упырь Лихій, 1047, священникъ, Добрыня Долгой, ростовскій бояринъ, 1177 (*Лавр.*, 261), Иванъ Свѣтило Рыжко, смоленскій посадникъ, 1609, (А. И. II, 95), Второй Кубанецъ, стряпчій монастырскій, 1625, (А. Ю., 284) и др. Нерѣдко также давались одному и тому же лицу и два христіанскихъ имени. Бостомаровъ и м. Евгений объясняютъ этотъ обычай тѣмъ, что одно имя употреблялось въ общежитіи, а другое хранилось въ тайнѣ для предупрежденія ходовства надъ этимъ именемъ.

Переходя отъ отца къ сыну, коренныя русскія имена постепенно теряли свое первоначальное значеніе и становились фамильными прозвищами, образовавшимися какъ изъ прилагательныхъ, такъ и изъ существительныхъ, напримѣръ, Никата и Судокъ Масные, пристава, 1598, (А. Э., II, 44), «язь Кирило, прозвище Третьячко, да язъ Нестерко Третьячко Федоровы дѣти Поповы», кабалы (сѣв.) 1600, (А. И., II, 129) и т. д. Особенно часто это встрѣчалось въ Юго-западной Руси, напримѣръ, Яцко и Занко Братенки, крестьяне, 1595, Фалонъ Гаврушковичъ, Иванъ Нартовичъ Ноздрны Шлотницкие земяне, 1671, (Арх. Сб., VI, 230), и т. д. Вслѣдствіе трудности я даже невозможности точнаго отдаленія отчествъ отъ фамилій, г. Тупиковъ присоединяетъ

ихъ къ отълу фамилій. Отчества появились очень рано. Впервые мы встрѣчаемъ ихъ въ спискѣ русскихъ пословъ 945 года и даѣтъ, подъ 968 году упоминается воевода именемъ «Прѣтъчъ». Но относительно послѣдняго г. Тупиковъ думаетъ, что оно, можетъ быть, употреблено какъ имя. Особенно сильное распространеніе отчествъ началось съ XIII вѣка, причемъ преимущественно въ средѣ высшаго класса народа. Что же касается до болѣе или менѣе широкаго распространенія отчествъ по областямъ, Тупиковъ, на основаніи изслѣдованія многочисленныхъ документовъ, предполагаетъ, что въ большей мѣрѣ отчества употреблялись въ Сѣверо-восточной Руси, чѣмъ въ Юго-западной. При этомъ нужно замѣтить, что отчества первѣко производились отъ женскихъ именъ, напримѣръ, Сенька Орининъ, своеименецъ, 1495. (Лиси. II, 411), Василій Маричиничъ, сынъ каягини Маріи, дочери Владимира Мономаха, † 1136, (Лазр. 288) и т. д.

Такъ какъ отчества были распространены какъ у бояръ, такъ и у простого народа, то они нисколько не увеличивали почета. «Главнымъ образомъ здѣсь игралъ роль обычай,—говорить г. Тупиковъ,—по которому лица высшаго класса ревниво оберегали указаніе на свое происхожденіе и къ своему имени прибавляли отчество и фамилію; лица же низшаго класса считали это лишнимъ и часто обозначали себя однимъ только именемъ». Можно еще упомянуть, что иногда образовавшіяся уже прозвища замѣняли собой имена, напримѣръ, «соженица Мстиславъ Володимеричъ, поять за себя Дмитровну Завидовича», 1122 (Лет. XV, 193) и др. Такъ какъ прозвища провозошли отъ именъ, то поэтому каждая патронимическая форма (на овъ, инь и ичъ) ясно показываетъ на существовавшее вѣкогда имя, изъ кото-
рого она и образована.

Относительно коренныхъ русскихъ женскихъ именъ надо замѣтить, что они въ большинствѣ случаевъ мало чѣмъ отличаются отъ мужскихъ. Наиболѣе древнія изъ нихъ такъ называемыя старшія: Болеслава, XII в., Верхуслава, XII—XIII вв., Все-слава, XII в., Добрѣва, XIII в., Измарагдъ, XII в., Малуша, X в., Ольга, X в., Рогвѣда, X—XII, и др. Младшія имена слѣдующія: (общерусскія) Богдана, Вѣра, Ждана, Корот-кая, (юго-западныя) Богумила, Бѣлуха, Любѣ, Людмила, Найда, Несмѣяна, Смиревка, Чернавка и др. Эти имена также иногда употреблялись въ качествѣ прозвищъ.

Хотя при составленіи своего очерка г. Тупиковъ пользовался работами Морошина, Чечулина и Соколова, тѣмъ не менѣе цѣнность его труда, въ которомъ высказано иного новыхъ замѣчаній на основаніи изученія огромнаго материала, нисколько этимъ не уменьшается.

А. И. Яцимирскій.

Николай Харузинъ. Этнографія. Издание посмертное, подъ редакціей В. Хару-
зиной. Вып. II. Семья и родъ. СПБ. 1903. Цѣна 2 руб.

Полный курсъ «Этнографія» Харузина, читанный въ видѣ лекцій студентамъ Московскаго университета, долженъ состоять въ слѣдующихъ четырехъ отрывкахъ: 1) Матеръяльная культура, 2) Семья и родъ, 3) Собственность и первобытное государство и 4) Вѣрованія. До сихъ поръ вышло двѣ первыхъ части. Въ нихъ собраны такія богатыя свѣдѣнія о бытѣ народовъ первобытныхъ и архѣческаго населения Россіи и культурныхъ племенъ Европы, что приходится только удивляться начитанности автора и его умѣнію пользоваться этимъ колоссальнымъ сырьемъ матеръя-
ломъ. Излагая свой собственный взглядъ на происхожденіе какого-нибудь обычая, Харузинъ приводить мнѣнія по давнему вопросу всѣхъ своихъ предшественниковъ и освѣщаетъ ихъ тѣми притѣрами, которые собраны русскими этнографами.

Очень интересна исторія семьи, какъ правового института. Изслѣдователь остав-
навливается очень подробно на патріархатѣ и постепенномъ переходѣ его въ патер-
нитетъ, какъ болѣе высокую ступень въ культурной жизни народовъ. Характерны также его выводы, сдѣланные при изученіи экономическихъ причинъ нашего снох-
чества. Этотъ обычай, вмѣстѣ съ такъ называемымъ гостепріимствомъ гетеризомъ, Харузинъ считаетъ слѣдами безпородочнаго полового сожительства, бытовавшаго въ

очень отдаленное время и последней формой полиандрии, т. е. многомужества. Широко распространенный народный обычай снохачества разрывает и узаконивает сожительство отца съ женой сына. Прежние этнографы думали, что вынуждение полиандрии совершилось путем постепенныхъ ограничений свободы общенія внутри группы, а снохачество—объясняло тѣмъ, будто подъ конецъ существованія полиандрии общеніе съ одной женщиной дозволялось только отцу и его сыну, причемъ дѣти, рожденные отъ отца, считались законными дѣтьми сына. Н. Харузинъ опровергаетъ эту теорію.

Оказывается, что у реддіевъ южной Индіи обычны браки женщинъ 16—20 лѣтъ съ мальчиками 5—6 лѣтъ. Уже Леббокъ замѣтилъ, что при такихъ раннихъ бракахъ женщина живетъ обыкновенно съ какимъ-нибудь взрослымъ мужчина изъ той же семьи. Если отъ подобной связи у нея являются дѣти, то они считаются дѣтьми малолѣтняго мужа. Къ этому же времени, когда мальчикъ вырастетъ, жена его оказывается уже слишкомъ старой или неспособной производить дѣтей; тогда и она въ свою очередь склоняется съ женой какого-нибудь другого мальчика на тѣхъ же основаніяхъ и производить на свѣтъ дѣтей, которыхъ считаются дѣтьми малолѣтняго мужа. То же самое можно наблюдать и у русскихъ инородцевъ, у донскихъ казаковъ, въ Воронежской, Томской, Енисейской, Тамбовской, Харьковской, Курской, Архангельской и другихъ губерніяхъ. Старики-буята рассказывали этнографу Кулакову, что первѣко жены, отправляясь доить коровъ, носили на рукахъ своихъ мужей съ собой. Изъ многихъ рассмотрѣнныхъ фактовъ Харузинъ дѣлаетъ заключеніе, что отличие снохачества отъ полиандрии заключается въ томъ, что въ первомъ сожительство разрѣшается молодой только съ однѣмъ изъ членовъ семьи, въ полиандрии же женщина живетъ съ группой мужчинъ. Несмотря на нѣсколько тѣжелое наложеніе и замѣтное злоупотребленіе иностранными словами, книга читается съ интересомъ. Была бы желательна болѣе популярная переработка «Этнографіи» Харузина.

А. И. Яцимирскій.

Б. Фармаковскій. Аттическая вазовая живопись. Спб. 1903.

Капитальное изслѣдованіе Б. В. Фармаковскаго представляетъ несомнѣнныій интересъ и для этнографіи. Оно переносить настъ въ ту область антическаго изобразительнаго искусства, о которомъ ничего почти неизвѣстно. О такой блестящей порѣ въ искусствѣ, какъ греческая живопись времени Александра Македонскаго, мы не знаемъ ничего, такъ какъ подлинныя картины до настъ не дошли. Помпейскія раскопки также не даютъ представленія о лучшахъ греко-римскихъ фрескахъ, ибо онѣ были написаны зураидными майрами-профессионалами. Поэтому о картинахъ Полигнота, Паррасія и Зевксиса мы знаемъ только изъ отрывочныхъ описаній ихъ у современниковъ. Но ихъ произведенія не погибли для науки безвозвратно, потому что на рисункахъ вазъ, исполненныхъ, правда, ремесленниками, отразилось влияніе современной имъ свободной живописи. Мастера брали цѣлые композиціи у лучшихъ художниковъ, мало ихъ измѣняли и переносили на свои вазы отдельныя фигуры, группы, орнаментику и т. д. По этимъ копіямъ можно восстановить цѣлое.

Первые росписные вазы были найдены въ Италии, и долгое время археологи причисляли ихъ къ произведениямъ художественной промышленности этрусковъ. Только благодаря новѣйшимъ находкамъ ихъ въ Греціи явились возможность допустить, что вазы эти ввозились въ Италию изъ Греціи, и только въ самое позднее время прекратилась выѣзда ихъ въ самой Греціи. Въ большинствѣ случаевъ итальянскія копіи передавали тотъ же высокій греческій стиль, сохранили простой и благородный духъ. Собранные въ разныхъ музеяхъ, аттическія вазы даютъ богатый матеріалъ для исторіи живописи въ Греціи. Изслѣдователь знаетъ около четырехъ тысячъ вазовыхъ картинъ. Бытовой жанръ, этнографические, миѳологические и исторические сюжеты, типы и орнаментальные рисунки на вазахъ имѣютъ ближайшее отношеніе къ «настоящей» живописи. Особенно сильно было влияніе на вазовую живопись Полигнота. Хотя обѣ его картинахъ приходится судить главнымъ образомъ по вазамъ,

тъмъ не менѣе на основаніи отъкъ копій можно составить вѣрное представление о характерѣ произведеній кисти «великаго Фасосца». Б. Фармаковскому удалось установить, что рисунокъ, композиція, формы, трактовка сюжетовъ, даже отчасти техники, все эти элементы художественного творчества и средство въ передачѣ образа у мастера вазъ находились подъ вліяніемъ произведеній Полигнота. Интересно также, что за живописи вазъ нельзя замѣтить рабскаго и неосмысленного копирования. «Мастера вазъ,—говорить изслѣдователь,—всегда считались съ требованиями своего искусства и брали у Полигнота лишь то, что не противорѣчило ихъ задачамъ. Вліяніе его замѣчается на вазахъ, которыхъ можно отнести къ 470—460 годамъ. Въ то время старый, строгій, архаичный стиль подъ вліяніемъ Полигнота начинаетъ мало по-малу преобразовываться въ новый, свободный. Къ этому періоду относятся вазовые картины, стиль которыхъ представляетъ смѣсь архаическихъ и свободныхъ формъ, и особенно сильно вліяніе этого художника на вазахъ 460—450 годовъ» (стр. 613). Къ изслѣдованію приложено 20 таблицъ снимковъ; многія изъ нихъ въ краскахъ и исполнены удачно.

Альбомъ Мейерберга. Виды и бытовые картины Россіи XVII вѣка. Рисунки Дрезденского альбома, воспроизведенныя въ натуральную величину. СПБ. 1903. Изд. А. С. Суворина. Цѣна 15 руб.

Въ 1827 году вышла извѣстная книга Федора Аделунга «Баронъ Мейербергъ и путешествіе его по Россіи, съ присовокуплениемъ рисунковъ, представляющихъ виды, обряды, портреты и т. п., въ продолженіе сего путешествія собранныхъ». Помимо того, что это изданіе въ настоящее время составляетъ библиографическую рѣдкость, атласъ Аделунга никогда не могъ дать вѣрнаго представления о характерѣ рисунковъ подлиннаго альбома, потому что все изображенія для литографіи были воспроизведены отъ руки и въ смыслѣ точности оставляли желать лучшаго. Тѣмъ не менѣе, альбомъ наблюдательного и просвѣщенаго путешественника сохранилъ намъ необыкновенно цѣнныя данныя о старинномъ русскомъ бытѣ, почему нашиѣ этнографамъ и археологамъ золей-неволей приходилось довольствоваться прежнимъ изданіемъ. Теперь мы имѣемъ фотографическое воспроизведеніе всего альбома; здѣсь не пропущено ни одного рисунка, и такие даже небольшіе наброски, какъ «Древній пековскій гербъ», «Новгородскій гербъ» (второй варягъ), «Видъ Красной» и «Русскій алфавитъ», нашли себѣ мѣсто въ новомъ роскошномъ автотипическомъ изданіи.

Царское посольство, во главѣ котораго стоялъ любознательный посланникъ и образованный туристъ Августинъ Мейербергъ, прибыло въ Москву въ 1661 году и отбыло въ Вѣну только въ сѣдмомъ году. За это время авторъ Путешествія успѣлъ хорошо ознакомиться съ бытомъ полуварварской Московіи. Мы не будемъ говорить о научномъ значеніи текста его Путешествія, переведенного А. Н. Шемякинымъ въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей россійскихъ» за 1873 и 1874 годы. Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя просвѣщенными посломъ, отличаются точностью, можно сказать, даже вѣкоторой научностью; всѣ наблюденія его обнаруживаются въ немъ челоѣка, поимавшаго оригинальныя черты частнаго быта и общественной жизни Московія. Мейербергъ сумѣлъ быть въ одно и то же время и государственнымъ дѣятелемъ и этнографомъ, археологомъ и чуткимъ художникомъ. Послѣдняя черта сказалась на всѣхъ рисункахъ его Альбома, сдѣланныхъ по его заказу пріѣзжавшими вмѣстѣ съ нимъ художниками.

Для того, чтобы показать, насколько интересны эти рисунки, мы приведемъ хотя бы заглавія наиболѣе выдающихся въ археологическомъ отношеніи: «Посольскій вѣзъ», «Аудіенція пословъ», «Посольскій дворъ» (до нашего времени не сохранившійся), два вида Кремля, «Большой колоколь», «Выѣздъ царя въ саняхъ», «Шествіе на осляти», «Выходъ царицы съ царевичемъ», «Подача человѣтной», наконецъ, портреты царя Алексея Михайловича, царицы Маріи Ильиничны, патріарха Никона, митрополита Питирима и др. Прибавимъ къ этому виды многихъ церквей, монастырей, сель и городовъ, или совершенно исчезнувшихъ, или же измѣнившихъ свой первоначальный видъ; далѣе—стѣнныя росписи царскихъ палатъ въ Московскомъ Кремль,

и некоторые иконы, костюмы бояръ, боярынь, духовныхъ лицъ, военныхъ, инородцевъ и т. д. Вся эта обстановка перевозить читателя въ старую Москву со всеми атрибутами патріархального быта, и можно только пожалѣть, что слишкомъ высокая цѣна Альбома лишаетъ возможности приобрѣсти его для многихъ учебныхъ заведеній, где онъ оказалъ бы немалую услугу при ознакомлениі учениковъ съ исторіей Россіи XVII вѣка.

А. И. Яцумирскій.

Я. Б. Шницеръ. Иллюстрированная всеобщая исторія письменъ. С-Пб. 1904. Стр. 264. Ц. 4 р.

Настоящая книга, распадающаяся по своему содержанію на два отдѣла—на исторію письменъ до появленія алфавита и на исторію алфавита,—является цѣннымъ вкладомъ на нашу литературу, такъ какъ въ ней до настоящаго времени нѣтъ ни одного полнаго и сколько-нибудь систематического труда по этому вопросу. Главная задача, которую преслѣдуетъ въ своемъ сочиненіи г. Шницеръ, состоять въ томъ, чтобы выяснить существованіе связи между всѣми письменами на земномъ шарѣ и прослѣдить преемственность и зависимость одного отъ другого, т. е. «показать, на основаніи сравнительного изученія различныхъ памятниковъ древней письменности,—какъ говорить самъ авторъ,—что письмена, подобно языкамъ, не выдумывались и не изобрѣтались отдельными личностями, какъ это привято было думать на основаніи преданій, а вырабатывались и развивались одно изъ другого, подчиняясь тѣмъ же законамъ эволюціи и постепенного развитія, какими подчинено происхожденіе міровъ, происхожденіе животныхъ, растеній и вообще всего того, что когда-либо возникло или возникаетъ въ природѣ». Мы можемъ сказать, что вышеуказанная задача выполнена г. Шницеромъ удовлетворительно, и книга его представляетъ интересъ для этнографіи, чему нѣмало способствуютъ рисунки (числомъ 155) и таблицы (числомъ 19), на которыхъ воспроизведены образцы письменъ древнихъ и дикихъ народовъ.

Первая часть этого сочиненія, какъ мы уже сказали, посвящена исторіи развитія письменъ до изобрѣтенія алфавита. На ней мы и остановимся. Тотъ способъ выражать письменно свои мысли, которымъ располагаемъ мы, былъ неизвѣстъ первобытному человѣчеству, и достигнутъ только путемъ продолжительной, кропотливой работы. Содержаніе первой части книги г. Шницера составляетъ разсмотрѣніе всѣхъ стадій развитія письменъ, при чемъ авторъ всюду выдвигаетъ изъ перваго плана ту мысль, что у всѣхъ народовъ, путемъ или естественного возникновенія, или же преемственности, искусство письма первоначально было одинаково; только одни изъ нихъ съумѣли его развивать, а другіе, наоборотъ, остановились на достигнутыхъ результатахъ.

Авторъ начинаетъ свою книгу съ разсмотрѣнія такъ называемаго подготовительного періода въ исторіи письма. Послѣ того, какъ люди образовали болѣе или менѣе большія группы съ экономическими или стратегическими цѣлями, у нихъ появилась потребность выражать свои мысли не только словомъ, устно, но и письменно, когда, напримѣръ, люди не могли видѣться для переговоровъ. Эта потребность передавать мысли на первыхъ порахъ удовлетворялась при помощи предметовъ, вызывавшихъ въ умѣ обѣихъ сторонъ извѣстное и при томъ одинаковое представлѣніе, какъ-то: раковинъ или шнурковъ, цѣѣть, форма, величина и разныя комбинаціи которыхъ также означали извѣстныя понятія. Узловое письмо употреблялось въ древности китайцами, персами и др. и наибольшаго развитія достигло у перуанцевъ. Послѣдаѣтъ свивали длинную веренку и привѣшивали къ ней множество нитей, связанныхъ разными узлами и сплетеніями. Эти узлы и сплетенія служили для счета; а если были окрашены въ разныя цѣѧта, то выражали извѣстныя, болѣе или менѣе отвлеченные понятія. Напр., черные узлы означали смерть или бѣдствіе, бѣлые—соколь или миръ. и т. д. У древнихъ германцевъ для передачи мыслей служили палочки съ зарубками. На томъ же принципѣ у африканцевъ, яванцевъ, бирманцевъ, вскимосовъ и др. народовъ основаны «жезлы приказанія» или «жезлы посланниковъ». Раковинное письмо употреблялось гуронами, ирокезами и другими сѣверо-американскими племенами. Такимъ

образомъ, на этой подготовительной ступени исторического развитія письма стояли почти все до-культурные народы, а вѣкоторые, какъ напримѣръ, перуанцы и мексиканцы, пользуются этимъ способомъ (именно, узловымъ письмомъ) и до настоящаго времени. Исторія же пачертательного письма представляетъ, главныи образомъ, три стадіи своего развитія, именно, идеографическое или картиное письмо, географическое и, наконецъ, фонетическое или буквенное.

Человѣчество перешло отъ предметного письма къ начертательному не сразу: между этими двумя способами существовалъ цѣлый рядъ переходныхъ ступеней, начиная съ обычай клеймения тѣла и кончая татуировкой. При этомъ нужно замѣтить, что начертательное письмо развило и достигло своей высшей культуры преимущественно у тѣхъ народовъ, у которыхъ существовалъ обычай татуировки, такъ какъ послѣдняя научала людей выражать мысли и понятія съ помощью рисунковъ. Отвлеченныя понятія обозначались чрезъ изображеніе тѣхъ предметовъ, которые, по закону ассоциациіи, соединялись въ умѣ съ даннымъ понятіемъ. Такъ, напримѣръ, для обозначенія силы рисовали орла или льва, для обозначенія вѣрности — собаку, для обозначенія войны — сѣкиру, стрѣлу или какое-нибудь оружіе и т. д. Такія же отвлеченныя понятія, для которыхъ вѣ было подходящихъ изображеній въ окружающей дѣятельности, до-культурные люди обозначали при помощи условной символики. Напр., американские индѣйцы условились изображать понятіе «жизнь» въ видѣ фантастической рогатой змѣи, «смерть» — въ видѣ животнаго, лежащаго вверхъ ногами и внизъ головой, «успѣхъ» — въ видѣ черепахи, «проворный», «ловкій» — въ видѣ человѣка съ крыльями вѣсто рукъ и т. д. Дни, мѣсяцы, годы также обозначались условно разными предметами. Идеографическое или картиное письмо, помимо индѣйцевъ, существовало въ Египтѣ, Китаѣ и Австралии. «Замѣчательно, что пароды самыхъ отдаленныхъ странъ и частей свѣта, — говоритъ г. Швайцеръ, — о взаимныхъ сношеніяхъ которыхъ не могло быть и рѣчи, совершенно самостоятельно и независимо другъ отъ друга выработали у себя одни и тѣ же приемы, одни и тѣ же способы для картина го обозначенія всевозможныхъ понятій». Размѣры рецензіи не позволяютъ намъ подробно остановиться на развитіи этого способа письма у египтянъ, китайцевъ, корейцевъ, японцевъ и др., тѣмъ болѣе, что для специалистовъ все это извѣстно.

Переходъ отъ картиного письма къ географическому совершился въ Египтѣ, по справедливости считающемуся колыбелью общечеловѣческой цивилизациіи. Этотъ переходъ совершился слѣдующимъ образомъ: прислушиваясь въ теченіе многихъ вѣковъ къ своей рѣчи, египтяне замѣтили, что она состоитъ изъ звуковъ, повторяющихся въ разныхъ словахъ и въ разномъ порядке. «Всѣ эти наблюденія навели египтянъ на мысль замѣнить существовавшее у нихъ образное или картиное письмомъ такими письменами, — говоритъ авторъ, — въ которыхъ бы каждый слогъ обозначался определеннымъ условнымъ знакомъ. Для этой цѣли они рѣшили воспользоваться тѣми же рисунками, которые они употребляли въ картиномъ письмѣ, но среди нихъ они выбрали только тѣ, которые представляли ли наиболѣе легкое и наиболѣе простое начертаніе». Такимъ образомъ, рисунокъ изображалъ уже не цѣлое понятіе, а только одинъ слогъ слова; при этомъ обозначались только согласные буквы слога, а гласные пропускались, вѣроятно, потому, что всѣ восточные народы первоначально не дѣлили никакого (?) различія между различными гласными, не имѣвшими у нихъ яснаго произношенія. Затѣмъ, вскорѣ египтяне стали обозначать не слогъ, а только одинъ звукъ, и такимъ образомъ постепенно перешли отъ географизма или силлабизма къ алфавитизму. Одновременно съ развитіемъ географовъ, у египтянъ, ассирио-ававилонянъ и мидянъ шло развитіе клинописи, изобрѣтеної аккадами или сумирами, первобытными племенами Турана и Халдѣи, а отъ вавилонянъ было заимствовано персами, армянами и другими народами Передней Азіи. Здѣсь также спачала употреблялась идеографическая клинопись, позже перешедшая въ слоговую систему, достигшую большого развитія у персовъ. Клинопись на первыхъ порахъ состояла изъ разныхъ линейныхъ фигуръ, и только впослѣдствіи изъ клинообразныхъ знаковъ.

Въ заключеніе мы повторяемъ, что эта книга представляетъ по своему содержанию большую цѣнность для этнографіи, особенно въ виду того, что на русскомъ

языкъ сочинений по этому вопросу совсѣмъ нѣтъ, и рекомендуемъ се читателямъ, такъ какъ исторія письменъ есть въ тоже время часть исторіи человѣческой культуры. Шиллеръ сказалъ:

Тѣломъ и словомъ письмо облекаетъ безгласный мыслъ,
Говорящій листокъ вѣтъ отвосить вѣкамъ.

Очень жаль только, что далеко вѣ удовлетворительно разработавъ славянскій п., въ частности, русскій отдѣлъ; очевидно, автору осталась неизвѣстными лучшія изслѣдованія, появившіяся въ ведавшее время.

A. И. Яцимирскій.

Въ Редакцію «Живой Старины» поступили книги:

Сборникъ Историко-Филолог. Общества. Томъ 13—Труды Харьков. Преварительного Комитета по устройству XII Археологическаго Съезда. Изданы подъ ред. Проф. Е. Е. Редина. Т. II, ч. 1-я и 2-я Х. 1902.

Труды В. Сибирскаго Отдѣла И. Р. Географическаго Общества. Т. V. М. Н. Хангаловъ: Балаганскій Сборникъ (Сказки, повѣрья и нѣкоторые обряды у сѣв бурятъ), подъ ред. Г. Н. Потанина. Т. 1903.

Ізвѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. 1903 г., т. VIII-го кв. 4-я Спб 1903.

Мончаловскаго, О. Х. Петръ В. Галицкой Руси. Львовъ. 1903.

Смоленскаго, Ст. В. О ближайшихъ практическихъ задачахъ и научныхъ разысканіяхъ въ области русской церковно-пѣвческой археологии. Спб. 1904.

Жуковича, П. Н. Сеймовая борьба православнаго западно-русскаго дворянства съ церковной уніей (съ 1609 г.). Вып. 1 Спб. 1903.

Боброва, Е., проф. Борисъ Ивановичъ Ордынскій (біограф. очеркъ). Варшава. 1904.

Соколова, Е. Пѣсни А. С. Пушкина и крестьянъ Саратовской губ. о Стеньѣ Разинѣ. Саратовъ.

Брандта, Р. Ф. Освобождевіе. Болгарская народная пѣсня о послѣдней Русско-Турецкой войвѣ (Оттискъ въ «Филолог. Зап.»). Воронежъ. 1903.

Ізвѣстія Красноярскаго подъотдѣла Восточно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Р. Географическаго Общества. Т. I, вып. V (и. прочимъ, напечатаны статьи: П. С. Островскаго: О положеніи женщинъ у инородцевъ Туруханскаго края. Его же. Магазейская книга). Кр. 1903.

Родопски напрѣдъдкъ. Ка. Ш. 1903.

Wierzbowski. Teodor. Piesni, tañce, padwany XVII wieku. W. 1903.

Радлова, В. В. Опытъ словаря тюркскихъ нарѣчій. Вып. 16-й. Спб. 1903.

Шренка, Л. Объ инородцахъ Амурскаго края. Т. III. Этнографическая часть Вторая половина: черты семейной общественной и внутренней жизни. Спб. 1903.

Вестберга, Ф. Комментарій на записку Ибрагима Ибн-Якуба о славянахъ. Спб. 1903.

Бессарабы, И. В. Матеріалы для этнографіі Сѣдлецкой губернії. Спб. 1903.

Университетскія Извѣстія, № 1 за 1904 г. (между статьями—Лободы, А. М. «Русскія былины о сватовствѣ»). Кіевъ. 1904.

Зеленина, Д. Отчетъ о діалектологической поездкѣ въ Вятскую губ. Спб. 1904.

— Пѣсни деревенской молодежи. (изъ «Памятной книжки Вятской губ.» 1903 года). Вятка. 1903.

— Свадебные приговоры въ Вятской губ. В. 1904.

— Народныя присловья о вятчанахъ. В. 1904.

— Этимологічнія замѣтки (къ этимологіи русск. словъ: чередить, душка, коекъ, лыса, комната, сыворотка, шесть и. др.). I—V. 1—14 стр. Спб. 1904. Отд. Оттискъ изъ «Изв. Отд. р. языка и слов. и Акад. Наукъ», т. VIII (1904), кн. 4-я.

Записки Восточного Отд. Имп. р. Археологического Общества. Подъ ред. В. Р. Розева. Т. XV, вып. II—III.

Содержаніе: Китаби-Коркудъ. IV. Бертолъда В. Пролегомона къ новому изданію Ибн-Фазлана. I—X. Бар. В. Розева. Арабъ-Физиологъ о монгольскомъ языке. II. Мезиоранскаго. Отчетъ о командировкѣ въ Туркестанъ. В. Бертолъда.

Сборникъ Музея по антропологіи и этнографіи при Имп. Академіи Наукъ. IV. Матеріалы по буддійской иконографіи. С. Ф. Ольденбурга. Спб. 1903.

Дурново, П. Діалектологическая карта Калужской губернії. Спб. 1903.

Славяновѣдѣніе въ 1901 году. Система указатель трудовъ по языкоzнанію, литературѣ, этнографіи и истории. Спб. 1903.

Барскова, Я. Л. Списковъ трудовъ акад. А. Н. Пыпина. 1853—1903

Polivka, I. Lud bialoruski na Rusi litewskiej. Materjaly do etnografii slow. Przez. M. Fedorowskiego T. II Кг. 1902. XX—350 стр. Отд. Оттискъ изъ «Изв. Отд. р. яз и слов. И. Ак. Наукъ, т. VIII (1903), кн. 4-я

Будде, Е. Ф. О говорахъ Тульской и Орловской губерній. Матеріалы, изслѣдованія и словарь. 1—148 стр. Спб. 1904. Отд. оттискъ изъ Сборн. Отд. р. яз. и слов. И. Ак. Наукъ, т. LXXVI.

Врабель, М. Угро-руссіи народны спѣваки. Спѣваки Марамарошки. Будапештъ 1900. Ц. 2 р.

Улашинъ, Генрихъ. Польскія періодическія изданія по этнографіи. (1900—1901 г.г.) Извлеченіе изъ Изв. Отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. VIII (1903), кн. 4.

Коршъ, Ф. Е. Турецкіе элементы въ языке Слова о полку Игоревѣ. I—VIII. 1—58 стр. Спб. 1904. Отд. Оттискъ изъ «Извѣстій Отд. р. яз. и слов. И. Академіи Наукъ», т. VIII (1904), кн. 4-я.

Ивановъ, І. Культь Перуна у южныхъ славянъ. I—V. 1—35 стр. Спб. 1904. Отд. Оттискъ изъ Извѣст. Отд. р. языка и словесности Имп. Ак. Н., т. VIII (1904), кн. 4-я.

V.

СМЪСЬ.

Различія въ вѣрованіяхъ и обычаяхъ бѣлоруссовъ и великоруссовъ Смоленской губерніи.

Жители великорусскихъ и бѣлорусскихъ уѣздовъ Смоленской губерніи отличаются отъ своихъ соседей бѣлоруссовъ наружностью, языкомъ, обычаями, вѣрованіями и поэтическими преданіями.

Поэзія бѣлоруссовъ состоять изъ обрядовыхъ пѣсень, которыя хорошо сохранились и раздѣляются на весеннія, лѣтнія, осення и зимнія.

Пѣсни великоруссовъ состоять обыкновенно изъ хороводныхъ пѣсень, скакухъ и пѣсень любовнаго содержанія; изъ обрядовыхъ пѣсень сохранились только пѣсни свадебныя.

У бѣлоруссовъ распространѣнъ тотъ родъ поэзіи, который носить название духовныхъ стиховъ, и пѣніе этихъ духовныхъ стиховъ сопровождалось у бѣлоруссовъ звуками особаго духового инструмента, который носить оригинальное название «свинь». Дѣйствительно, этотъ духовой инструментъ, издающій хрищащіе звуки, похожъ и съ виду на свинью, а клапаны его на свиняя ноги. «Взять старець свинью, говорять бѣлоруссы, и — пошелъ»!.

Пѣніе у великоруссовъ и бѣлоруссовъ сопровождается пляской, но пляска эта у тѣхъ и другихъ имѣть различный характеръ.

Нѣть ничего любопытнѣе для свѣжаго наблюдателя, какъ смотрѣть на пляску бѣлорусскихъ бабъ. Пляшутъ онѣ, сопровождая пляску взмахиваніемъ платочка, подъ игру какого-нибудь скомороха. Пляшутъ бабы топаясь на одномъ мѣстѣ, во интересно наблюдать сосредоточенное выраженіе ва ихъ лицахъ, съ оттѣнкомъ озабоченности — точно бабы производятъ молотьбу или какое-нибудь важное хоайственное дѣло.

Другой характеръ имѣеть пляска великоруссовъ. У нихъ бабы водить хороводы, принимающіе самое разнообразное построеніе. Въ Гжатскомъ уѣзда бабы выстраиваютъ въ кружекъ и водить хороводы вокругъ молодца, который стоитъ, почтительно склонившись на одно колѣно, въ кругу молодухъ и девокъ. Особенно разнообразное построеніе хороводовъ замѣчается у великоруссовъ Рославльскаго уѣзда, а именно, около села Рогнѣдина, имѣющаго историческое значеніе. Рогнѣдино считается мѣстомъ пребываніемъ Рогнѣды, жены князя Владимира. Вблизи отъ этого села на одномъ поль стоять каменный идолъ, который носить название «пастушка». Около этого пастушка собирается молодежь и пляшетъ тамъ весною и осеню, во время храмовыхъ праздниковъ.

Невольно удивляешься разнообразію рогнѣдинскихъ дѣвичьихъ хороводовъ. Они видоизмѣняются въ связи съ содержаніемъ хороводныхъ пѣсень. Иной разъ и пѣсня

привимаетъ названіе отъ хоровода, сопровождающаго пѣсню. Есть пѣсня кочерга, столбки и т. д.

Пляска считается у жителей южной части Рославльского уѣзда (конечно, это следы старыхъ языческихъ возвращеній) необходимымъ воодвиженіемъ дрожжной части празднику. Выпилъ мужичекъ и поплакалъ, какъ онъ самъ признается, Николушкъ, Божьей Матери и т. д.

И въ пѣснѣ поется:

Я Ильюшечкѣ попляшу,
А Петрушечкѣ не хочу,
А Ильюшечка и накорміу, и напоіу,
А Петрушечка было съ голоду помаріу.
Ахъ, и дай Боже и два Ильюшки у году,
А Петрушки хоть и ни водныхъ.

Жители села Рогнѣдина отличаются большою привязанностью къ своему «пастушку». Проходить годы и измѣняются взгляды и сужденія крестьянъ, но у жителей Рогнѣдина осталась неизмѣнная любовь къ своему «пастушку». Они не согласились за деньги продать своего «пастушка» любителямъ древности. А когда тѣ овладѣли имъ и хотѣли взять съ собою, жители Рогнѣдина отаяли его силу.

Различны отношенія у великоруссовъ и бѣлоруссовъ къ праздникамъ.

У бѣлоруссовъ особенно торжественно справляется коляда. Принадлежностью коляды являются игрища. Игрища бѣлоруссовъ до-нельзя разнообразны. Вотъ названія игрищъ: лось, медвѣдь, коза, кобыла (изображеніе звѣрей); журавль (изображеніе птиць); осетръ, лещъ (изображеніе рыбь); лѣсь (изображеніе деревьевъ); блины (изображеніе домашнихъ работъ); мельница, кузня (изображеніе разныхъ ремеселъ); панъ, войтъ, докторъ, землемѣръ съ острѣлабіей (изображеніе разныхъ отношеній). Разныя мастеріи, представленіе со звѣздою и вертепомъ, въ которыхъ дѣйствующими лицами являются младенецъ Христостъ, Божья Матерь, Іосифъ, волхвы, Иродъ—всѣ эти мастеріи встречаются гораздо южнѣ Смоленской губерніи, а именно въ г. Брянскѣ. Количество святочныхъ игрищъ слѣбѣть къ сѣверу и къ востоку. Особенное обилие игрищъ замѣчается въ бѣлорусскихъ уѣздахъ Смоленской губерніи, какъ, напр., въ Краснинскомъ уѣзда. Къ числу особенно любопытныхъ игрищъ Краснинского уѣзда относится Марьушка и Аннушка Праля-Самотока. Аннушка Праля-Самотока является на сцену съ пралкой, снабженной большимъ колесомъ. Здѣсь символически изображается дѣйствіе весеннаго солнышка.

Къ числу обычаевъ древнихъ, оставшихся только въ бѣлорусскихъ уѣздахъ, принадлежитъ дѣльба быка. Разныя части быка — не на самомъ дѣльѣ, а въ пѣснѣ — распредѣляются между односельчанами, причемъ тѣ или другія части быка раздаются совершенно случайно, по созвучію риѳемъ:

Маркины мѣочки —
У нихъ гладки дочки.

Встрѣчаются и у южныхъ великоруссовъ древніе святочные обряды, воихъ не такъ много; напр., въ Орловской губерніи Авсеневыя пѣсни съ обсыпаніемъ овсомъ встречаются въ Кромекомъ и Орловскомъ уѣздахъ Орловской губерніи (деревня Кошелеово).

Совершеніе святочныхъ игрищъ сопровождается у бѣлоруссовъ изрядною дикостью: въ большомъ ходу сильные удары кнутомъ, жгутомъ, лопатою по мягкимъ частямъ тѣла, коловые острые чѣмъ-нибудь при изображеніи смерти, которая является на сцену съ бурачными глазами и иголкою въ рукахъ: смерть пугаѣтъ не только своимъ видомъ, но и дѣйствіемъ. Въ большомъ ходу вредный обливанія холодной водой. Одинъ человѣкъ, изображавшій рыбу леща, былъ привязанъ къ санямъ и облитъ водой, потомъ его вывезли на улицу и покатали тамъ. Послѣ этого несчастный получилъ воспаленіе легкихъ и, просуществовавъ недолго, умеръ. Его не особенно сожалѣли, и онъ и до конца дней своихъ носилъ название леща. Родители лѣ-

вушекъ, которымъ достается на игрицахъ, не обижаются, а говорятъ: «будо не хадить! Ты знаешь, что на игрицахъ буванть». На игрицахъ при раздачѣ «подарковъ», т. е. побоевъ, братъ не щадить сестру, и вообще наблюдается справедливость.

Въ Сычевскомъ уѣздѣ ве встрѣчается игрицъ, а святочные вечера проводятся такъ: молодуки и дѣвки собираются въ свѣтлицу и сидѣть совершаю спокойно, пока одна изъ нихъ, словно по какому-то вдохновенію, пойдетъ плясать по хатѣ, завошивъ пѣсню:

Пляшетца, скачитца;
Пивца, винца хочетца
Авось дадутъ, авось догадаютца.

Другія бабы, сидѣвшія до сихъ поръ спокойно, подымутся плясать по хатѣ, завоивъ каждая свою пѣсню:

Я скакала съ роднымъ братомъ,
А сказали что съ солдатомъ;
Я стояла - обнималась,
А сказали: цѣловалась.

И пойдетъ пласка по хатѣ.

Жительницы Сычевскаго уѣзда, нарядившись въ красивые платки и шали, встрѣчаютъ коляду веселыми пѣснями не въ душной хатѣ, или избѣ, а на морозѣ, хотя бы онъ доходилъ до 25 градусовъ. И писать онѣ тоненькими голосками подъ окнами, начиная съ сумерекъ до позднаго вечера: «А мы, царева, ёдемъ къ вамъ», другая партия отвѣчаетъ: «А мы, бояре, на встрѣчу къ вамъ». У дѣвушекъ Сычевскаго уѣзда особая манера держать себя: на подобіе горожанокъ изъ уѣздныхъ городовъ онѣ ломаются (по народному выраженію, «кобенятся») и держать себя очень кокетливо.

Во время праздника Богоявленія можно видѣть большое собраніе дѣвушекъ-невѣсть около церковной паперти. Нарядившись въ дорогія шали, рублей отъ 7 и дороже, стоять онѣ гдѣ-нибудь на видномъ мѣстѣ, по народному выраженію, какъ «щипки», и привлекаютъ вниманіе жениховъ; молодые парни ими любуются и высматриваютъ изъ среды ихъ себѣ невѣсть.

Празднованіе масляницы сопровождается разными обрядами преимущественно на сѣверѣ Смоленской губ., въ Бѣльскомъ уѣзда. У здѣшнихъ жителей является обрядъ сожженіе масляницы — сожигаютъ масляницу (т. е. смолянную бочку) и говорятъ: масляница сгорѣла. У жителей Дмитровскаго уѣзда, Орловской губ. во время масляницы такой обычай: по улицѣ ёздить мужикъ съ прялкою, что вызываетъ общий смѣхъ. У жителей уѣздовъ Краснинскаго, Порѣчскаго и Смоленскаго послѣ масляницы происходитъ разсѣканіе вѣнка на двѣ части. Въ пѣснѣ поется о тепѣ, которой зять Охремъ отѣкаетъ гузницу, послѣ чего теща измѣнила свое положеніе и стала спать иначе. Прежде она спала къ избѣ плечами, а къ стѣнѣ очами, а потомъ стала спать наоборотъ. И въ Смоленской губерніи и въ Калужской (имевно въ Жиздринскомъ полѣсьѣ) поется слѣдующая пѣсня, имѣющая отношеніе къ масляницѣ.

Выходила дѣвица,
Выходила красная
Въ щирь-борь гулять (2 раза).
Выносила дѣвица,
Выносила красная
Жарь въ рукавѣ (2 раза).
Зажигала дѣвица,
Зажигала красная
Сыръ у саснѣ (2 раза).
Да гори, моя сосинка,
Да гори, моя сырая.
Въ щирѣ бару (2 раза).

Въ сирди тебе, сосинка,
Въ сирди тебе, сырая,
Пчолы ярыа (2 раза).
Въ каряни тебе, сосинка,
Въ каряни тебе, сырая,
Гаръ гарнастай (2 раза).
Вверху тебе, сосинка,
Вверху тебе, сырая,
Ясенъ соколь (2 раза).
Проклинали дѣвицу,
Проклинали красную,
Пчолы ярыа (2 раза).
Да када-бъ тебе, дѣвица,
Да када-бъ тебе, красная,
Погъ ии винчау (2 раза).
Проклинау жа дѣвицу,
Проклинау жа красную,
Гаръ гарнастай (2 раза).
Да када-бъ тебе, дѣвицу,
Да када-бъ тебе, красную,
Свекоръ пабіу (2 раза).
Проклинау жа дѣвицу,
Проклинау жа красную,
Ясенъ соколь (2 раза).
Да када-бъ тебе, дѣвицу,
Да када-бъ тебе, красную,
Мужъ не любіу (2 раза).

Христовъ день съ особенной торжественностью празднуется въ Смоленской губерніи. Столъ пасхальный отличается изобилиемъ яствъ: пасха, куличи, баранъ изъ масла и проч. На Христовъ день ходить волочебники, борются между собою, состязаются и предлагаютъ другъ другу различные загадки. Пѣсни волочебные изображаютъ быть боярина или помѣщика, отличающегося богатствомъ, хозяйственностью, набожностью и миролюбивыми семейными наклонностями. Нарядившись въ кунью шубу, бояринъ непремѣнно въ праздникъ побудетъ въ обѣднѣ. Пѣсня сугубо хозяину хорошій урожай, тихій благотворный дождикъ, способствующій урожаю, а не гостепріимному хозяину или злодѣю хорошаго хозяина достается трескучее зелье:

А трескучее зелье — злодѣю,
Злодѣю-лиходѣю его.

Подъ трескучимъ зельемъ, вѣроятно, разумѣется градъ. Хозяйка, выносящая вино для угоженія и наполняющая имъ кубки, сравнивается съ благотворной тучей, напояющей винами. Подъ Великъ день солнце играеть. По народному повѣрю, если подъ Пасху встать очень рано, то можно видѣть при восходѣ солнца разноцвѣтные столбы, которыми сопровождается игра солнца. Предполагается связь между живыми и умершими. Дѣти и взрослые ходить на могилу и катаются тамъ яйца: такимъ образомъ христосуются съ умершими родственниками и даже зарываютъ яичко въ могилку. Во время пасхальной службы въ домахъ служатъ молебны за здравіе живыхъ и, вслѣдъ затѣмъ, панихиды за упокой умершихъ родственниковъ. Дѣти бываютъ на битки, катаются яйца, играютъ въ разбѣжки; дѣвочки водятъ хороводы въ сель и подъ села, на большихъ дорогахъ. Драться на Пасху нельзя; у той деревни, где произойдетъ драка, по мнѣнію крестьянъ, непремѣнно произойдетъ градобитіе.

Отъ Пасхи до Вознесенія благочестивые мужики и бабы ходить за образами и поютъ «кураlesу» Куре Елессо и разные духовные стихи.

Весенний праздникъ Благовѣщенія празднуется съ большою торжественностью, особенно у бѣлоруссовъ. Великій это праздникъ: въ этотъ день и птица гнѣзда

не вьеть. Въ этотъ день стараются не видѣть веретень, полагая, что это поможетъ не видѣть и змѣй. Дѣвки, взобравшись на заваленки подъ оконъ, начинаютъ звать весну и слѣдующею торжественною пѣснею какъ бы открываютъ ществіе весны.

Благослови, Боже,
Весну кликаць,
Зиму провожаць,
Лѣта дожидаць.
Вылеци, сизая галочка,
Вынеси золоты ключи,
Замкни холодную зимоньку,
Отомкни цеплое лѣщечко.

Эта пѣсенка встрѣчается и въ Дмитровскомъ уѣзда Орловской губ. Но тамъ открытие весны сопровождается хороводною игрою «перцы-воротцы»: дѣвушка, изображающая весну, прогоняетъ вѣнкомъ изъ хоровода старуху-зиму. Въ весеннихъ пѣсняхъ поется про плодотворный весенний дождь, про восходъ и закатъ весеннаго солнышка при ясной погодѣ, про будущій урожай. На Благовѣщеніе пекутся особенные пирожки въ Смоленскомъ и Краснинскомъ уѣздахъ исключительно для дѣвушекъ, закликательницъ весны. Дѣвушки пѣдаются эти пирожки на улицѣ, на солнечномъ прилѣпѣ, на высокомъ мѣстѣ, послѣ величанія весны.

Только у белорусовъ существуетъ правильное распределеніе весеннихъ пѣсень, причемъ наблюдается два момента: отъ Благовѣщенія до Христова дня и отъ Христова дня до Духова и Троицкаго дня.

Пѣсни духовскія, купальскія составляютъ особый отдѣлъ.

Въ Дмитровскомъ уѣзда Орловской губ. разные отдѣлы пѣсень характеризуются припѣвками. Припѣвокъ «дѣлимъ ю лѣлимъ» поется въ весеннихъ пѣсняхъ, когда окончается весенняя пахота.

Духовскія пѣсни величаютъ весеннюю и лѣтнюю природу; поется въ нихъ прошлковую травку, про кудрявую березку, про рожь и пшеницу, про разные цветы. На Духовъ день собираются цѣлебныя травы: буковица, полынь, любистикъ (заря), аеръ, а также листья черемухи и березы. Духовая трава освобождается отъ града и отъ разрушительного дѣйствія грозы, если курить ею въ печуркахъ во время грозы. Даже вѣнокъ духовской, который надѣваютъ на голову дѣвушки на Духовъ день, имѣть целительную силу, такъ какъ онъ вьется изъ чародѣйныхъ травъ.

Завиваніе вѣнковъ, развиваніе ихъ, бросаніе въ воду, загадываніе о судьбѣ встрѣчается почти во всѣхъ уѣздахъ Смоленской губерніи.

Въ субботу передъ Духовыемъ днѣмъ церкви и дома внутри и снаружи украшаютъ «маемъ»—срубленными молодыми березками, кленомъ и липою; образа, окна и все, что можно, убираютъ цветами, а полы усыпаютъ травою зеромъ (по мѣстному выражению «аверомъ»). Если «май» днѣмъ черезъ три бываетъ сѣрѣй, то ожидаютъ мокрыхъ сѣнокосовъ. Въ эту же субботу, называемую духовскою, обыкновенно послѣ бани съются коноплю; при этомъ наблюдаются, чтобы землю забороновать въ самый день посѣва, съ тѣмъ, чтобы потомъ уже не прениматься ни за какую работу.

Празднованіе русалъной недѣли и семика находится въ связи съ вѣрованіемъ, что души умершихъ встаютъ весною для наслажденія новою жизнью. Название русалльной недѣли произошло отъ русалокъ, нагихъ, прекрасныхъ, съ распущенными русыми волосами, обитательницъ воды. Русалки эти суть души утощеннницъ, мертворожденныхъ или же дѣтей, умирающихъ некрещенными. До Духова дня они живутъ въ водахъ; въ этотъ же день они выходятъ изъ своихъ жилищъ, плещутся въ полночь на поверхности воды или качаются въ лѣсахъ на деревьяхъ, или бѣгаютъ по полямъ, заманивая прохожихъ, чтобы потомъ защекотать ихъ до смерти. Опасаясь послѣдняго, простой народъ не станетъ купаться ни въ Духовъ, ни въ Троицкаго день. Между многими другими пѣснями, поющими въ русальную недѣлю, въ представляемой ниже именно упоминается о русалкахъ:

На кривой березѣ
Русалка сидѣла,
Рубаценки прасила:
Дѣвки, молодухи,
Стойце,
Рубаценку дайце,
Хуть худу-худевъку,
Да бѣлу-бѣлеюку.

(Продолженіе будетъ).

В. Н. Добровольскій.

Этнографическія замѣтки по Зарайскому уѣзду, Рязанской губерніи.

1. Свадебный обрядъ. 2. Болѣзни и лѣченіе. 3. О столѣ и хлѣбѣ. ¹ 4. Сказки ².

С в а т а нъе.

«Сперва какой-нибудь изъ родныхъ пойдетъ—боѣ бабы ходятъ—отъ жениха, а по новѣшнему времени и отъ невѣсты ходятъ, навязываются. Какъ они ужъ велиятъ прийти, съ женихомъ собираются, пойдутъ. Тутъ немного ходютъ: женихъ, пойдетъ мать-отецъ, отецъ красный, мати красна, ну тамъ ежели у жениха братъ или сестры есть большие, женатые—а то обидаются, все родные—человѣкъ 10—6 собираются. Они придутъ, всѣ посажаются по лавкамъ. Станутъ разговаривать обѣ приданомъ, обѣ дарахъ. Ужъ это тамъ столкуются. Потомъ имъ выведутъ имъ (такъ!) невѣstu, они ее посмотретьтъ, всѣ поверятъ. Потомъ ихъ выведутъ съ женихомъ двоихъ: у кого чуланчикъ или тамъ горница, или въ ѿбѣи просто запрутся, ужъ тутъ народу не пускаютъ. Потомъ они тамъ посидятъ, придутъ. Потомъ женихова родня—всѣ съ женихомъ выдуть на дворъ, а невѣстина тутъ въ избѣ остается. Невѣстина родня у невѣсты спросить: что во вравъ тебѣ тамъ? А женихова у жениха выпросить (записано такъ!). Ну всѣ опять собираются въ избу, эта женихова родня. Ну скажутъ: въ добрый часъ. Сейчас лампадочку зажгутъ, всѣ присядутъ, Богу помолятся. Богу помолятся, ихъ за столъ посадятъ. Тутъ не готовятся, у кого что есть; виана тутъ выпьютъ, закусятъ: окурцовъ дадутъ, капусты, мяса, у кого есть. Ну потомъ, когда они тамъ... (слово не разобрано), домъ глядѣть. Ну тутъ у жениха ужъ это приготовятся, страшются тамъ. Потомъ они придутъ къ жениху всѣ, въ избу вберутся. Потомъ посидятъ, поговорятъ кое-обѣ чѣмъ. Потомъ женихъ уберется, поведеть ихъ въ ригу, на дворъ, все показываютъ: сколько хлѣба, сколько всего. Потомъ все тамъ посмотрятъ, поглядятъ, принутъ, ужъ ихъ и за столъ побѣдятъ. Тутъ ужъ имъ угощенье—то ни обѣду нѣть ничего: только поставить говядинки, огурчиковъ, капусты нарѣжутъ, пшеничка да и только. Кто побогатѣе, послѣ этого чаемъ напоить: ³ чай съ баранками, болѣ ничего имъ не очистится (т. е. не достанется). Поиграютъ, попляшутъ какіе есть поможе развеселые, а иной тюлененъ—найдется, напьются да и пойдутъ.

До свадѣбы женихъ бываетъ у невѣсты, съ братомъ или съ сестрой: тутъ много народу не ходитъ. Онъ приносить гостинцевъ. Его приготавливаются и тоже угощаются. Время проводить играя въ карты. Приданое отъ невѣсты, а прежде отъ жениха. И

¹ Записи со словъ пожилой хорошей, умной неграмотной женщины, Устинки НН.

² Записаны со словъ ея дѣвочки.

Записи сдѣланы около 1892 года. Народное произношеніе, къ сожалѣнію, не передавалось на письмѣ. Лексическая и синтаксическая стороны рѣчи не испорчены.

³ Отсюда начинаются, очевидно, не точная запись словъ говорящей, но переложеніе

подарки отъ невѣсты, а прежде отъ жениха. За дары отдариваются деньгами. Даренья, по народу глядя, рубли на 3—4, 10—12. Богатые приданаго даютъ рублей на 80, да даровъ рублей на 20. Малое приданое отъ 20, 25 30 рублей, самые бѣдные 10. Въ старину болѣ 10 рублей не давали невѣстѣ, полушибокъ дубленый, коты, чулки.

Дѣвишникъ.

Вотъ на дѣвишникѣ приходять къ жениху съ елкой: дѣвки, иного народу, у кого сколько, и дѣвки и бабы молодыя всѣхъ сбираутъ. Надысь вотъ къ нашихъ пришло 14 человѣкъ. Придуть въ избу, поставить эту елку на столъ. Потомъ эту елку сейчасъ дружокъ окроютъ¹ платкомъ. Она убрана въ лентахъ вся. Потомъ эту елку долой со стола, ихъ пособдять за столъ всѣхъ, имъ поставить говядины, пшениникъ, папушникъ. Потомъ это они закусять, имъ рюмочки по два винца поднесутъ. Потомъ ужъ имъ чай пойдетъ, чаемъ понять будутъ. Чаемъ напоять, потомъ имъ закуска пойдетъ, все тоже: баранки, медъ, пряники, конфеты, яблочки, болѣ имъ ужъ ничего нѣтъ. Пойдуть и пойдутъ домой съ игрой, съ пляской. А надысь у нашихъ—какъ мертвые, ни одинъ не поигралъ, хоть бы на смѣхъ голосокъ протянули: только жратъ пришли! Потомъ отъ жениха станутъ собираться туды. Отъ жениха хлѣбъ-соль пойдетъ, по пирогу за каждый столъ, по больша... ищему, съ кашей—(али) на два стола,—по части говядины по большой, по пшенинику. Ужъ это угощается невѣстина родня жениховой хлѣбомъ-солью. Они ужъ до тѣхъ порь сидятъ, пока ихъ совѣсть убѣгть, сами уйдутъ изъ-за стола. Тутъ ужъ нельзя сказать: будетъ. Надысь у нашихъ полведра вышли. Выльзутъ ужъ они, женихову хлѣбъ-соль со стола уберутъ; какіе тамъ останутся кусочки, это себѣ. Потомъ ужъ женихову родню всю станутъ сажать: они стояли, невѣстина угощалась родня. Потомъ ужъ имъ тутъ прямо пойдетъ обѣдъ: квасъ со стюденью, за квасомъ щи, за щами лапша, за лапшой каша, за кашей другая каша: то черная, а то бѣлая. Потомъ они и выльзутъ. Играютъ тутъ пляшутъ, тутъ долго времени проводятъ. Потомъ ихъ станутъ сажать угощать—это закуски (Записано такъ!): подадутъ жареное горячее, потомъ тарелку стюдѣю нарѣжутъ, пшениникъ. Потомъ постановятъ баранокъ, меду, сизаго нарѣжутъ, бѣлаго, праниковъ, ву канфеточекъ, яблочекъ. Посидятъ—посидятъ, ну и вонъ. Иный и жретъ! Особливо лѣтній, а иный боится, опасается. (Разсказчица жалуется на то, что нѣкоторые угощаются безъ совѣсти). Потомъ ужъ, болѣ этого угощенія, ничего не бываетъ. Потомъ иные молодые покуражатся и—домой «за хресты» и домой.

Свадьба.

Брагу варять, бѣбъ собираютъ—родныхъ и чужихъ, поможе выбирать, какія бы поиграли, поплясали—вивомъ ихъ пойти. А потомъ ихъ заставятъ коровай сажать—пирогъ все равно. 2 караван (записано такъ) сажаютъ. Эти караваны вынутъ изъ печки, обвяжутъ ихъ въ платки и красненькой ниточкой. Потомъ положать ихъ на столъ, потомъ около ихъ нальютъ три штова. Штова такие старинные были съ водой. Потомъ увяжутъ ихъ шолковыми лентами, урадятъ. А потомъ станутъ родные находить съ хлѣбами. Сойдутся всѣ родные съ хлѣбами-то это. Потомъ ихъ посадить всѣхъ за столъ, подадутъ имъ пирогъ, часть говядины, бутылку вина. Обнесутъ ихъ тутъ по два стаканчика. Только они закусять, потомъ ужъ станутъ обословлять. У насъ съ попомъ басловляютъ. Обословлять, потомъ пособдять всѣхъ на посадъ это у насъ называется. Тутъ имъ угощены тоже небольшое: по рюмочкѣ поднесутъ, а бабы ихъ обыгрываютъ. Это ужъ чужія тутъ какія смотрѣть свадьбу (обыгрываютъ—пѣсни

¹ Накроютъ.

играют, а гости деньги дают: кто няточекъ, кто конейку, у кого сколько силы хватить). А потомъ они выльзутъ изъ стола, Богу помолятся и пойдутъ. Мать красна—плакса возьметъ икону и пойдутъ всѣ изъ избы. Ихъ проводятъ изъ избы-то, всѣ выдуть побажаве эти, которые пойдутъ въ поѣздъ, а мать съ отцомъ за столъ сядутъ. Потомъ сейчасъ дружокъ въ полуодруги возьмутъ икону и жениха и кругъ лошадей три раза обойдутъ съ иконой-то. На углахъ говорятъ: святые отцы, обословите насть. А народъ говорить: Богъ вѣсъ обословитъ. Потомъ всѣ насажаются на лошадей и пойдутъ за невѣстой. Подъѣдутъ ко двору, ворота запираютъ отъ нихъ. Потомъ они стучатся. Имъ оттуда говорятъ: кто тамъ стучится? Потомъ они говорятъ: хозяинъ, пусти почевать; ъхали далеко, лошади отстали: намъ дневку нужно сдѣлать, лошадей накормить! Потомъ они оттуда отвѣчаютъ: у насъ не постоянные дворы, у насъ народъ не пускаютъ. Эти тутъ отвѣчаютъ: мы у васъ почевали, народъ вы звакомый, хороший. Ну потомъ они отопрутся. Тутъ имъ эти, какие прѣѣхали, по стаканчику винца поднесутъ, и пустятъ ихъ. Потомъ они у кого дворъ большой всѣ... въ дворъ въѣдутъ. Потомъ они останавливаются у крыльца всѣ рядышкомъ: тутъ образъ стоитъ и свѣтчка. Потомъ имъ бы всходить въ сѣни, то выйдетъ какая-нибудь баба, возьмется, шубу выворотить. Шубу-то ова это выворотить, нальютъ ей стаканъ браги, а потомъ эта сваха отъ жениха-то съ виномъ, стаканъ вина у ней. Какая съ виномъ-то говорить: а, какая страсть-то идеть, батюшки! Эта сваха говоритъ: поди, иди поближе.—Э, матушка, я стара, куда ужъ имъ идти (рассказчица здѣсь приняла старческую интонацію)! Ты подойди, ты поможе, сватенька.—Потомъ они подойдутъ къ порогу, чтобы порогъ-то имъ не перейти: одна со двора, другая изъ сѣней. Три раза перемѣняются стаканами; потомъ страшная-то какая выйдетъ, стаканъ вина возьметъ у сваха-то да и выпьетъ; а эта сваха стаканъ браги и выпьетъ подъ ноги или тамъ хоть на лошадей, хоть куда попало. Женихова сваха стаканы прикроетъ—стаканъ на стаканъ, себѣ ихъ оба возьметъ. Старается прикрыть женихова своимъ: жениха ужъ первое дѣло. Потомъ всѣ поѣздъ и ойдутъ въ избу къ невѣстѣ. Всѣ... възйдутъ въ избу, вберутся. Они сидятъ всѣ на посадѣ за столомъ: невѣста тамъ, сваха, отецъ красный возлѣ ея. Всѣ столъ усадятъ не для чего, а для вина. Дружокъ окупаетъ столъ деньгами: по угдамъ кладутъ семитки, четыре семитки, въ середку бѣленъкій. Потомъ этотъ дружокъ обнесеть вхѣ по стаканчику винца. Потомъ эти всѣ изъ стола выльзутъ: невѣста и сваха останется. Потомъ эта, женихова сваха-то, возьметъ жениха за руку и полѣзть на лавку въ передній уголъ. Потомъ она витой сваѣ говоритъ: свашенька, милая, подвинься! Она и говорить, эта сваха, которая сидѣть: эхъ, свашевька, болѣно мнѣ хорошо; я тутъ сажу-то давно. Она говорить: матушка, а я ъхала издалеча, озябла. Ну, онѣ сеѧсь поздороваются, поѣзуютъ то есть. Женихова сваха ей дастъ полбутылки вина да калачъ. Ну она и отѣдвинется. Тутъ и сидѣть женихъ и сваха женихова. Потомъ ужъ эти всѣ жениховы побѣжане-то всѣ кругомъ стола посажаются. Отъ невѣсты пойдетъ имъ обѣдъ. Подадутъ имъ щи—тутъ обѣдъ чуть-чуть, слова что обѣдъ—потомъ лаша, потомъ имъ стаканчики по два винца поднесутъ, потомъ каша, и все, и выльзутъ. Сейчасъ невѣсту одѣнутъ. Потомъ ихъ мать съ отцомъ обословятъ, вѣстѣ ужъ съ женихомъ. Потомъ отецъ возьметъ женихову руку и невѣстину, потомъ ужъ это поддеревенски онъ вручать будетъ жениху ее. Ну ужъ онъ тутъ причитаетъ. Я впередъ-то не знаю что; называетъ его тамъ хоть Иванъ что ли. Вотъ тебѣ, скажетъ, жену, люби какъ душу, а тряси какъ грушу. Сей ленъ да конопи—спрашивай съ жены рубаху да порки. Потомъ ужъ онъ уберутся, къ вѣнцу пойдутъ. Всѣ выдуть, посажаются на лошадей, невѣсту посадятъ. Дружокъ возьметъ жениха, и обойдутъ съ иконой кругомъ поѣзда. Потомъ дружокъ и полуодружокъ пойдутъ въ избу, двое только. Сейчасъ позовутъ этихъ снотовъ, потомъ они тамъ поканительятся (пьють)—въ избѣ-то ихъ бабы и запрутъ. И вграютъ тамъ, обѣ дверь стучать:

Вы дружки, повертышки,

Куда хошь, повернишь:

Хошь на печку, хошь подъ печку,

Хошь подъ лавочку!

Ну они имъ дадутъ гравеникъ и дружковъ этихъ выпустахъ. Садутъ они и пойдутъ къ вѣнцу. Прѣдуть ужъ тамъ живо поѣдаются: вѣчаться недолго, а особенно въ деревнѣ, лишь бы попу девыги взягъ. Прѣдуть отъ вѣнца ихъ тутъ встрѣчаются у воротъ мать, отецъ. У отца образъ, а у матери хлѣбъ съ солью. Сейчасъ они подпадутъ, и къ хлѣбу приложатся, вѣдуть всѣ въ избу. Сейчасъ раздѣнутся всѣ ужъ тутъ поѣждане въ посаожаются всѣ за столъ. Потомъ станеть дружокъ вино носить. Тутъ главное дѣло сперва отцу и матери подносить. Выпьюгъ они, стануть невѣсту покрывать. Потомъ сеачь всѣ изъ стола вонъ. Стануть молодыхъ однихъ кормить: вѣдь они до вѣнца не ёдятъ. Выводятъ ихъ въ чуланчикъ какои-нибудь. Съ ними дѣвъ свахи. Потомъ имъ сейчасъ подадутъ самоваръ. Ну тутъ они чай съ бараками и будуть пить, съ синтнымъ. Чаю напьются, закусить подадутъ: жаренаго, курину или телятину обжареную, у кого что есть, подадутъ пшениничекъ имъ. Потомъ они тутъ закусять, ихъ поведутъ спать положать. А ужъ эти поѣждане и будуть убираться ряжеными. Уберутся кто барыней, кто старикомъ, кто солдатомъ. Потомъ кто сидѣть масло истеть (?), кто прядеть, кто ткѣть, кто табакъ мелеть въ горшкѣ. А ужъ тутъ прѣдуть вечеровы, привезутъ сундуки невѣсты, постелю. Вотъ ихъ на дворѣ складывать эти жениховы дружокъ, полудружья. Складывать, имъ по большому стакану вина поднесутъ, вынесутъ просто ужъ четвертную, большими стаканами носить. Обнесутъ, сундуки возьмутъ и постель и пойдутъ всѣ въ избу. Ну вотъ эти сидѣть ряженые за столомъ, играютъ вѣсни. Потомъ поиграютъ—поиграютъ, а потомъ всѣ выѣзутъ. Ужъ имъ тутъ нѣть, ничего не очистится: только для смѣха убираются. Потомъ невѣстину эту всю родню, какая прѣдеть, посаожаютъ за столъ. Потомъ сейчасъ подадутъ по пиругу на каждый столы, по части говядины, по блюду огурцовъ, у кого есть, по пшеничку. Тутъ имъ и зачпуть вино носить: пить и ёдять, пить и ёдять. Потомъ выѣзутъ изъ стола играютъ—играютъ, пляшутъ тутъ, тутъ и гармонь и все. Потомъ молодыхъ разбудятъ каравай носить. Сеачь посадятъ за столъ всю невѣстину родню и будуть коровай носить. Всѣхъ ужъ тутъ будуть вносить, и невѣстину родню и женихову: невѣстина родня за столомъ сидѣть, а женихова такъ подходитъ, жениховы не сидѣть. Потомъ обнесутъ всѣмъ коровай—молодые и выѣзутъ (и уходять). Потомъ имъ пойдетъ обѣдъ: этимъ сватамъ: квасъ съ стюденью подадутъ, съ яицами, потомъ щи, за щами лапша, потомъ каша, потомъ другая каша бѣлая. Потомъ сваха ужъ эта какая обѣдъ-то отдаетъ—ужъ это гдѣ какая положенія—гдѣ трапкой грязной закроются, подойдѣть и стоять; это значитъ: обѣдъ отдала, а гдѣ руки подожметъ. Ей стаканъ вина поднесутъ изъ-за стола полѣзутъ. Опять пить да играютъ, гармонія тутъ, разныя дудки, у кого есть. Поиграютъ—поиграютъ, на вечеринки эти ихъ посадятъ угощать. Подадутъ имъ по части говядины, потомъ ужъ имъ тутъ всего сразу настановятъ: и пшенички, и тварожники, и папушники; потомъ ужъ пойдутъ имъ закуски. Настановятъ имъ бараки, медку, поставятъ конфеточки, пряничковъ, разныя орѣшковъ. Ну осенне дѣло играютъ, тамъ яблоки, тамъ арбузы, ужъ это все настановятъ и проводятъ невѣстину родню всю. Утромъ встанутъ, тутъ у жениха всѣ, какіе тутъ есть родные, завтракъ пойдетъ имъ. Позавтракаютъ они кое-что холодное: говядину тамъ, огурчиковъ, стюдень, у кого что есть. Потомъ стануть собирать(ся) за водой итить: молодые пойдутъ за водой. Съ ними ряженые пойдутъ: кто на помель поѣде, кто на лошадѣ верхомъ поѣде, кто медведемъ уберется, поведутъ сго. Ну вотъ пойдутъ по деревнѣ: игра, пляска, и молодые тутъ идуть. Ну сходить тамъ къ какому колодцу, хоть просто пройдутъ по деревнѣ и назадъ. Назадъ воротятся, придутъ (съ) водой. Воды какіе приносятъ, какіе нѣть: проливаютъ, тутъ ужъ не изъ воды ходятъ, а ради игры. Всѣ ряженые разберутся, уберутся какъ слѣдуетъ и станутъ собираться въ новы гости.

Новы гости. Уберутся, пойдутъ туды въ избу, тамъ сидѣть ряженые за столомъ: кто старухой убранъ сидѣть, прядеть, а старикомъ убранъ—языти плететь, ище сидѣть—табакъ мелеть въ горшкѣ, масло сбиваться—такая экономка сидѣть убраная, въ чепчикѣ сидѣть, уберется и сбиваться въ горшкѣ. Ну потомъ они поиграютъ—поиграютъ за столомъ да и выѣзутъ. Потомъ ужъ этихъ будуть

сажать за столъ. Сажаютъ ихъ за столъ, нарѣжутъ имъ мяса, стюдени, пирога; потомъ виномъ станутъ носить. Потомъ имъ станутъ тутъ молодые коровай носить. Подносять коровай тутъ родныхъ, имъ деньги кладутъ на коровай. Дружокъ подноситъ коровай, ну тамъ баракки у него или что, а молодые вина подносятъ. Коровай обнесутъ, выѣзутъ; поплашутъ, поиграютъ. Потомъ ихъ опять станутъ сажать за столъ. Ужъ тутъ имъ обѣдъ пойдетъ. Подадутъ имъ квасъ съ стюдению, за квасомъ по стаканчику винца поднесутъ, потомъ щи, за щами чаша, за лапшой каша гречашка, за кашей пшеничная. Потомъ ужъ тутъ опять выѣзутъ, играютъ, плишутъ какіе, молодой народъ. Потомъ тутъ долго канителится. Потомъ ихъ станутъ угощать, сажаютъ опять за столъ. Ужъ тутъ вмѣстъ все на столъ постановятъ: и стюдени, и говядины, пшеничникъ, баракки, пряники, конфеты; ну у кого вонъ осень, то становятъ арбузъ, яблоки. Ну потомъ ихъ тутъ ужъ виномъ носить. Потомъ они посидѣть-посидѣть, тутъ ужъ и совѣсть возьметъ: выѣзжать надо, кончатся. Выѣзжутъ, потолкуются, поиграютъ и домой пойдутъ или пойдуть».

Пируютъ три дня: въ новы гости ходать въ одинъ день отъ жениха къ невѣстѣ, а въ другой—отъ невѣсты къ жениху. Обрачы тѣ же.

Свадебные обряды у всѣхъ, и бѣдныхъ и богатыхъ одинаковы: «И бѣдные тянутся изъ послѣдняго. Ужъ затѣмъ свадьбу... При дракѣ волосъ ве жалѣютъ—такъ и это дѣло».

Отрывокъ изъ свадебныхъ причитаній. У кого отца или матери нѣть, кричать ¹ теперь рѣдко. Мать:

Всѣ сошлись, собралися,
Всѣ моя пирь-бесѣдушка,
Одного у тебя, дитятко,
Батюшки-кормилица нѣть.
Выиди, дитятко, за воротушки,
Посмотри на всѣ четыре сторонушки:
Не летить ли твой батюшко
Сизевъкимъ голубчикомъ,
Не басловить ли онъ те, дитятко,
На чужу далью сторонушку,
Къ чужому къ отцу съ матерью.

Невѣста кричитъ:

Кормилицъ—батюшка,
Прилети, обослови меня
На чужую сторонушку...

Кто умѣеть кричать, онъ много словъ пабереть, а иной онъ не умѣеть чево и причитать.

А тутъ мать станеть обословлять, она кричить: обослови меня, матушка, на чужую далью сторонушку. Мать: не желай, дитятко, ни зата, ни серебра, а проси у нихъ Господняго благословенія. Причитанія рѣдки ². Благословляютъ часто съ постомъ и тогда не причитаютъ. Пѣсень (такихъ) не знаютъ. Теперь пѣсни пошли новые, старинны всѣ бросали.

Болѣзни и лѣченіе У кого болить голова—глины въ затылку привяжутъ, рѣдечки ломтями нарѣжутъ, растираются рѣдко съ виномъ и гасомъ растираются.

Въ кадушку сажаютъ, ванную имъ дѣлаютъ: опара это называется. Сѣнца положать въ кадушку, камши, лошадиначаго кала кладутъ иные, а иные опару дѣлаютъ—кладутъ муравлянище, съ муравьями въ безъ муравьевъ; тутъ ужъ ничего больше не кладутъ. Потомъ кипятку наливаютъ. Большаго раздѣлаютъ совѣсть, са-

¹ Т. е., громко плачутъ, голосить, воплять.

² Здѣсь начинается переводеніе рѣчи рассказчицы.

жаютъ въ кадушку, окутываютъ шубами, дерюжками — по-деревенски-то больше дерюжки: тамъ такихъ одыяловъ нѣть, — потомъ сымаютъ, какъ онъ испотѣть, вытрутъ, бѣлье перемѣнить и кладутъ на постель. Инному получается, а иному... Это отъ простуды лѣчать.

А то тоже отъ простуды лекохтъ пьютъ съ виномъ, это тоже дѣлаютъ въ деревнѣ. Это лекохтъ на винѣ, а кто на водѣ. Въ горшокъ его запопрѣютъ, тѣстомъ замажутъ, трапою обвязутъ, поставятъ на загнѣтѣ или на печь, а ночь въ печь ставятъ.

Вѣсто чаю (травы) пьютъ, а то и отъ болѣзни, какія есть. Есть грудная трава, а то Иванъ-да-Марья пьютъ (отъ кашля, отъ простуды. Кому помогаетъ, а кому и не помогаетъ), а то кашка красненькая (тоже отъ простуды, а то и такъ пьютъ). Вотъ череду эту отъ золотухи пьютъ; майская полынь — пьютъ отъ кашля; ягодная трава, на чёмъ ягоды растутъ, — пьютъ отъ простуды, отъ кашля; ее замѣсто чаю пьютъ въ деревнѣ-то.. У кого кашель, удушье — вотъ и собираютъ разныя травы, а здоровый станеть ли набирать!

Это ребятишкѣ, говорятъ, сглазили: уголечковъ девять бросятъ, да подъ порогъ выльютъ, а кто подъ крышу, кто какъ знаетъ. Тутъ считаютъ: на Бога уголечекъ пустятъ, а потомъ кто въ семействѣ есть; не хватить въ семействѣ, придумаютъ, кто былъ. Вотъ эта Марья или Дарья была, не она ли сглазила, у нея глазъ черный, нехорошъ. Сприснуть стараются нечаянно а иные такъ маленькаго умоютъ.

А то крикъ у ребятъ отнимаютъ. Моя свекры ходить — открикивается. Она подъ курникъ (нашестѣ) ходить, а кто на ногребицу ходить. А что она тамъ говоритъ, я не знаю. Молитву какую-то говорить. Три зари она сходитъ съ нимъ, съ ребеночкомъ съ маленькимъ. Ну, вѣдь, ужъ и съ большими ходить, какіе очень кричатъ.

О столъ и о хлѣбѣ. Послѣ ужина все уберутъ со стола, ничего нѣть; столъ прикрываютъ скатертью, поль подметутъ. Назговариваютъ — иные говорятъ: на что дѣлаешь? — Какъ же, говорятъ, Божій мать ходить, къ каждому въ домъ приходитъ! — Утромъ, какъ встаютъ, скатерть снимутъ. (Это дѣлается у немногихъ хорошихъ людей). Иванъ мужикъ говоритъ: э, богоомѣка, пришла она къ тебѣ, сиди, дождайся! Мало ли какихъ людей есть на свѣтѣ! (сказано съ выраженіемъ порицанія относительно такихъ сомнѣвающихся людей). Свекры наша какая она! Сядь (когда будешьѣть), да Богу помолись, да крошечка не урони, а то грѣхъ.

На Святой недѣлѣ, когда приходятъ образа, на столѣ стоять соль въ хлѣбѣ. Эту соль берегутъ. Когда кто заболѣтъ, возьметъ хозяйка святой воды, соли, уголечковъ — спрыснетъ. Скотину также обливаютъ ей. Хлѣбъ этотъ сначала скотинѣ раздадутъ, лошадямъ, коровамъ, овчакамъ, а потомъ сами єдятъ.

Сказки.

1. Вотъ была падчерица у матери, а у неї трое дѣтей своихъ. И посыпаетъ она въ скотину стеречь. Падчерицѣ даетъ пудъ льну прѣсть, а дочери фунтъ. Эта падчерица и говорить: — Сестрица, дай я тебя поищу. — Вотъ она и говоритъ: Глазокъ усни, другой усни и третій усни. Вотъ ова усвѣть. Дѣвушка эта сядеть подъ кустокъ и плачетъ. Подходитъ къ ней черная коровушка, спрашивавшися: — Обѣ чѣмъ ты дѣвушка плачешь? — Какъ же мнѣ не плакать? Менѣ матушка-мать дала пудъ конопли спрасти и ствѣть. — Эта коровушка скажетъ: Не плачь, дѣвушка, сейчасъ всю скотину приведу. Заставить какую на мыѣ мыѣть, какую прѣсть, какую ткать. Вотъ ей все обѣдываютъ, она и скажетъ: Сестрица, погонимъ скотину. Эта вскочить: — Ахъ батюшки, а я ничего не прѣяла, не ткала! — Ну тебѣ мать родная, она те не отругаетъ. Вотъ пригонять скотину, мать спроситъ: Ты что же не отпрѣла? — Я проспала, скажетъ. Ну она поругаетъ, поругаетъ, возьметъ да другую посыпаетъ четырехъ глазъ. Вотъ дастъ этой фунгѣ, а падчерицѣ опять пудъ. Эта опять приго-

нить скотину и скажетъ: Сестрица, давай я тебя поищу. Скажетъ: Глазокъ усни, другой усни, третій усни, четвертый усни. Ну она уснетъ, а падчерица подъ кусто-чекъ сядеть и плачетъ. Ну коровушка подойдетъ и спросить: Что ты, дѣвушка, плачешь? — Какъ же мнѣ не плакать? Мнѣ мать дала пудъ спрѣсть и сткать. Ну она всю скотину заставитъ, эта коровушка, какую на мыкѣ мыкать, какую ткать, какую присть. Ну она, эта падчерица, и скажетъ: — Сестрица, погонимъ скотину. — Эта вско-чить: Ай-ай-ай, а я не прыла, не ткала! — Ну, у тебя мать родная, она не побьетъ. — Ну пригнали скотину — мать и говоритъ: Что такое скотина худа? Пять глазочковъ и говоритъ: — Дай я погоню, я узнаю съ чѣго скотина худа. — Мать дала ей фунтъ, а падчерица пудъ. Вотъ она и говоритъ: — Сестрица, дай я тебя поищу. — Ну она четыре раза говоритъ: Глазокъ усни, другой усни, а пятый позабыла. Пятый-то она и глядить. Эта дѣвочка сѣла подъ кустомъ и плачетъ. Ну вотъ коровушка под-ходитъ: Что ты, дѣвушка, плачешь? — Какъ же мнѣ не плакать? Вотъ мнѣ матушка дала пудъ присть, ткать. — Вотъ она кого заставитъ на мыкѣ мыкать, кого ткать. Она: Сестрица, погонимъ скотину. Ахъ батюшки, я ничего не скѣла. — Ну тебѣ мать родная, она тебя не заругаетъ. — Пригнали скотину. Мать-то ее: Ахъ ты такая-сякая!.. Ну, говорить, съ чѣго скотина худа? Ну она и говоритъ: Мамаша, она скажетъ: Сестрица, дай я тебя поищу, убаюкаетъ и садеть подъ кусточкомъ. Она мѣва убаюкала, а оинъ глазочекъ позабыла, — я видѣла. Она сядеть подъ кусточекъ и плачетъ. Подходитъ къ ней черненъка коровушка, заставляетъ всю скотину кого присть, кого ткать: вотъ отчего худа скотина. — Не погонимъ черненъку коровушку съ скотиной. Маша говоритъ: И я вѣ погоню скотину. Ну погнали скотину дѣвъ до-чери, Маша не погнала, оставили черненъку коровушку тута. Точать ножи коро-вушку рѣзать. Падчерица Маша выскочила, ей на шеюшку бросилась: Черненъка коровушка, тебя хотѣть рѣзать. — Ну она и говоритъ: — Не плачь, Маша, собери моя кости, всю кровь; посади мои всѣ кости, поливай кровью, — выростеть у тѣ садь хороший. Эта дѣвушка все собрала, посадила, кровью поливается. У ней такой садъ выросъ! Гудаетъ, ходить. Бдуть господа: Ахъ садъ-то хороши! Подѣзываютъ къ ней. спрашиваютъ: Дѣвушка, продай намъ садъ? Она и говоритъ: Нѣть, и не продамъ; возьмите меня замужъ за себя. — Ты-то намъ вѣ нужна, а намъ садъ. — Нѣть, и садъ не отдамъ. — Ну, говорить, поѣдемъ. Взяли ее посадили и поѣхали къ церкви вѣн-чаться. Ну, повѣнчались и прїѣхали домой. Они вѣнчаются — и садъ передъ церковью стоять; прїѣхали, сѣли въ избу — садъ передъ окнами стоять. Они куда, и садъ за ними. Они стали жить-поживать, Маша хозяйкой.

2. Пошли Аленушка, Маша, Анюта, пошли въ лѣсъ за ягодами. Пришли онѣ поздно, постучались къ толкачу. Толкачъ весь въ желудахъ. Наколукалъ овѣ, себѣ щей наварилъ. Заставилъ ихъ: Садитесь дѣвки, со мной обѣдать. Ну онѣ сѣли. Анюта, Маша ёдятъ, а Аленушка что ни почерпнетъ — то подъ столъ. Ну вылѣзли. Это кто, говоритъ, покидай у васъ все подъ столъ. Ему и говорять на Аленушку. Ну этихъ двухъ отправилъ домой, а Аленушку у себя оставилъ и заставилъ самъ себя качать. Ну баюкаетъ: бай, толкачъ, бай, толкачъ! Она: Что ты меня такъ ка-чашь? Побьетъ ее. Она выйдетъ за ворота, тамъ поплачетъ. Ну ей опять крикнетъ баюкать. Ну опять все: бай, толкачъ, бай, толкачъ! — Не такъ мѣя баюкай! Она опять выйдетъ за ворота, плачетъ. Бдуть торгаши съ горшками: — Объ чѣмъ ты, дѣвушка, плачешь? — Какъ же мнѣ не плакать? Меня толкачъ заставилъ качать. — Садись ко мнѣ...

3.

Жилъ жилецъ, на кустикѣ дворецъ,
У него было пять овѣцъ, шестой козлецъ,
Быкъ полосатъ — Васинъ братъ,
Телушка пеструшка — Матрюшкина сеструшка.
Опѣ Ваську женихъ — быка на свадьбу зарѣзаль,
Матрюшку замужъ отдалъ — телушку въ приданое дадъ.

Загадки, привѣтствія при встрѣчѣ, шутки и остроты крестьянъ Вологодской губерніи.

1. Кто родился, не крестился, а на себѣ Христа носилъ (крестьянъ).
2. Яко дубъ, яко тѣнь, яко платье надѣй, яко писаное, переписаное (икона).
3. Что съ ушами и языкомъ, а ничего не слышитъ и не понимаетъ (колоколь и звонъ).
4. Уши и есть, да ничего не слышать (у колокола).
5. Клыкъ плетена, она вверхъ ведена во сто угловъ (о сто концовъ) во тысячу рублей (церковь).
6. Подъ мостомъ подъ веретистомъ были вороны, да вылетѣли, одинъ коркунъ и тотъ спорхнухъ (церковь, прихожане, попъ).
7. За уши повѣсять, за языкъ подергаютъ — станеть говорить (колоколь).
8. Не говорить, а все зоветъ (колоколь).
9. Взойду я на горь-горь-горь, ударю я въ бомъ-бомъ-бомъ, утѣшу царя въ Москвѣ, короля въ Литвѣ, старца въ кельи, младенца въ зыбкѣ, красну лѣвицу въ высокомъ терему. Или же: Влезу я на гой, гой, гой, ударю я въ бирюль, люль, люль, утѣшу я царя въ Москвѣ, короля въ Литвѣ, старца въ кельѣ, младенца въ зыбкѣ, старую старушку на войлокѣ (колокольный звонъ).
10. Ты еси великъ, ты еси Филиппъ, ты еси Петровъ, ты еси Господь (четыре поста: великий, Филипповъ, Петровъ и Успеньевъ).
11. Вчера было, сегодня есть и завтра будеть (время).
12. Нашелъ я 12 гнѣздъ, въ каждомъ гнѣздѣ по четыре яйца, а въ каждомъ яйцѣ по семи циплять (годъ).
13. Въ книгѣ шесть листовъ простыхъ, седьмой залотой (недѣля).
14. Ледъ трещитъ, вода плещется, молодая царица умывается (весна, озимъ).
15. Лежитъ дерево безпрутое, на него летить птица безкрылая, приходитъ дѣвица безротая и съѣдаетъ птицу безкрылую (земля, снѣгъ, солнце).
16. Чего на свѣтѣ нѣть (всего) жириѣ (земли).
17. Мужикъ купилъ козу за три рубля. Почемъ коза прашла (по землѣ).
18. Лѣтомъ грѣеть, зимой холодить (солнце).
19. Что выше лѣсу, краше свѣта (солнце).
20. Что всегда ходить, а съ мѣста не сходить (солнце).
21. Чего въ сундукѣ вѣ запрѣшь (солнце).
22. На нойѣ итальянскомъ много скота бѣлянского, одинъ пастушокъ, какъ наитая ягодка (небо, звѣзды и мѣсяцъ).
23. Разсыпался горохъ на семьдесятъ дорогъ, никому не собрать: ни попамъ, въ дѣячкамъ, ни серебренчикамъ. Или: Разсыпался корабль по мхамъ, по морямъ, по всѣмъ городамъ; ни собрать этого корабля ни князьямъ, ни попамъ, ни думнымъ дѣячкамъ, ни серебренчикамъ. Или: Разсыпался туманъ, что вѣ собрать ни дѣячкамъ, ни пономорямъ (звѣзды).
24. Плотъ плыветъ, попъ поетъ, ладонъ пышетъ, свѣчи горятъ (туча, громъ, молнія).
25. Ржѣть жеребецъ на перегородѣ, слышно его (голосъ) въ Новѣ-городѣ (громъ).
26. Чего на свѣтѣ нѣть буйнѣе (вѣтра и воды).

27. Не стукнеть, ве брякнеть, а ко всякому подойдетъ (ночь).
28. Что царь видить рѣко, Богъ никогда, а мы всегда (ровно, т. е. подобного себѣ).
29. Чего у Бога нѣтъ, а у насть есть (грѣха).
30. Чего нѣтъ легче на свѣтѣ (смѣяться надъ другими).
31. Безъ чего человѣку нельзя жить (безъ имени).
32. Богъ на помочь, дѣвица жать пшеницу съ чужими мужакомъ! — Что онъ мнѣ за чужой! Его-то матушка моей-то матушкѣ свекровь (степъ).
33. Одного отца матери дитя, а ни которому не сынь (дочь).
34. За стѣной, стѣной таракашекъ костяной (младенецъ въ утробѣ матери).
35. Загорѣлся соборъ — никому не утешить. Шла баба пѣшкомъ, тряхнула мѣшкомъ и соборъ утишила (младенецъ плачетъ, приходитъ мать и даетъ ему грудь).
36. Два братца черезъ дорожку стоять, а никогда не видятся (глаза).
37. Есть у меня возжечки: кругъ (вокругъ) поля станутъ, кругъ головы не станутъ (глаза).
38. Стоить хата, кругомъ мохнатая, одно окно и то мокро (глазъ).
39. Полно подполье гусей-лебедей. Или: Полонъ подпечекъ бѣлыхъ лебедей (зубы).
40. Доска лежить на болотѣ, не сохнетъ, не гниетъ и ржавчина ее не беретъ (языкъ).
41. Деревишка везеть, сѣчка сѣть, самъ Романъ поворачивается. Сѣчки сѣкуть, деревишки везутъ, самъ Мартынъ поворачивается (зубы, ложка, языкъ).
42. Что у барина въ карманѣ, у насъ подъ пятой. Что мужикъ бросаетъ, а баринъ подбираетъ (солни).
43. Не живая, а подымается (опара).
44. Чтѣ въ изѣ за бѣлая Марья (соль).
45. Извъ воды рождаются, а воды боятся (соли).
46. Сунь да ударъ, да по плѣши ударъ (бланы).
47. Катилися каточки по липовымъ мосточкамъ, увидали зорю, бросились въ воду (орохъ варятъ).
48. Покойникъ, покойникъ, умеръ во вторникъ, пришелъ попъ кадить, а онъ въ окошко глядить (хлѣбное зерно).
49. Сидить баба на грядкахъ вся въ заплаткахъ, кто ви взглянетъ — всякъ заплачетъ (лукъ).
50. Маленькая крошка сквозь землю прошла, красну шапочку нашла (макъ).
51. Красна дѣвица въ темницѣ, а коса на улицѣ (морковь).
52. Стоить попъ не высокъ, не низокъ, на немъ сто разокъ (качанъ капусты).
53. Безъ оконъ, безъ дверей полна храмина людей (огурецъ).
54. Стоить домъ, безъ оконъ безъ дверей, а полонъ людей (стручекъ).
55. Весной ростеть, лѣтомъ вѣстеть, осенью цвѣтеть, зимой въ дѣло идеть (хмѣль).
56. Безъ рукъ, безъ ногъ на батогъ ползеть (хмѣль).
57. Зимой съ сѣдой бородой. лѣтомъ новая вырастаетъ, осенью отпадаетъ (чернолѣсъ).
58. Чтѣ лѣтомъ и зимой въ рубашкѣ одной (ель).
59. Съ лѣсомъ ровно, а не видно его (сердцевина дерева).
60. Влезу на горушку, обдеру талушку, кожу кину, мясо кину, одно сальдо возьму (сосновый сокъ).
61. Косо-лукаво, куда побѣжало? зелено-кудряво тебя стерегчи (околица в поле).
62. Подъ мостомъ, подъ яростомъ лежитъ кафтанъ однорядошной (озимъ подъ снѣгомъ).
63. Баба-яга желѣзная нога, весь міръ кормить, сама голодна (соя).

64. О кокорюки ва кокорюки, о два зада, о шесть ногъ, одинъ хвостъ (соха, лошадь и человѣкъ).
65. Поля обойдетъ въ житницу уйдеть (серпъ).
66. Сутулъ-горбатъ все поле перешелъ, всѣ загоны перечелъ (серпъ).
67. Шель я мимо Попова, видѣлъ диво такое: головы пробиты, брюха распороты (спопы).
68. Скрыпить скрыпица, везутъ красную лѣвицу. — Романъ Романовичъ, пусты ночку почевать, коли хорошая погодка, а худая такъ недѣльку прогощу (везутъ спопы на оканъ для просушки).
69. Батюшка — шатерь, матушка — ладья, сынки — хватки, лѣвушки — полизушки (овинъ, гумно, цѣлы и метлы).
70. Летать гуськи — дубовые носки, говорять: та-та-ты! та-та-ты! (молотьба).
71. Летать гуськи — дубовые носки, шейки кожаны (цѣпы).
72. Чего въ Питерѣ нѣть (овина).
73. Идеть свинья изъ овина о два рыла (ночьви).
74. Стучить, гремить на улицѣ весь вѣкъ, а не человѣкъ (мельвица).
75. Голова трисется, губы дрожать, зубы вертятся, а изъ горла бывшій паръ валить (мельвица).
76. На горь-горищѣ стонть бѣленище, въ этомъ бѣленищѣ деготь и леготь и смерть ведалеко (вѣтряная мельвица).
77. Летѣли колбики черезъ нашу горенку, говорили колбики: у нашей матушки каменное сердечушко (крошки, ступа, пестъ).
78. Утка (щука) въ морѣ, хвостъ на волѣ (ковшъ).
79. Ходить баранъ по подполью, бѣть онъ рогамъ по уголью (мутовка).
80. Сколько ни мучь, ни кипяти, а бывшій не сдѣлаюсь (котелокъ).
81. Быль я копаю, быль я топтаю, быль я на пожарѣ, быль на вружаю, сто головъ кормиль сдѣзался старъ — целенаться сталъ; выбросили за окно и собакамъ не надобно (горшокъ).
82. Царица — клюковица по позу скакала, красно золото зобыла. Пришелъ царь Косьмачъ и говорить: Богъ помочь, царица — клюковица, красно золото зобать! Ова говорить: молчъ, царь Косьмачъ, и тебѣ то же будетъ (кочерга и помело).
83. Дапочекъ пучекъ; утромъ въ огонькѣ, ночью въ уголкѣ (помело).
84. Что въ углу за медвѣдъ лапа (помело).
85. Скрученъ, связанъ по избѣ скачеть (вѣникъ).
86. По полу гудокъ и по лавкѣ гудокъ, тогъ же гудокъ и сѣль въ уголокъ (вѣвекъ).
87. Маленький Ерофееко подпоясанъ коротенько (вѣникъ).
88. Черная цыганка изъ печи въ печь (сковорода).
89. Черный котъ Феклу третъ; Фекла дурить — попрабавить велить (сковорода и сковородникъ).
90. Два бѣльца везутъ червяца (чело у печки).
91. Мать толста, дочь красна, сынъ воробей (сынъ синь), въ небеса (подъ небеса) ушель (печь, огонь, дымъ).
92. На улицѣ столбомъ, въ избѣ скатертью (дымъ).
93. Полонъ сусъчекъ, красныхъ яичекъ (уголья въ печи).
94. День корпить и ночь корпить, одно утро спить (заслонка).
95. День и ночь торчить, одно утро спить (заслонка).
96. Сидить баба на печи въ бѣлой ешанчѣ (труба).
97. Сорокъ поль — одинъ подоль (крыша).
98. Сама въ избѣ, рукава на дворѣ (матица).
99. Сорокъ братцевъ на одной подушкѣ снить (потолокъ на матицѣ).
100. Два быка бодутся въ одно мѣсто не сойдутся (поль и потолокъ).
101. На улицѣ краюшки, въ избѣ лоночки (стѣны избы).
102. Что въ избѣ за тончикъ (воронецъ).
103. Два ворона летять, одну голову ъдятъ (два воронца).

104. На улицѣ киска, (т. е. кисточки) въ избѣ песяки (мохъ между бревнами).
105. Два стоять, два лежать, пятый ходить, шестой водить, седьмой пѣсеник поеть (дверь).
106. Поле хрустальное, межи деревянная (рама).
107. Дерну-подерну по Герасимову горлу, по бѣлому суконцу, по бархатцу (подъемная рама).
108. Чѣтъ въ избѣ за филаты (полаты).
109. Чѣтъ въ избѣ за медрѣй глазъ (сучекъ).
110. Чѣтъ въ избѣ самодѣется (щель въ бревнѣ).
111. Кланяется, кланяется (въ лѣсу кланяется), домой придетъ—растяняется (топоръ).
112. Не ъесть, не ласть, а въ домѣ ве пускаеть (замокъ).
113. Не трогаешь — такъ не говорить, затрогаешь—заговорить (замокъ).
114. Стоитъ Тимошка на одной ножкѣ, крошить крошенику ни себѣ, ни людямъ (свѣтѣцъ).
115. Красненький котикъ по шестику ходить, коточигъ (т. е. крикое шило) сзади вносить (горячая луцина въ свѣтѣцѣ).
116. Красненький пѣтушекъ по жердочкѣ бѣжитъ (огонь).
117. Сама нага, а рубашка за пазухой (свѣча).
118. Сама бѣла, а дятлѣто красень (свѣча и огонь).
119. Четыре братца подъ одной шляпкой стоять (столъ).
120. Вситъ, болтается, всякъ не нему притыкается (рукомойникъ).
121. Встану я рано, пойду я къ Роману, къ толстой голевѣ, къ широкой бородѣ (рукомойникъ).
122. Что всегда ходить, а съ мѣста не сходить (часы).
123. Стучитъ вертится никого не боится, ходить весь вѣкъ, а не человѣкъ (часы).
124. Безъ рукъ, безъ ногъ Богу молится (зыбка, лялька).
125. Весь лѣтъ ровень, только двѣ ели повыше (ведро).
126. У нашей туши выросли уши, а головы-то и нѣтъ (ведро, ушатъ).
127. Самъ худъ, а голова съ пудъ (безмѣшокъ).
128. Чѣмъ болѣе верчусь, тѣмъ болѣе толстѣю (веретено).
129. Сто кряжевъ, а не будетъ (или вечѣмъ) печь истощить (береза).
130. Парень молодой, праздникъ годовой — ходить, вздыхаетъ, глубоко пихаетъ (сапоги).
131. Два конца, два кольца, въ серединѣ гвоздь (ножницы).
132. Шла свинья изъ Петера, вся кругомъ истыкана (наперстокъ).
133. На одной ямѣ—сто ямъ съ ямой (наперстокъ).
134. Черненько, маленько по городу скакать, всѣхъ людей красить (игла).
135. Желѣзная кошка, портной хвостъ (игла съ ниткой).
136. Маленький Ерофейчикъ въ петелькѣ задавилъ (пуговица).
137. Подъ лѣсомъ, лѣсомъ колья съ вѣсомъ (серги въ ушахъ).
138. Въ одвой бочкѣ два винца: бѣлое да красное, болтаются не смишиваются (яйцо).
139. Чего на спичку не повѣсишь (яйца).
140. У моей-то у матушки семьдесятъ рубашечекъ, а выйдеть на уличку и задѣ голый (курица).
141. Дважды рожденъ, ни разу не крещенъ, въ Евангеліѣ помѣщенъ (пѣтухъ).
142. Не княжеской породы, а ходить съ кореной; не ратный Ѣздокъ, а съ ремнемъ на ногѣ; не сторожемъ стоять, а всѣхъ рано будить (пѣтухъ).
143. Чѣтъ перѣже (раньше) Богъ сотворилъ курвцу или яйцо (курица).
144. Рукъ нѣть, а строить умѣеть (птица).
145. Безъ рукъ, безъ топоренка построена избенка (гнѣздо).
146. Маленько, тепленько, а мѣста много (гнѣздо).

147. Павъ пановицъ упалъ въ колодецъ и воды не помутилъ (перо).
148. Чего черезъ перекладъ (или: избу) не перекинешь (шера).
149. Изъ живого и мертваго вынуть, голову ему сымуть, сердце вынуть, дадутъ пить, станетъ говорить (гусиное перо).
150. Чего и въ Питеръ никогда не найти (птичьяго молока).
151. Сивую буренушку и дома не любить, и за торгу не вунять (мыши).
152. Мала и не кому не мала (мыши).
153. У насть на лыжахъ въ подпольи лежить (мыши).
154. Подъ поломъ, поломъ ходить (или: сидить) барыня съ коломъ (мыши).
155. Корова пестрая, титки острыя, сукъ на боку, хороша къ молоку (пчела).
156. Чтъ надъ наимъ вверхъ ногами (муха).
157. Летить птица орель, садится на престолъ, говорить со Христомъ: батюшко Христосъ, дай мнъ волю надъ царемъ и надъ царицей и надъ красною лѣвицей (муха). Въ Несвойкомъ загадывается такъ: Летѣла птица орель, садилась на престолъ, говорила со Христомъ: даль ты мнъ волю надъ царемъ и королемъ, не даль воли въ рыбѣ въ морѣ.
158. Милый мой спить со мной, въ траурѣ ходить—не знать по комъ (блоха).
159. Въ полѣ, въ раменьѣ кипитъ безъ воды и безъ огня (муравейникъ).
160. Черенъ да не воронъ, рогать, да ве быкъ, о шесть ногъ безъ копыть (жуки).
161. Летить, урчить, по-бычачы мышить, по-медвѣжы рычить, на землю падеть—землю дереть (жуки).
162. Бакова лята мать не воспитаетъ (рыба).
163. Ногъ нѣть, а ходить, крылья есть, а летать за можетъ (рыба).
164. По землѣ ползеть, а къ себѣ не подпускаеть (змѣя).
165. Съ голову велико, а съ перо легко (пузыри).
166. Четыре ходаста, два бодаста, седьмой хлебестувъ (корова: ноги, рога, хвостъ).
167. Четыре лѣвицы въ одну кринку плюютъ (или: ссуть) (вымя).
168. Въ полѣ, въ ровѣ, двѣнадцать сосенъ; въ Ржевѣ чѣтыре, во Ржевѣ двѣ (сосны у святыни, коровы, кобылы).
169. На дворѣ калачемъ, а въ избѣ пирогомъ (собака).
170. Четыре четырки, двѣ растопырки, одна вѣртунъ, да два яхонта (кошка).
171. Дѣл головы, шесть ногъ, одинъ хвостъ (верховой).
172. Лѣзу, лѣзу по желѣзу, за мясную гору, на деревявшую бесѣду (стремя, лошадь, сѣдло).
173. Двѣ Шалашки бѣгутъ въ лески, загнувшись носки (полозья у саней).
174. Встану—такъ выше коня, лягу—такъ ниже кота (дуга).
175. Два брата по одной дорожкѣ бѣгутъ, а вмѣстѣ не сойдутся (колеса).
176. Бѣжать леска подлѣ лески закорюча ножки (лыжа).
177. Въ лѣсѣ-то идеть, кѣтки владеть, изъ лѣсу влѣтѣ—переклады-васть (слѣзы).
178. Лежитъ брусье во всю Русь; еслибы руки да ноги, то бы встали, да и до неба достали: а если бы ротъ да глаза, то все разсказалъ. Или: Кабы встали моло-децъ—я бы до неба досталъ; кабы руки да ноги, я бы вора связалъ; кабы ротъ да глаза—я бы все разсказалъ (дорога).
179. Чего къ стѣнѣ не прильпишь (дороги).
180. Шуба новая, а на подолѣ дыра (прорубь).
181. Ёду, ёду—слѣду нѣту, рѣжу, рѣжу—крови нѣту (ѣзда на лодкѣ).
182. Чтъ растетъ вверхъ ногамъ (ледяная сосулька).
183. Самъ Самсонъ мостъ смыслилъ безъ топора, безъ клинья и безъ тесанья (морозъ).
184. Чего въ рѣшетѣ не унесешь (воды).
185. Чего кругомъ избы не обнесешь (воды въ рѣшетѣ).
186. Гдѣ вода продается очень дорого (въ трактире).

187. Идеть въ бани черень, а выходитъ красень (ракъ).
188. Черненъко, горяченько, а все любить (чай).
189. Кто безъ ногъ ходить (деньга).
190. Кругло-мало—всикому мало (деньги).
191. Пшелъ мужикъ забенки (т. е. корзины) девять день, каждую забенку по три ляя, продавалъ мужикъ забенки по три на деньгу. Велика ли добыча была (одна деньга).
192. Серока летить, собака на хвостъ сидить (на своемъ).
193. Безъ рукъ, безъ ногъ, а вездѣ бываю (письмо).
194. Все на нейѣздить: и радость и горѣ (почта).
195. Летить орель-шица, несеть во рту огонь, по конецъ живота—человѣчья смерть (ружье).
196. Безъ языка, а сказывается (багъинь).
197. Умылся не такъ, нарядился на такъ, небхаль не такъ, забхаль въ ухабъ и не выѣхать никакъ (покойникъ).
198. Дѣлаеть мастеръ вещь не про себя, кто покупаетъ, тотъ не желаетъ, а кто желаетъ, тотъ не знаетъ (гробъ). Столляръ дѣлаеть не для себя, кто знаетъ, тому не нужно, а кому нужно, тотъ не знаетъ.
199. Тянутъ раскоряку на пердачѣ дворъ (надѣваніе штановъ).
200. Летѣли гуси надъ лѣсомъ и надо имъ сѣсть отдохнуть. Если они сядутъ по два на дерево — дерево останется, а по одному — гусь останется. Много ли деревъ и гусей (2 дерева и 3 гуся).
201. Летѣло стадо гусей, увидалъ ихъ мужикъ и говорить: васъ подвѣсто? Она отвѣчала ему: кабы васъ столько, да еще бы столько, да полстолько, да четверть столька, да ты бы съ нами — было бы сто. Много ли гусей ($36+36+18+9+1$)? 36 гусей.
202. Хоть и летаю, да по не волѣ (дѣти пускаютъ змѣй).
203. Прилетѣла тѣнь на Петровъ день, сѣла тѣнь на пень, стала тѣнь пла-кать, волосы вянуть, дубровка шумитъ (косыба).
204. Шелъ я по тухъ-тахъ-ту, встрѣтиль я бѣлахъ-тахъ-ту, кабы не малахъ-тахъ-то, я бы съ нимъ по барахъ-тохъ-та (шелъ медвѣдь за коровой [по тухъ-тохъ-ту], встрѣтиль охотника [бѣлахъ-тахъ-ту], и еслибы у охотника не было ружья [малахъ-тахъ-то], то онъ съ нимъ поборолся (по барахъ-тахъ-та)).

Народныя привѣтствія при встрѣчѣ.

Съ работающими: Богъ на помочь! Богъ помочь! Помогай Богъ!
Съ прохожими: Богъ по пути! Путемъ — дорогою!
Съ рыболовомъ: Ловъ на рыбу!
При входѣ въ лавку: Богъ за товаромъ!
Съ чаепѣйцами: Чай да сахаръ!
Съ обѣдающими: Хлѣбъ да соль! Хлѣба кушать, отвѣчаютъ.
Когда квашню мѣсять: Спорыны въ квашню!
Когда коровъ доятъ: Море подъ коровой!
Съ играющими въ карты (триллистика): Игра на карты!

Шутки и остроты.

Вчера за устьемъ горѣло (говорить, что горѣло въ печи за устьемъ, а вѣкото-рые думаютъ — горѣло за Устьемъ: Устье — богатое село въ Калниконскомъ уѣздѣ, близъ Кубенскаго озера).

Огурецъ соленой три пуда вывѣсилъ (огурецъ съ Оленой. Олена — женское имя). Эта наловилъ мужикъ ерша!.. такъ вѣдь онъ сухой, около полупуда вытащилъ (сухой, т. е. съ ухой).

Тебъ безъ узла ничего не сдѣлать (у младенца завязываютъ пупъ, слѣдовательно есть узелъ).

Тебъ иголки безъ нитки изъ комнаты не вынести (то же самое).

Ложки безъ клина не разшибти (на одеждѣ клинья есть).

Сутками до Питера не дойти (съ утками — сутками).

На то мѣсто не сѣсти, на которое я саду (еще бы я сяду, слѣдовательно мѣсто занято).

Я 25 пудовъ ржи унесу на плечѣ до города (напишу на бумагѣ «25 пудовъ ржи» и унесу).

Дамъ я тебѣ камень съ голову, а тебѣ миъ стекла не разбить (можно дать камень съ комариную голову).

Я дамъ тебѣ ножницы, такъ ими тебѣ не разрѣзать платка на полу (я нари-
сую ножницы и дамъ—разрѣзъ ими платокъ).

Сколько у тебя вши-то (вшито, т. е. пришито).

Сказки

(Два брата.—Мужъ и жена.—Одна копеечка.—Три сестрица и работники. Быль).

Два брата.

Жили, были на свѣтѣ два брата, сиротки. Отецъ съ матерью не успѣли поднять ихъ и оставили малѣхонькихъ: одного по шестому, другого по сѣмому годочку. Зимой какъ-никакъ сиротки пробивались, а наступило лѣто, начались оба въ подпаски. Жить было имъ вѣчѣмъ — родни никакой, вотъ и стали они мыкать горе по чужимъ людямъ, по подпаскамъ и пастухамъ. Долго ли, коротко ли такъ они жили, только какъ подросли до жениховъ, меньшой и говорить старшому: — братецъ миленькой, полно намъ по настухамъ ходить, совсѣмъ, пора учитце крестьянсву, нады намъ ходить въ работники итить.

— Нѣть, Ваня, отвѣчаетъ старшой братъ, ты какъ хошь, а я въ работники не пойду, а пойду въ монастырь, попропусь въ привратники, али въ сторожа и буду Бога замаливать.

Такъ и порѣшили: одинъ итить въ монастырь, а другой въ работники. Пошли сумочки, взяли хлѣба и пошли дорогой. Дошли до красцовъ, сѣли на камышокъ, побѣли, поговорили, поплакали. — Гдѣ же мы съ тобой срѣнемся, ковда сдумамъ повидать другъ другу? — спрашивается меньшой братъ.

— А вотъ што, Ваня, какъ стоснешься по мнѣ, приходи въ монастырь въ Тифину — далъ этова монастыря я не пойду; а мнѣ тиба искать не рука: ты будешь жить по чужимъ людямъ, годъ въ одной деревни, на другой въ другой, уйдешь, можетъ, и въ другую волость. Такъ гдѣ же мнѣ тиба искать-то будетъ.

Посидѣли, помолились, распостились горькими слезами и пошли: одинъ по большой дороги въ монастырь, а другой по повертки.

Приходить меньшой братъ въ одну деревню и остановился на ночлегъ въ избенки, коя съ краю и похуже. А въ избы той жила вдова молодая и у ей семеро дѣтей, все маль-мала-меньше.

— Ты паренекъ, не по казакамъ ли ходишь? — спрашиваетъ вдова.

— Да, тетинъка.

— Такъ найдись ко мнѣ.

— Да гдѣ же у тебя мужикъ-то?

— Я, родимой, вдовица, а робать у меня семеро, маль-мала-меньше. Сдѣлай милость, найдись, корылещъ!

— Нѣть, тетинъка, я по пастухамъ жиль, крестьянской работы не знаю, сохи и боровы спрavit не умѣю, а мужика-то у тиба нѣту.

А у ей заведенье настоюще, — пары лошадей въ корова.

— Ничево, говорить вдова, я, какъ нады вахать, принайму старишку, єнъ соху, спрavit въ борону сважеть; а ты, паринекъ, порадѣй на сиротокъ.

Малецъ согласился. Прошелъ годъ. Работникъ хотѣлъ уходить, но вдова уговарила его остататце: — все равно, живи-ты у меня, чѣмъ по работникамъ-то ходить.

* Сказки записаны со словъ крестьянки деревни Погорѣлки, Минецкой волости, Боровичского уѣзда, Новгородской губ., — Евдокіи Руфовой.

Такъ и прожилъ у ей работникъ ни много-ни мало, а 16 лѣтъ. Дожилъ до того, что дѣтки ея подросли и парня (сына) пора женить. Тогда вмѣстѣ со вдовой поженили оны ейнова старшева сына. Послѣ сварѣбы казакъ и говорить вдовы:— есъ топерь у тибя работники. Отпусти мя — ноетъ мое сердце, хотѣть повидатце съ братомъ!

И стали тутъ передъ имъ на колѣнки вдова съ сыночкомъ.—Подиаъ ты наасъ вмѣстѣ съ матерью, говорить сынъ, былъ намъ замѣсто отца роднова и на сварѣбу наасъ благословилъ. Останисе, поживи еще годокъ: научи наасъ съ молодой женой уму-разуму. Хорошо—молодуха у наасъ ладно будетъ жить, а какъ задурачитъ? Што мы товаа будемъ дѣлать съ ей? Тибя же она постыдице и за годъ остеинице — мы товаа тибя и проводимъ.

Пожалѣть Иванъ, осталсес.

Черезъ годъ упять попросилъ онъ у вдовицы расчета за 17 лѣтъ. Та вынесла изъ подкѣлѣтъ вси деньги, какія были и высыпала передъ имъ на столъ.—Чѣмъ я расплачиваться буду за твою службу? заговорила старуха. Вотъ возьми сиѣ вси деньги, какія есть, а чѣво не хватаетъ, то уплотимъ, кѣвда воротишице, повидавши брата.

— Взять эти деньги, думаетъ Иванъ, обижу ихъ—вишь, у ихъ ничево не осталось,—и взялъ всѣго-на-всего одинъ рубль и одѣжду не то што новую и не то што старую. Вдова и дѣти проводили его за пять верстъ, а какъ раставатце, стали передъ имъ на колѣнки и смѣзно просили его:—пойди, спровѣдай своеа старшова брата, говорить вдова, а потомъ воротись хѣ намъ и живи у наасъ до самой смере-душки. А какъ упоконить тибя Господь, твои косточки скороядѣть мои дѣтушки, по-тому ты имъ былъ замѣсто отца роднова.

Приходитъ мѣвшій братъ въ тотъ монастырь, куды ушелъ спасатце старшой. Вошелъ въ церкви, тамъ была служба. Ёнъ не столько молитце, сколько по сторо-намъ глядѣтъ: хочетъ отыскать старшова брата. Но нѣту, не видать его нигдѣ—ни межъ монахамъ, ни межъ послухамъ. Вышелъ ёнъ товаа вонъ изъ церкви, сталъ у воротъ оградныхъ и плачетъ горькимъ слезамъ:

— Господи, Господи, открай мя, грѣшному, живъ аль нѣтъ братъ мой. Если живъ, такъ какъ повидатце съ имъ, а если умеръ, то хоть помолитце за его.

И проходитъ въ эту пору мимо его старичекъ, не знамо, откуда взялсес, и го-ворить:

— Молодецъ, о чѣмъ ты плачешь?

— Охъ, ты, желанной старичекъ, вотъ ужъ 17 лѣтъ какъ не видалсес я съ братомъ. Я осталсес въ деревни, а ёнъ ушелъ въ етотъ монастырь. Топерь при-шесть повидатце съ имъ и ми могу нигдѣ брата найтить.

— Я тибѣ помогу брата съискать.

Ёнъ бухъ старичку въ ноги.

— Ты стой тутъ въ воротахъ и смотри на того, кто сиаѣшъ пойдеть — это братъ твой, да слухай!

Работникъ бухъ упять старичку въ ноги, а тотъ скрылсес, неизвѣсно куды. Встаетъ въ видить: идѣть изъ собора анхирей, одѣжа у его вся золотомъ такъ и сіаетъ, а на головѣ чудная шапочка круглая, вся каменемъ самецвѣтнымъ изукра-шена; идѣть на посошокъ упираестце и ведуть его два подъякона подъ руки въ келью. Иванъ поклонилсес ему до зени. Увидаль анхирей его и промозвилъ: «иди за иной!»

Пошелъ Иванъ слѣдомъ, а самъ думать: Господи, неужто мой братъ анхирей? И какъ я съ имъ буду говорить, у мяня и слова не найдется: виши, ёнъ въ какихъ топерь!

Привели въ келью. Подъяконы взяли посошокъ, поѣсли шапочку на спицу, рзы на другую, подставили стуль анхирею и ушли.

Анхирей и спрашиваетъ:—братецъ, гдѣ ты живъ 17 лѣтъ?

— Бакъ размучалсес съ тобой, братецъ родимой, прошѣть въ одну деревню и виши хѣ одной вдовицы въ работники: у ей 7 человѣкъ дѣтей малъ-мала-меньше. Тутъ и прожилъ вси 17 лѣтъ, покуда сына не женихъ.

— Ну что же, братець, много-ль ты въ 17 лѣтъ заработалъ?

— Да што, братець, давала мнѣ вдовица на прощанье вси свои деньги, да изнать, думаю, ихъ обижу; пожалѣлъ и взялъ только однѣ рубль на дорогу.

— Эхъ, братъ, само лучшее ты время 17 лѣтъ прожилъ за одинъ рубль! Ни на тиѣ одѣжа хороша, ни на тиѣ обувь справна. Виши за 17 лѣтъ ты могъ бы сѣречь копейку на черной день, а ты заработалъ одинъ рубль. О чёмъ ты думалъ?

— Братець родненъкъ, оны не бросятъ меня: оны просили, чтобъ я, какъ повидалось съ тобой, вернулся хъ имъ и жилъ у ихъ до самой смередушки.

— Виши, не свои лѣтки, братъ. Какъ же ты на ихъ надѣялъс. Ты, братець, посмотри на меня, я въ 17 лѣтъ, виши, какъ заслужилъ, што меня въ Божій домъ подъ руки ведутъ и изъ Божіаго дома тожъ.

— Всакому своя щась, братець.

— Мнѣ на семь свѣтѣ хорошо, да и на томъ не худо. Посмотри-ка, кака для меня гробница слажена, целеной обвита въ золотымъ покровомъ покрыта — Сказаль, подошелъ къ гробницѣ и раскрылъ ее. Вѣть я лягу, продолжалъ онъ, а ты покрой меня целеной, погляди, какъ мнѣ хорошо будетъ и закрой крышкой. — Взялъ легъ въ гробъ и руки запахнуль. Братъ закрылъ гробъ. Глядь — поль раступилъ и гробъ — пошелъ на низъ въ землю. Иванъ схватилъ, хотѣлъ поддержать — не туть-то было: гробъ провалилъ, а поль заровнялъ, какъ будто брата и не бывало.

Жалко стало Ивану брата. Сталь ёнъ на колѣнки и просить Бога: Господи, вороти брата моего, изъ-за меня погибъ ёнъ безъ покаянья; кабы зналъ, такъ не спрѣонѣдалъ его — Плачать Иванъ до вечера горючимъ слезамъ.

Передъ вечеромъ вдругъ говоритъ икона съ божицы голосомъ человѣчимъ: — рабъ, не плачь!

— Господи, какъ же мнѣ не плакать!

Съ иконы отвѣчаетъ: — какъ ударятъ въ большой колоколь, надѣнь шапочку и ризы, поведутъ тиѣ подъяконы въ соборъ и поставятъ передъ престоломъ.

— Господи, што я буду у престола дѣлать, виши, я — человѣкъ неграмотной, никакой молитвы не знаю.

— Поставить тиѣ у престола продолжалъ голосъ, берись за саму большую книгу, гляди въ ее и служи все равно, што братъ твой.

Ударили въ большой колоколь. Иванъ приготовилъ, умылъ, надѣлъ ризы и шапочку, сѣлъ и пригорюнилъ: думалъ, што придутъ манахи и узнаютъ. Пришли манахи, взяли его подъ руки, свели въ алтарь и поставили къ престолу. Какъ взялъс ёнъ за саму большую книгу, раскрылось ему все и сталъ ёнъ служить все равно, какъ братъ. Отслужилъ вечерню и никто не призвалъ его: аххирей и аххирей... Послѣ службы манахи взяли его подъ руки и отвели въ келью. Цѣлую ночь молилъс Иванъ за брата: — Господи, вороти мнѣ брата моего, изъ-за меня погибъ ёнъ безъ покаянья!

На другой день отслужилъ обѣдю и вечерню. Послѣ вечерни, когда манахи ушли, сталь ёнъ упять на колѣнкахъ молитце за брата. Въ тѣ поры поль раступилъ, обозначилась яма и гробница стала подыматьс кверху. Какъ вышла гробница, поль задвинулъ и голосъ изъ гроба говорить:

— Братець, раскрой крышку скорѣй! — Иванъ снялъ покрывало, поднялъ крышку и поставилъ брата на ноги. Аххирей бухъ брату въ ноги — Братець родимой, прости ты меня! Господь наказалъ меня за то, што я тиѣ осудилъ, а сибя похвалилъ. А какъ взялъ меня Господь на тотъ-то свѣтъ, такъ узналъ я, што твоя заслуга дороже моей. Топерь не пущу я тиѣ хъ сиротамъ — оны ужъ подросли, а останьс со мнѣ и помоги мнѣ грѣхъ мой передъ Господомъ Богомъ замолить.

Такъ и жили оба брата въ монастырѣ до самой смерти.

Мужь и жена.

Жили въ оной деревни мужъ и жена, оба молодыи. Баба передъ живою родила первова робеночка. Ковда наступило живо, стали оны ходить жать на ниву, а нива была версты за три отъ деревни. Повѣсять робеночка въ зыбки за кустомъ, а сами жнутъ.

Вотъ разъ какъ-то на пабѣдъ мужикъ съ бабой расхлопотались. Мужикъ молчить и баба тоже. Не пойду домой, думаетъ баба, пока ёнъ жнетъ. Мужикъ жнетъ до вечера и баба съ имъ. Только стало стемнѣтие, мужикъ не стерпѣлъ и говорить:—ступай домой, пора обряжатце.—Ёна серпъ па плечо, да и покатила, а робеночка-то въ зыбки и забыла. Мужикъ видѣлъ это, да подумалъ, что она нарочно оставила робенка. Ну, думаетъ, пущай, и я не возьму; сбѣгать и съ дому. Ёнъ пожалъ, пожаль, да, какъ надо домой итти, и ёнъ пошелъ, не взялъ тоже робеночка. Пришель домой. Баба убралась и ужинать собрала. Вотъ какъ стали оны ужинать, баба взглянула ва пустой очепѣ и скрикнула: о, Господи, да гдѣ же робенокъ-то?

— А гдѣ забыла, тамъ и есъ,—отвѣчаетъ мужикъ.

— Да я-то забыла, а ты-то што-же!

— Нѣть, ты не забыла, а на зло оставила: хотѣла, штобъ я принесъ. Да не бывать тебѣ большухой надо ивой.

Баба взвыла и проситъ мужа итти вмѣстѣ за имъ (вишь, боянца итти).

— Нѣть, говорить мужикъ: пущай до утра. По утру придешь и робеночекъ тамъ, не надо и носить.

Баба попшла овна—нѣшто мать-то оставить!

Приходитъ она хъ нивы, а ставше нянка хъ этой зыбки съ лѣсомъ наровенъ, качаетъ и приговаривается:

Бай, бай, дитятко! бай, бай, милое! Матушка забыла, а батюшка оставилъ. Бай, бай, дитятко! бай, бай, милое! Матушка забыла, а батюшко оставилъ.

Ну, какъ ей подойти?! Подошла эдакъ сторонкой и говорить: — кумынекъ, кормилецъ, отдай ты миъ робеночка!

А ёнъ отбѣжалъ, захлюпалъ въ ладоши и закричалъ:—ха-ха, ха-ха, ха-ха, ха! Шель да шель, да кумушку нашель!—И гулко таково бѣжитъ по лѣсу, да все кричитъ:—ха-ха, ха-ха, ха-ха, ха! шель да шель и кумушку нашель!—Вишь, любо ему стало, што кумынкомъ назвала.

Баба схватила робенка, да опрометью изъ лѣсу.

Одна копеечка.

Бѣнной мужикъ покумилсе съ богачемъ. Разъ взялъ бѣнной у богатова кума въ займы десять рублевъ и выплатилъ ему по частямъ весь долгъ, окромя оной копейки. Одначе, богачу жалко и оной копейки. Кажинной разъ, какъ идеть онъ хъ бѣнни въ церкву кумъ жиль въ другой деревни—заходить подъ окно хъ куму и спрашивать: скоро ми, кумъ, копеечку отдашь? Хоть Богу свѣтчу на ію поставилъ бы! А кумъ, хоть и имѣлъ деньги, а все говорицъ, што денегъ нѣть.—Подожди, кумъ, вотъ справлюсь, такъ отдамъ. Цѣлой годъ спрашивавъ богачъ копейку. Наконецъ надѣль бѣнному.—Вить, эдакой кумъ-то «скупердай»! Виши, жалко оной копѣйки! Вотъ што, жонка. Я притворюсь мертвымъ, а ты, какъ пойдешь кумъ хъ бѣнни, попроси его аммытъ миши и свезь въ церкву.—Сговорились. Въ воскресенье, какъ только завидѣль бѣнной кумъ въ окошко богатова, легъ на лавку, захрипѣлъ, потянулся и точно померъ. Богатый подходить хъ окошку и стучитъ:—кумъ, а скоро-ль копеечку-то отдашь.—Охъ, ты кумынекъ-кормилецъ, отвѣчаетъ жена бѣннова, вить, померъ хозяинъ-то у миши.—Што ты?—Взаболь, продолжаетъ она, и просицъ тибя передъ смередушкой аммытъ его и въ церкву свезь.—

— Охъ, кумъ, кумъ, вздыхалъ богатовъ, рано ты померъ и копечки не успѣль отдать! — Началь онъ кума мыть горячой водой. Какъ пlesenеть на кума, а кумъ какъ сдрыгнать. Омылъ кума; взяли сколотили домъ ему и привнесли въ церкву. — Вѣро, думаетъ богатой, кумъ притворилъ мертвымъ и хочетъ што-нибудь счапить изъ церкви. Дай-ко я догляжу. — И спряталъ за печку.

Пришла ночь. Богатой стоять за печкой и ждѣть.

Вдругъ што-то заюкотало, застукотало на паперти. Открылись двери, и въ церкву ворвалась несвятая сала: — вить, они по ночамъ ходятъ въ церкву-то.

Вошли, насыпали на полъ цѣлой ворохъ денегъ — гдѣ-то, не благословясь положены деньги-то! — и стали дѣлать.

— Ужо-ко, думаетъ богатой, я ихъ пугну, не бросятъ ли деньги то. — «Живы и мертвые ставайтъ», крикнулъ онъ! — Вдругъ крышка у гроба слетѣла, и мертвый кумъ поднялъся. Тутъ вся несвятая сила скочила да вонъ изъ церкви. Забыли даже и дверь запереть.

— А што, кумъ, вить ты живъ? — Живъ. — Ну, такъ давай запремъ двери и подѣлимы деньги. — Подѣлили. Черти, между тѣмъ, спохватились, што оставили деньги, и послали двоихъ посмотреть въ окно, сколько народу въ церкви: можетъ мало, такъ нельзя ли отнять у нихъ.

Два кума, подѣливши деньги, стали у окошка и разговариваютъ про межъ собой. — А, вить, кумъ, ты все ишо не отдалъ мни копеечки-то! — Въ это время одинъ изъ нечистыхъ заглянулъ въ окно. Бѣнной кумъ цапъ съ его красной колпакъ. — На, путь, тебѣ копейка! — и бросилъ съ его колпакъ богатому. Тутъ черти безъ оглядки понеслись назадъ хъ своимъ. — Бѣгите далѣ, намъ тутъ дѣлать нечево: нашихъ денегъ по копейки только, да ишо онвому и не хватило. (Вить оны думали, што ихъ такъ много, што на каждова пришлось только полкопейки, и ишо онвому не хватило).

Такъ и стали оба кума богаты.

Три слѣпца и работникъ.

Жиль мужичекъ со своей женою и дошелъ онъ до такой бѣдности, что нечего было ъсть. Вотъ мужикъ и говорить своей женѣ: — ты, жена, останься дома, а я пойду въ Питеръ на заработки; пришлю тебѣ денегъ, а ты прихватиши кого-либо изъ сосѣдей на работу. — Мужикъ ушелъ въ Питеръ, а жена его осталась дома. Однажды видѣла она молодца, который идѣть по улицѣ; увидалъ и онъ молодуху, которая на этотъ разъ выглянула въ окно, и спрашивавшись есъ: — не надо ли тебѣ работника? — Молодуха позвала его въ набу и говорить молодцу: — нанять-то мнѣ нужно бы работника, да хлѣба-то у меня мало, а мужъ ушелъ въ Питеръ за работу. — Молодецъ отозвался: если я найдусь къ тебѣ, такъ мы наживемъ себѣ хлѣба до прихода твоего мужа.

— А дорого ли ты возьмешь? — Не дорого, только три копѣйки въ ѿто; но чтобы только я быль большими въ домѣ, а вѣ ты: я буду наряжать тебя на работу, а не ты меня. — не вѣриться молодухѣ, чтобы за такую цѣну онъ сталъ жить, и она замѣтила ему: — ты меня обманаешь, не доживешь и уйдешь отъ меня. Тогда ты меня постановиши. — Молодецъ увѣръялъ молодуху, согласились, Богу помолились и молодецъ остался.

— Собирай, хозяйка, теперь обѣдать, обратился къ ней молодецъ. — Она захахала: — Не что бы собрать тебѣ обѣдать, да хлѣба-то у меня нисколько нѣть. — А если нѣть хлѣба, возразилъ молодецъ, такъ пойди и займи у сосѣда: безъ хлѣба же намъ не жить.

Молодуха побѣжала къ сосѣду просить хлѣба въ займы, а сосѣдъ и говорить ей: — чѣмъ же ты мнѣ отдашь, когда у тебя нѣть ничего. — Да вотъ я, отвѣчала молодуха, наняла работника, который увѣряетъ меня, что безъ хлѣба жить не будеть.

Тогда сосьдь - отръзаль полхъба и даль молодухъ. Ушла она, а старуха замѣтила мужу: что же ты даль ей хлѣба, вѣдь она обманет насъ: напала работника, а самойѣть нечего; чѣм же она будетъ отдавать?

Пришла молодуха домой, накормила своего работника обѣдомъ. Вышелъ онъ изъ-за стола и приказываетъ ей:— давай гешеръ мѣшкы, я поѣду на мельницу.—Она ему говорить: - съ чѣмъ же ты поѣдешь на мельницу, когда у меня нѣть ни ржанки?—Дѣла тебѣ нѣть до этого, замѣтилъ работникъ, а ты давай мѣшкы, не жить же намъ безъ хлѣба.—Принесла молодуха два мѣшкы и отдастъ ихъ работнику. Мало показалось ей двухъ мѣшковъ и просить, чтобы она принесла еще четыре мѣшкы. Принесла молодуха четыре рваныхъ мѣшкы, а работникъ и наказываетъ ей:— я лагу отложнуть, а ты въ то время зачини мѣшкы.—Зачинила молодуха мѣшкы, и пошла за лошадью, а работникъ сталъ мазать телѣгу. Справиль работникъ телѣгу, запрѣгъ лошадь, скадль мѣшкы на телѣгу и поѣхалъ на мельницу. Удивляется молодуха работнику, что безъ ржи поѣхалъ на мельницу Выѣхалъ работникъ за деревню, увидаль вдали сосаянъ, подѣхалъ къ нему и нагребъ всѣ шесть мѣшковъ пескомъ, а затѣмъ сѣль на мѣшкы и съ пѣсенкой поѣхалъ дальше. Пріѣхалъ на мельницу, свалилъ мѣшкы въ амбаръ и спрашивается мельника:—дойдетъ ли до него сегодня чередъ молоть или нѣть. — А мельникъ отвѣтилъ: — пріѣзжай завтра, сегодня не свободно.—Работникъ распостился съ мельникомъ и поѣхалъ обратно въ деревню. Увидала молодуха работника и спрашивается его:— что же ты безъ хлѣба пріѣхалъ и безъ мѣшковъ.—Онъ отвѣчаетъ ей:— не твоё дѣло; сказано тебѣ, что я большой буду въ домѣ.—Вѣть завтра поѣду за мукой на мельницу, сегодня мельнику некогда (зывозно), помельцентъ много.—На другой день работникъ всталъ пораньше и отирился на лошадкѣ на мельницу. Тамъ овъ видѣть, что по-мольцевъ нѣть никого. Мельникъ пошелъ спускать воду, а работникъ сталъ засыпать хлѣбъ въ жернова. Лишь только спустилъ мельникъ воду, работникъ въ это время со всего размаху спустилъ мѣшокъ въ жерновъ и закричалъ:—запирай, мельникъ, воду! — Прибѣжалъ мельникъ на мельницу и заголосилъ: что у тебя случилось?—А потомъ, когда увидѣлъ въ жерновахъ песокъ закричалъ на него:— что же смыѣшься надо мною. Развѣ съ пескомъ ѳздѣть на мельницу?—Работникъ сталъ увѣрять мельника, что мѣшкы у него были съ хлѣбомъ, въ кто вѣсто хлѣба насыпалъ песку, овъ не знаетъ, можетъ быть, помельцы пошутили. Дай-ка я посмотрю остальные мѣшкы, можетъ быть и тамъ песокъ—Развязалъ работникъ мѣшкы и точно — тамъ оказался тоже песокъ

Мельникъ сталъ божиться, что онъ въ этомъ не виноватъ, можетъ это сѣяли помольцы. А работникъ возражеть ему:—я не буду разыскивать помольцевъ; ты виноватъ, такъ ты и отвѣтай, а то я тебя въ Сибирь упеку.—Испугался мельникъ и сталъ упрашивать помольца, чтобы онъ никому не говорилъ объ этомъ, а что онъ за это уплатить своимъ хлѣбомъ. Высыпалъ мельникъ песокъ изъ мѣшковъ въ воду и насыпалъ четыре мѣшкы ржаной муки, одинъ грешневой и одинъ житной. Работникъ—не будь глупъ—говорить мельнику:—теперь едва насыпалъ мой, хлѣбъ да за штрафъ прибавь денъжонокъ, иначе доведу дѣло до суда.—Отдать мельникъ 10 р. работникъ, помогъ навалить мѣшкы на телѣгу и, отправляя его, просилъ никому не говорить.

Обрадовался работникъ, что надуль мельника, и съ пѣсеню поѣхалъ въ деревню. Подѣхалъ къ избѣ и крикнулъ молодуху, чтобы отпирала амбаръ. Не утерпѣлось молодухъ и спрашивается работникъ:—гдѣ же ты взялъ столько муки?—Молчи, я тебѣ говорю, не твоё дѣло! Теперь намъ до осени хватить хлѣба.

Такъ дожила молодуха съ работникомъ до сѣнокоса; къ этому времени прислали ей мужъ денъжонокъ изъ Питера для справки съ хозяйствомъ и просилъ ее, чтобы она нанила кого-либо изъ сосѣдей спрavitъ сѣнокосъ. Жена отвѣчала мужу, что у ней наниять еще съ весны работника на все лѣто за три копеечки.

Наступила осень, мужъ приходить изъ Питера, сталъ разсчитывать работника и говорить ему:

— Много ли тебѣ, казакъ, слѣдуетъ отдать за это?

— Да за что порядился, то и отдай: за три копейки я нанять твою хозяйкой, такъ три копейки и отдай.

— Да что ты, молодецъ, говорить хозяинъ, вѣдь за три копейки у васъ не найти подпаска, а ты все лѣто прожилъ и все хозяйство май спрашивай. На худой конецъ тебѣ слѣдуетъ дать рублей тридцать.

— Нѣть ужъ, за что порядился, то и подай; не надо мнѣ и двадцати рублей.

— Ну, возьми хоть 15 р. говорить хозяинъ.

— Сказано тебѣ, иторилъ работникъ, не надо мнѣ и 15, а отдай три коп., и то такъ, чтобъ три копейки были не вмѣстѣ, а по копеечкѣ.

Взялъ работникъ три копейки, положилъ ихъ въ рукавицу, распостиаясь съ хозяевами и пошелъ домой, побрякивая этими дельгами. Дорогою наговаривъ онъ му-жика слѣпого и спрашивавъ: — что же ты, слѣпой, безъ водока? — Да, по памяти. братецъ, деревни здѣсь недалеко другъ отъ друга, а ослѣпъ-то я недавно, такъ еще помню дорогу. — Вотъ они идутъ, а работникъ побрякиваетъ тремя копейками. Услы-халъ слѣпой, что деньги брянчать и спрашивавъ: — что это у тебя братецъ? — Деньги, кинется-то у меня нѣть, такъ я положилъ ихъ въ рукавицу. — Такъ давай, предложилъ слѣпой — я положу въ свой кинетъ, а то ты еще потеряешь. — А отдашь ты мнѣ ихъ? — А то какъ же, вотъ въ деревни и отдамъ. — Идутъ они и разговариваютъ. Работникъ спрашивавъ слѣпого, куда ходилъ, гдѣ бывалъ, кто у него былъ водокомъ. А слѣпой ему отвѣчаетъ: — былъ я съ водокомъ въ Лагогъ, все лѣто ходилъ тамъ по-міру. За такими разговорами они подходятъ къ деревнѣ; работникъ и просить слѣпого — ау, теперь, дѣдушка, отдай же мнѣ три копейки. — А слѣпой отвѣтилъ: — я не для того бралъ, чтобы тебѣ отдавать, не отдамъ. — Ну, коли не отдашь, такъ Богъ съ тобой; драться съ тобой я не буду. — Слѣпой пошелъ на крылечъ, а работникъ сзади за нимъ. И стала слѣпой отворять дверь въ избу, какъ работникъ шмыкъ попередъ его въ избу и сѣлъ на лавку.

Вошелъ въ избу слѣпой и говорить своей старухѣ, тоже слѣпой: — бабка, дай-ко бочечку, что тамъ на печкѣ въ углу; тамъ до 700 рублей не хватаетъ трехъ копеекъ, такъ я доложу ихъ и будеть 700 рублей. — Баба взяла бочку и, слѣзая съ печи, обращается къ мужу со словами: — на, возьми боченокъ! — Работникъ тотчасъ же подбѣжалъ напередъ старика, схватилъ боченокъ и сѣлъ на лавку, а слѣпой закри-чалъ: — что же ты, слѣпая, давай же бочку. — Да, вѣдь, я тебѣ подала, что ты, от-вѣчала баба. — Да что ты, старуха, я не бралъ. Никакъ ты хочешь затаить ее отъ меня! — Заругались слѣпые между собой. Слѣпой, не долго думая, дернула старуху за руку, стащила съ печи въ давай ее колотить. Слѣпая заревѣла во все горло. Услы-халъ ревъ другой братъ, тоже слѣпой, который тутъ же рядомъ жилъ, входить въ избу и спрашивавъ, о чѣмъ они вздорять промежъ собою. Разсказалъ слѣпой, съ жа-лобой на свою старуху. О, Господи, да куда же твой боченокъ могъ цѣтъся, кто его могъ взять! Вотъ хотѣлъ къ примѣру, у меня мѣшокъ съ деньгами въ карманѣ, а въ немъ 600 рублей; я его вытащу и положу на полъ, кто же его возьметъ. Пока овъ это говорилъ, да клалъ мѣшокъ съ 600-ми рублями на полъ, работникъ подошелъ тихонъко, схватилъ мѣшокъ да и сѣлъ опять на лавку. Наклонился слѣпой за мѣш-комъ, не тутъ-то и было — мѣшокъ-то и пѣтъ. — Охъ, братецъ, никакъ и мой-то мѣ-шокъ съ деньгами она подхватила. — И давай слѣпые колотить старуху, а она еще пуще ревѣть. Услыхалъ третій слѣпой, тоже братъ, этотъ ревъ, идетъ съ дубиной, входить въ избу и спрашивавъ: — что у васъ тутъ за драка? — Да вотъ такъ и такъ, братъ, слѣпая то у васъ у обоихъ попобрала деньги: у него боченокъ, а у меня мѣ-шокъ съ 600 рублями. — Что же за исторія у васъ — удивляется вошедшій, — кто мо-жетъ взять, коли никого нѣть въ избѣ. У тебя боченокъ, а у него мѣшокъ утащили, вотъ коли я брошу палку на полъ, а въ ней 800 р., кто ее можетъ взять! — Би-нуль палку на полъ, а работникъ хватилъ ее, да вонъ за порогъ. Наклонился слѣ-пой за палкой, шарилъ, шарилъ — не нашелъ. — Охъ, братъ, да никакъ она мою-то палку подхватила. — И давай бить старуху втроемъ.

А работникъ на эти деньги выстроилъ себѣ домъ, открылъ лавочку, да и стала жить да поживать, да богатство наживать.

Въ одномъ селѣ жилъ баринъ съ барыней. Захворалъ баринъ, а барыня вышла отъ скучи пройтись по селу. Попадастъ ей портной. Она и спрашиваетъ его: възмешся ли ты сшить изъ одной бѣлки салопъ, шляпку и штаны? Портной отвѣтаетъ: отчего, барыня, не сшить, только нужно прежде уговориться о цѣнѣ за работу.—А что же ты возьмешь?—Да за такую работу нужно взять по меньшей вѣрѣ 100 рублей.—А барыня приблизила:—а если ты, портной, бѣлку-то мнѣ стравишь и не сошьешь, то смотри, я съ тебя сто рублей.—Портной согласился.—Ну, пойдемъ теперь въ домъ — звала барыня—я дамъ тебѣ бѣлку. Вынесла барыня бѣлку, а портной береть бѣлочку, растягиваетъ на столѣ и выкраиваетъ. Отрѣзаетъ голову, потребовалъ ниточку, посыпалъ ее немножко, подаетъ барынѣ и говоритъ:—это вотъ тебѣ, барыня, шляпа.—Затѣмъ, отрѣзаетъ ножки и сшилъ штаны; а изъ середки бѣлочки сшилъ солончикъ и отдалъ барынѣ. Теперь давай, барыня,—спросилъ портной, за работу 100 рублей. Жалко было барынѣ отдавать деньги, а дѣлать нечего, отдала и говоригъ:—вотъ ты, портной, такой хороший мастеръ! У меня баринъ хвораетъ давно, не перешьешь ли ты его, авось онъ не будетъ хворать.—Отчего можно, барыня, но только опять дѣло въ цѣнѣ, я меньше даухъ соть ваять не возьму. Вѣдь, не шутка, барыня, перешить твоего барина.—Ну, ладно, возьми 150 р., только опять, если ты не сдѣлаешь этого, то я съ тебя полтараста!—Веди барина, да давай ниточку и воску: мнѣ нужно его вымѣрить. Привели барина и хотѣли посадить, а портной попросилъ постоять, хоть и трудненько. Раздѣлъ барина, натеръ нитки воскомъ и сталъ его измѣрять. Цѣлый часъ измѣрилъ портной барина, а затѣмъ и говорить:—вотъ что, барыня, если я его перенѣмѣрю, да раскрою и сошью, такъ нижніе подѣйски приходятся на лбу. Не знаю, понравится ли тебѣ.—Нѣтъ, портной, говорить барыня, такъ не хорошо, некрасиво будетъ. Пусть будетъ ужъ по старому.—Ну, я согласенъ, барыня, если не велишь перешивать, такъ за работу всетаки денежки подай. вѣдь цѣлыхъ два часа измѣрилъ его.—Отдала барыня деньги да и думаетъ: вотъ такъ портной, я хотѣла его надуть, а между тѣмъ онъ меня надулъ.

Сообщилъ *М. Синозерскій*.

Заговоръ для уничтоженія находящихся въ домѣ таракановъ, сверчковъ и мокрицъ.

(Записано въ Кубанской области).

Въ Великую субботу сѣть верхомъ на старую люшню* и, сидя на ней, три раза обѣжать домъ, гдѣ водятся эти насѣкомыя. Потомъ, не сѣзанъ съ люшни, статъ у дверей (входныхъ) и сказать: «да здравствуйте, тараканьевскіе! Люшневскіе, заходи! Тараканы, сверчки и мокрицы, вонъ выходи!» Сказавъ это, опять три раза обѣжать домъ, сидя на люшнѣ. Потомъ войти въ комнату; люшню поставить въ передней (въ красный) уголъ, зажечь свѣчу передъ иконой и, когда пасхи начнутъ сажать въ печь, сказать три раза: «Святая пасха въ печь, а тараканы, сверчки и мокрицы выходи вонъ въ чисто поле, въ темные вертепы». Оборотясь къ иконѣ, сѣзать три земныхъ поклона.

В. Водарскій.

* Люшнѣй, й, женск. р. — изогнутая палка, однимъ концомъ прикрепленная къ боку телѣги, а другимъ къ оси, поверхъ колеса. Люшня препятствуетъ колесу соскочить.

Нѣкоторыя слова и выраженія, записанныя въ Томской губерніи *).

Слова и выражения:	Значеніе ихъ:	Гдѣ записано:	Слова и выражения:	Значеніе ихъ:	Гдѣ записано:
Бу́лка — валунъ			Затесъе — зарубка на деревѣ		л. Изылинская,
Бу́лочникъ — груда валуновъ		всюду.			Кузнецк. окр.
Бучило — порогъ на рѣкѣ		д. Верхъ-Коенскій, Барнаульск. окр.	Колотый — ухабистый		д. Боровлянка - Кокушкина, Томскаго окр.
Великій говіны — Великій постъ		д. Дѣвкина, Барнаульск. окр.	Ко́ни — лошади (слово лошадь совсѣмъ не употребительно)		всюду.
Верстѣ - друга — верста — другая		всюду.	Копалу́ха — глухарка		всюду.
Верхній — верховой (всадникъ)		д. Старо - Гутова, Кузнецк. окр.	Коробо́къ — плетеная телѣжка		всюду
Веселіе } веселіе		д. Ересиѣ, Томскаго окр.	Круглый — квадратный		всюду.
Вири́дъ — вередъ		д. Боровлянка - Кокушкина, Томскаго окр.	Лава — переходъ черезъ рѣку, вродѣ мостика		л. Верхъ - Коенскій, Барнаульск. окр.
Грому́ня — гармоника		Георгіевскій пріискъ, Кузнецкаго окр.	Ланісь — въ прошломъ	г. всюду.	
Дайно — много		всюду.	Листвікъ } лѣсь, состоящій изъ лист- веніицъ		всюду.
Дѣржитъ кѣ- } держать					
ней лошадей		всюду.	Лѣсіка — дерево		всюду.
Дѣржи — держи			Мурлы́къ — муравей		д. Усть-Чѣмъ, Барнаульск. окр.
Дѣрживалъ — держивалъ			Не убивалъ — не убивали		л. Новый Икъ, Барнаульск. окр.
Досбіровать — досбі- рать		д. Боровлянка - Кокушкина, Томскаго окр.	но — да (утвердит.)		всюду.
До увиданія — до свиданія		всюду.	Ныркі, } веровныя нырочки		д. Новый Икъ, Барнаульск. окр.
Жегчі — жечь		д. Кокуй, Барнаульск. окр.	мѣста на дрогѣ, сильныя рѣтины		
			Опѣть — опять		д. Дѣвкина, Барнаульск. окр.

*) Именно въ Барнаульскомъ, Томскомъ и Кузнецкомъ округахъ.

Отношка — рукавъ (рѣка)	д. Боровлянка - Бокушкина, Том- скаго окр.	Сгѣркать — позвать	д. Полдневая, Ку- знец. окр.
Пакостить — пакостить	д. Желтоношва, Кузнец. окр.	Сдѣлжить — выдержать	всюду.
Парѣ — пара	всюду.	Смирёный — смиренный	д. Ново-Сосѣдова, Барнаульск. окр.
Паўкъ, паўтъ	всюду.	Сопка { всякая конусо- образная гора	всюду.
Пихтачъ	пихто- вый лѣсъ околица и мѣсто внутри ся	всюду.	д. Верхніе Чѣмы, Барн. окр. (у пе- реселившихся 12 —15 л. тому на- задъ изъ с. Весе- лаго, Моршанс. у. Тамбовск. губ.).
Пешбрѣкать — потереть	д. Ново-Сосѣдова, Барнаульск. окр.	Сороватый — сорный	с. Легостаево, Бар- наульск. окр.
Причудно, Причудынъ	странныо, странный	Старикомъ { вошелъ въ пахаетъ { пожилой възрастъ	д. Изылинская, Кузн. окр.
Продавать	дрожать	Строкѣ — маленькая оса	с. Кольчугино, Кузн. окр.
Продавать	отъ хо- дрожки	Сѣсти — сѣсть	д. Мосты, Бар- наульск. окр.
Прѣдникъ — праздникъ	с. Карпъсакъ, Томск. окр.	Улица — улица	с. Легостаево, Барн. окр.
Пу́хта — иней	с. Койново, Бар- наульск. окр.	Урѣчище, } урочище	д. Старо-Гутова, Кузн. окр.
Пу́чка	зонтичное растеніе — angelica	Георгіевскій прі- исѣкъ, Кузн. окр.	Хоромина — домъ
Разломъ	водораздѣль	д. Желтоношва, Кузн. окр.	Чѣ — чѣго
Рѣбить,	работать,	всюду.	Чимъ — чѣмъ
рѣбивали	работывали	всюду.	Шелома — горы
россѣйскій	— русскій	всюду.	Шерба — уха
Рукавъ	желѣзодор. вѣтвь	всюду.	Шибко — очень
Сарь — царь	Георгіевскій прі- исѣкъ, Кузн. окр.	Вѣль — поѣзжай	всюду.
			всюду.

Общее замѣчаніе. Въ сѣверной части Барнаульскаго округа говорять на о, а въ смежныхъ частяхъ Томскаго и Кузнецкаго округовъ — на а.

B. Семеновъ.

СВАДЕБНЫЯ ПѢСНИ.

Записаны въ Архангельской и Вологодской губерніяхъ ¹.

I.

Архангельскій уѣздъ, деревни В. Валдушки и Лукино.

1.

Ты стоишь, моя сударыня, у печи у муравленой,
Ты стоишь, моя сударыня, у шесточки кирпичного.
Поджавь ручки бѣлые къ ретивому сердечушку.
Поступи, моя сударыня, по всесвѣтныя свѣтлицы,
Доступи, моя сударыня, до снарядна лубовы стола,
Доступи, моя сударыня, до скатерти берчатыя,
До хлѣба-кушанья сахарного, до питья разполишияго,
Доступи, моя сударыня, до меня—Анны Николаевны,
Не убойся ты меня, моя сударыня:
Отъ меня—младой, безсчастной не пламя пашеть,
Не огонь-пламя пашеть я не съ лютыми морозами.
Ты сняла, моя сударыня, всю превольную волюшку,
Всю превольную волю, всю пренѣжную нѣгу.
Ты сними, моя сударыня, укращѣвну дѣвью красоту.
Ужь какъ у тебя, моя сударыня, поднялись ручки бѣлые,
Поднялись ручки бѣлые на мою буйну голову,
На природну трубчату косу, на всю дѣвью красоту?
Лучше бы ты, сударыня, по плечамъ сняла мнѣ буйну голову.

2.

Чтѣ по за облакамъ, чтѣ по за облакамъ
Красно солнце катится,
Чтѣ по за полямъ не изюмъ растетъ—
Виноградъ расцвѣлъ,
Чтѣ по застолью квазы-бояре идутъ,
Молодую ведутъ первоначаю
Анну свѣтѣ-Николаевну.
Ведеть ее князь первоначаю
Иванъ сударь-Васильевичъ.
Тутъ ей подали ключи во бѣлые ручи;
Воздымала ключи выше буйной головы;
Опускала ключи на дубовый столъ;

¹ Предлагаемыя пѣсни являются безъ сохраненія особенностей мѣстнаго говора, такъ какъ овѣ не предназначались къ печатанію; собирая ихъ, мы имѣли въ виду не изыскъ ихъ, а единственно ихъ содержаніе.

Изъ собранныхъ пѣсень помѣщены здѣсь лишь тѣ, которыхъ мы не находимъ въ числѣ пѣсень, собранныхъ въ Архангельской губерніи г. Еніменомъ и въ «Вологодскомъ Сборнике».

Сама ключамъ приговаривала:

— Ключи батюшкины, ключи матушкины!
Ужъ я этимъ ключамъ не клюшница,
Кованымъ сундукамъ не сундучница,
Этому животу я не складчица,
Золотой казны я не счетчица.

Затѣмъ, пѣсня повторяется, молодой даются ключи ея мужа и она говоритъ

Этимъ ключамъ буду я клюшница,
Кованымъ сундукамъ я — сундучница,
Этому животу буду складчица,
Золотой казны буду счетчица.
А тебѣ, молодцу, буду вѣрна слуга.

3.

Встану со кровати со тесовыя,
Встану со перины со пуховыя,
Я умоюся-снаряжуся.
Помолюся я Господу Богу,
Я спрошу вѣсть, честны родители:
— Каково спали вы, почевали?
— Мы, бѣдной-кручиной, не спалоси,
А во снахъ-то много видѣлось,
Будто подошла подъ мою кровать,
Подошла подъ тесовую ключева вода,
Повесло меня во сине море,
Понесло меня за темны лѣса, дремучіе,
Я кричала, бѣдна-безчастна, своихъ родителей,
Николая свѣтъ-Ивановича, да Марью свѣтъ-Григорьевну.
Не могла я, бѣдна, докричаться,
Докричалася я, бѣдна-кручинная,
До чужого чужанина со чужой дальней стороны,
До Ивана свѣтъ-Васильевича.

4.

Что вы, бѣяры, не бѣмы наѣхали,
Не бѣмы, не бучены, на сиѣгу не бѣловы,
А черны, какъ вороны, сизы, какъ голуби?
Пойзжайте, бѣяры, на высоки холомы,
Нарубите, бѣяры, вы частобо ельничка,
Бѣлаго березничка и мелкаго осинничка,
Вы нажгите пепелу, наварите щелоку,
Истопите, бѣяры, парну банюшку,
Вы умойте, бѣяры, свои буйны головы,
Свои буйны головы и широки бороды,
Пойзжайте, бѣяры, ко Архангельску городу,
Вы купите, бѣяры, Перхачевски ¹ бороны,
Расчешите, бѣяры, свои буйны головы и широки бороды.

¹ Перхачево — деревня вѣстахъ въ 7—8 отъ Архангельска; въ ней дѣлаются бороны, которые расходятся по всвѣтъ окрестныхъ деревнямъ.

Пѣсня эта сложена по поводу известнаго обычая — пачкать сажей лица участвующихъ въ свадебныхъ пиршествахъ.

5.

Чтò у Спаса на горь въ колоколъ ударили,
Въ большие, въ малые и во всѣ середніе,
Подавали вѣсточку невѣстиной матушкѣ.
Невѣстина матушка ровно трижды вспакала:
Въ первый разъ вспакала—она дочь спородила,
Во второй разъ вспакала—высоконьку взrostила,
Въ третій разъ вспакала—подъ вѣнецъ поставила.
Сама она говорить таково слово:
— Отъ меня замѣнку ведутъ, отъ меня—услужную,
Отъ меня сундуки везутъ, отъ меня—оковавые,
Отъ меня рубашки везутъ, отъ меня—полотняные. —
Чтò у Спаса на горь въ колоколъ ударили,
Въ большие въ малые и во всѣ середніе,
Подавали вѣсточку женихової матушкѣ.
Женихова матушка ровно трижды взрадовалась:
Въ первый разъ взрадовалась—она сына спородила.
Во второй разъ взрадовалась—высоконька взrostила,
Въ третій разъ взрадовалась—подъ вѣнецъ поставила.
Сама она говорить таково слово:
— Ко мнѣ замѣнку ведутъ, ко мнѣ—услужную,
Ко мнѣ сундуки везутъ, ко мнѣ—оковавые,
Ко мнѣ рубашки везутъ, ко мнѣ—полотняные.

6.

Золото съ золотомъ свивалося.
Серебро съ серебромъ сливалося,
Жемчугъ съ жемчугомъ скатался.
Иванъ съ Анной сходился,
За единый столъ становился.
Наше-то золото получше,
Наше-то серебро почище,
Нашъ-то жемчугъ покрупнѣе,
Наша-то Анна побѣлѣе,
Нашъ-отъ Иванъ поумнѣе.

7.

Вы, дружечки хорошия, двѣ вербы кудреватыя,
Вы, отцы—попы и дьяконы, напишите-тко грамотку,
Не на бумажкѣ пишите, а по алому бархату.
Вы, дружечки хорошия, двѣ вербы кудреватыя,
Отнесите грамоту къ отцу-батюшкѣ,
Отнесите къ родителю-матушкѣ.
Вы поили меня, кормили-жаловали
До срочныхъ да до двадцати годовъ,
До моего-то до суженаго
Ивана свѣтъ-Васильевича.

8.

До утыхъ зари вечервеей,
До восхода красна солнышка
Приходилъ мой родитель-батюшка
Николай свѣтъ-Ивановичъ,
Приходилъ со грозою съ великою,
Съ тремя словечушками грубо-бранными,

Приказалъ мой желанный умытия,
Учесать мою буйну голову,
Упласти природну трубчату косу,
Наложить украшенну, дѣвью красоту.
Береть меня желанный честной правой рукой,
Онъ ведеть меня передъ чужвьмъ-чужаниномъ,
Благословляеть меня родитель-батюшка
Презай чужа-чужанина,
Ивана свѣтъ-Васильевича.

9.

Ты сидишъ, моя сударыня, по честву праву руку,
По честну праву руку на брускатой лавочкѣ.
Я накину на тебя, сударыня, службу въ дружбу,
Сослужи, моя сударыня, въ остановнй разъ,
Расклади мою природну трубчату косу,
Природну трубчату косу по единой волосиночкѣ,—
Пускай въ этомъ домѣ покрасуются
Во послѣднй разъ, въ остановнй.

10.

Приношу благодарность брату-родителю,
Что накололь мнѣ въ парну мыльну банюшку
Мелкихъ дровецъ во послѣднй, въ остановнй разъ.
Приношу благодарность дѣвицамъ, душамъ красвымъ,
Что ваносилъ ключеной воды въ парну банюшку,
Что смыли мою всю превольную волюшку,
Всю пренѣжную нѣгу, всю дѣвью красоту,
Что намыли мнѣ, моя сударыни, бабью старость.
Срамота лицу бѣлому тягота буйной головы!
Послѣ моего бываньца раскататся парна банюшка,
Раскататся парна банюшка по единому бревенечку,
Не собрать бы ихъ моимъ честнымъ родителямъ
Николаю свѣтъ-Ивановичу да Марьѣ свѣтъ-Григорьевнѣ.

Вмѣсто «брата-родителя» можетъ быть упомянуть и кто-либо другой, наколоншій и наношившій дровъ для бани, которая бываетъ передъ таѣ назынъ. большемъ смотрѣніемъ.

II.

Пинежскій уѣздъ, деревня Карпова-гора.

1.

Гай-гай-лиля, что изъ Устья Береза течеть,
Что по той Березѣ-рѣкѣ ѿхали князья-бояре,
Бояре-князья молодого Ивана Васильевича.
Они спрашивали двора, спровѣдывали нова,—
Еще гдѣ стоять тестень дворъ, тестя любамаго.
Изъ высоки, нова терема узрѣла-усмотрѣла
Первобрачная княгиня Анна Николаевна.
Она думу содумала, со думы слово молвила,
Боярамъ дивовалася, надъ большими надсмѣвалася:
Ужъ вы, глупые бояре, неразумные-большіе,
Ужъ вы какъ двора не знаете, высока, нова не вѣдасте,
Что знакомъ, знакомъ батюшковъ дворъ,

Что стоитъ дворъ среди волости славной горы Карповой,
Стоитъ дворъ-отъ отъ двора отсталъ,
Стоитъ новъ-отъ отъ нова отиль;
Около двора желѣзный тынъ;
Около тына мурава трава;
У двора были трои ворота:
Ворота были рѣшетчатыя,
Други были стекольчатыя,
Треты были хрустального стекла;
У воротъ кольцо серебряное,
У другихъ позолоченое.
У третьихъ золото кольцо,
Въ избѣ грядочки брускатыя,
Въ избѣ лавицы дубовые;
Въ избѣ полъ хрустатой камки;
Въ избѣ оконки стекольчатыя.

2.

Славенъ городъ надъ Волгою...
Быдиль въ городъ Иванъ свѣтъ-Васильевичъ,
Славенъ городъ повыѣдиль,
Звону на колокольнѣ послушался,
Княгиню Анну повысмотрѣль,
На роду-то чья она повыѣдалъ,
Самъ говорилъ таковы слова:
— У добра отца сыновья добры,
У доброй матери дочери хороши.
Дочь-то Аннушка тонехонька.
Личикомъ красехонька, бѣленькимъ румяехонька,
Ясны очи у ней яснѣй сокола,
Черны брови у ней чернѣй соболя,
Рѣчъ у ней лебединая,
А походка у ней павлинная. —
Сватались на Аннѣ трой сватовья:
Первы сватовья — изъ Новѣ-города,
Вторые сватовья — изъ славной Москвы,
Треты сватовья — изъ Карповой горы.
Новъ отъ-городъ — тѣмъ отказъ учиневъ,
Во славну Москву не вздумали давать,
За князя Ивана отказать нельзѧ,
Да за Васильевича вздумали отдать
Княгиню Анну свѣтъ-Николаевну.

3.

Ори-ли-ди — серели двора, двора батюшкова,
Туть росло дерево тонко-высоко,
Кипаристое, сердцевистое.
Что на то дерево тонко-высоко
Солетались гуси-лебеди, птица летная,
Крылья правила, крылья правое,
Перы рѣнила, перы сизое
На сырь землю, на шелкову траву,
На шелкову траву, на цвѣточки лазоревые.
Что подъ то дерево тонко-высоко
Сѣзжалися князья-бояре, люди большие.

Думу думали, думу крѣпкую,
Слово мовили, слово тайное:
Ужъ какъ намъ быть, ужъ какъ памъ взять
У Николая дочь у Ивановича большу. —
Какъ спрограморить молодъ князъ.
Что большой человѣкъ Иванъ Васильевичъ;
— Не тужите-тко, не печалуйтесь, князья-бояре. —
Наши даютъ добромъ — мы добромъ возьмемъ,
Не даютъ добромъ — силой возьмемъ;
Хвалю повеземъ черезъ девять городовъ
На десятый городъ къ Божьей церкви,
Ко чудну кресту, къ золоту вѣнцу,
Повѣнчаемся мы золотымъ вѣнцомъ,
Помѣняемся мы золотымъ кольцомъ.

4.

Раю раю-раю — за горы высокой, красы великой,
Туть стояла карета, карета золотая.
Что въ той во каретѣ, что въ той золотой
Туть сидѣла дѣвица — душа красная,
Первобрачная княгиня Анна свѣтъ-Николаевна.
Она слезою плачетъ, жалобно причитаетъ:
— Минъ у матушки воля, минъ у батюшки вѣга,
Минъ у братьевъ нѣжная, минъ у сестрицъ похвальная. —
Кругъ той же кареты, кругъ той золотой
Не соколь облетаетъ. молодецъ обѣзжаетъ
На колеса вставаетъ, дѣвицу угѣшаетъ:
— Ты не плачь, не плачь, дѣвица душа красная,
Первобрачная княгиня Анна свѣтъ-Николаевна,
Ужъ я дамъ тебѣ нѣгу, ужъ я дамъ тебѣ волю,
Ужъ я дамъ тебѣ волю — у жернова у ступы,
У поганаго корыта, у бруснаго каменя.

5.

Сказали про Иава, что хитеръ-мудренъ.
А Иванъ князъ ни хитеръ, ни мудренъ.
Онъ ходилъ-гулялъ по новымъ сѣнямъ,
Загулялъ въ нову горенку
Ко души, ко красной дѣвицѣ,
Первобрачной княгинѣ Аннѣ Николаевнѣ.
Овь браль ей рука за руку,
Прижималъ онъ праву ко правой,
Изломалъ золоченъ перстень.
Что золоченъ перстень со вставочкой.
Какъ Анна-то расплакалась,
Свѣтъ-Николаевна расжалилася:
— Ужъ какъ я приду къ батюшкѣ,
Ужъ какъ я приду, какъ скажу родителю? —
Научалъ ее добрый молодецъ
Иванъ отъ-евѣтъ-Васильевичъ:
— Ты приди да скажи батюшкѣ,
Что отмыкала окованъ сундукъ,
Прижимала праву ручушку,
Изломала тутъ золоченъ перстень

III.

Шенкурский уездъ, села: Ледское, Шеговарское и Химановское.

1.

Ужъ вы, гуси, вы, лебеди,
Вы куда, гуси, летали?
Ой реди, ой реди, ой рако мое (припѣль).
— Ужъ мы летали, летали
Съ синя мора да на море. —
— Ужъ вы что, гуси, видѣли?
— Ужъ мы видѣли, видѣли
Сѣру утицу на водѣ.
— Для чего ея не взяли?
Ужъ мы взять ея не взяли,
Крылья-перья повыщипали
— Ужъ вы, князья, вы, бояра,
Вы куда, князья, ъздили?
— Ужъ мы ъздили, ъздили
Изъ деревни въ деревнюшку.
— Ужъ вы что, князья, видѣли?
— Въ теремъ красну дѣвицу.
— Для чего ея не взяли?
— Ужъ мы взять ея не взяли,
По рукамъ мы ударили,
Зелено вино выпили,
До субботы отерочили.
Отъ субботы до субботы,
Въ воскресенье дѣвичнику быть.
Въ повѣдѣвницкъ къ вѣнцу ъхати,
Подъ вѣнцомъ тажело стоять,
Подъ вѣнцомъ голова болѣть,
Ручки ножки подломятся.

2.

Въ теремъ дѣвицы првилакивають,
Въ высокомъ красныя причитывають.
Сидите недолго, ложитесь спать.
Мнѣ ка, молоденъкѣ, вся почка не спать,
Вся почка не спать, кровать убирать.
Собравши кроваточку тесовенькую,
Постелать постелюшку пуховенькую,
Изголовьице класти шелковенькое,
Одѣяло кутати соболиное.
Пославши постелюшку, сама легла спать.
Первый спенъ заснула—не чуть никого,
Второй спенъ заснула—свѣтъ бѣлый, зари.
Съ-по этой съ по зорюшкѣ мой милый идеть,
Соболинная шубонька пошушиливасть,
Смазные сапоженьки поскрипываютъ.
Мало по малу стукъ-брѣкъ у воротъ,
Стукнули воротца стекольчатыя,
Брякнуло колечушкю серебрявое,
Дрогнуло сердечушкю Аннушкино,
Дрогнуло ретивое свѣтъ-Николаевы.
Пошла наша Аннушка суженаго встрѣчать,
Пошла Николаевна ряженаго встрѣчать

Въ одной рубашечкѣ и безъ пояса,
Въ однихъ чулочкахъ и безъ башмачковъ,
Въ одной шамшурочкѣ ¹, въ та на боку.
Отворя воротца, поклонъ отдала,
Отворя широкія, выспрашивала:
— Гдѣ ты былъ, суженый, гдѣ спомыталъ,
Гдѣ спомыталъ, гдѣ почесалъ?
— Былъ я у тестя у ласковаго,
Былъ я у тещи у пріятливой,
Былъ я у шурьевъ, у ясныхъ соколовъ,
Былъ я у свестей ², у бѣлыхъ лебедей. —
— Чѣмъ тебя, суженый, тесть подарилъ? —
— Тесть-то даруетъ сто рублей конемъ,
Теща даруетъ столошку трубой.
— Чѣмъ тебя, суженый, шуря даруютъ? —
— Шуря даруютъ кабардинскій сѣлонъ,
Свесты даруютъ шириночкою,
Шитую шириночкой чиста полотна,
А сватъжки даруютъ свѣтъ-Аннушкой.

3.

Что разсыпалась верюшки,
Растворялись широки вороты,
Растворялись стекольчатыя,
Тутъ наѣхали князья да бозра.
Что большие князья въ избу идутъ,
А меньшіе на новыхъ сѣмяхъ стоять.
Что большихъ-то въ большой уголъ садить,
А мельшихъ-то на скамеечку.
Что забѣгала Анна госпожа,
Что забѣгала Николаевна,
Она изъ горницы въ горницу,
Ова изъ сѣмилицы во свѣтлицу.
Забѣгала-то Анна госпожа
Да во теплую шумушку
За камчатую за завѣсу,
За своихъ милыхъ подруженекъ.
— Ужъ вы, милыя подруженки,
Сберегите, сохраните вы меня.
Эвонъ ёдеть разоритель мой,
Эвонъ ёдеть погубитель мой,
Распласти косу-двѣ сватъюшки,
Двѣ крестовыхъ матушки. —
Пронгралась Анна госпожа,
Пронграла двѣю красоту,
Жемчужный-отъ почелочекъ
Съ золотою повязочкой,
Съ самоцвѣтнымъ со камешкомъ.
Пронгралась тутъ Иванъ господинъ,
Пронгралась Васильевичъ,
Пронграль онъ свой злаченъ перогень
Съ дорогой любой вставочкой,
Съ самоцвѣтнымъ со камешкомъ.

Нехорошъ, непригожъ, молодецъ,--
У тебя кудри солоненые,
Борода твоя лычаная,
Усы твои шипичаные,
У тебя брови совинныя,
А глаза ястребиные.

4.

Сыру слью рѣка прошла,
Сыру слью быстра протекла,
Подо всѣ города подошла:
Подъ Москву, и подъ Вологду,
И подъ славный отъ Шенкурско,
И подъ волость подъ Ледекую,
Подъ деревню Монастырскую,
И подъ тотъ подъ хороший дворъ.
Изъ того изъ хорошаго двора
Выѣзжалъ удалой молодецъ
Да Иванъ-отъ Васильевичъ
На свое мъ на добромъ конѣ,
На свое мъ скреступчатомъ.
По чисту полю овь вѣжливается,
Черной шапкой помахиваетъ,
Шелковой плащкой наспистывается,
Самъ коня обрачивается,
Ко двору приворачивается,
Тестева двора спрашивается,
Тестева терема, тещина полога,
Шите-брата Марьина.
Хорошъ и пригожъ молодецъ:
Борода твоя шелковая,
Уста твои сахарныя.
Поглядка ясна сокола.

5.

Добрый молодецъ стоять,
Изъ полы лошадь ишемонъ коснить,
Ключевои водой поить,
По крутымъ ребрамъ гладить.
— Ужъ ты, конь, конь мій,
Конь, ты, добрый мій,
Ужъ ты сбѣгай по царство,
Въ велико государство.
Вывези, конь, дѣвицъ—дѣвицу,
Молодицъ—молодицу,
Миѣ-ка—служаночку.—
Она въ сани-то не вдеть.
— Эки сани худыя, эки кони сухіе,
На улицахъ суметно,
На сѣнахъ сорливо,
Въ терему грязиво.
На это бы суметье —
Березова лопата,
На эти бы сани—
Березовый вѣнокъ,

Въ этотъ бы теремъ —
Ключевая водаца.—
Женихъ-отъ разсердился:
— А на эту бы молодку—
Шелковая бы плетка.—
Ужъ какъ плеточка свиснетъ,
Молодушка взвизгнетъ,
Горяча кровь пробрызнетъ.

6.

Сказали про князя, что на женитьбѣ бодеръ ¹.
Ой дядъ, ой ладо мое (припѣвъ).
— Еще чортъ не бодеръ, на морозѣ красенъ,
На морозѣ красенъ, на вѣтре цухомъ.
Только въ избу зашелъ какъ кислый разсолъ. —
Сказали, что на князѣ кафтанъ-отъ бодеръ.
— Чортъ не бодеръ, у него полы однѣ,
И то не свое, въ людяхъ прошено,
Хожено, прошено по всей волости. —
Сказали, что на князѣ кушакъ-отъ бодеръ.
— Чортъ не бодеръ, отъ подола рубецъ.
И то не свое, въ людяхъ выпрошено,
Хожено, прошено по всей волости. —
Сказали, что у князя сапоги-то бодры.
— Чортъ не бодры, закаблучье одно... и т. д.
Сказали, что у князя шапка бодра.
— Чортъ не бодра, подкладка одна... и т. д.
Сказали, что у князя рукавицы бодры.
— Чортъ не бодры, затылки одни... и т. д.
Сказали, что на коняхъ сбруя бодра.
— Чортъ не бодра, шлея лычавая,
Гужи вичанные, и то не свои... и т. д.
Сказали, что у князя кони бодры.
— Чортъ не бодры, у нихъ ребра одни... и т. д.
Сказали, что у князя сани бодры.
— Чортъ не бодры, копылье одно и т. д.
Сказали, что у князя побѣжане бодры.
Чортъ не бодры, наголо—дикари:
Они на мостъ идутъ—столбу кланяются,
Думаютъ, что то батюшка стоять;
Въ избу идутъ — Богу не молятся,
Богу не молятся, за столъ грабятся;
Они нечи человѣкъ, печи низкій поклонъ,
Думаютъ, что то матушка стоять.
За столомъ сидѣть—въ шомушку глядѣть,
Въ шомушку глядѣть, пироговъ хотѣть.
— Чортъ вамъ, а не пироги,—
Вчера печены, вчера и съѣдены.
За столомъ сидѣть — въ печь глядѣть,
Въ печь глядѣть, каша хотѣть.
— Чортъ вамъ, а не каша.—
Вчера варена, вчера выхлебана.
За столомъ сидѣть—въ подполье глядѣть,

Въ подполье глядять, пива хотять.

— Чортъ вамъ, а не пиво, —

Вчера варено, вчера и выпито.

За столомъ сидать, по грядкамъ глядять,

По грядкамъ глядять, острежка ¹ хотять.

Сказали, что у князя дружка бодра.

— Чортъ не бодра, косые глаза.

Какъ на дружкѣ кафтанъ съ черта содрали,

Какъ на дружкѣ штаны съ самого сатаны,

Какъ на дружкѣ рукавицы съ пропащей телицы,

Какъ на дружкѣ сапожки съ пропащей кошки.

Сватовщикъ недороденъ привель жениха недорода,

Садиля его съ огорода.

Подъ молодцемъ конь спотыкнулся,

И женихъ-отъ съ коня свернулся

Въ коровье . . . бородою.

Сватовщикъ сталъ горевати,

Сватьюшка тосковати,

Какъ жениха замывати.

Мочили рубашку въ горшочкѣ,

Стирали рубашку въ почевахъ ²,

Колотили рубашку на порожкѣ,

На порожкѣ-то ложкой.

Сватьюшка-то плутовка,

Сушила рубашку на мутовкѣ,

На печи въ углу жениха снаряжала.

Сказали, что у князя сватья бодра.

— Чортъ не бодра, какъ корова ледра ³.

Свель бы корову въ гумениице,

Нривязалъ бы корову къ огордищу,

Надаваль бы коровѣ ржаной соломы —

Вѣшь, корова, не крятайся ⁴, не отвертывайся.

IV.

Яренский уездъ, Вологодской губерніи.

1.

Какъ на наши сѣни новыя

Налетѣли сизы голуби,

А началась все голуби,

А ино все князья-бояре.

Бояре все незнамые,

Всё незнамые — незнакомые,

Не со здѣшняго и города,

Не отсѣльва изъ Яренска —

Изъ Великаго изъ Устюга.

Что ларецъ, ларецъ, ты мой,

Окованая коробочка,

Златоверхая шкатулочка!

У тебя есть, у ларчика,

Есть четыре у тебя стороны,

Есть четыре у тебя сторожа.

¹ Остатокъ пойтина, котораго уже больше нельзя щипать на лучину, такъ какъ въ немъ много сучковъ. ² Деревянное корытце, въ которомъ окатываютъ небольшіе житные хлѣбцы. ³ Бурая. ⁴ Не чваняться.

У меня, у молодешеньки,
Есть братецъ, ясень соколъ.
Есть сестрицы голубушки.
Они прочь вѣтъ отступаются,
Выдаютъ меня, молодешеньку,
На чужую дальную сторонушку
Ко чужому свекру-батюшку.
Ко чужой свекрови-матушкѣ,
Ко чужому роду-племени,
Ко чужому чужанину
Ивану свѣтѣ-Васильевичу.

2.

На бережку часовня стояла.
Никто вокругъ часовни не ходить,
Никто слѣдка не проложить.
Одна наша Анива ходила,
Одна Николаевна гуляла,
Одна Господу Богу молилася,—
За батюшку поклонъ положила,
За матушку другой положила,
За милую ладу — четыре.
За себя, молоденьку, вѣтъ десять.
Ували цвѣточки на землю,
Пошла наша Аниушка въ сенью,
Пошла Николаевна въ большую.
Чѣмъ сѣмью ударити,
Чѣмъ большую участити?
Тафты-камки не родится,
Штофы съ золотомъ не ведется,—
Одна наша Аниушка родилась,
Одна Николаевна родилась.
Ты пожалуй, пожалуйста, моя кумушка-голубушка,
Моя кумушка-голубушка. Анна Николаевна,
Ты во теплую парушку, во мыльную мыльницу,
Со своей русой косынькой помыться-испариться.
Истопили теплую парушку мы безъ дровецъ осиновыхъ,
Мы безъ дыму кудряваго, безъ чаду синяго,
Наносили въ теплую парушку трой воды разныя:
Первая вода-ключевая, вторая — съ синя моря,
А третья вода — съ колодца дубоваго.
Ужъ мы не дали на воду ни вѣтрику винута,
Ни дождику канута, ни лихимъ людямъ взглянути.
Ты пожалуй, пожалуйста, во теплую парушку.
Наносили мы въ теплую парушку трой мыла разныя:
Первое мыло — сибирское, второе — устюжское,
А третье мыло — яренское.

Y.

Устюжскій уѣздъ, Вологодской губерніи, деревни Слобода и Кашкіно.

1.

Какъ сидитъ моя красота поверхъ буйныхъ головы,
По конецъ русы косы за одинъ волосъ держится,
Ужъ какъ ростить красота гусиныхъ перышка,
Какъ сейчасъ хочетъ красота спорхнути да улетѣти.

Полетить моя красота кутыны оконечкомъ.
Посмотрите, подруженьки, на мою дѣвою красоту,.
Нопримѣтьте подруженьки, куда садеть красота,
На которое дерево во далекомъ чистомъ полѣ.
Буде садеть красота на ель на кудравую,—
Туть мнѣ будетъ молодѣ житье да богатое.
Буде садеть красота на березу на бѣлую,—
Туть мнѣ будетъ молодѣ житье посереднее.
Буде садеть красота на осину на горькую,—
Туть мнѣ будетъ молодѣ житье горе-горькое.
Буде садеть красота на ольху на красную.
Туть мнѣ будетъ молодѣ житье-красованьице.

2.

Прямъ Николина двора—тамъ ограда широка.
Туть Анна гуляла, себѣ дружка выбирала,
Туть Николаевна ему называла:
На Аксентьевской горѣ ¹ не оставайся,
На Аксентьевскихъ дѣвицъ не засматривайся.—
Аксентьевски дѣвицы пріамчивы да обманчивы,
Изъ-за пазушки прянічки повыдергали,
Изъ платочка цветочки повытрясли,
У Иванушки ума покидали,

3.

Наѣхали бояре на клюкахъ да на батогахъ. -
Сказали, что у бояръ кони добры, а ребра одни.
Сказали, что у бояръ сани добры, а копылье одно.
Сказали, что у бояръ хомуты добры, а одно дерево.
Сказали, что у бояръ сѣдала добры, а кобылки однѣ.
Весь княжой поѣздъ по дворамъ насыбранъ.
Сидѣть бояре, натутрукались ², молотить варядились ³.
У много-то батюшки наварено пиво пьяное.
Пиво пьяное въ молотильной во кадочкѣ.
Ивопѣшь-окрыснѣсь, а еще того попуще—оскалившись.

(Принимаютъ подарки)

Наѣхали бояре со княжынъ-то со поѣздомъ,
Со княжынъ со поѣздомъ, со дороднымъ молодцемъ.
Молодцы все удалые, ровно грузди кудрявые;
У мѣстной-то у сватыушки золотой коконничекъ,
Золотой коконничекъ на бѣной головушкѣ,
На ея могучихъ плечахъ дорогой-отъ атласничекъ,
На ея-то на шейкѣ жемчужной наборонничекъ ⁴.

4.

Я учудила-услышала звончата колокольчики
Середи поля чистаго, средь широкія улочки.
Задавило ретиво сердце, задрожали ножки рѣзыя,
Отвалились бѣлы рученьки, пріусмакло тѣло бѣлое.

¹ Аксентьевская гора—деревня, соседняя съ Кашкинскимъ.

Эта пѣсня не имѣть, собственно, прямого отношенія къ свадьбѣ; въ числѣ свадебныхъ мы ее помѣщаемъ потому, что она почти всегда поется почему-то на свадьбахъ.

² Печальны. ³ Одѣты въ самое худое платье, какое одѣваютъ обыкновенно, когда идутъ молотить. ⁴ Ожерелье.

Колотиля лестливый свать подъ сутымы¹ окошечкомъ.
Со первого колоченя — терема пошаталися,
Со другого колоченя — верхи повалилися,
Со третьяго колоченя — задавило ретиво сердце.
Схоже красное солнышко, мой родимый батюшка,
Не вставай-ка, батюшка, со высокя лавочки,
Не ходи ка, батюшка, во свой широкий дворъ,
Не пускай-ка, батюшка, ты чужого чужанина
Со кважымъ со побѣзомъ къ себѣ въ высокъ теремъ:
То ве гости пріѣхали по меня, молоденъку.
Приставь-ка, батюшка, ко дверямъ придверничковъ,
Приставь-ка, батюшка, къ воротамъ приворотниковъ,
Ко вутной ко завѣсѣ да ко мнѣ, молодешеньку;
Откажи-ка, батюшка, чужому чужанину,
На меня бы онъ не надѣялся, а искалъ бы подородяще.
Ростомъ поизродище, личикомъ полицистье;
У чужого чужанина — надо жить умѣщи,
У чужого чужанина — говорить разумъющи
Надо глаза соколиные, надо силу звѣриную.
Надо силу звѣрскую², а сѣть³ голубиную.

5.

Вы, сизыя голубушки, любыя подруженьки,
Затопите парну батюшку, пропустите кудрявый дымъ,
Чтобы вышелъ кудрявый дымъ дальше до Устюга,
Чтобы вышелъ до Устюга, а кверху до Вологды.
Вы, сизыя голубушки, любыя подруженьки,
Послушайтесь, милыя, меня, молодешеньку,
Нѣ вѣку не вѣ первый разъ, вѣ дѣвій вѣкъ вѣ посѣдай разъ:
Заплетите русу косу, вплетите алу ленточку,
Чтобы мнѣ съ милыку вѣнчатися, съ молодымъ обручатися.

6.

Здыну я брови черныя, возведу очи кручинныя
По сѣвѣя свѣтлицы, по широкія гориццы.
Глядь есть⁴, какъ во теремѣ прибылъ ясень соколь
Со чужой дальниой стороны Иванъ сѣть-Васильевичъ.
Я зову тебя брателкою да не ради здарвица⁵,
Не ради здарвца, не ради приношеньца.
Мнѣ-ка хочется молодъ тебѣ вѣ очи увидѣти,
Челомъ ударити, челобитище справити.
Не изволь-ка ломатися, изволь подыматися,
Подойди ко мнѣ, поступи вѣ куть за занавѣсу

(Женихъ приходитъ и даетъ невѣстѣ деньги; если та довольна, то поетъ:)

Спасибо тебѣ, спасибо на гривнѣ на золотой,
На другой на серебраной, на третьей позолоченой.

(Если же невѣстѣ показается мало, то поетъ:)

На могилѣ ты выплакаль, Христа ради выпросиль,
Христа-ради выпросиль да и намъ привесь.
Ужъ ты, сватушка, сватушка, возьми ты пестерище⁶,
Обойди волостище, принеси по кусочку.

¹ Сутныи уголь — большой уголъ. ² Звѣрина — здѣсь въ смыслѣ медвѣдѣы; ви. недѣвѣдъ вѣ Устюжскомъ уѣзѣ говорятъ обыкновенно «звѣрь». ³ Аппетитъ. ⁴ Видно. ⁵ Подарокъ.

⁶ Кузовъ, сплетенный изъ бересты.

7.

Я прошу у тебя, батюшка,
Благословенья великаго
Ко злату вѣнцу вѣхати.
Миѣ не нужно, мой батюшка,
Ни золата, ни серебра,
Ни приданаго великаго.
Только дай мнѣ, батюшка,
Благословеніе великое.
Твое благословеніе
Изъ синя моря вынесеть,
Изъ темна лѣса выведеть.

8.

Охти мнѣ угорѣлося,
Испить мнѣ захотѣлося.
Непрошу у тебя, батюшка,
Выноси мнѣ, родимый мой,
Либо пива пьяного,
Либо вина зеленаго.
Попою я, мой батюшка,
Своихъ миныхъ подруженекъ.
Ужъ я смыла, молода,
Честву дѣвью красоту,
Сполучила, молода,
Полувирье ¹ женское,
Грозу молодецкую

(Эта песня поется послѣ бани).

9.

Посидите, подруженьки,
Посидите, голубушки,
У меня, молодешеньки.
Вы подите, подруженьки,
Въ лѣсъ по губки ², по ягодки,
По зеленые вѣнички.
Вы ходите, подруженьки,
По моей-то тропиночкѣ,
Вы вступайте, подруженьки,
Во моя во слѣдочки-то,
Не давайте, подруженьки,
Зарастать муравой травой,
Заполаскивать дождичку.
Не ломайте, подруженьки,
Моей-то березушки.
Моя-то березушка
И безъ вѣтра шатается,
Безъ дождя уливается,
По землѣ разстилается.

Михаилъ Протопоповъ.

¹ Подневолье. ² По грибы.

ЖИВАЯ СТАРИНА

періодическое изданіе Отдѣленія Этнографіи И. Р. Географическаго Общества (заключаетъ въ себѣ отдѣлы: I. изслѣдованія, наблюденія, разсужденія; II. памятники языка, народной словесности, живой старины; III. критика и библіографія; IV. вопросы и отвѣты; V. смѣсь), подъ редакцією Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи В. И. Ламанского, будетъ выходить въ 1904 г., по примѣру прежнихъ 14 лѣтъ, четырьмя выпусками въ годъ.

Подписька принимается въ квартирѣ И. Р. Географическаго Общества (у Чернышева моста, гдѣ 6-я гимназія). Годовая цѣна—въ Петербургѣ—**5** р., въ Имперіи—**5** р. **50** к., за границею—**6** р. Книгопродацамъ дѣластся скидка въ **40** к. съ экземпляра.

Цѣна отдѣльной книжки «Живой Старины» **1** р. **50** к. двойной (въ два выпуска)—**3** рубля. Оглавленіе всѣхъ выпусковъ «Живой Старины» за истекшія двѣнадцать лѣтъ—**5** к.

Въ Географическомъ Обществѣ книжки «Живой Старины», съ 1890—1897 гг. можно получать въ С.-Петербургѣ за **3** р. въ Имперіи за **3¹/₂** р. и за границу за **4** р., за 1898 по 1901 включительно—по **4** р., **4¹/₂** р. и по **5** р.